

ЯКОБ ШТЕЛИН

ПОДАРИЛИНЫ ЯНВКАДТЫ

О ПЕТРА ВВАИКОМ

в трех частях

Annotation

Прекрасно написанное историческое повествование о жизни и личности первого российского императора Петра Великого, служившее пособием по истории в течение более века (вплоть до Октябрьского переворота 1917 г.).

- [Якоб фон Штелин](#)
 -
 - [Коротко об авторе](#)
 - [Предисловие автора](#)
 - [Свидетельство русского императорского первого министра о сих анекдотах](#)
 - [Часть первая](#)
 - [1. Особенности обстоятельства второго бракосочетания Царя Алексея Михайловича с Натальей Кирилловной Нарышкиной](#)
 - [2. Петр Великий при смертной своей болезни не хочет простить смертоубийц](#)
 - [3. Петра Великого своеручнаяковка нескольких полос железа](#)
 - [4. Петр Великий оказывает отменное почтение к искусным лекарям и подает повод к посрамлению высокомерных шарлатанов](#)
 - [5. Петра Великого отвага в очевидной опасности при наговоре Сикеля и Соковнина и их шайки стрельцов](#)
 - [6. Петр Великий награждает верность и в самом бунтовщике](#)
 - [7. Петра Великого острое изречение английскому королю Виллиаму](#)
 - [8. Замысловатый отказ Петра Великого на прошение жидов, чтобы он позволил им жить в России](#)
 - [9. Мысли Петра Великого о Венском Дворе](#)
 - [10. Мысли Петра Великого об иезуитах](#)
 - [11. Гнев Петра Великого за напрасно пролитую кровь](#)

- [12. Петр Великий слушает проповедь в главной Данцигской церкви](#)
- [13. Замысловатый ответ Петра Великого, касающийся экономики](#)
- [14. Равнодушие Петра Великого при бесстыдстве голландского трактирщика](#)
- [15. Упражнения Петра Великого в Париже](#)
- [16. Старание Петра Великого узнавать все полезное.](#)
- [17. Удивительная любовь Петра Великого к своему государству и отечеству.](#)
- [18. Любовь Петра Великого к хорошим картинам](#)
- [19. Любовь Петра Великого к иностранцам приехавшим в Россию](#)
- [20. Петр Великий заводит увеселительные места не для себя только, но и для народа](#)
- [21. Дружелюбное обращение Петра Великого с морскими офицерами и кораблестроителями](#)
- [22. Наставление Петра Великого о различии жалованья иностранцам](#)
- [23. Снисхождение Петра Великого к проступкам тех людей, к которым он привык и которые были ему нужны.](#)
- [24. Подарки Петра Великого тем, которые просили его в восприемники своих детей.](#)
- [25. Отвращение Петра Великого от тараканов](#)
- [26. Удивительная память Петра Великого](#)
- [27. Заведение Кунсткамеры](#)
- [28. Благосклонность Петра Великого к новым проектам](#)
- [29. Запрещение Петра Великого, чтобы на улице не падали перед ним на колени](#)
- [30. Петр Великий в военной и морской службе](#)
- [31. Петр Великий угощает Голландских корабельщиков блинами](#)
- [32. Спазматические припадки Петра Великого](#)
- [33. Попечение Петра Великого о наблюдении полицейского порядка](#)
- [34. Охота Петра Великого](#)

- [35. Ревность Петра Великого в открытии обмана и в уничтожении суеверия](#)
- [36. Любовь Петра Великого к картинам и введение гравировального искусства](#)
- [37. Ненависть Петра Великого к неблагодарности](#)
- [38. Справедливость Петра Великого](#)
- [39. Наказание Петром Великим ложного пророка](#)
- [40. Петр Великий определяет одному судье более, чем двойное жалованье, но за то требует от него строжайшего наблюдения должности](#)
- [41. Петр Великий, проезжая Саксонию, был в Виттенберге и в том самом доме, в котором доктор Лютер жил и умер](#)
- [42. Попечение Петра Великого о Российских древностях](#)
- [43. Петр Великий не терпит лакеев при своем столе](#)
- [44. Милостивые поступки Петра Великого с низшими](#)
- [45. Заведение позументной и чулочной фабрики](#)
- [46. Первый хороший портрет Петра Великого](#)
- [47. Петр Великий находился в опасности быть умерщвленным от одного раскольника.](#)
- [48. Строгое предприятие Петра Великого истребить воровство](#)
- [49. Петр Великий открывает обман в Польше](#)
- [50. Петр Великий пользуется советами одной польской госпожи](#)
- [51. О вышеупомянутой польской госпоже, и особой к ней доверенности Петра Великого.](#)
- [52. Попечение Петра Великого о Российских летописях](#)
- [53. Отменная забота Петра Великого о дубовом лесе](#)
- [54. О терпимости различных вер в России](#)
- [55. Ревность Петра Великого к религии](#)
- [56. Признательность Петра Великого за верную службу.](#)
- [57. Любопытство Петра Великого знать содержание и иметь перевод неизвестных, в Сибири найденных рукописей](#)
- [58. Неутомимое любопытство Петра Великого в основательном всего исследовании](#)

- [59. Благоразумная осмотрительность и осторожность Петра Великого при доносах](#)
- [60. Основание Санкт-Петербурга](#)
- [61. Неудовольствие Петра Великого против ошибки в расположении линий и каналов на Васильевском острове](#)
- [62. Благодарность Петра Великого к тем которые строились в Петербурге или около оногo](#)
- [63. Петр Великий в Берлине без всякой пышности](#)
- [64. Старание Петра Великого о переводе нужнейших книг с иностранных языков на русский](#)
- [65. Справедливость Петра Великого в наказаниях](#)
- [66. Старание Петра Великого иметь хороших живописцев из своих подданных.](#)
- [67. Способ Петра Великого пользоваться встречающимися ему мыслями](#)
- [68. Петр Великий не терпит пышности в штате](#)
- [69. Хирургические операции Петра Великого](#)
- [70. Петр Великий забавляется простотою голландских корабельщиков](#)
- [71. Мнение Петра Великого об утайке пошлинных товаров](#)
- [72. Изустное повеление Петра Великого не употреблять в его государстве никаких иностранных законов](#)
- [73. Ревность Петра Великого к правде](#)
- [74. Мнение Петра Великого о Карле XII при разных случаях](#)
- [75. Петр Великий плачет о смерти Карла XII](#)
- [76. Нравоучительное украшение в саду.](#)
- [77. Мнение Петра Великого о карточной игре](#)
- [78. Присутствие Петра Великого при заложении госпиталей](#)
- [79. Петр Великий исправляет обувь чухонских мужиков.](#)
- [80. Ревность Петра Великого к существенности религии](#)
- [81. Петр Великий посещает немецкую церковь](#)
- [82. Попечение Петра Великого о наблюдении благоговения в церквах](#)

- 83. Бережливость Петра Великого на деньги и щедрость в награждении деревнями
- 84. Вознаграждение служителям, самому государю немного стоившее
- 85. Вспыльчивость Петра Великого
- 86. Великодушие Петра Великого и справедливое прощение сенатору князю Долгорукову в преступлении, сделанном им из патриотической ревности.
- 87. Признательность Петра Первого за пользу, приносимую чтением
- 88. Пребывание Петра Первого в Париже
- 89. Политическая твердость духа Петра Первого
- 90. Человеколюбивое беспристрастие Петра Первого
- 91. Готовность Петра Первого оправдывать невинность
- Часть вторая
 - 92. Отвага Петра Великого на море
 - 93. Петр Великий немедленно наказывает за небрежение
 - 94. Строгое соблюдение Петром Великим уголовных законов
 - 95. Петр Великий отказывает в просьбе о становлении патриарха
 - 96. Почтение к царю Ивану Васильевичу
 - 97. Наставление посланникам, отправленным к иностранным дворам
 - 98. Любопытство Петра Великого знать, что говорят о нем в чужих землях
 - 99. Петр Великий поощряет дочерей своих к ученью
 - 100. Распределение должностей молодым россиянам, возвращавшимся из чужих краев
 - 101. Старание Петра Великого о переводе иностранных книг на русский язык
 - 102. Глубокая печаль Петра Великого о кончине сына своего царевича Петра Петровича
 - 103. Петр Великий по просьбе своей собаки прощает несчастного, ввавшего в немилость
 - 104. Любимцы Петра Великого

- [105. Особенный анекдот, служащий примечанием к предыдущему анекдоту.](#)
- [106. Частые фейерверки при Петре Великом](#)
- [107. Почтение Петра Великого к Священному Писанию и повеление напечатать Библию на голландском и славянском языках](#)
- [108. Отменный вкус Петра Великого в музыке](#)
- [109. Бережливость Петра Великого в платье](#)
- [110. Скорое спасение невинности](#)
- [111. Попугай императрицы Екатерины I](#)
- [112. Петр Великий учреждает в Санкт-Петербурге Академию Наук](#)
- [113. Обыкновенный образ жизни Петра Великого](#)
- [114. Кончина Петра Великого](#)
- [115. Мнение славного Боерграва о болезни и смерти Петра Великого](#)
- [116. Вещи оставшиеся после Петра Великого](#)
- [117. Письмо Петра Великого отправленное с поля сражения под Полтавой 27 июня 1709 года ввечеру в 9 часу с курьером в Петербург к адмиралу Федору Матвеевичу Апраксину.](#)
- [118. Предсказание о рождении и славе Петра Великого](#)
- [О зачатии и рождении императора и великого самодержца всея России Петра I](#)
- [119. Анекдот о сих анекдотах](#)
- [120. Петра Великого изречение, когда он однажды получил жалованье](#)
- [121. Петра Великого милость к пленному шведскому контр-адмиралу Эришильду.](#)
- [122. Петр Великий не любит пышности](#)
- [123. Петра Великого благодарность к тем, кои исполняют верно возложенные на них должности](#)
- [124. Петра Великого присутствие духа](#)
- [125. Петра Великого великодушие](#)
- [126. Петр Великий печется о здравии подданных своих более, нежели о своем собственном](#)
- [127. Петра Великого изречение о самом себе](#)

- [128. Петра Великого снисхождение](#)
- [129. Петра Великого рассуждение о пользе Академии](#)
- [130. Петра Великого мнение о Карле XII](#)
- [131. Петра Великого плачевное описание болезни и страдание](#)
- [132. Петра Великого проницательность](#)
- [133. Петра Великого политика](#)
- [134. Петра Великого справедливость](#)
- [135. Петра Великого чистосердечие](#)
- [136. Петр Великий не любил лжи](#)
- [137. Петра Великого чувствительность](#)
- [138. Петра Великого достопамятные слова](#)
- [139. Петра Великого любовь к правосудию](#)
- [140. Петра Великого милость и человеколюбие](#)
- [141. Петра Великого отменный поступок со шведскими военнопленными](#)
- [142. Петра Великого благодарность и награда за службу](#)
- [Часть третья](#)
 - [Предисловие](#)
 - [1. Отвращение от воды в детстве бесстрашного нашего героя](#)
 - [2. Неустрашимость государя в плавании на морях](#)
 - [3. Присутствие духа в самом жесточайшем распалении гнева никогда не оставляло Петра Великого](#)
 - [4. Государь прощает одного злодея, на жизнь, его умышлявшего, но суд Божий казнит его](#)
 - [5. Отказ отцов от посылки детей своих в чужие земли для учения](#)
 - [6. Монарх нечаянно входит в неизвестный ему дом, находит заговорщиков на жизнь свою, и забирает их под стражу.](#)
 - [7. Один злодей в сонного государя дважды стреляет из пистолета, но в оба раза оный осекается](#)
 - [8. Натуральная острога ума государева](#)
 - [9. Проницательность государя](#)
 - [10. Доказательство прозорливости и чрезвычайной памяти его](#)

- 11. Монарх заблаговременно оповещает народ о будущем солнечном затмении, что оно есть явление натуральное, а не чудесное
- 12. Благоговейное почитание таинств святой евхаристии
- 13. О розыске одного знатного боярина, и о приходе в застенки Патриарха с иконою
- 14. О табаке
- 15. Происшествие об украденном кувке, во время пребывания его величества у иностранного купца
- 16. Грубость Воронежских граждан, тронувшая чувствительно государя
- 17. Князь Меншиков выбривает бороды сим членам и одевает их в немецкое платье, к великому удовольствию государя.
- 18. Поступок Петра I с Воронежским архиереем Митрофаном
- 19. Монарх сам собою испытует: доволен ли к пропитанию солдата определенный ему паёк!
- 20. Монарх выпрашивает у одного купца сына, обещает сделать его счастливым, но сын сей под Нарвою пропадает без вести, и отец подает на государя ему же о том челобитную
- 21. Монарх берет у одного старого дворянина на службу сына, а другого сына оставляет ему, но когда и сей был общим указом взят на службу, возвращает его отцу.
- 22. В критическом состоянии монарх принимает совет одного пьяного пушечного мастера
- 23. При столь же критическом положении монарх повелевает начальнику Оружейной палаты переделать в деньги всю серебряную посуду и вещи, хранившиеся в той Палате
- 24. О приезде в Петербург первого голландского корабля, и как государь принял шкипера оногo
- 25. О подобном монархом приеме первого английского торгового же корабля, прибывшего в С.-Петербург
- 26. Поднос с рюмками, опрокинутый на государя

- 27. Любопытное происшествие при свидании монарха с королями польским и датским
- 28. Солдат, стоявший на часах, не впускает монарха в крепость
- 29. Солдат на часах едва не заколол князя Меншикова
- 30. Солдат из новобранных на часах
- 31. Щедрость монарха в награждении заслуг
- 32. Монарх разъезжает ночью по Москве, видит большой свет в доме одного секретаря, заезжает в оный; увещание его хозяину дома сего
- 33. Монарх разъезжает по Москве в розвальнях и наказывает озорничество
- 34. Выборной, при питейном сборе, похитил из казенных денег некую сумму, раскаялся, поднес их самому государю, и получил прощение
- 35. Монаршее попечение о приведении фабрик в лучшее состояние, и великодушный его поступок с одним из фабрикантов
- 36. Попечительность о том же предмете
- 37. Продолжение о фабриках
- 38. Монарший гнев на браковщика голландца за пристрастной его брак пеньки, и высылка его за границу
- 39. Отеческое попечение монарха. о переведенных? нл житье въ Санкт-Петеубург всякого звания людях.
- 40. Монарх пирует с плотницкими
- 41. Хозяйственный его за всем присмотр
- 42. Монарх, едучи на обед к князю Меншикову, заезжает к матросу, и по просьбе его у него кушает
- 43. Князь Яков Федоров избавляется из шведского плена решимостью, его достойною, и приводит в Ревель шведский фрегат
- 44. Героической поступок одного россиянина, содержавшегося в Стокгольмской темнице в оковах и признательность к оному великого государя
- 45. Признательность монаршая и снисхождение его на дерзновенной поступок Г. Головина

- 46. Монарх обвиняется судом в отнятии у рижского гражданина гак земли, который ему и возвращается
- 47. Сравнение дел Царя Алексея Михайловича с делами великого его сына, и заключение о сем монаршее
- 48. Князь Яков Феодорович Долгоруков оспаривает подписанное Государем определение; и государь за оное благодарит его
- 49. Тот же князь Долгоруков вторично оспаривает государев указ, и подобно же получает от его величества благодарение за оное.
- 50. Третично оспаривает князь Долгоруков указ его величества
- 51. Князь Меншиков жалуется государю на князя Долгорукова и следствие об этом
- 52. Доверенность государева к князю Долгорукову.
- 53. Князь Яков Феодорович повелевает одному обвиненному сенатом подать государю на Сенат и на себя самого челобитную
- 54. Сего же князя совет касательно рекрутского набора монарх принимает с благодарностью
- 55. Хитрость корыстолюбивых купцов голландских
- 56. Подобная же хитрость голландцев, также отвергнутая
- 57. Особенное расположение Петра Великого против легких плотских грехов
- 58. Происшествие, касающееся князя Долгорукова, по которому подпал было он под гнев монарший
- Реестр свидетелей, от которых издатель слышал сии анекдоты, и которых имена в конце каждого анекдота означены

- notes

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6

- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)

- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)

- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)

- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)

- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)

- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Якоб фон Штелин
Подлинные анекдоты из жизни Петра
Великого слышанные от знатных особ в
Москве и Санкт-Петербурге

Воспроизведение *подлинного московского издания книги: «Подлинные анекдоты о Петре Великом.»*, Москва, 1830 г. в современной русской орфографии, с сохранением особенностей написания имен собственных. Пунктуация приближена к современной.

© Л. И. Моргун, адаптация текста, редактирование, примечания, 2016.

* * *

Коротко об авторе

Якоб Штелин (Stahlin) один из выдающихся деятелей Санкт-Петербургской Академии Наук в первом периоде ее существования, много способствовавший усовершенствованию гравирования в России, родился в 1712 г. в Мейнгене. В 1735 г. он был выписан по контракту в Академию «для словесных наук и аллегорических изобретений для фейерверков, иллюминаций и медалей», в 1738 г. был сделан профессором «элоквенции и поэзии» и членом Академии, в 1741 г. принял в свое заведование основанный при Академии художественный департамент, в 1743 г. составил на немецком языке описание коронации императрицы Елизаветы Петровны, с приложением гравюр, исполненных под его надзором мастерами департамента. Когда в 1747 г. департамент был преобразован в Академию изящных искусств, состоящую при Академии Наук, управление этим учреждением было поручено Штелину, который приложил большие старания к развитию в нем рисования и гравирования, выписывал из-за границы учителей, подбирал для них способных учеников и особенно заботился об усвоении рисунка. Благодаря этим стараниям, гравирование в Академии сильно продвинулось вперед: были выгравированы план Петербурга на 9 листах, виды Петербурга, Царского Села и Ораниенбаума, портреты императрицы и великого князя Петра Федоровича и изображения всех иллюминаций и фейерверков, бывших при разных торжественных случаях. В 1767 г. Штелин издал свои «Известия о художествах России», в двух частях, сочинение, из которого, несмотря на имевшиеся в нем ошибки и неточности, иностранцы еще долго черпали данные о русском искусстве. Штелин умер в Санкт-Петербурге в 1785 г. После него осталось огромное количество рукописей и бумаг всякого рода, а также собрание русских гравюр XVIII столетия, по большей части в пробных и единственных оттисках. Это собрание почти целиком поступило от наследников Штелина в древнехранилище М. Погодина, а из него в Императорскую Публичную Библиотеку. Ему же принадлежат «Анекдоты о Петре Великом», напечатанные на немецком языке в Лейпциге в 1785 г. и переведенные на русский (2 издание 1801) и французский языки.

Якоб Штелин был свидетелем зарождения и развития русского просвещения. Произведения А. Д. Кантемира, В. К. Тредьяковского, А. П. Сумарокова и М. В. Ломоносова волновали умы современников, и у всех на устах было имя строителя новой России Петра Великого. Его реформы изменили в корне страну, поставив ее на эволюционный путь развития. В русской науке, международной торговле, ведении войны и заботах о мире, поощрении искусств и ремесел, изменении сословного и семейного уклада, на каждом шагу по пути к прогрессу чувствовалась могучая поступь Петра Великого.

Якоб Штелин проникся глубоким почтением к памяти первого российского императора и, исполняя должность наставника цесаревича Петра III, во время занятий с будущим главой государства всегда старался это подчеркнуть. После восхождения на престол Екатерины Великой, он, вопреки страшным ожиданиям, не был репрессирован, а назначен членом городского Совета, секретарем Петербургской Академии наук. Якоб Штелин оставался на российских государственных постах до самой своей смерти в 1785 году. Похоронен он в Санкт-Петербурге. В год его кончины сын ученого опубликовал «Подлинные анекдоты о Петре Великом, собранные Яковом Штелиным». Подобные анекдоты стали чрезвычайно популярны в Европе, книга Якоба Штелина выдержала множество изданий, была красочно проиллюстрирована лубочными картинками. Философы и историки от Вольтера до Карамзина прониклись интересом к подобного рода литературе, в России только с 1801 по 1830 год книга выдержала три издания. Таким образом мы видим, что образ «фольклорного» Петра и самый стиль исторического анекдота, записанный из уст его современников, привнес на русскую почву выходец из Германии Якоб Штелин

Предисловие автора

В сем кратком предуведомлении объявляю я о происхождении собрания следующих анекдотов и главном моем предмете при издании оных в свет, также и о том легком и едином средстве, способствующем ко умножению сего собрания еще многими подлинными и достопамятными анекдотами Петра Великого.

Что до первого пункта касается, каким образом произошло сие собрание, надлежит мне объявить, что я 1735 году из Дрездена был выписан в Санктпетербургскую Академию наук. Я имел с собою одобрительное письмо польского и курсаксонского первого министра графа Бриля к тогдашнему в Санктпетербурге пребывающему саксонскому чрезвычайному послу, графу фон Линару. Сей достойный министр с такою радостью принял письмо великого своего благодетеля, а меня столь дружелюбно, что удостоил меня своим столом и ежедневным обращением, познакомил меня также со многими как иностранными, так и знатными российскими вельможами. Между оными находилось еще много таковых, которые до сего не только в военной, гражданской и морской службе были при умершем тогда за десять лет Петре Великом, но имели короткое обращение с высокою его особою. Потом, когда я был употребляем к деланию иносказательных изображений для тогдашних, часто при дворе бываемых огненных потех и великих освещений, то возымел я короткое знакомство с тогдашним генерал фельдцейхмейстером, принцем Гессен-Гомбургским, и с почтенным его тестем фельдмаршалом князем Иваном Юрьевичем Трубецким, у которого часто при столе как им самим, так и прочими генералами были говорены анекдоты о Петре Великом. Как я некогда изъявил сему почтенному князю мое удивление и особенное удовольствие о сих известиях и сожалел, что свет их вместе с достойными мужами лишиться должен, не взирая, что они к славе Петра Великого написаны быть должныствовали, то сказал мне на сие верный сей служитель и почитатель сего монарха, если я желаю записывать такие сказания, то может он мне еще много рассказать о сем великом герое, что малым

известно; только надлежит мне временно о том ему напоминать, а паче после обеда, когда он обыкновенно курит табак.

От сего князя слышал я иногда некоторые анекдоты о Петре Великом, которые весьма меня пленили и из числа коих я ни одного и ни в какой истории, писанной на других языках, о сем российском монархе не нашел.

Чтоб не загладить в слабой моей памяти сих, столь достопамятных и истинных анекдотов, внемлемых из уст столь знатных свидетелей, вознамерился я оные мало-помалу, имея в свежей еще памяти, вносить вкратце на бумагу. Я обыкновенно это исполнял в ночное время по возвращении домой или на следующее утро.

Сколько случаев имел я впоследствии слышать достопамятных анекдотов о сем монархе, имея двадцатилетнее обращение с бывшим государственным канцлером, графом Бестужевым, и со многими другими знатными домами в Петербурге и Москве, из уст прежних воинских и гражданских служителей Петра Великого, а паче, когда я был первые три года его императорского высочества, великого князя Петра Феодоровича, профессором, а по его сочетании, по именному указу, сделан библиотекарем.

Сколь мало ни оставалось мне времени при моей должности и столь многих придворных помехах, также и иных возлагаемых дел, на запись услышанных анекдотов, однако они со временем весьма сделались многочисленны; из числа коих я наконец находящиеся в сей книге переписал на бело.

Между тем большая часть, да почти и все из показанных под каждым анекдотом свидетелей мало по малу окончили дни свои и, без сомнения, бы взяли с собою во гроб сии известия о Петре Великом, если бы любопытство мое их не замечало, не исхитило из забвения и не сохранило потомству.

Я приступаю ко второму пункту, то есть: к показанию цели сего издания.

Я должен упомянуть, что в означенных тщательно под собранными мною анекдотами свидетелей, из уст коих я оные слышал, не все еще находятся и, может быть, здесь едва сотая часть тех означено, кои с Петром Великим имели короткое обращение. Я только тех здесь привожу, которых я знал в Петербурге и Москве и от коих сие слышал. Из числа таковых осталось еще едва несколько в жизни; но

многое число их детей, внуков и приятелей еще в иных местах государства находится, которые от своих, таковыми же бывших очевидцами, отцов, дедов, родственников и приятелей слышали некоторые достопамятные анекдоты о сем великом императоре.

В рассуждении сего обстоятельства, ласкался я надеждою еще многие достопамятные анекдоты о Петре Великом спасти от забвения, или я, по частым увещаниям знатных и истинных сынов России и почитателей бессмертных достоинств сего великого монарха, обнаружю наконец тиснением сие мое малое собрание и доставлю в руки тем, которые имеют еще в памяти слышанные от отцов своих, родственников и приятелей некоторые анекдоты.

К начертанию оных и спасению от совершенного забвения хочу я их сим моим изданием побудить.

Чрез сие, как я надеюсь и сколько могу положиться на благородный вкус изощренного в наши времена российского дворянства, может быть, выйдет не меньшее число достопамятных анекдотов Петра Великого, к собранию и изданию коих скоро многие из российских любителей и почитателей наук найдутся. То чаятельно, сыщется и обильное продолжение таковых анекдотов, или вторая, а может быть, третья книга оных, к славе сего знаменита го государя, к чести народа и к удовлетворению всеобщего желания обстоятельнейших известий о Петре Великом.

И так паче всего к сему издаю я собранные мои анекдоты. Ежели ж мне удастся достичь желаемого предмета, то за сей труд припишется честь и благодарность потомкам, моим последователям. Я уже тем буду доволен, что их к тому побудил и дал повод к собранию столь драгоценных анекдотов и спасению их от скоропостижного их забвения.

Яков фон Штелин

Свидетельство российского императорского первого министра о сих анекдотах

Его сиятельство, достойный министр её императорского величества, великой монархини Екатерины II, граф Никита Иванович Панин, услышав о сем собрании анекдотов, пожелал их видеть. За 5 или за 6 недель до своей кончины, Его Сиятельство просил меня, чтобы я сообщил ему сии анекдоты на несколько дней для прочтения.

Зная, что его сиятельство любил читать немецкие книги более, нежели французские, и по вечерам обыкновенно часа два, иногда же и более, занимался чтением, и для того имел отборную библиотеку, состоявшую из лучших немецких писателей, и которая всякий год умножаема была новейшими немецкими сочинениями, – я вручил ему немецкий оригинальной экземпляр. Потом видал я оный у него на столике, с закладками в тех местах, до которых было прочитано. Несколько раз, когда я ввечеру приезжал к его сиятельству, сказывал он мне, что сии Анекдоты приносят ему великое удовольствие, так что он не может довольно их начитаться и некоторые из них читал уже по два и по три раза. Через четыре уже недели, дней за 8 или за 10 до нечаянной своей кончины, его сиятельство возвратил мне мою книгу с учтивою благодарностью и сказал при этом: «Могу вас уверить, что я не читывал еще никакой книги с большим удовольствием, как эту, особенно потому, что я нашел в ней несколько анекдотов, которые еще в молодых моих летах, слышал я от покойного моего родителя. Почти сими же словами отзывался его сиятельство о сих анекдотах при г. канцелярии советнике Лизакевиче и некоторых других посещавших его особах, как то мне Г. Лизакевич рассказывал.

За несколько еще лет пред тем, прославившийся изданием российской истории г. камергер тайной советник и сенатор, князь Михайло Михайлович Щербатов, брал у меня для прочтения французский перевод сих анекдотов, и возвратив мне их через две недели, советовал и требовал, чтобы я их напечатал. Его сиятельство в письме своем ко мне, писанном из Москвы от 1 июня 1780 года,

упоминает о том следующими словами: «Autant que je me souviens de cet ouvrage, il y a plusieurs Anecdotes très piquantes, qui démontrent le vrai caractère de ce grand homme, tout porté pour le bien' de ses sujets, que tous ces Anecdotes sont constatés par les témoignages des témoins oculaires, de qui vous les tenez: et cela me semble suffisant pour ne pas négliger l'impression de ce livre, dont le curieux d'histoire vous seront obligés, et dont les Souverains mêmes pourront puiser des precepter pour leur conduite». [\[1\]](#)

Часть первая

1. Особенности обстоятельства второго бракосочетания Царя Алексея Михайловича с Натальей Кирилловной Нарышкиной

При царе Алексее Михайловиче был Канцлером иностранных дел боярин Артамон Сергеевич Матвеев, дед первой статс-дамы (а с 1775 году Обер-Гофмейстерины её Императорского Величества Екатерины II) Марьи Андреевны Румянцевой, матери фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцева-Задунайского. Его Величество удостоивал сего Министра отменной доверенности. По кончине первой своей супруги, бывшей Княжны Милославской, против древнего обыкновения прежних царей которые частных людей я не посещали, приходил он часто к Матвееву, иногда и ужинал у него. Однажды придя туда нечаянно вечером и найдя стол накрытым, сказал он Матвееву:

– Стол так хорошо и порядочно приготовлен, что всякому захочется сесть за него, и отужинать. Добро, я останусь у тебя ужинать, только с тем уговором чтобы никто для меня не тревожился, и чтобы за столом были все, кто в другое время обыкновенно с тобою садится.

– Как Вашему Величеству угодно и как прикажете, я всё приму за честь и милость моему дому, – отвечал Матвеев.

Между тем всё было готово, кушанье поставлено, и царь сел за стол. Тогда вошла хозяйка дома со своим сыном и одной девицей. Они поклонились низко царю и по его приказанию должны были сесть вместе с ним за стол. В продолжение ужина. Царь часто смотрел на сидящих за столом, особенно на девицу, которая сидела прямо напротив него. Ему казалось, что он прежде не видал ее в доме Матвеева между другими детьми, и для того его величество сказал Матвееву: Я всегда думали, что у тебя один только сын, а теперь еще в первый раз вижу, что у тебя и дочь есть; как это случилось, что я прежде ее не заметил?

– Ваше Величество думали справедливо, – отвечал Матвеев: у меня один только сын; а девица, которую вы теперь видите, дочь друга моего и родственника Кирилы Нарышкина, Дворянина

живущего в своих, деревнях. Жена моя взяла её к себе в дом, чтобы воспитать в городе, и если Богу будет угодно, при случае и замуж выдать.

Царь ничего более на это не сказал, как только:

– Ты сделал дело доброе и Богу угодное.

Но после ужина, когда фамилия Матвеева встала из-за стола и вышла из столовой комнаты, а царь остался еще там с одним хозяином, его величество начал говорить о Наталье Кирилловне и сказал:

– Девушка очень хороша; кажется, имеет доброе сердце, и в таких уже летах, что пора ей замуж выйти: надобно тебе постараться сыскать ей хорошего жениха.

– Ваше величество справедливо о ней судить изволите, – отвечал Матвеев: – она умна, очень скромна и имеет самое доброе сердце. Жена моя и все мои домашние любят её, как родную нашу дочь. Но что касается до жениха, то не скоро такой сыщется. Она имеет все добрые качества, но богатства у нее мало или совсем нет; а я хотя и принял на себя право выдать её замуж, однако по малому моему имуществу большого приданного дать ей не смогу.

Царь сказал на это:

– Ей надобно такого жениха, который бы сам настолько был богат, чтобы не имел нужды спрашивать о её богатстве; но почитал бы за богатство добрые её качества и сделал бы её счастливою.

– Того-то бы я и желал, – отвечал Матвеев, но где найти таких женихов, которые смотрители бы больше на достоинства невест, нежели на богатое приданое?

– Бывают иногда и такие, – сказал царь, – подумай только ты об этом. Я и сам постараюсь сыскать такого человека. Девушка заслуживает, чтобы сделать ей счастье.

Матвеев благодарил его величество за столь милостивое намерение и тем разговор окончился. Царь пожелал ему доброй ночи и ушел. Через несколько дней после того Его величество пришел в другой раз к Матвееву, разговаривал с ним часа два, о государственных делах и намерен уже будучи идти от него, опять сел и сказал Матвееву:

– Скажи, не забыл ли ты после тогдашнего нашего разговора постараться о достойном женихе для Натальи Кирилловны?

– Нет, всемилостивейший государь, – отвечал Матвеев; это никогда у меня из ума не выходит, только бы случай нашелся так

скоро, как я желаю. Я не сыскал еще достойного для нее жениха; да и сомневаюсь, чтобы это скоро могло случиться. Многие из наших молодых дворян бывают у меня и часто видят пригожую мою питомицу, однако же никто не показывает и вида на ней жениться.

– Изрядно, – сказал царь, – может быть в этом и нужды не будет. Я сам обещал тебе постараться поискать для неё хорошего жениха. Мне удалось найти такого, которым она надеюсь будет довольна, и будет с ним счастлива. Я его знаю; он человек весьма честный, имеешь достоинства и так богат, что о её имении и приданом спрашивать не станет. Он её любит, хочет взять за себя и сделать счастливою. И она его знает, хотя он и не давал еще приметить, что хочет на ней жениться. Я надеюсь, что она не откажется за него выйти, когда он посватается.

– Я уже доносил недавно Вашему Величеству, что я весьма бы рад тому был; я избавился бы от заботы, которая всегда у меня на сердце лежит. Но смею ли спросить ваше величество об имени этого человека? Может быть, и я его знаю и могу сказать Вашему Величеству что-нибудь о его обстоятельствах?

Царь отвечал на это:

– Я уже сказал тебе, что я его знаю, что он человек честный, и добрый, и в состоянии сделать жену свою счастливою; ты можешь мне в этом смело поверить; а больше сказать тебе о нем не могу, пока мы не узнаем от Натальи Кирилловны будет ли она согласна за него выйти.

– В этом нет сомнения, – сказал Матвеев, – когда она услышит, что Ваше Величество предложили ей этого жениха. Однако же она захочет узнать, кто он таков, прежде нежели согласится за него выйти, что мне кажется и весьма справедливо.

– Ну так знай же, – сказал Царь; – что я сам тот человек, которой намерен на ней женишься.

Матвеев, изумленный столь не ожидаемым объяснением от Царя; упал к ногам его и говорил:

– Прошу ваше величество Бога ради, оставить это намерение; или по крайней мере не через меня сделать ей предложение. Вы сами знаете, всемилостивейший государь, что я между вельможами двора вашего и между знатнейшими фамилиями многих имею неприятелей, которые и без того уже завидуют отменной милости и доверенности,

каких ваше величество меня удостаиваете. Что ж бы тогда было, когда бы они увидели, что ваше величество обойдя все другие знатнейшие фамилии, женились на бедной девушке из моего дома. Без сомнения зависть их и ненависть ко мне распространилась бы тогда по всему государству, и всякий бы стал думать, что я милость вашего величества употребляю во зло, и что я склонил вас взять за себя мою родственницу и питомицу для того, чтобы превзойти всех их в вашей милости и ввести мою фамилию в сродство с царским домом.

– Все это ничего не значить, – отвечал Царь: – Я постараюсь, чтобы тебе нечего было опасаться. Между тем я в намерении своем решился и не переменю его.

– И пусть так будет по воле вашего величества, – сказал Матвеев: – Бог да благословит ваше намерение. Когда уже этому непременно так быть должно, то я прошу одной милости для себя и для Натальи Кирилловны: чтобы ваше величество поступили в этом деле по здешнему обычаю; и по крайней мере для виду созвали бы ко двору своему несколько девиц из знатнейших фамилий, а между ними и Наталью Кириловну, и выбрали бы из них публично себе невесту. Между тем, кроме вашего величества и меня, никто, даже и сама Наталья Кириловна, не будет знать о вашем намерении.

Царь признал это предложение справедливым и обещал Матвееву исполнить это и между тем никому более того не открывать. Через несколько недель объявил он своё намерение сочетаться вторым браком знатнейшему духовенству и министрам в Тайном Совете, и повелел сделать приготовления к тому, чтобы все девицы из знатнейших фамилий в назначенный день собрались к его величеству для выбора из них невесты.

Это произошло в сентябре 1670 года в Кремле, где собрались 60 благородных девиц, из коих одна была прекраснее другой. В числе их была и Наталья Кирилловна Нарышкина. Девушки были великолепно угощены. Царь обходился с ними весьма милостиво и выбрал последнюю себе в невесты^[2].

2. Петр Великий при смертной своей болезни не хочет простить смертоубийц

Царь Петр I, на 25 году от рождения своего, был опасно болен горячкою; когда уже не оставалось надежды к его выздоровлению и всем двором печаль овладела, в церквах же денно и ночью приносимы были за царя молитвы, то по древнему обыкновению явился судья преступников, чтоб спросить, не дать ли свободу девятерым разбойникам и убийцам, приговоренным к смерти, дабы они молили Бога о здравии царском. Как скоро Петр I сие услышал, то приказал судью позвать пред себя и повелел ему прочесть лист сих, к смерти приговоренных, и их преступления. Потом сказал его величество прерывающимся голосом к уголовному судье: «Разве ты думаешь, что я прощением сих недостойных злодеев и нарушением правосудия сделаю доброе дело и побужду небо к продлению моей жизни? Или что Бог примет молитву сих богоотступных мошенников и убийц? Пойди сей час и вели завтнешняго утра исполнить приговор над девятью преступниками. Я паче надеюсь, что Бог таковым моим правосудием побужден будучи к милосердию, продлит жизнь мою и дарует мне здравие».

Приговор был на другой день исполнен, царю стало ежедневно становиться легче, и спустя малое время он совершенно выздоровел^[3].

3. Петра Великого своеручная ковка нескольких полос железа

Петр I, строитель всякого добра в России, которой посещал все заводы и мастерские места и поощрял работников, приезжал также на Миллеров железный завод при реке Истии, что по Калужской дороге в 90 верстах от Москвы. Там пробыл он однажды четыре недели и пил тамошнюю целительную воду, и кроме ежедневных своих государственных дел определил себе время не только чтоб все тщательно исследовать и всему научиться, но и самому при варке и ковке железа трудиться, чтоб научиться ковать полосы. Когда же он то понял и в последний день своего там пребывания своеручно 18 пуд железа сковал и каждую полосу клеймом своим означил; причем бывшие с ним придворные юнкеры и бояры должны были носить уголья, пригребать оные к горну, дуть в мехи и другие отправлять с его величеством работы. Прибыл он чрез несколько дней в Москву и к хозяину того завода Вернеру Миллеру, хвалил его распоряжения на заводе и спросил его, что там получает мастер выковать пуд полосного железа? «Алтын», – отвечивал Миллер. «Хорошо, – продолжал царь, – потому и я заслужил 18 алтын и право имею от тебя их требовать». Вернер Миллер пошел тотчас к своему денежному ларцу и принес 18 червонцев, отсчитал их царю и сказал: «Такому работнику, как ваше величество, не можно меньше заплатить». Царь же, отсунув их назад, сказал: «Возьми свои червонцы, я не лучше прочих мастеров работал, заплати мне то, что ты обыкновенно платишь другим мастерам; я на то куплю себе пару новых башмаков, которые мне теперь же и нужны». А как его величество уже однажды к башмакам своим приказал подшить подметки, которые и стоптались, то взяв 18 алтын, поехал в ряды и в самом деле купил себе на оные пару башмаков, которые он часто имея на ногах, в собраниях показывал и говаривал: «Я их мозолями заслужил».

Примеч. Из числа сих, его величеством своеручно скованных железных полос, находится еще одна полоса с царским клеймом на Миллеровом железном заводе при означенной реке Истии, да еще

другая, которую сей монарх в Олонце при Ладожском озере сковал, сохраняется в Кунсткамере Санктпетербургской Академии наук.^[4]

4. Петр Великий оказывает отменное почтение к искусным лекарям и подает повод к посрамлению высокомерных шарлатанов

Всем известно, что Петр Великий совершенно знал о необходимости хороших лекарей при новозаводимом своем войске и флоте, весьма их уважал и даже сам выучился делать некоторые хирургические операции. Он обыкновенно носил с собою две готовальни; одну с математическими инструментами, для вымеривания разных предлагаемых ему планов, а другую с хирургическими инструментами. Он сам вырывал у многих больные зубы, а жену купца Борша лечил операцией от водяной болезни.

Еще на двадцатому году своего возраста имел он короткое обхождение не только с Господином Лефортом, первым своим тогдашним любимцем, но также и с Господином Тирмондом, старым, веселым и искусным хирургом, которой всегда бывал при его величестве и часто просиживал с ним за полночь. Он был в такой милости у государя, что некогда пьяный заколов старого верного своего слугу, на другой день поутру в великой горести прибежал к государю, пал пред ним на землю и просил прощения. Его величество не хотел его слушать, пока он не встанет; но как он всё ещё лежал, то Государь сам его поднял, обнял и поцеловал, и выслушал его донос. Потом его величество отвечал ему, чтобы он не заботился и не печалился, просил бы прощения только у Бога, и если остались после убитого жена или дети, то постарался бы доставить им пристойное содержание. Тирмонд исполнил это приказание, и давал вдове убитого по смерти её из своего имения ежегодно немалую пенсию.

Сей славный Тирмонд, проживший более 70 лет, оставил после себя еще довольно молодую и пригожую вдову с богатым имением. Она еще при жизни мужа своего, имея немалую склонность к любовным делам, влюбилась в одного молодого и пригожего подлекаря из Данцига, который в волокитстве был гораздо искуснее, нежели в хирургии. Вскоре потом вышла она за него и начала вести с ним жизнь весьма роскошную, ездила четвернею в великолепном экипаже и щегольством своим во всей Москве обращала на себя

внимание. Государю при случае донесено было о сем с презрительным описанием её мужа. Его величество некогда будучи в гостях у одного боярина с тем, кого он, удостаивал дружеским обхождением, послал за молодым наследником любимого своего Тирмонда. Он подумал, что Государь хочет принять его на место своего любимца, приехал в великолепном наряде и в самом лучшем своем экипаже. Все подбежали к окошкам смотреть, как он въезжал на двор. Как скоро щеголеватый подлекарь предстал пред Государем, то его величество расспрашивал его обо всех его обстоятельствах, и он должен был в присутствии всего собрания выдержать строгий экзамен. Потом Государь признал его за незнающего и недостойного наследника искусного Тирмонда, и приказал привести со двора в особенную комнату множество дворовых работников и крестьян и заставил щеголеватого подлекаря остричь и обрить всем им большие их бороды, а после того отпустил его обратно домой в его экипаже. Это приключение столь досадно было высокомерному щеголю и любезной его супруге, что они через некоторое время после этого с остатком своего имения уехали в Данциг. Там жили они несколько лет с такою же пышностью и также весело, пока не прожили все свои деньги. Старой знакомец Тирмонда видел после, во время Шведской войны бывшего подлекаря бедным маклером, а жену его нашел в таком состоянии, что она должна была за деньги мыть чужое белье.^[5]

5. Петра Великого отвага в очевидной опасности при наговоре Сикеля и Соковнина и их шайки стрельцов

В особенном рассуждении о наименовании Великий, которое я в Санкт-Петербургских примечаниях 1740 или 41 году припечатал, обстоятельно изъяснено и с примерами предложено, что наименование Великий никакой государь, ниже герой после смерти своей о себе не подтвердил и с беспрекословным согласием всех народов до нынешних времен не удержал, как только тот, с которым случались следующие обстоятельства и который одарен был нижеозначенными свойствами, как то: великим духом, природною остротою и разумом, сильным желанием к произведению чего-нибудь великого; и которой был окружаем великими опасностями и препонами, но которой преодолевал великими и неутомимыми трудами, храбростью и постоянством, коими он приводил к концу свои намерения, от чего происходила великая и всеобщая польза, которую через то государство получало. В вышеупомянутом рассуждении ясно показано, что все сие точно в Петре Великом находилось и что он в том превзошел многих, приобретших прежде сего наименование Великого. Можно было бы в подробнейшей истории о Петре Великом весьма ясно показать, что единая его неустрашимость все препятствия преодолевала и его от многих очевидных опасностей спасала, а также во всех его великих предприятиях ему всепомоществовала. В доказательство сего предложу я здесь два особенные приключения, коих обстоятельства хотя различно рассказывают, но здесь оныя так поставлены, как были произнесены устами очевидных и достоверных свидетелей.

Во время возмущения стрельцов, одна рота сих злобных тварей и с ними два офицера Сикель и Соковнин вознамерились умертвить Петра Великого. А чтоб удобнее сего государя в свои сети уловить, положили они зажечь посреди Москвы два соседственные дома. Поскольку царь при всяком пожаре всегда являлся прежде тех, которые его тушить должныствовали, то сговорившиеся хотели тотчас явиться на пожар, притвориться старающимися тушить, понемногу в сей тесноте окружить царя и неприметно его заколоть.

Наступил день ко исполнению сего неистового намерения: заклявшиеся, яко откровенные друзья, собрались обедать к Соковнину, а после стола пьянствовали до самой ночи. Каждой из них довольно нагрузил себя пивом, медом и вином. Между тем как прочие продолжали доставлять себе питьем мужество к исполнению сего проклятого предприятия, вышел на двор около восьмого часа времени один стрелец, которого как напитки, так и совесть обременяли. Другой, почувствовав такое же движение, пошел тотчас за ним. Когда сии двое находились на дворе наедине, то сказал один другому:

– Я, брат, не знаю, что из этого будет.

– В том нет никакого сомнения, что нам будет худо. Можем ли мы честно из такой опасности освободиться?

– Так, брат, – отвечивал другой, – я совершенно держусь твоего мнения. Иного средства нет, как нам идти в Преображенское и открыть о том царю.

– Хорошо, – сказал первый, – но как нам вырваться от наших товарищей?

– Мы скажем, – отвечивал другой, – что пора перестать пить и разойтись по домам, ежели нам в полночь надобно исполнить наше предприятие.

Потом ударили они по рукам и вошли опять в собрание сих единомышленников, коим свое мнение и предложили. Все на то согласились и заключили тем, что ежели кто хочет на несколько часов идти домой, тот может сходить, но обещание свое подтвердить рукою, чтоб непременно в полночь опять явиться; а прочие бы остались у Соковнина, пока дома загорятся и начнут бить в набат.

Потом отправились эти двое от них и пошли прямо в Преображенское, где царь имел свое пребывание. Они сказали о себе одному царскому денщику, что желают говорить с царем. Царь, не доверяющийся им уже тогда, приказал их спросить, что они имеют донести. Они отвечивали, что того никому, как только самому его величеству, сказать не могут, для того, что оно весьма важно и не терпит ни малейшего упущения времени. И так сей государь вышел в прихожую и приказал обоим стрельцов пред себя позвать. Как скоро они к нему подошли, то бросились ниц на землю и говорили, что при сем приносят головы свои под меч, которой они заслужили, вдавшись

в измену против него с ротою их товарищей, которые все сидят у Соковнина и по заговору своему ожидают в полночь набатного колокола, чтобы тогда царя убить. Сей ужасный донос слушал храбрый царь с равнодушием и спросил их только, правду ли они говорят? «Точно так, – сказали оба стрельцы, – мы теперь в твоей власти, вот головы наши, пойдем только к ним, то застанем их вместе до самой полуночи».

Доносителей задержали в Преображенском под стражей, а поскольку было тогда около восьми часов вечера, то царь тотчас написал записку к капитану лейб-гвардии Преображенского полку Лопухину (иначе Липунов), приказывая ему в одной собрать тихим образом всю свою роту и к одиннадцатому часу перед полуночью таким образом идти к дому Соковнина, чтоб в одиннадцать часов тот был весь окружен и все в нем находящиеся были перехвачены. Капитан верно исполнил сей приказ. А как царь думал, что в записке своей означил десятый час, то и чаял, что в половину одиннадцатого часа все застанет у Соковнина в доме исполнено. И потому по прошествии десяти часов сел он, не мешкая, в одноколку и с одним только денщиком прямо поехал к Соковнину в дом. Прибыл туда в половине 11 часа; не мало удивился, что ни у ворот, ниже вокруг дома не застал ни одного солдата отряженной гвардейской роты. Не взирая на это подумал он, что караул расставлен на дворе. Ни мало не размышляя, въехал он прямо на двор, вышел у крыльца из одноколки и с одним денщиком вошел в покои. Все тотчас в доме зашумели, когда узнали, что приехал царь. Петр Великий с неустрашимым духом вошел в покой и застал Соковнина, Сикеля и всю роту заклявшихся изменников, которые тотчас встали и изъявили своему государю должное свое почтение. Царь ласково им поклонился и сказал, что мимоездом усмотрев у них великой свет, подумал, что необходимо у хозяина есть гости; а как ему еще рано показалось лечь спать, то и заехал в сих мыслях посетить хозяина. В сколь великом изумлении и гневе царь внутренно ни был на отряженного капитана, которой, по его мнению, в определенное время приказа не исполнил; однако он скрывал свои внутренние движения. Он довольно времени там просидел, а изменники его пред ним стояли и выпили круговую за царское здравие, на что он им храбро отблагодарил. Между тем кивнул один стрелец Соковнину и сказал ему тихо: «Пора брать!» Соковнин,

не хотевший еще открыть проклятого своего предприятия, так же ему мигнувши, сказал в ответ: «Еще нет». Как он сие говорил, вскочил в полной ярости Петр Великий и, ударив Соковнина кулаком в лицо, так что он упал, произнес громким голосом: «Ежели тебе еще не пора, сукин сын, то мне теперь пора. Свяжите сих скотов!» В ту же самую минуту по ударении 11 часов вошел в покой гвардейской капитан, а за ним солдаты его роты, с ружьями и примкнутыми штыками. Прочие изменники тотчас пали на колени и повинились. Царь приказал, чтоб изменники сами себя вязали, что и исполнено было. Потом оборотился царь к гвардейскому капитану и в первом жару дал ему пощечину, упрекнув его притом, что он в означенный час не являлся. Сей оправдался письменным его повелением, которое он, вынув из кармана, показал царю; царь же, усмотрев свою ошибку, что он одним часом описался, поцеловал капитана в чело, признал его усердным офицером и отдал ему под стражу связанных изменников. Какое же изменники получили воздаяние, известно свету.^[6]

6. Петр Великий награждает верность и в самом бунтовщике

Хотя разные писатели описывали стрелецкие бунты в Москве, но никто еще не собрал довольно обстоятельств до оных касающихся, которые можно услышать только от старых людей в Москва и Петербурге. Эти люди время от времени умирают, а с их смертью пропадают подлинные известия, как о самих бунтах, так и о многих важных приключениях Петра Великого, которых были они свидетелями.

Я часто делал предложение, чтобы прилагалось было старание собирать какие только можно известия о Петре Великом от тех людей, которые некогда имели счастье обходиться с ним и быть свидетелями его предприятий, дабы со временем можно было сочинить истинное и полное описание жизни сего Великого Монарха и тем уничтожить все ложные и несовершенные о нем повествования поныне находящиеся. Надлежало бы рачительно о сем стараться, потому что через несколько лет, как это вероятно, не останется уже никого в живых из тех, которые лично знали Петра Великого.

Предложение мое всеми было одобрено, и некоторые из моих знакомых, бывшие еще во время Петра Великого в Российской службе, хотели сами начать писать некоторые особенные известия о словах и делах сего Императора. Между другими знатными особами, которые не имели охоты писать, но при случае охотно такие известия рассказывали, достопочтенный старый фельдмаршал, князь Иван Юрьевич Трубецкой, сам приказал мне, чтобы я за столом, или ввечеру, когда он по своему обыкновению курил табак, смело напоминал ему о том и заводил бы разговор о временах Петра Великого. Он милостиво обещал мне рассказывать о сем Великом Императоре многое, чего нигде ещё не описано. При случае разговора о стрелецком бунте рассказывал он, что будучи капитаном Преображенского полка, стоял он на карауле у царевны Софьи Алексеевны, которая заключена была в Москве в Девичьем монастыре в комнате со сводами и крепкими железными решетками. Преданные ей стрельцы, подкопавшись нечаянно под монастырь, разломали снизу

пол в той комнате, где царица содержалась, увели ее подземным ходом, сделали новый бунт и хотели истребить всех, кто бы стал им сопротивляться. Много тогда, пролито было крови, и между прочими в ярости своей искали они и бывшего у царицы на карауле капитана Трубецкого. Они дошли уже до того места, откуда не мог он скрыться; но тогда один из них, который был некогда брадобреем у капитана и получал от него многие милости, захотел избавить его от неизбежной опасности и вызвался указать им, где капитан скрывается, потому что он прослужив несколько времени у него, знал все места в его доме. Таким образом отвел он раздраженных стрельцов от дверей той комнаты, в которой Капитан заперся, и дал ему время спастись бегством.

Через несколько дней, когда бунт был усмирён, стрельцы переловлены и осуждены на заслуженную казнь, капитан Трубецкий будучи с государем на месте казни, нечаянно увидел между множеством перевязанных и на плахи положенных стрельцов и своего брадобрея, который спас его жизнь, Тотчас упал он к ногам царским, рассказал о верности этого осужденного стрельца и просил ему помилования. Честность сего несчастного столь понравилась Петру Великому, что он немедленно приказал поднять его и спрашивал его самого, как он избавил капитана от убийц. Стрелец рассказал об этом приключении, также как и капитан доносил Государю. Петр Великий отдал его Трубецкому с тем условием, чтобы он никогда в Москве не показывался. Князь Трубецкий отослал его с женою и с ребенком в самые дальние свои деревни, дал ему землю для хлебопашества, и освободил его и потомков его от обыкновенного оброку. Фамилия князей Трубецких и поныне еще соблюдает то над его внуками и правнуками^[7].

7. Петра Великого острое изречение английскому королю Виллиаму

Краткое время, которое Петр Великий при первом своем путешествии по чужим краям в Лондоне препроводил, сделалось, как он сам сказывал, от множества достопамятных вещей, которых он до сего не видывал, еще короче.

Он обыкновенно ездил и, прохаживаясь весь день, по возвращении вечером на свою квартиру, все, что днем ни усмотрел и заметил, повторял с теми, которые с ним были, притом так же часто говаривал, что ему надлежит стараться еще однажды побывать в Англии, ибо он там много находил нужного для себя научиться.

Как он однажды препроводил утро в рассматривании великолепного строения и превосходного расположения Греевигскаго госпиталя, в котором призриваемы были инвалидные матросы, и обедал при дворе с королем Виллиамом; в то же время спросил его король, как ему нравится Греевигский госпиталь? – «Чрезвычайно, – отвечивал царь, – да при том настолько он мне нравится, что я бы советовал вашему величеству занять его вашим дворцом, а дворец ваш уступить живущим там матросам»^[8].

8. Замысловатый отказ Петра Великого на прошение жидов, чтобы он позволил им жить в России

Когда государь Петр I еще в первый раз был в Голландии, учился в Сардаме искусству строить корабли и повсюду наведывался обо всем потребном для приращения торговли, заведения мануфактур и обрабатывания продуктов своей земли; и тогда уже явно было, что одним из главных предметов его стараний было заведение торговли в своем Государстве. Он старался вызывать в Россию искусных художников, фабрикантов, ремесленников и купцов, давая им разные привилегии, совершенную свободу и доставляя многие выгоды. Хитрые амстердамские жида надеялись воспользоваться этим случаем. Хотя они знали, что царь Иван Васильевич выгнал жидов из Российского государства и последовавшие за ним Цари также не позволяли им жить в России; но они думали, что Петр Великий, совсем преобразуя Россию и отменяя столь многие старые обычаи, отменит и узаконение царя Ивана Васильевича, касающееся до их нации. Итак взяли они прибежище к славному амстердамскому бургомистру Ван-Витсену^[9] и просили его, чтобы он исходатайствовал им у его величества позволение селиться в России, заводить купеческие конторы и производить торговлю, так же, как это было позволено и другим иностранцам; причем не позабыли они весьма подробно описать знатные выгоды какие получали бы россияне продавая продукты своей земли, через жидовских купцов». Сверх этого обязывались они из благодарности за исполнение их просьбы поднести Государю на первой случай в подарок сто тысяч гульденов наличными деньгами.

Бургомистр Витсен склонился на это и пообещал жидам при первом случае предложить Государю их просьбу. Сей почтенный муж, которого государь почитал как верного советника и почти ни в чем ему не отказывал, сдержал свое слово и при первом случае представил императору предложения и просьбу жидов. Государь сперва слушал его с важностью, а потом, улыбаясь отвечал ему следующими словами:

– Господин Витсен, вы знаете жидов, знаете и образ мыслей моего народа; и я также знаю и тех, и других. В рассуждении первых еще не время позволить жидам селиться и жить в моем государстве. Скажите им моим именем, что я благодарю их за их предложение, но я стал бы жалеть о них, если бы они поселились в России, ибо хотя и думают о них, что они в торговле весь свет обманывают, однако ж я опасюсь, что они у моих россиян не много бы выторговали. [\[10\]](#)

9. Мысли Петра Великого о Венском Дворе

Известно, что Петр Великий на обратном пути из Англии и Голландии, проезжал через Германию в Вену, и там принят был императором Леопольдом с отменным почтешем. Но неожиданное известие из Москвы о возмущении стрельцов скоро отозвало его оттуда и воспрепятствовало ему пробывать долее при императорском дворе и ехать в Венецию, как он прежде был намерен. Однако проницательный монарх и в столь короткое время пребывания своего в Вене увидел, приметил и удержал в памяти много достопамятного. Некогда в Петербурге за столом своим, при случае разговора о Венском Дворе, сказал он, что все ему понравилось у Императора Леопольда; но только то странно показалось, что он при Дворе его везде находил иезуитов, и что это для него весьма удивительно: ибо Император знает, что они имея в его Государстве не менее земли, а денег еще более, нежели сам его величество, в последнюю тяжкую войну с Турцией, в 1673 году, не помогали ему ни рекрутами, ни деньгами^[11].

10. Мысли Петра Великого об иезуитах

Петр Великий терпя все исповедания Христианской веры без различия, позволял в своем Государстве иностранцам иметь публичные церкви, собственных своих священников, проповедников и других церковных служителей, а римским католикам и духовные их Ордена. По просьбе Римского Императора Иосифа I позволил он капуцинам иметь небольшой монастырь при их церкви в Москве, в Немецкой слободе, а францисканцам при церкви их в Петербурге. Только об иезуитах не хотел он ни от кого слышать и не терпел их в России. Он часто говаривал о них: «Я знаю, что иезуиты по большей части люди ученые, во всяких художествах искусные и способные, но не для меня: я знаю и то, что они кажутся всегда набожными, однако ж набожность свою употребляют только для своего обогащения и для прикрытия, а училища их и искусства служат орудиями их умыслам, выгодам Папы и их властолюбию, чтобы управлять Государями по своей воле. Некогда, говоря об этом слишком усилившемся Ордене, сказал он: „Иезуиты не могут отстать от того, чтобы не мешаться во все государственные дела. Я удивляюсь тому, что есть дворы в Европе, которые не могут или не хотят этого видеть. При всей тонкости французского и испанского дворов, я не почитаю политику их очень высокою, потому что они терпят при себе иезуитов, которые присвоили себе великие владения в европейских и американских их землях и не однажды умерщвляли государей, которые были им противны».

[12]

11. Гнев Петра Великого за напрасно пролитую кровь

Как Петр Великий в 1704 году, по долговременной осаде, взял наконец приступом город Нарву, то разъяренные российские воины не прежде могли быть удержаны от грабежа, пока сам монарх с обнаженною в руке саблею к ним не ворвался, некоторых порубил и отвлекши от сей ярости в прежний привел порядок. Потом пошел он в замок, где пред него был приведен пленный шведский комендант Горн. Он в первом гневе дал ему пощечину и сказал ему: «Ты, ты один виною многой напрасно пролитой крови, и давно бы тебе надлежало выставить белое знамя, когда ты ниже вспомогательного войска, ниже другого средства ко спасению города ожидать не мог». Тогда ударил он окровавленную еще своею саблею по столу и в гневе сказал сии слова: «Смотри мою омоченную не в крови шведов, но россиян шпагу, кою укротил я собственных своих воинов от грабежа внутри города, чтоб бедных жителей спасти от той самой смерти, которой в жертву безрассудное твое упорство их предало».^[13]

12. Петр Великий слушает проповедь в главной Данцигской церкви

На втором путешествии в Голландию, в 1716 году, Петр Великий прибыл в Данциг в Воскресный день перед обедом, когда надлежало запираеть городские ворота. Проезжая по городу, с удивлением приметил он, что улицы были пусты и почти ни один человек не встречался с ним до самого того трактира, в котором он остановился. Войдя в трактир, спросил он у хозяина, какая тому причина, что в таком многолюдном городе не видно на улицах почти ни одного человека? Хозяин отвечал Государю, что весь народ в церкви слушает проповедь, и для того во время Богослужения запираются городские ворота. Государь не хотел пропустить такого случая увидеть воскресное тамошнее богослужение и просил хозяина, чтобы он проводил его в церковь. Там находился и правительствующий Бургомистр, которой уже был уведомлен от караульных о прибытии его величества. Государь вошел в церковь, когда проповедь была уже начата. Бургомистр тотчас встал со своего места, пошел навстречу Царю и отвел его к бургомистрскому месту, которое сделано было повыше других. Его Величество сев без всякого шума, заставил бургомистра сесть подле себя и слушал проповедь с великим вниманием. Многочисленное собрание в церкви смотрело больше на Государя, нежели на проповедника; но это не могло нарушить его внимания, и он почти не спускал глаз с проповедника.

Между тем, почувствовав, что открытой его голове было холодно, снял он, не говоря ни слова, большой парик с сидевшего подле него бургомистра и надел себе на голову. Итак, Бургомистр сидел с открытой головою, а Государь в его большом парике до окончания проповеди, потом же он снял парик и отдал Бургомистру, поблагодарив его небольшим поклоном.

Можно вообразить, какое удивление произведено было сим приключением для Данцигских граждан столь необычайным, но для государя весьма обыкновенным и ни мало не стоящим внимания. По окончании богослужения городской магистрат прислал от себя к Государю депутатов для, засвидетельствования ему почтения от всего

города и для пожелания ему благополучного пути. Тогда один господин из царской свиты, рассказал депутатам, что данцигское богослужение весьма понравилось его величеству, а приключение в церкви с париком господина бургомистра не должно казаться удивительным и необычайным, потому что его величество не смотрит на мелочные церемонии и привык в церкви, когда голове его бывает холодно, снимать парик с князя Меншикова или с кого-нибудь другого из стоящих подле него, и надевать на себя^[14].

13. Замысловатый ответ Петра Великого, касающийся экономии

Государь Петр I при путешествии своем в Голландию, прибыв в Валдейскую область в Нижней Саксонии, остановился там на несколько дней, чтобы попить славную Пирмонтскую воду. Графы Валдексте (нынешние князья) приехали туда же, к знаменитому своему гостю и просили его величество по окончании лечения заехать к ним в новопостроенный их замок Арголцен, или Аролзен, отобедать. Государь обещал приехать и в назначенный день исполнил свое обещание. По окончании обеда, который был чрезвычайно великолепен и продолжался весьма долго, хозяин водил его величество по замку и все ему показывал. Потом граф спросил у его величества, как показалось ему новое строение? Государь, привыкший к умеренной жизни, отвечал, что расположение кажется ему весьма приятно, а строение весьма хорошо и великолепно, однако же он заметил в нем большую ошибку. Граф просил его величество указать эту ошибку. «Она только в том состоит, отвечал Государь, что кухня сделана слишком велика.»^[15]

14. Равнодушие Петра Великого при бесстыдстве голландского трактирщика

На втором путешествии в Голландию в 1716 году, Пётр Великий прибыв с небольшою своею свитою в Нимвеген при наступлении ночи остановился в трактире, чтобы там переночевать и на другой день поутру отправиться в путь. В таком намерении захотел он скорее успокоиться и потребовал к ужину только несколько яиц всмятку и кусок хлеба с Голландским маслом и сыром. Спутники его ужинали вместе с ним и выпив притом две бутылки красного вина, легли спать. На другой день на рассвете, лошади стояли уже запряженные на дворе. Бывший при государе гофмаршал Дмитрий Андреевич Шепелев спросил у хозяина, что ему надобно за ночлег и за ужин? Трактирщик потребовал 100 червонных. Гофмаршал весьма удивился и говорил трактирщику, не стыдно ли ему требовать такой необычайной платы за дюжину яиц и за кусок хлеба с сыром и маслом? Нет, отвечал трактирщик, и вы непременно должны заплатить мне 100 червонных. Он повторил это несколько раз и не соглашался ни мало уступить. Шепелев не осмелился заплатить и поставить в счет столь чрезвычайную сумму, пошел к Государю и спросил у него, как он прикажет поступить с бесстыдным трактирщиком. Его Величество, думая, что его никто не знает, вышел сам как бы нечаянно на двор и спросил у хозяина по-голландски, за что он требует такую большую сумму?

– Велика ли сумма 100 червонных? – отвечал трактирщик: – я заплатил бы 1000 червонных, если б я был Российский Царь. – Государь возвратился, не сказав ни слова, и приказал гофмаршалу заплатить 100 червонных. Бесстыдный трактирщик получив деньги, отпер ворота и пожелал путешественникам благополучного пути.^[16]

15. Упражнения Петра Великого в Париже

Пётр Великий сам сочинил план путешествия своего в Париж (в 1717 году) и реестр достопамятных вещей, о которых хотел там поспрашивать, и которые он хотел бы осмотреть. При первом посещении королевского опекуна и правителя Франции, герцога Орлеанского, просил он, чтобы все церемонии были оставлены, а вместо того показали бы ему Королевские строения, инвалидные дома, госпитали, арсеналы, фабрики, мануфактуры и монетные дворы, и проч.

Правитель, приняв Государя с великим почетом, уверял его, что все будешь исполнено с особенным удовольствием, чего бы его величество ни потребовал. Потом правитель представил ему молодого короля Людовика XV, который сделал царю небольшое приветствие, и как Государю надлежало низко поклониться, чтобы смотреть ему в лицо, то Российский монарх, нечаянно подняв французского и взяв на руки^[17], с ласковым видом сказал ему: «Желаю от всего сердца Вашему Величеству благополучно вырасти, и со временем славно царствовать. Может быть, некогда будем мы друг другу нужны и полезны». Князь Куракин, которой находился Посланником при Штатах Голландских и Вест-Фрисландских и должен был ехать с Государем из Гааги в Париж, занимал при этом посещении, равно как и везде в Париже, место царского переводчика. Государь наслышавшись о славном заведении в Сент-Сире, недалеко от Версаля, которое учредила госпожа Ментенон, набожная любовница Людовика XIV, для содержания некоторого числа благородных девиц и для собственного своего убежища в старости, захотел осмотреть оное. Он приказал уведомить о том г-жу Ментенон и получил от нее ответ, что она почла бы посещение Его Величества за отменную себе честь, если бы не была больна и почти не в состоянии принимать посещений. «Это не помешает, – сказал Государь: – я не хочу ее беспокоить, однако же мне должно ее увидеть и засвидетельствовать ей моё почтение. Она оказала много услуг королю и государству, делала весьма много добра, и никогда почти не делала зла, кроме того, что она по простоте и суеверию сделала гугенотам^[18].»

В самом деле он в тот же день поехал в Сент-Сир, чтобы посетить г-жу Ментенон. Найдя ее на постели, у которой занавесы были задернуты, он отдернул их потихоньку, сделал больной весьма ласковое приветствие, сел у ног её на постели, извинялся в том, что может быть ее обеспокоил, говоря, что он приехал с тем намерением, чтобы увидеть в Париже и Версале что всего достойнее примечания, и не мог оставить Францию не повидав ее и не изъявив ей особенного своего почтения. Потом его величество, не спуская с нее глаз, спросил ее, чем она больна? Старостью, отвечала она слабым голосом. Этой болезни все мы подвержены в долголетней жизни, сказал Государь, Потом встав, пожелал ей облегчения и пошел осматривать прекрасное расположение и учреждение её института.

На другой день его величество осматривал славную Гобеленскую шпалерную Фабрику с великим вниманием и удивлялся сей работе. Там были поднесены ему именем правителя четыре большие картины, тканые с прекрасных картин славного Жувенета и представляющие: рыбную ловлю Св. Петра, воскресение Лазарево, исцеление расслабленного и изгнание из храма торгующих, на коих все фигуры были в человеческой рост.^[19]

В Королевской библиотеке, где показывали Государю знатнейшие редкости, поднесены ему были 12 книг переплетенные в сафьян с золотом, в которых собраны были изображения Королевских строений и садов в Версале и походов Людовика XIV, рисованные славным Фандер-Миленот, и гравированные самыми лучшими художниками в Париже.^[20]

Но нигде не сделано было Государю приятнейшего угождения, как в Королевском монетном дворе, в осматривании которого Его Величество проводил целое утро. Обойдя с великим вниманием все мастерские и расспросив обо всех вещах, какие он там видел, просил он наконец, чтобы показали ему, как тискаются медали. Начальник монетного двора тотчас приказал принести золотые и серебряные кружочки, на которых тискают медали и велел монетному мастеру подать штемпель. «Какой прикажете?» – спросил мастер. «Какой-нибудь», – отвечал начальник. Тотчас положили штемпель в тиски, наложили на него золотой кружочек и тиснули. Государь, примечавший внимательно все приёмы, первый подошел к тискам и смотрел, как вынимали медаль. Но в какое приятное удивление

пришел монарх, когда он, взяв от начальника монетного двора золотую медаль, вынутую из тисков, на одной стороне оной увидел весьма похожий свой грудной портрет, а на другой стороне весьма лестное приветствие в эмблематическом изображении, представляющем реку и летящую славу, с надписью: Crescit eundo (т. е... в течении возрастает). Он стоял некоторое время удивляясь этой не ожидаемой медали, рассматривал ее пристально, переворачивал несколько раз и наконец показав ее своим спутникам, сказал им по-русски: «это я, точно я». Потом продолжали тискать эту медаль и знатнейшим из царской свиты поднесено было по золотой, а прочим по серебряной медали. Эмблематическое изображение изобретено было наперед и штемпель сделан был, как скоро получено было из Голландии известие, что Государь намерен ехать в Париж и без сомнения будет там осматривать всякие заведения.

Его Величество имел эту, столь ему понравившуюся медаль всегда в своем кабинете; а по смерти его отдана она в кабинет Санкт-Петербургской Академии Наук, где и поныне хранится в драгоценном собрании Российских медалей. [\[21\]](#)

16. Старание Петра Великого узнавать все полезное.

Земледелие было одним из важнейших предметов попечения мудрого Российского монарха. Где только мог он заметить что-нибудь служащее к поправлению оногo, или что-нибудь вообще до экономии касающееся, никогда не уклонялось то от его внимания.

На путешествиях своих по Германии, Голландии и Франции часто выходил он из коляски, посмотреть на полевую и домашнюю крестьянскую работу и сам разговаривал с мужиками. Часто входил он в крестьянские дома и шалаши, осматривал их жилища, земледельческие орудия и до хозяйства касающиеся распоряжения, приказывал иногда на месте срисовывать некоторые вещи, и записывал свои примечания в записной книжке, которую всегда носил с собою; особенно же делал всё это на почтовых станциях, между тем, как переменили лошадей.

На обратном путешествии из Парижа, проезжая через одну деревню, увидел он в небольшом садике работающего человека, который одет был не по-крестьянски. Государь приказал спросить о сем трудолюбивом человеке, и узнав, что то был деревенской священник, пошел к нему в сад, который насажен был множеством самых лучших и плодовых деревьев и замыкался почти целою рощею шелковичных деревьев, которыми также дом его и двор вокруг были усажены. Государь разговаривал с ним более получаса о садовой и полевой его работе, и между прочим узнал от него, что большую часть сих шелковичных и других плодовых деревьев сам он насадил и выростил. Государь спрашивал у него, от чего это происходит, что он будучи священником, сам должен работать и помогают ли ему прихожане его в работе? «Весьма редко, Государь мой, отвечал священник; у них по большей части и своей работы так много, что мало им остается времени; а мне должность моя оставляешь столько времени, сколько потребно для полевой и садовой моей работы; и когда Бог дает хорошую погоду и я работаю прилежно, то получаю в год несколько сот ливров за плоды и шелк, которые продаю. Таким образом могу я жить лучше, нежели малым содержанием, какое

получаю от моего прихода. Российскому монарху весьма приятно было слушать сего доброго священника; он записал в своей книжке его имя и название деревни, и с удовольствием говорил своим спутникам: «Вот добрый человек! он сам достает себе своими трудами вино и сидр и сверх того ещё наличные деньги. Напомните мне о нём, когда мы возвратимся в наше отечество. Я постараюсь заставить и наших деревенских попов также работать, чтоб и они полевою и садовою работою доставали себе хлеб, пиво и квас, и могли бы жить лучше, нежели как ныне живут в праздности.»^[22]

17. Удивительная любовь Петра Великого к своему государству и отечеству

Известно свету, что сей великий монарх совершенно преобразил Российское государство, и через восстановление регулярного войска и сильного флота, чрез введение лучшего воспитания благородного юношества, учреждения многих для своего государства в рассуждении внешней торговли доходных заводов, художеств и наук, оное очевидно вознес, соседственным государствам сделался страшным и во всех частях света знаменитым; известно и то, сколько печалей нанес ему сын его Алексей Петрович, которого он почел неспособным наследовать и совершенно от престола отрешил. И так он по одной любви к отечеству исключил родного своего сына из наследства, чтоб некогда при его восшествии не рушилось сие сильное и великолепное здание государственного его правления, и просвещенные жители оно не ввернулись бы паки в прежней мрак неведения.

Еще ужаснейший опыт его таковой его ревностной любви к отечеству, в пользу коего сей отец отечества сам собою хотел пожертвовать, явствует из его в кабинете находящегося своеручного письма к Правительствующему сенату в Петербург из лагеря при Пруте 1711 года, когда он со своею армиею по несчастному случаю был 100 000 турками окружен и все дороги к привозу съестных припасов были ему пресечены. В сих опасных и почти отчаянных обстоятельствах, от коих он, по-видимому, никоим образом спасти себя не мог, кроме особенного чуда, пекся он больше об отечестве, нежели о себе самом, не взирая на то, что он видел пред собою очевидную опасность либо попасться в турецкий плен, или совсем погибнуть.

Как неустрашимый сей герой усмотрел минуту сей крайней и неизбежной опасности и почитал себя и войско свое погибшими, сел он спокойно в своей палатке, написал письмо, запечатал оное, позвал одного из вернейших своих офицеров и спросил его, подлинно ли он надеется пройти сквозь турецкое войско, чтоб свезти в Петербург депешу? Офицер, которому все дороги и лазейки того места были известны, уверял царя, что он совершенно надеется пробраться и чтоб его величество на то положился, что он благополучно достигнет

Петербурга. Положась на такое уверение, вручил ему царь своеоручное свое письмо с надписью «Правительствующему сенату в Санкт-Петербурге», поцеловал его в чело и только сказал: «Ступай теперь с Богом!»

Офицер в десятый день благополучно прибыл в Петербург и вручил письмо в полном собрании Сената. Но сколь ужаснулись собравшиеся сенаторы, как запершись в одну комнату и по прочтении своеоручного царского письма нашли следующее в оном содержание: «Уведомляю вас чрез сие, что я со всем моим войском без нашей вины и ошибки, но только чрез ложно полученное известие в четверо сильнейшим турецким войском таким образом окружен и столько дороги к привозу провианта пресечены, что я без особенной Божеской помощи ничего, как совершенное наше истребление или турецкий плен предусматриваю. Ежели ж случится последнее, то не должны вы меня почитать царем, вашим государем и ничего не исполнять, чтобы до ваших рук ни дошло, хотя бы то было и своеоручное мое повеление, покамест не увидите меня самолично. Ежели же я погибну и вы получите верное известие о моей смерти, то изберите между собою достойнейшего моим преемником».

Подлинник внесенного здесь письма находится в кабинете Петра Великого при Санкт-Петербургском императорском дворе между многими другими своеоручными письмами сего монарха и был многим знатным особам показыван от приставленного к сему кабинету надзирателя князь Михаила Михайловича Щербатова.^[23]

18. Любовь Петра Великого к хорошим картинам

На втором своем путешествии, в 1716 и 1717 годах, Государь изъявил любовь свою к картинам и хороший вкус в оных. В Амстердаме освещал он славнейших в то время живописцев, и часто по целому часу с особенным удовольствием смотрел, как они работали, разговаривал с ними о произведениях их искусства и довел вкус свой в знании картин до немалой тонкости. Фламандские и брабантские картины предпочитал он всяким другим и собрал множество оных работы славнейших мастеров. Рубенс, Ван-Дейк, Рембрандт, Ян Штейн, Ван-дер-Верф, Лингельбах, Берггейм, Миерис, Вуверман, Брейгель, Остаде, Ван-Гуйзум, и проч. были его любимцы; особенно же любил он картины, представляющие морские виды и корабли. Отменно уважал он картины славного Адама Сило, который сперва сам был корабельным капитаном, а потом с великим успехом посвятил себя живописи и весьма прекрасно писал морские виды и корабли, особенно же лучше всех других художников он изображал корабельные снасти с крайней точностью и правильностью. И потому Петр Великий почитал картины его полезными и украсил по большей части ими Комнату перед своею спальнею в Петербургском летнем дворце. Также и в Петергофе, где Государь завел первую картинную галерею, состоящую из одних нидерландских картин, во дворце супруги своей, называемом Мон-Плезир, Силовы изображения кораблей и морских видов занимали главные места.

В Амстердаме, в публичном картинном аукционе, Петр Великий между множеством любителей картин, сажился обыкновенно подле маклера Ксея, живописца исторических и поучительных изображений, родом из Швейцарии, весьма искусного знатока картин, особенно Нидерландских и их мастеров. Там накупил Государь множество картин любимых своих мастеров, из которых составил помянутую галерею в Петергофе, остальными же приказал украсить свои комнаты. Для сохранения сего знатного собрания самим им купленных картин и для умножения оного принял он в свою службу

живописца Ксея, который приехав с Государем в Петербург, написал там несколько прекрасных поучительных картин, как-то: мертвую голову с загашенною, но еще курящеюся свечою, лежащие музыкальные инструменты, и проч., был живописцем Академии Наук и умер в 1743 году в глубокой старости^[24].

19. Любовь Петра Великого к иностранцам приезжавшим в Россию

Не можно сказать, что Петр Великий имел слепую любовь к иностранцам и к иностранным обычаям и образу жизни; но из всех обстоятельств видно, что он только для пользы своего Государства любил иностранцев и столь милостиво с ними поступал.

В 1698 году возвратившись с первого своего путешествия из Англии, Голландии и Германии, усмотрев разность между сими землями и тогдашним состоянием России, в рассуждении нравов народа, промыслов и торговли, и приметив, чего еще недоставало ему в своем Государстве, старался он всеми способами вызывать в Россию иностранцев, способных и нужных для просвещения его нации, и произвести в действие то, что еще великий предшественник его, царь Иван Васильевич предпринял.

В 1699 году обнародовал он два указа по всему Государству, из которых в первом позволил дворянам выезжать в чужие края, но с тем условием чтобы Всякий вознамерившийся путешествовать, являлся к нему и получал наставление что особенно по своему состоянию и способностей должен он стараться осматривать и чему учиться; в другом указе повелевал он своим посланникам, резидентам и агентам в чужих землях объявлять везде, что всякие иностранцы, которые пожелают вступить в его службу или поселиться в России,

чтоб и в отсутствии его такие иностранцы хорошо были принимаемы, и чтобы им подаваемо было вспоможение.

Потом, как в чужих землях известно стало о заложении нового города Петербурга, многие иностранцы начали туда приезжать, селились там, строили себе дома, и некоторые вступали в службу, а другие жили своими промыслами.

Петр Великий поступал со всеми весьма милостиво, давал офицерам двойное жалованье, разговаривал весьма милостиво и ласково с художниками и ремесленниками, посещал их жилища, где они работали, поручал им молодых россиян для обучения, которых при всяком случае увещевал учиться ремеслу своему или художеству тщательно и прилежно, дабы они после сами были в состоянии учить

других своих единоплеменников, ободряя их при том в своей милости или в повышении. Вероятно, что Государь либо сам приметил, либо через преданных ему любимцев проведал, что некоторые Российские господа тайно негодовали на мнимое его пристрастие к иностранцам, на короткое его обхождение с иностранными корабельными мастерами, Голландскими корабельщиками, Немецкими художниками и ремесленниками, и проч. и некоторым образом завидовали сему их преимуществу. Сие подало ему некогда случай в присутствии одних только Российских Господ говорить об иностранцах, хвалить отменную их способность и существенную услугу, какую он посредством их надеется оказать своему отечеству. Он говорил тогда при всех: «Я знаю, что явное преимущество, какое я отдаю иностранцем, не всем моим подданным приятно. Но у меня есть разные подданные: одни разумные и благомыслящие, которые усматривают, что я ласкаю и стараюсь удерживать у себя иностранцев для того, чтоб они от них научались и перенимали их науки и искусства, следовательно для блага Государственного и для очевидной пользы моих подданных. Есть у меня также безрассудные и злые подданные, которые добрых моих намерений не усматривают и не познают, хотят оставаться в старой тине своего невежества, по глупости презирают всякое добро, которое для них ново, и охотно бы препятствовали оному, если б только могли. Они не рассуждают о том, каково у нас было, пока я не побывал в чужих землях и не вызвал иностранцев в Россию, и сколь бы мало успел я без их помощи во всех предприятиях против сильных моих врагов».

[25]

20. Петр Великий заводит увеселительные места не для себя только, но и для народа

Петр Великий по завладении всею Эстляндией, овладев и городом Ревелем, не только приказал привести в лучшее оборонительное состояние городские укрепления и гавань, но также в одной против гавани лежащей приятной стране завел большой увеселительный сад со всеми принадлежащими к оному украшениями, как то; с прудами, островками, фонтанами и статуями из тамошнего Лаагбергского камня, и проч. и при оном построил прекрасный увеселительный замок с флигелями, итальянской архитектуры. Сие место назвал он в честь Императрицы, Катариненталь. Государь знал, что ему и супруге его, которая редко разлучалась с ним, когда он отправлялся в путешествие и даже, в поход, не будет времени посещать сей сад, но он желал, чтобы всякий наслаждался в нем позволенными увеселениями. Через несколько лет, прибыв с императрицею в Ревель, жил он в новопостроенном доме. Он удивлялся, не видя никого в саду гуляющего, и мимоходом спросил у часового, который сшоял у входа: от чего это происходит, что никто из города не приезжает сюда гулять? «Мы никого сюда не пускаем, отвечал солдат. «Как! – вскричал государь рассердившись, – какой дурак вам это приказал? «Наши офицеры, – отвечал часовой. «Какие дураки! – сказал государь, они думают, будто я только для себя, а не для всех, завел этот сад с таким дорогим иждивением.» На другой день, по царскому повелению, объявлено было в городе с барабанным боем, что всякому позволено приезжать в Катариненталь, гулять там и веселишься; а караульные должны только наблюдать, чтобы не происходило каких-нибудь беспорядков, и чтобы не портили деревьев. Вследствие сего Катариненталь и поныне служит лучшим гульбищем для Ревельских граждан^[26].

21. Дружелюбное обращение Петра Великого с морскими офицерами и кораблестроителями

Во всех печатных, хотя и много несовершенных описаниях жизни Петра Великого обстоятельно видно, сколь великое желание еще с юношества своего к кораблестроению сей монарх оказывал. В оных и то упомянуто, каким благоразумием сопровождаема была его любовь к мореплаванию и сколь удивительно желание сие вместе с летами в нем возросло. Свету известно, что он с величайшим прилежанием изучил в Саардаме кораблестроение и не скучал тягчайшими трудами, ежедневно являлся на рассвете на работу со своим топором и прочими орудиями, подобно простому плотнику, но что охота сия и на престоле его не оставляла и что сей государь находил приятнейшие часы вечером в собрании искусных мореплавателей и кораблестроителей; слышал я от многих россиян и иностранцев, которые имели счастье знать сего великого государя самолично. Из слышанного мною, вношу я здесь только несколько обстоятельств, которые нигде еще в печати не находятся.

Поелику Петр Великий не слишком был щедр в рассуждении великого жалованья и высоких чинов, то также и кораблестроители, коих в его время довольно число из голландцев и англичан в Петербурге находилось, при знатном своем жалованье не больше имели капитанского чина. Желание возвыситься чином подало им в голову веселую догадку. Монарх сей, как уже выше объявлено, охотно видел их около себя. Когда он где по вечерам бывал в гостях, то долженствовал хозяин большую часть из них также пригласить, чтоб служить царю к приятному препровождению времени и разговаривать о любимейшей ему вещи. Они долженствовали ближе прочих к нему сидеть, и тогда он столько откровенно с ними обходился, как будто бы он им был равный. Однажды случилось им опять быть с царем на вечеринке, где находилось великое собрание. По условию их они стояли и не хотели садиться. Царь много раз им повторял «сядьте», но они всякий раз, сделав низкий поклон, пребывали по прежнему. Наконец Петр Великий, не приметив еще причины сей необыкновенной учтивости, спросил их: что бы это значило, что ни

кто не садится, и разве они не слышали, что он уже несколько раз то повторял. Тогда один из них начал говорить: «Ваше величество, не извольте прогневаться, что мы не осмеливаемся сесть в присутствии нашего государя, равняясь едва чином напольному капитану, да и самые штаб-офицеры за вами стоят и только генералы с бригадирами имеют позволение садиться с вашим величеством».

Царь, догадавшись, что они чрез сие понимают, усмехнулся и сказал: «Хорошо! На сей раз садитесь, я на сих днях поговорю в Сенате о ваших чинах». Потом, вынув свою памятную книжку, записал несколько слов и спустя немного дней вышло из Сената императорское повеление, в силу которого даны были кораблестроителям, смотря по различию заслуг, бригадирские, полковничьи и майорские чины. [\[27\]](#)

22. Наставление Петра Великого о различии жалованья иностранцам

Точность великого монарха в знании свойств разных наций столь далеко простиралась, что они не только совершенно знал их различный образ мыслей и жизни, но и сообразовался оному при принятии их на свою службу и при определении им жалованья. И потому некогда в Адмиралтейской Коллегии, при случае приема некоторых мастеровых и художников, говорил он обстоятельно о том, как надлежало обходиться с такими людьми разных наций и содержать их, и что принимая их на службу должно делать с ними договор или определять им жалованье, не только по их способности и ожидаемой от них пользе, но также и по свойству их нации и обыкновенного образа жизни. Французу, говорил Государь, всегда можно давать больше жалованья; он весельчак (*bon vivant*) и всё, что получает, проживает здесь. Немцу также должно давать не менее, ибо он любит хорошо поесть и попить, и у него мало из заслуженного остается. Англичанину надобно давать еще более; он любит хорошо жить, хотя бы должен был и из собственного имени прибавлять к жалованью. Но голландцам должно давать менее, ибо они едва досыта наедаются для того, чтобы собрать больше денег; а итальянцам ещё менее, потому что они обыкновенно бывают умеренны и у них всегда остаются деньги; да они и не стараются скрывать, что для того только служат в чужих землях и живут бережливо, чтобы накопить денег и после спокойно проживать их в раю своем, в Италии, где в деньгах недостаток. ^[28]

23. Снисхождение Петра Великого к проступкам тех людей, к которым он привык и которые были ему нужны.

Правительствующий Сенат неоднократно открывал корыстолюбивые поступки и обманы Князя Меншикова в поставке знатного количества провианта и мундиров для армии. Иногда Сенат во исполнение своей должности посылал к нему касавшиеся до того запросы; однако тот почти никогда на те не отвечивал, либо для виду посылал иногда ответ с одним из своих подчиненных; но всегда остерегался отвечать письменно, особенно ж с собственноручным подписанием. В таких обстоятельствах, дабы не принять участия в его вине, сенаторы описали главные и важнейшие пункты, в которых князь Меншиков был обвиняем, на особливом листе и положили оный на стол прошив того места, где Государь садился, не донеся ему о том заранее. Сия бумага не скрылась от пронизательного взора монарха. В первое свое присутствие в сенате взял он ее, и просмотрев наскоро, положил опять, и не говорил о ней ни слова, так, как бы совсем ее не читал. И так она лежала довольно долго пред государем на одном месте без всяких следствий. Наконец сенаторы решились начать говорить с его величеством о сем деле. Сидевший после государя, тайный советник Толстой спросил у его величества что угодно ему будет сказать о сей бумаге. «Ничего, – отвечал государь: – только что Меншиков и останется всегда Меншиковым. Господа сенаторы могли толковать сей ответ, как хотели. Бумага осталась на столе, и после никто уже более не осмеливался упоминать о ней.»^[29]

24. Подарки Петра Великого тем, которые просили его в приемники своих детей.

Великий сей монарх не гнушался, по просьбе беднейших людей, как то: ремесленников, которые для него работали, низших придворных служителей и тому подобных быть у них кумом. Он также и в дома их приходил, когда ему несколько допускало время, равно как и к знатному господину, и гораздо лучше был доволен скудным их угощением, нежели лишнею трапезою, за которую всегда выговаривал. Таким же образом поступал он и с гвардейскими своими офицерами и солдатами, из числа коих почти ни одного не было, которой бы его, по крайней мере, к первому младенцу не просил кумом. Великих же подарков ни кому из них ожидать не надлежало, но только довольствоваться его милостью, ибо обыкновенной его порядок состоял в поцелуе роженице и в одном рубле, которой он, по древнему российскому обыновению, клал под подушку роженице. Сие давал он рядовым, а офицерам по червонцу.^[30]

Примечание: Сей анекдот слышал я некогда из уст ее величества императрицы, Елизаветы Петровны, которая одним утром в покойном платье (как то в первые два года по прибытии её племянника великого князя Петра Феодоровича почти всякое утро случалось) посетила его высочество и по случаю просила, что он подарил тому гвардейскому офицеру, у которого он накануне крестил младенца? Когда же великий князь сказал в ответ, что он подарил ему 100 червонных, то императрица, засмеявшись, ему сказала: «Ей, ей! Ваше высочество, еще часто будете прошены в кумовья и должны иметь весьма великую сумму, когда каждому крестнику хотите дарить по 100 червонных. Блаженной памяти мой родитель, которой всеми гвардейскими офицерами и простолюдинами был просим в кумовья, редко отказывал крестить младенцев: но он давал роженице поцелуй и под подушку клал один червонец. Вот был его подарок, и все были тем довольны».

25. Отвращение Петра Великого от тараканов

Сей впрочем не весьма брезгливый Государь, увидев где-нибудь в комнате сию гадину, уходил в другую комнату, а иногда и совсем из дому. Его Величество в частных путешествиях по своему Государству при перемене лошадей не входил ни в какой дом, не послав наперед кого-нибудь из своих служителей осмотреть комнаты и не уверившись в том, что там нет тараканов. Некогда один офицер угощал его в деревне недалеко от Москвы, в деревянном доме. Государь весьма был доволен хорошим его хозяйством и домашним распоряжением. Сев уже за стол и начав кушать, царь спросил у хозяина, чист ли его дом от тараканов? «Несколько, – отвечивал сей безумный хозяин, – а дабы мне совсем от них освободиться, то прибил я здесь одного к стене живого»; тотчас указал он перстом на то место, по одну сторону царя, где в самом деле был прибит гвоздем таракан и еще трепетался. Царь столь ужаснулся, увидев нечаянно сие мерзкое ему насекомое, что, вскочив из-за стола, дал хозяину хорошую пощечину и тотчас со свитой своей от него уехал. [\[31\]](#)

26. Удивительная память Петра Великого

Во время первого стрелецкого бунта в Москве, когда Петр I был еще весьма молодых лет, мать его, царица Наталья Кирилловна, сопровождаемая малою свитою верных служителей скрылась с ним в Троицком монастыре за 60 верст от Москвы, надеясь быть там в безопасности.

Но стрельцы, проведав и о сем убежище, в ярости своей приходили туда толпами, дабы убить молодого царя. Они искали его везде в сем священном месте и, не найдя, толпа, этих злодеев вломила даже в церковь. Там один из них увидел молодого Государя в алтаре в объятиях своей родительницы. Злодей не уstraшилсЯ подбежать с ножом к невинному Государю, и приставив его к груди, готов уже был совершить убийство. Но Божественное Провидение, предопределившее произвести через него великие дела и после столь часто от очевидной опасности его спасавшее, защитило его своим могуществом и в ту минуту, когда уже никакой человек защитит его не мог, и он как бы окаменев от страха, смотрел в глаза убийце. Стрелец, приготовившись заколоть Государя держал одною рукою его за плечо, а другою нож у груди его; но другой бунтовщик, бывший в церкви закричал ему страшным голосом: «Постой, брат! не здесь в алтаре; подожди покамест выйдет из церкви: он от нас не уйдет. Между тем, и почти в то же самое мгновение, прочие стрельцы увидели многочисленную царскую конницу, скачущую во весь опор к монастырю; они закричали своим сообщникам, бывшим в церкви, чтобы они скорее спасались бегством. Все в замешательстве побежали и старались только уйти; а молодой Государь остался невредим и возвратился к преданным ему.

Более, чем через 20 лет после сего приключения, когда не только сей, но и последовавшие потом бунты давно уже были укрощены, стрельцы истреблены и ни мало уже их не осталось, все в Государстве было спокойно, и Государь занимался исправлением своего войска и учрежденным флота, учил он некогда в Петербурге на Адмиралтейском лугу несколько сот новоприведенных матросов. Государь осматривал их в строю с великим вниманием, и посмотрев на

одного из них, вдруг так испугался, что отскочил на несколько шагов назад и тотчас приказал его схватить. Матрос, которому совесть скоро сказала, кого Государь в нем нашел, пал на землю и закричал: «Виноват! Помилуй, Государь! Помилуй!» Никто из около стоявших, ни офицеры, ни товарищи его не знали, что это значило, потому что все они знали этого матроса уже несколько лет, как доброго человека, который верно и прилежно исправлял свою работу и никакого преступления не сделал. Но с ужасом услышали они, как Государь спросил у матроса, не стрелец ли ты, и не тот ли самый, который в Троицком монастыре в алтаре приставлял мне нож ко груди? «Так, государь, отвечал матрос: я тот самый».

Государь продолжал расспрашивать его, и он рассказывал, что он в молодости был стрельцом и сообщником в бунте, но вскоре раскаявшись в своем преступлении, спасся бегством прежде, нежели бывшие его единомышленники были переловлены и казнены; потом несколько лет в бедности скитался по отдаленным пустыням; наконец сказавшись вышедшим сибирским крестьянином, записался в матросы в Архангелогородском Адмиралтействе, и по сие время служил верно и честно. Петр Великий тронут был откровенным его признанием, простил ужасное его преступление и даровал ему жизнь, но притом сказал, что он подвержен будет жесточайшей казни, если Государь еще в жизни своей когда-нибудь его увидит. Матрос благодарил Бога и Государя за сию столь неожиданную милость и сослан был в одну из самых отдаленных Российских провинций, и Государь мог быть уверен, что никогда уже его не увидит. [\[32\]](#)

27. Заведение Кунсткамеры

Петр Великий во время первого своего пребывания в Голландии в 1698 году занимался только главным своим намерением, касательно до кораблестроения, мореплавания, коммерции, художеств, фабрик и промыслов. Но во время второго своего пребывания там и во Франции, в 1717 и 18 годах, гораздо уже рачительнее старался он особенно о науках и художествах. Везде осматривал он публичные знатнейшие частных людей собрания картин, произведений искусства и натуральных редкостей. Особенно в Амстердаме возбуждали его любопытство два весьма редкие и дорогие кабинета, которые он часто посещал, с величайшим вниманием осматривал и наконец купил дорогою ценой и с великою осторожностью приказал перевезти в Петербург. Один из сих кабинетов состоял полным анатомическом сокровище, над собранием которого славный профессор Рюйш трудился свыше 40 лет. Описание оногo напечатано в Голландии под названием: *Thezaurus Anatomicus per scrinia divisus* со многими фигурами и у врякаго анатомика находится; оригиналы же все с того времени хранятся в Санкт-Петербурге при Академии Наук. Другой кабинет составляло тогдашнего амстердамского аптекаря Зебы большое собрание всех известных земных и морских животных, птиц, змей и насекомых из Ости Вест-Индии, которого описание в двух книгах, в лист, с прекрасно гравированными фигурами, известно под названием: *Sebae Thezaurus Naturae etc.* Петр Великий приказал в Амстердаме живописцу Кселю списать и портреты обоих сих славных мужей и поставить их в Кунсткамере при сих собранных ими вещах. Портрет Зебы и поныне еще находится в Академии, но куда девался Рюйшев портрет, неизвестно. Библиотекарь Шумахер думал, что он по кончине Петра Великого не был отдан в Академию вместе с прочими вещами, но попался в число других картин, либо как-нибудь утрачен. Упомянутые два славные во всем свете собрания составляли первое основание кабинета натуральных редкостей, находящегося ныне при Академии Наук. Петр Великий приказал для оногo очистить особенный отделенный от других строений каменный дом при Неве-реке, на так называемом Смольном двор. Там всякую неделю по два

или по три дня проводил он утром в систематическом рассматривании вещей, пока наступало время ехать в Адмиралтейство. Он столько занимался этим собранием множества редких и драгоценных вещей, вывезенных из отдаленных частей мира, что некогда назначил там поутру в пять часов первую аудиенцию прибывшему к нему от Римского Императора посланнику. При сем случае Канцлер представлял ему, не лучше ли угодно будет его величеству дать посланнику первую аудиенцию в Летнем дворце? «Пусть он сюда придет, – отвечал государь: – для посланника все равно, где бы я в первый раз его ни принял; он прислан ко мне, а не в какой-нибудь дом, и может сказать мне что надобно там, где меня найдет». И так аудиенция дана была в пять часов поутру в Кабинете натуральных редкостей.

В другое время его величество опять однажды был там с генералом-прокурором Павлом Ивановичем Ягужинским, некоторыми сенаторами и другими знатными особами, то показал он им систематическое установление натурального своего зала и Руйшева неоцененного анатомического сокровища, изъяснил им, сколько то собрание полезно к познанию человеческого тела, коему необходимо научиться должны врачи для основательнейшего лечения больных. Тогда приказал его величество находящемуся под начальством лейб-медика Арескина, главного оной Кунсткамеры надзирателя, библиотекарю Шумахеру: поелику все в надлежащем порядке учреждено и расставлено, то бы впредь всякого желающего оную посмотреть пускать и водить, показывая и изъясняя вещи.

Ягужинской превозносил сие милостивое монаршее намерение пристойными похвалами, но по безрассудной ревности к корысти прибавил к тому сие предложение, что поелику к содержанию столь драгоценных редкостей ежегодно требуется некоторое иждивение, то мог бы каждый, желающий оные посмотреть, давать за вход по одному или два рубля, от чего бы собрана была такая сумма, из коей бы можно тратить на содержание и умножение сих редкостей.

Царь, желавший всякими способами привлечь подданных своих к познанию природы и художеств, прервал тотчас речь Ягужинскому и сказал: «Павел Иванович, ты глупо рассуждаешь! И предложение твое более бы воспрепятствовало, а не споспешествовало моему намерению. Ибо кому была бы нужда в иностранных моих редкостях и

кто бы пожелал видеть мою Кунсткамеру, если б ему за то надлежало еще платить деньги? Но я притом еще приказываю, чтоб не только каждого безденежно впускать, но сверх того всегда как ни соберется общество, угощать их на мой счет чашкою кофе, стаканом вина, рюмкою водки и другими напитками в самых Кунсткамерах».

В силу сего высочайшего повеления определено было библиотекарю сверх сего годового жалованья еще 400 рублей в год на упомянутое угощение, еще при царствовании императрицы Анна Иоанновны часто я видел, что знатнейшие посетители в Кунсткамере были угощаемы кофеем, венгерским вином, цукербротом и, смотря по годовому времени, разными плодами; посредственных же людей водил туда суб-библиотекарь или другой служитель, которому все вещи известны были, и с кратким изъяснением показывал им все редкости.

[33]

28. Благосклонность Петра Великого к новым проектам

Благоразумие повелевает не все вдруг отметить, но наперед всё надлежащим образом исследовать, дабы выбрать доброе. Благоразумный Монарх, Петр Великий, наблюдал сие с великою осторожностью. И кроме того имел он врожденную склонность всем тем заниматься и все то исследовать, что имело хотя бы некоторый вид пользы при преобразовании Российского Государства и могло в чем-нибудь споспешествовать благу оногo.

Посему не оставлял он ни одного из подносимых ему проектов без исследования, кроме алхимических, ибо, он почитал себя уверенным в том, что утверждающий о себе, будто умеет делать золото, должен быть неискусным и неосновательным химиком, и как он обыкновенно говаривал, либо невеждою в химии, либо обманщиком. Сей великий дух, любя получать всякий день новые познания о всяких вещах и пользуясь всяким к тому случаем, благосклонно принимал всех предлагавших ему новые проекты. Он не только имел терпение со вниманием их выслушивать, но и повелевал с осторожностью искусным людям исследовать их предложения и тайны, и притом сам бывал свидетелем справедливости или несправедливости, удобства или трудности проекта. Во всем требовал он доказательств и действительных опытов, на которые не жалел иждивения. Если опыты соответствовали его ожиданию и обещанию предлагавшего проект, то Государь награждал его сообразно важности проекта и предлагал ему пристойное место в своей службе. Если же проект оказывался несправедлив, неудобен к произведению в действо и бесполезен, то Государь примечал, что сочинитель оногo сам не имел о вещи довольно основательного сведения, или в чем-нибудь ошибся, либо по крайней мере не имел намерения обмануть его; то снисходительно показывал ему его ошибку, давал ему какой-нибудь подарок за труд, либо денег на дорогу, ежели он приезжал со своим проектом из другого места, и еще извинял его пред теми, которые хотели его величеству сие отсоветовать, говоря: «Может быть, он

честный человек; он только не разумел лучше этого дела, а имел доброе намерение и хотел оказать мне услугу».[\[34\]](#)

29. Запрещение Петра Великого, чтобы на улице не падали перед ним на колени

В первые годы по основании Петербурга, когда еще весьма немногие улицы были вымощены и во многих местах весьма было грязно, особенно же в дождливую погоду простой народ по старому обычаю, увидев Государя, падал перед ним на колени, после чего часто вставали они все вымаравшись в грязи. Петр Великий не хотел этого, и всегда делал знак народу, чтоб те не падали на колени, и даже часто говаривал, что это ему не нравится. Однако ж народ не оставлял старого обычая, и Государь должен был запретить, под страхом наказания кнутом на улице падать пред ним на колени и пачкаться в грязи^[35].

30. Петр Великий в военной и морской службе

Уже с младенчества своего приготовился Петр Великий быть истинным героем, ставил себе в удовольствие те тягости, которые сопряжены с солдатским знанием, и для снесения оных приучал себя к простому и суровому житию. Едва исполнилось ему десять лет, как он набрал себе в Москве роту солдат из молодых дворян, стоял с ними в лагере и ежедневно упражнялся с ними как в надлежащем воинском учении, так и в отправлении всех случающихся при оном работ. Ибо он, не взирая на свою власть, не хотел однако ж объявить себя капитаном сей первой регулярной российской роты, но паче служить с низшего степени и сам обучиться службе. И так был он долгое время барабанщиком, а потом двенадцать лет рядовым солдатом. Когда приходило время его караула, то ночевал он с товарищами своими в палатке или на палочной, стаивал как днем, так и ночью на часах, имел вместе с другими простую солдатскую пищу.

При делании, для увеселения и воинского учения, крепостцы возил он с прочими землю тележкой, которую он сделал собственными руками. Таким образом молодой сей герой не только сам приучился ко всем военным тягостям, но и подавал собою пример тем, которых он хотел привлечь к военной службе. Он всегда осуждал тщетное воображение о знатном происхождении и заслугах своих предков; напротив того старался вкоренить в молодое дворянство истинное любочестие, чтоб по его примеру приобретать пред другими честь, чин и преимущество, не чрез заслуги предков, но чрез свои собственные. Из сего намерения российского монарха произошло в последующее время 1722 г. в опубликованном регламенте, что преимущество одного в рассуждении другого определяется только через царскую службу, и никто другим чином пользоваться не должен, как только тем, который он в службе приобрел. Но кто совсем не служил или не служит, тот не имеет никакого чина. В силу того и поныне во всей России имеет младший дворянин пред старшим, даже и бароном, графом и князем, преимущество, ежели тот в гражданской или воинской службе имеет в рассуждении последнего вышний чин. Ибо без заслуг, а за деньги покупать чины, так как при различных

дворах случается, должно сказать в похвалу сего государства, не бывало и нет сего обыкновения в России.

Когда после юношеских сих Петра Великого военных упражнений приятнейшее его упражнение было мореплавание, кого искусству он в Саардаме и в Амстердаме научился, то и служил он сам с низших чинов в своем флоте и наконец дошел чином до *шут би нахта* или контр-адмирала, чем он столько был доволен, что заслугам своих адмиралов и вицеадмиралов, которые имели выше его чин, давал пред собою преимущество. Некогда освободилось при флоте вице-адмиральское место, которое по адмиралтейскому штату долженствовало опять быть занято. *Шут би нахт* Петр Алексеевич подал челобитную в Адмиралтейскую коллегия, в которой, прописывая свою службу, просил о помещении на порожнюю ваканцию. Дело сие было прилежно рассматриваемо, а по основательном рассуждении, было свободное сие место отдано другому контр-адмиралу, на прошение же *шут би нахта* Петра Алексеевича вышел ответ таков, что коллегия довольно признает оказанные им до сего времени услуги, надеется также, что он впредь будет стараться еще о больших заслугах, и обнадеживает его желаемым возвышением, как скоро опять случай к тому откроется. Ныне же, сравнивая его морскую службу с службою другого контр-адмирала, усмотрела она, что сей гораздо долее служил морским офицером, и во многих случаях на море себя оказал; Адмиралтейская коллегия, наблюдая справедливость, не могла ему на сей раз дать пред другим преимущества и произвести вице-адмиралом. Петр Алексеевич был сим решением доволен и сказал при дворе, когда зашла речь о сем производстве: «Члены коллегии справедливо судили и правильно поступили. Если бы они были столь подлы, чтоб от заискивания предпочли меня моему товарищу, то конечно бы за то должны были отвечать».^[36]

31. Петр Великий угощает Голландских корабельщиков блинами

Великий наш император обыкновенно посещал Голландских и почти всех других корабельщиков, которые в Петербург приезжали, на их кораблях. Он осматривал строение их кораблей, особенно же тех, в которых было что-нибудь отменное. Ему не противно было, когда корабельщики угощали его рюмкою водки или вина, сыром или сухарями. Он разговаривал с ними об их путешествии, особенно по Балтийскому морю, с удовольствием слушал опытные их замечания, и часто вступал с ними о том в пространный разговор. Они имели позволение являться во дворец и смотреть всякие торжества, и даже часто были весьма хорошо угощаемы при дворе. Все это столь нравилось сим людям, по вольному их образу жизни, что они с великою охотою приезжали в Петербург. Российский торг в Санкт-Петербурге был тогда уже в цветущем состоянии. Смелость корабельщиков и свободное их обращение с императором содержали в страхе Государственных служителей, которым надлежало иметь с ними дело, и споспешествовали скорому отправлению их дел. Если причиняемо было хоть малое неудовольствие сим мореходам, то они тотчас грозили, что будут жаловаться Его Величеству. Из частых опытов известно было, что Государь позволял им свободный к себе доступ без всяких околичностей, и тотчас требовал к ответу тех, на кого они жаловались. Одним словом, корабельщики; а особенно Голландские, которые составляли тогда большое число, обходились с Петром Великим весьма вольно. Но император, зная обычай сих людей и отменно любя их по многим причинам, не гневался на такое их поведение, но прощал им и увеселялся оным.

Некогда встретился он в саду Летнего дворца с недавно прибывшим Голландским корабельщиком, который прежде часто бывал в Архангельском городе и тогда в другой раз приехал в Петербург. Государь спросил у него, не лучше ли ему нравится в Петербурге, нежели в Архангельске, и не с такою ли ж охотою приезжает он в Петербург, с какою прежде туда ездил? Нет, отвечал корабельщик. Император удивился сему ответу и спросил у него с

некоторым неудовольствием о причине. Отважный корабельщик, тотчас догадавшись, что первый его ответ был не учтив и неприятен Государю, сказал: «Ваше величество, в Архангельск лишь только приедешь, тотчас найдешь хорошие блины, а здесь их нет. «Хорошо, – отвечал император, засмеявшись, – такому можно пособить приди завтра со своими земляками, другими корабельщиками, ко мне во дворец, я покажу тебе, что и здесь есть блины также, как и в Архангельске». Как скоро Его Величество возвратился во Дворец, то призвав к себе первого своего повара Фельтена, приказал ему на другой день к вечеру приготовить хороших голландских блинов и что еще к тому надобно было. На другой же день все голландские корабельщики позваны были в Летний дворец на ужин, и в присутствии его величества угощены были в саду так хорошо, что разошлись оттуда уже на рассвете.^[37]

32. Спазматические припадки Петра Великого

Известно, что Петр Великий с молодых лет до самой кончины часто имел припадки сильной спазмы в мозгу, или некоторого рода конвульсии, от которых он несколько времени, иногда по целому часу, бывал настолько мрачен и сердит, что даже те, которых в другое время любил он иметь при себе, обыкновенно от него уходили. Признаком этих припадков было чрезвычайное искривление шеи на левую сторону и кривлянье лица. Поскольку эти припадки примечены были в Государе не с самого детства, но уже через несколько лет по вступлении его на престол, то вообще думали, что причиной оных был либо жестокий страх, претерпленный им в Троицком монастыре (См. Анекд. 26), либо яд данный ему тайно, по приказанию сестры его, властолюбивой царевны Софьи Алексеевны. Особенно же часто бывали эти конвульсии когда он был чем-нибудь раздражен, или когда случалось ему вдруг рассердиться, что тотчас можно было заметить по внезапным его содроганиям, кривлянью лица и по тому, что он начинал искривлять шею. Давидова арфа служила самым лучшим лекарством для царя Саула в подобном припадке; но против конвульсий Петра Великого, Павел Иванович Ягужинский, бывший тогда еще царским денщиком, заметил иное не менее действенное средство, и часто употреблял оное с хорошим успехом. Найдя государя в таком состоянии, он убегал от него, но вскоре опять возвращался с Императрицею, или в отсутствии её с другою молодою госпожою, какая ему встречалась; вводил ее без доклада в комнату к Государю, как бы будучи послан за нею, и сказав: «Петр Алексеевич, вот она, с кем хотел ты говорить, оставлял его с нею наедине. Не известно, нечаянное ли присутствие особы прекрасного пола, к которому Государь имел великую склонность, или приятные слова молодой прекрасной женщины имели столько силы над его припадком; но только то известно, что он всегда бывал так тронут увидев нечаянно прекрасное лицо, что конвульсии скоро прекращались., и государь выходил потом в самом спокойном расположении и с веселым лицом.

[38]

33. Попечение Петра Великого о наблюдении полицейского порядка

Граф Девиер, который в царствование императрицы Екатерины I был несчастлив и старанием тестя своего князя Меншикова сослан в Сибирь, откуда уже через 15 лет был возвращен императрицей Елизаветой Петровной, был воспитанник Петра Великого, служил при нем несколько лет пажем, потом денщиком. После того он был полковником, генерал-майором, генерал-поручиком и наконец даже до упомянутого своего несчастья, генерал-полицмейстером, каковую должность надлежало ему отправлять с рачением, потому что Петр Великий внимательно наблюдал всё касающееся полиции, особенно в новом своем любимом городе, и ничто от внимания его не могло укрыться. Некогда Государь, по обыкновению своему, ехал в одноколке вдоль по берегу Мойки, имея с собою генерал-полицмейстера; подъехав к небольшому мосту, сделанному через канал, проведенный из Головинского сада в Мойку, против острова, называемого Новою Голландиею, где хранился дубовый лес для корабельного строения, нашли они мост испорченным и несколько досок с него разметанные, так что без опасности проехать было невозможно. Государь должен был выйти из одноколки, приказал денщику своему поправишь доски и как-нибудь укрепить, дабы можно было проехать по мосту. Он так разгневался на небрежение полиции о мостах и улицах, что на том же месте поколотил генерал-полицмейстера своею палкою и сказал ему: «Впредь будешь ты лучше стараться, что бы улицы и мосты были в надлежащей исправности, и сам будешь за этим смотреть. Между тем мост был починен и гнев у государя прошел. Он сел в одноколку и сказал генерал-полицмейстеру весьма милостиво, как бы ничего между ними не случилось: «Садись, брат».^[39]

34. Охота Петра Великого

В противность обыкновения всех владетельных дворов, Петр Великий не имел у себя егерского корпуса, но только несколько придворных охотников, которые через свою стрельбу должныствовали доставлять дичь в императорскую поварню, а при Адмиралтействе двух лесничих, которых должность была означать строевой лес в близ находящейся роще и иметь особенное попечение о приращении дубов.

Он никаких звериных травлей терпеть не мог. Как он однажды находился в некотором подмосковном селе и был приглашен одним соседственным дворянином, который был великий охотник, на приготовленные для его величества веселости, охоту и медвежью травлю, сделал он ему дружеский отказ, объявив: «Гоняйте, сколько вам угодно диких зверей, сие не составляет мне никакой веселости, покамест я вне государства дерзкого моего врага гнать, а внутри оного диких и упорных подданных укрощать имею».^[40]

35. Ревность Петра Великого в открытии обмана и в уничтожении суеверия

Между многими опытами своего разума, оказал Петр Великий сильнейший опыт оного в том, что при всяком случае умел истреблять народный страх, основывавшийся на простоте, суеверии, незнании и обмане. Сколь выгодна сама по себе сия предосторожность для государственного покоя, столь благополучно всегда удавалось Петру Великому произведение оной; при том тем скорее и достовернее, чем меньше он давал времени вкорениться сей вредной вещи.

Когда уже Петр Великий мужественно преодолел злобу и неразумие, препятствовавшие ему в новом его заложении города Петербурга, и в 1720 году разные острова сего места несколько стами домов были застроены, так называемая Петербургская сторона, как около крепости, так и за нею, многими публичными строениями, лавками, магазинами и коллегиями была занята, и царь находился за день езды расстоянием от города и был занят деланием Ладожского канала, произошло вдруг великое стечение народа в церковь, находящуюся на Петербургской стороне, на пронесшийся слух, что большой образ Богоматери проливал в оной слезы. На сие сделала тотчас суеверная чернь опасное свое истолкование, что Богоматери страна сия противна, для того плачет и слезами своими новому сему городу и, может быть, всему государству возвещает угрожающее великое несчастье.

Тогдашний великий канцлер, граф Головкин, живший по близости той церкви, пошел в оную, но едва мог опять обратно сквозь толпу пробраться, тем менее еще того разогнать стечение народа. Он отправил тотчас к Петру Великому вершника^[41] с известием о чудесном сем приключении и роптании народном. Царь немедленно от туда поднялся, ехал во всю ночь, прибыл поутру нечаянно в Петербург и тотчас пошел в церковь, где был принят духовенством и поведен к чудотворному или плачущему образу Богоматери. Его величество не видел его при себе плачущего, но от многих присутствующих услышал, что оный уже часто и за несколько еще дней слезился. Сей монарх довольно времени прилежно рассматривал святую сию икону,

однако при всем том показалось ему нечто у глаз оной подозрительно, требующее ближайшего исследования; не подав ни малейшего о том знака, приказал он одному из находившихся там священников снять икону с возвышенного её места и в сопровождении его величества нести оную в его дворец. Там прозорливый сей монарх в присутствии великого канцлера, некоторых знатных своего двора особ, первейшего духовенства и священников помянутой церкви, которые были при снятии сей святой иконы и оную во дворец несли, исследовал всё подробно на сем образе, который довольно был густо покрыт красками и лаком.

Тотчас в начале усмотрел его величество весьма малые и почти неприметные скважины у углов глаз, которым сделанная на оных тень больше долженствовала препятствовать к рассмотрению. Петр Великий обратил образ, оторвал оклад, отколол собственною рукою подкладку назад и ко удовлетворению своего чаяния и первого заключения открыл он обман и источник слез священной иконы Богоматери, а именно: вырезанную пустоту близ глаз, где еще осталось несколько масла, которое было удерживаемо заднею подкладкою. «Вот тайна! – вскричал он тогда. – Вот вам источник чудотворных слез!» Каждой из присутствовавших долженствовал к образу подходить, смотреть сие открытие и собственными глазами увериться в хитром обмане.

Потом доказал мудрый сей монарх окружившим его яснейшими доводами, как пущенное масло в прохладном месте до тех пор может пребывать густым, покамест не распустится от теплоты: таким образом делалось и у сего осмотренного образа, где оное выступало слезами из показанных скважин, когда пламя затепленных пред иконою свеч столько близко приближалось к глазам, что места те разогреются и сокрытое масло от теплоты делается жидко. Сим открытием и показанием обмана окружавшим его, яко очевидцам, казался по наружности монарх быть довольным и спокойным и не показывал никакого знака о исследовании виновника сего обмана, но сказал только наконец присутствовавшим: «Вы теперь все видели, что было причиною мнимых слез иконы Богоматерней. Я не сомневаюсь, что вы везде расскажете и всех известите о том, что вы теперь сами видели и в том удостоверились; следственно, посмеете и уничтожите сие столь неразумное и, может быть, злобное истолкование сего

вымышленного чуда. Сей же искусством сделанный (а не чудотворный) образ оставлю я у себя и поставлю в мою кунсткамеру».

Между тем сей монарх, крайне разгневанный сим обманом и злобным истолкованием искусственных слез, прилагал тайно все свои старания сыскать тому виновников. Спустя несколько времени и по многом исследовании, открыл он их и, по признанию их и по объявлении всех обстоятельств и намерения, с таковою строгостью их наказал, что никто более не имел охоты впредь приниматься за таковые обманы. [\[42\]](#)

36. Любовь Петра Великого к картинам и введение гравировального искусства

Еще при первом путешествии по Германии, Голландии и Англии в 1697 году, Петр Великий возымел охоту к хорошим картинам и уважение к искусным живописцам, хотя главный предмет сего путешествия и не позволял ему заниматься тем с отменным вниманием. Он и тогда привез уже с собою в Москву много хороших картин и весьма искусного гравера и рисовальщика Петра Пикарда, которого в Голландии принял в свою службу. Сему художнику приказал он вырезать на меди некоторые виды города Москвы и окрестных мест; также в 1716 году российский флот перед Кронштадтом, в 1714 году вид города Петербурга и многие другие изображения. Сей же Пикард рисовал и вырезывал на меди изображения забавных празднеств, которые государь иногда учреждал в Москве для своего увеселения и с некоторыми особенными намерениями, как-то: свадьбу Карлов, Китайскую свадьбу, праздник Князя Папы, и проч. Несколько досок и отпечатков некоторых из сих изображений и поныне еще можно найти. Он же рисовал и гравировал прекрасное изображение Полтавского сражения, на доске в 2 фута и 4 дюйма длиною, а высотой в 1 фут и 8 дюймов; равным образом осаду Турецкой крепости Азова в 1696 году, где наперед представлены государь Петр I; фельдмаршалы Алексей Семенович Шеин, и Гордон, генерал-фельдцейхмейстер Головин и генерал-адмирал Лефорт; первые в русской одежде на лошадях, а последние в старой французской с аксельбантами, в большом виде и с похожими лицами. Сей столь же искусный, как и прилежный гравер, которого государь отменно любил и часто возил с собою в санях и в одноколке, не только вырезал много досок с прекрасных рисунков, но и обучал своему художеству некоторых порученных ему от Государя способных учеников, которые сами потом хорошо гравировали, особенно же изображали для Петра Великого первые корабли и другие суда. Одним из искуснейших между ними был Алексей Зубов, который вырезал много хороших эстампов и между прочими в 1721 году с отменным

искусством изображение морского сражения при Грейгаме, на доске в 28 дюймов длиною и в 20 вышиною.

Во время пребывания государева в Париж писали портрет его два славнейшие портретные живописцы, Натуар (тесть столь же после прославившегося живописца Токе) и Ригод. Первой представил его по колени, в панцире, и в такой же величине супругу его императрицу Екатерину, сидящую, с привезенного из Петербурга портрета^[43]. А другой написал Государев портрет в такой же величине, для французского двора, или для тогдашнего регента и опекуна малолетнего Короля Людовика XV.^[44]

В последние годы император имел в службе своей искусного портретного живописца Дангауера, который совершенно в итальянском вкусе самыми живыми красками и с отменным расположением света и тени писал портреты как Петра Великого, так и супруги его, в различных положениях. В то же время жил в Петербурге королевский прусский посланник барон Фон-Мардефельдт, который был столь же искусный миниатюрный живописец, как и Министр. Он написал портреты не только императора и императрицы, но и обеих прекрасных царевен, Анны Петровны и Елизаветы Петровны, на слоновой кости величиною в 8 долю листа, с превосходным искусством и совершенным сходством; ибо списывал оные с них самих, и им поднес в подарок, сняв для себя копии^[45]. Государь, имея и по государственным делам много сношения с сим знатным министром и живописцем, часто просиживал с ним по целому часу, смотрел на его живопись и удивлялся его искусству.^[46]

37. Ненависть Петра Великого к неблагодарности

Ненависть к подлым порокам, особенно же к неблагодарности, как гнуснейшему из оных, была естественным следствием великих и добродетельных чувств, каких душа Петра Великого с самой младости его была исполнена. Монарх изъявлял ненависть сию при всяком случае сильным гневом.

Из многих и различных случаев, при которых добродетельный Государь изъявлял ревность свою к признательности и отвращение от нечувствительности и неблагодарности, упомяну здесь только об одном.

Государь при заведении Адмиралтейства в Санкт-Петербурге, между прочими иностранными мастерами, выписал из Голландии весьма искусного якорного кузнеца и определил ему знатное жалованье, договорившись притом с ним, как и со всеми другими обыкновенно делал, чтоб он обучил своему искусству несколько молодых Россиян. Между ними один учился с отменным пред прочими успехом, так что мастер его в немногие годы не только объявил его первым своим подмастерьем, но при случае представил и Государю, как лучшего своего ученика, и просил прибавки к небольшому его жалованью. Но Государь, знавший своих людей лучше, нежели голландский мастер, обещал исполнить его просьбу, однако ж примолвил к тому, что довольно еще останется времени сдержать свое слово, и приказал ему несколько подождать, а между тем примечать за новым своим подмастерьем, не употребит ли он во зло прибавки жалованья. Итак русский подмастерье остался еще на несколько месяцев при старом жалованье. Наконец лишился он терпения и вознамерился при удобном случае без ведома своего мастера подать государю прошение о прибавке. Государь вспомнив, что и честный его учитель о том просил, принял прошение милостиво. Но в оном между прочим нашел он, что проситель, обучившись совершенно своему искусству, может и сам делать якори не хуже прежнего своего мастера, и других учить, и что государь не имеет уже нужды производить мастеру его столь знатное жалованье, но может отпустить его, а

напротив того дать просителю обещанную прибавку. Прочитав сие, государь так разгневался, что бросил подмастерье бумагу в лицо и говорил ему: «Негодный! Это ли благодарность твоя честному твоему мастеру и благодетелю, которой не только тебя ревностно учил, но еще и мне рекомендовал и просил прибавки тебе жалованья. Я никогда не отпущу его, покамест он хочет у меня оставаться, и не убавлю его жалованья; а тебе за твою неблагодарность долго еще прибавки дожидаться.» Потом разгневанный Государь приказал наказать неблагодарного подмастерья батожем при всех его товарищах и отослал в отдаленное место, где также была якорная кузница. [\[47\]](#)

38. Справедливость Петра Великого

Российский монарх оказывая сам всякому справедливость, столь же строго и от других требовал справедливости и вообще против всякой несправедливости был весьма чувствителен. При всяком, случае оказывал он убедительнейшие опыты сего своего правила, которое было основанием всех его законов. Следующее приключение послужит ему примером.

Голландский корабельщик Даас, был один из тех трех корабельщиков, которые по переведении торговли из Архангельска в Петербург, первые пришли с нагруженными кораблями в новую Кронштадтскую гавань и в Петербург.

Сему корабельщику при третьем его приезде в Кронштадт, когда не было еще там двойной гавани, но купеческие корабли должны были стоять вместе с военными, случилось несчастье, что корабль его на ходу ударился о фрегат и расшиб у онаго фалрип (лесенку, по которой всходят на корабль). Командовавший фрегатом русский поручик так рассердился на сию неосторожность Голландского корабельщика, что выбравив его жестоко, велел взять его под караул и потребовал с него в наказание некоторую сумму денег. Корабельщик не отрекался заплатить все то, чего будет стоить починка фалрипа; но поручик был тем не доволен и поставил на Голландский корабль несколько русских солдат и матросов. По счастью корабельщика, на другой день Петр Великий прибыл в Кронштадт. Он не соглашаясь на несправедливое требование поручика, немедленно пошел к государю и принес его величеству жалобу. Творец Российского мореплавания и торговли с иностранцами, принимавший всегда ласково и милостиво корабельщиков, провизжавших в новые его гавани и города, весьма разгневался на несправедливость поручика. Он сам тотчас сел в шлюпку и поехал в гавань, чтобы осмотреть вред причиненный фрегату, и нашел что только фалрип был расшиблен, который в несколько часов можно было починить с небольшою издержкою. Он сделал жестокий выговор поручику. «Не стыдно ли тебе, сказал он, поступать так несправедливо с иностранными корабельщиками, с которыми и сам я обхожусь ласково, чтобы они охотно приезжали в

новую мою гавань, Сейчас же сведи свой караул с голландского корабля! Корабельщик по справедливости вызывался заплатить тебе за починку фалрипа; а ты хотел насильно взять с него вдесятеро больше, нежели того, чего и новой фалрип стоит. Если я впредь еще услышу о таких твоих поступках, то научу тебя справедливости; а теперь отдай приказ, чтоб фалрип в три часа непременно был сделан точно также, каким был прежде.

Потом государь отправился осматривать разные новые заведения в Кронштадте. Через три часа возвратившись на фрегат, нашел он там фалрип совсем починенный, но только еще не выкрашенный, и сказал поручику:

– Ты не совсем исполнил мое приказание. Фалрип прежде был красный; прикажи немедленно его выкрасить, и если не хочешь испытать моей немилости, то впредь во всяком случае будь справедливее, и обходись с иностранными корабельщиками и со всеми иностранцами ласково и учтиво.^[48]

(*)

39. Наказание Петром Великим ложного пророка

Неподалеку от помянутой не давно церкви и близ берега Невы стояло старое высокое дерево ольха. О нем пророчествовал один мужик в Петербурге, что в ближайшем сентябре месяце столь великое будет потопление города, что вода превысит помянутое дерево. Разнесшийся о том слух привел жителей сего нового города, а особенно легковерную чернь, в страх и беспокойство. Многие из них делали приуготовление, каким образом в таком случае спастись. Некоторые наперед уже скрылись в ближайшие и вышние места, лежащие около Петербурга: в Павловское, Красное село, Дудергов и проч. Как скоро сей слух дошел до царя, то тотчас возымел он подозрение, что от кого-нибудь из знатных людей, не довольных новым его городом, а особенно от тех выдуманно и рассеяно, которые с неудовольствием видели, что он пребыванием своим избрал Петербург, или какими-нибудь простолюдинами, которые против своей воли из старых своих селений в сие место были переселены.

Петр Великий, любивший свой новый город Петербург и изобильные водами его места, весьма от того рассердился, велел то дерево срубить и всячески старался узнать виновника сей ложной и страшной молвы. Многие сотни людей были допрашиваемы и каждой долженствовал объявить, от кого слышал. По долговременном старании открыл он ложного сего пророка в одном российском мужике, которой, как и многие ему равные, был из далека переселен в одну финскую деревню и неохотно в сей стране жил. Его обличили, что он был вредный виновник сего ложного слуха. Петр Великий велел его до исхода сентября держать под стражей в крепости, а когда прошел срок и потопа не бывало, то определил он публиковать, чтоб из каждого дому кто-нибудь в означенный день и час явился на место срубленного дерева. Там велел он сему ложному пророку на довольно возвышенном эшафоте дать пятьдесят ударов кнутом и потом пред всем народом прочесть изрядное увещание от обмана и столь глупого и вредного суеверия. ^[49]

40. Петр Великий определяет одному судье более, чем двойное жалованье, но за то требует от него строжайшего наблюдения должности

Петр Великий услышал в Москве об одном стряпчем, которого почитали искуснее и славнее всех в приказных делах. Особенно же рассказывали его величеству о сем человеке, что он твёрдо знает как старые законы и учреждения, так и все его указы, и часто самим судьям дает наставления, как им поступить по закону, хотя бы то было против его пользы или ко вреду производимого им дела. Притом, обыкновенно говаривал он, что хочет лучше законно и праведно потерять свою тяжбу, нежели неправедно выиграть; ибо истец рассказавший ему несправедливо о своем деле, так, что он в суде лучше сведает об истинных обстоятельствах оною, не может на него жаловаться за потерю тяжбы, за которую бы он и не взялся, если б сначала не был обманут и узнал, что требования истца несправедливы.

Такой человек достоин был любви Петра Великого. Однако ж его величество не положился на один только слух, но хотел и сам узнать это; призывал его к себе несколько раз, разговаривал с ним о многих трудных делах и нашел в нем глубокое знание, основательное рассуждение и великую честность. Наконец Государь вознамерился взять его в службу и сделал его вдруг из простого стряпчего главным судьей в Новгородской губернии. Его величество объяснился притом, что он, полагаясь на любовь его к справедливости и на знание законов, надеется, что он прекратит крючкотворства и тяжбы, каких много бывало в тамошней губернии, и будет исполнять правосудие немедленно и строго, не смотря ни на знатность лиц, ни на подарки. Новый Судья обещал соответствовать Царской доверенности верным исполнением своей должности, и к великому удовольствию Государя держал несколько времени свое слово.

Через несколько лет пронесся о нем слух, будто он берет взятки и решает дела несправедливо. Жалобы дошли до престола. Петр Великий думая, что довольно знает сего человека, почитал сперва эти жалобы за клевету. Но они умножены были некоторыми весьма явными случаями, так что Государь принужден был то исследовать и

уверился в истине доносов и узнал, что в самом деле справедливый Судья брал взятки и не однажды уже продавал правосудие за деньги. Его величество потребовал его к ответу и уличил в преступлениях. Он признался, что между множеством правильно решенных дел, иногда прельстившись деньгами, решал некоторые дела несправедливо. «Я никогда от тебя этого не ожидал, – сказал Государь: – но что тебя до этого довело?» «Нужда, – отвечал виноватый Судья: – я видел, что при всех моих трудах должен был проживать мое жалованье и не мог ничего из него сберечь, чтобы после себя жене и детям оставить, как то делал прежде, получая больше доходу; да и притом не мог еще я жить так хорошо, как другие мне равные живут, не входя в долги. «А сколько надобно тебе жалованья, – спросил Государь, чтобы быть довольным и не иметь нужды брать взятки и ради денег делать несправедливости?» «По крайней мере вдвое против нынешнего моего жалованья», – отвечал Судья. «И ты совершенно будешь доволен? – продолжал Государь: – Будешь исполнять верно свою должность, и не станешь брать взяток и с намерением неправедно судить?» «Совершенно буду доволен, всемилостивейший государь, – отвечал Судья, – и подвергаю себя самой жесточайшей казни, если буду уличен в неправом решении дела из корысти, во взятках, в неправосудии или в какой-нибудь неверности против вашего величества». «Изрядно, – сказал Государь, на сей раз я тебя прощаю и определяю тебе двойное жалованье и сверх того еще половину. Но смотри ж, сдержи свое слово и исполняй должность свою честно и справедливо, как я от тебя надеюсь. Я уверяю тебя, что буду примечать за тобою, и если ты еще раз, прельстившись деньгами или подарками сделаешь несправедливость, то непременно прикажу тебя повесить.

Обрадованный Судья пал к ногам Его Величества и благодарил его. Несколько лет поступал он сообразно желанию и воле государя, наблюдал правосудие со всею строгостью и исполнял должность свою беспорочно. Но наконец забыл он свое слово, думая, что и Государь о своем уже не помнит; начал по прежнему брать взятки и делать притеснения и несправедливости. Государь узнав о том, приказал взять его под стражу, судить и уличив в его преступлениях, сказать ему, что когда он не сдержал своего слова, то Государь свое сдержит, и потом велел его повесить. ^[50]

41. Петр Великий, проезжая Саксонию, был в Виттенберге и в том самом доме, в котором доктор Лютер жил и умер

Неограниченно было любопытство Петра Великого и желание ненасытимо во всяком случае оное удовольствоваться. На путешествиях своих выходил он везде из своей коляски, где только усмотрит малейший предмет естественной или другой какой достопамятности, чтоб ту вещь рассмотреть. Когда он на пути своем проезжал чрез какое местечко или пригородок, которой едва и по имени своем известен, то он всегда останавливался и осведомлялся, не находится ли в нем чего достойного зрения. [...]

Во втором его путешествии в Голландию 1716 года прибыл он около полудня в Виттенберг, находящийся в Саксонии, а между тем, как ему приготавливали обыкновенный обед, спросил он хозяина, что примечания достойно там для проезжих иностранцев? «Ничего особенного, — отвечал он, — как разве только старый курфирстский замок, медная гробница доктора Лютера в придворной церкви, прежнее его жилище и кабинет». «Это я должен посетить, — сказал царь, — ибо я много слышал доброго о сем великом и достопамятном муже, который в пользу своего государя и столь многих князей, имевших более прочих благоразумия, столь отважно ополчился на самого Папу и все его воинство». И так высокий сей путешественник пошел еще до обеда в придворную церковь, где со вниманием рассматривал изваянное из меди изображение доктора Лютера в человеческий рост на его гробнице и, отходя, сказал: «Сей муж по справедливости это заслужил». По пришествии его в те покои, в которых Лютер жил и умер, было ему показано в его кабинете большое на стене чернильное пятно, и при том рассказана старая басня, что когда доктор Лютер был однажды занят трудами, явился ему дьявол, которой всякими искушениями старался потревожить его мысли, то будто Лютер на сие столько рассердился, что, схватив чернильницу, бросил дьяволу в рожу, от чего и произошло то большое чернильное пятно и по ныне не отмывается. Петр Великий весьма сей басне смеялся и сказал только: «Разве сей мудрый муж почитал

дьявола видимым?» При рассматривании сей же стены, когда великий монарх заметил, что на оной написаны были различные имена карандашом, то и не упустил он спросить, что бы это значило, и когда в ответ получил, что это имена чужестранных путешественников, посетивших сие лютерово жилище, которые написали оные с тем, дабы после оставить память, что они некогда там были, то сказал царь: «Ну, так и мне надлежит написать свое имя». Потом тотчас вынул из кармана кусок мела и российскими буквами написал имя свое «Петр», близ вышеупомянутого чернильного пятна. Чтоб сохранить навсегда сие собственноручное начертание российского монарха сделана уже давно около него жестяная рамка, выдавшаяся близ двух дюймов от стены, в поперечнике имеющая около 7 или 8 дюймов с решеткою того же металла, сквозь которую ясно можно читать царское имя. Я так же оное видел и читал в 1735 году на пути своем в Россию. Но что значила последняя литера, того никто сказать и изъяснить не мог.

42. Попечение Петра Великого о Российских древностях

Великий Монарх наш при всяком случае оказывал отменное и не всякому Государю свойственное уважение к древностям, служащим к объяснению истории. В 1722 году, по заключении выгодного и славного мира со Швецией, отправившись в поход в Персию, остановился он на несколько дней в Казани. Он услышал, что за 10 или за 12 верст оттуда, находятся еще развалины славного Булгарского города Булгара, захотел сам осмотреть оные, и немедленно отправившись туда, отыскивал и рассматривал всё, что ему казалось примечания достойным; приказал списать некоторые оставшиеся там надгробные и другие надписи на армянском и арабском языках, перевести их на Российский язык, и отослал оные в Петербург в свой кабинет. Приметив притом, что сии памятники столь славных некогда болгар весьма уже много повреждены были временем и впоследствии еще более растеряются от небрежения местных жителей, а наконец и совсем могут истребиться, постарался о сохранении оных, и для того в следующем месяце июле, прислал из Астрахани к Казанскому губернатору повеление, отправить немедленно к остаткам разоренного города Булгара несколько каменщиков с довольном количеством извести для починки поврежденных и грозящих упадком строений и монументов, пещись о сохранении оных, и на сей конец всякий год посылать туда кого-нибудь осматривать, для предупреждения дальнейшего вреда.^[51]

43. Петр Великий не терпит лакеев при своем столе

Когда Петр Великий кушал один со своею супругой, то обыкновенно не имел при себе никого для услуг, кроме самых приближенных камер-юнгфер императрицы и одного маленького пажа. Когда ж он кушал с некоторыми из своих министров, генералов или морских офицеров, тогда служили при столе обер-кухмистер его Фелтен, денщик и двое пажей, да и они поставив кушанье и по бутылке вина для каждого гостя, должны были выходишь, из столовой залы и оставлять государя одного с гостями. Лакеи никогда не являлись у его стола, кроме церемониальных обедов; ибо он обыкновенно говаривал о них вообще: «Я не хочу, чтобы они были при том зрителями, как я сижу за столом.» Некогда за столом сказал он прусскому посланнику барону Мардефельдту: «Наемники, лакеи, при столе смотрят только всякому в рот, подслушивают все, что за столом говорится, понимают криво и после также криво пересказывают».^[52]

44. Милостивые поступки Петра Великого с низшими

Известно, что Петра Великого единое ненасытимое его желание к познанию того, что для государства выгодно, сопровождало не только ко всем заводам, мануфактурам и ремеслам, которые заслуживали внимание, но он даже не стыдился в деревнях и городах посещать и ободрять низкого состояния людей, которые с желаемым успехом отправляли свое ремесло. Как он однажды находился в Архангельске при реке Двине и увидел довольно число барок и прочих сему подобных простых судов на месте стоящих, то спросил он, какие бы то были суда и откуда они? На сие было донесено царю, что это мужики и простолюдины из Холмогор, везущие в город разный товар для продажи. Сим не был он доволен, но хотел сам с ними разговаривать. И так пошел он к ним и усмотрел, что большая часть помянутых повозок были нагружены горшками и прочею глиняного посудю. Между тем как он старался все пересмотреть и для того ходил по судам, то нечаянно под сим государем переломилась доска, так что он упал в нагруженное горшками судно, и хотя себе никакого не причинил вреда, но горшечнику довольно сделал убытку.

Горшечник, которому сие судно с грузом принадлежало, посмотрев на разбитой свой товар, почесал голову и с простоты сказал царю: «Батюшка, теперь я не много денег с рынка домой привезу», – «Сколько ж думал ты домой привезти?» – спросил царь. «Да ежели б всё было благополучно, – продолжал мужик, – то я бы алтын с 46 или бы и больше выручил». Потом сей монарх вынул из кармана червонец, подал его мужику и сказал: «Вот тебе те деньги, которые ты выручить надеялся, сколько тебе сие приятно, столько и с моей стороны приятно мне, что ты после не можешь назвать меня причиною твоего несчастья».^[53]

45. Заведение позументной и чулочной фабрики

Петр Великий приметил в Петербурге, что привозятся из немецких земель и продаются в великом множестве такие товары, которых в России либо не умеют хорошо делать, либо и совсем не делают. Из сего усмотрел он, что государству его не достает многих ремесленников и фабрик, в которых оно имеет необходимую нужду. Позументное искусство было одно из тех, которые он намерен был мало-помалу завести в России. На сей конец приказал он в Калинине, где Фонтанка впадает в Финский залив, построить большой каменный дом о двух этажах, который после долго известен был под именем Калинкинского дома^[54] и завел в нем позументную и шерстяную чулочную фабрику, или, лучше сказать, школу для обоих сих ремесел. Он принял к себе на службу искусных иностранных мастеров, определил им хорошее жалованье и отдал им для обучения несколько молодых людей из бедных Новгородских дворян и из мещан. Для побуждения сих учеников к прилежности, Государь не только сам часто туда приезжал и по целому часу смотрел на их работу; но также приказал старшим из них всякое Воскресенье после обеда являться ко двору и расспрашивал их обо всем, что они в неделю делали и об успехах их в ученье. Они должны были приносить с собою пробы своей работы, по которым Государь сам мог видеть их успехи.

Через несколько времени, один из лучших учеников Борис Шаплыгин, сын одного бедного Новгородского дворянина, донес Государю, что он выучился ткать всякие шёлковые тесьмы и шнурки, но только не умеет еще устанавливать станков и делать основы, потому что мастер при всякой новой работе делает это сам и никому из учеников смотреть не позволяет. Государь приказал ему всеми способами стараться перенять сие главное дело в их искусстве и обещал ему за то особенное вознаграждение. Шаплыгин, стараясь заслужить отменную Государеву милость, догадался сделать в углу на потолке над комнатой своего мастера небольшое отверстие, и смотрел в него, когда мастер устанавливал станки и делал основу. Переняв мало-помалу сие искусство, донес он о том его величеству. Государь

взял его на две недели ко двору и приказал ему в отведенной для него особой комнате поставить позументный станок и самому сделать основу, что и удалось ему так хорошо, что он выткал кусок позумента по новой тогдашней моде. Государю было сие весьма приятно; он поцеловал Шаплыгина в лоб, подарил ему несколько рублей, приказал сделать для него новое платье и объявить его через мастера подмастерьем; мастеру же сказал, что он поступал не честно, не допуская учеников своих учиться делать основу, отпустил его и принял на его место другого, которому объявил причину, по которой прежний мастер был отпущен. По прошествии договорных лет, на сколько нанят был новой мастер у отпустил он и сего, помянутого ж Шаплыгина определил он комиссаром на сию фабрику, которая непосредственно зависела от Императорского кабинета. Хотя при императоре Петре II фабрика была уничтожена, но комиссар получал из кабинета небольшое свое жалованье даже и при императрице Елизавете Петровне и жил в Калинкинском доме, где он и умер в 1765 году^[55].

46. Первый хороший портрет Петра Великого

Государь Петр I знал что по недостатку хороших живописцев и медальеров его на рублях изображаем был дурно и совсем на него не походил. Он часто над тем шутил. На втором своем путешествии в Голландию и Францию, проезжая через Ниренберг, остановился он там на несколько дней, чтобы осмотреть Ниренбергские мануфактуры и посетить многих тамошних художников. Между сими художниками нашел он славного портретного живописца Купецкого, которому приказал нарисовать грудной портрет свой в профиль, и немедленно отправил оный с нарочным курьером в Петербург в Монетную Канцелярию с повелением вырезать по сему рисунку штемпели для рублей, полтинников и медалей. И так в следующем 1718 году, вышла первая Российская монета с совершенно. похожим изображением Петра. Великого, сделанным по хорошему рисунку.^[56]

47. Петр Великий находился в опасности быть умерщвленным от одного раскольника.

Сие ужасное происшествие случилось в Петербурге в Летнем дворце. Император имел обыкновение после конференции со своими Министрами, когда они уходили, провожать их в переднюю. Некогда ввечеру, в то время, как Государь имел конференцию со своими министрами, пришел в переднюю в нижнем этаже Летнего дворца незнакомый человек с мешком, сшитым из разных лоскутков сукна, в каких обыкновенно секретари и писари носили за своими командирами бумаги, которые надлежало подавать императору. Никто из стоявших там денщиков и служителей не подозревал сего человека в злом намерении. Может быть всякий почитал его за подъячего из какой-нибудь коллегии, которому приказано было придти с бумагами, и так как он стоял несколько часов с весьма спокойным видом, то никто и не спросил у него, кто он, или что ему надобно. Но вдруг открылась ужасная дерзость и злодейское намерение сего человека. По окончании конференции, когда министры пошли домой и Государь провожал их в переднюю, сей человек, за которым никто не примечал, оборотился к стене и вынув нечто из своего мешка, обвернул его опять мешком, и как Государь пошел обратно в свою комнату, хотел и он войти за ним с такою смелостью, как бы ему то приказано было. Но поскольку никто из стоявших тут денщиков и служителей не слышал от государя такого приказания, то один из них тотчас, став в дверях между ним и государем, удержал его и спросил, кто он и что ему надобно, он старался насильно войти за Государем, от чего произошел шум, и Государь оборотившись, спросил о причине оногo. К величайшему удивлению Государь получил ответ не словами, но на самом деле: пустой мешок и с ним большой нож, в четверть аршина длиною, выпал из-под руки у дерзостного злодея; сам же он тотчас упал на пол и признал себя виноватым. Государь сам схватил его и спросил: какое имел он намерение? «Убишь тебя», – отвечал он. «За что? – спросил Государь с кротостью: разве я чем-нибудь тебя обидел?» «Нет, – отвечал злодей (который по собственному своему признанию был раскольник): ты мне ничего худого не сделал, но

сделал много зла моим единоверцам и нашей вере. «Хорошо, – сказал император, – мы разыщем это; отведите его теперь под караул и не делайте ему ничего худого; а завтра сам я расспрошу его обо всем».

Вышеописанные истинные обстоятельства ужасного сего происшествия не столь были известны, как то, какую заслуженную казнь сей злодей получил, и что единоверцы его с того времени должны были для отличия от других людей носишь на спине лоскуток красного и желтого сукна.^[57]

48. Строгое предприятие Петра Великого истребить воровство

Царь Петр Великий, заседаая однажды в Сенате, услышал о разных грабительствах, случившихся за несколько дней, в великое пришел негодование и во гневе сказал сии слова: «Клянусь Богом, что я наконец прерву проклятое сие воровство». Потом, взглянув на тогдашнего генерал-прокурора Павла Ивановича Ягужинскаго, сказал ему: «Павел Иванович! Напиши сейчас от моего имени генеральный указ во все государство, что ежели кто и столько украдет, чего будет стоить петля, тот без дальнейших допросов будет повешен». Генерал-прокурор, которой уже взял в руки перо, помешкал еще по выслушании сего строгого повеления и со удивлением говорил царю: «Петр Алексеевич! Помысли о последствиях такого указа». «Пиши, – подтвердил царь, – как я тебе сказал». Ягужинский, еще не писав, со смехом повторил монарху: «Всемиловитейший государь! Разве вы хотите остаться императором без подданных. Мы все воруюем, только с тем различием, что один более другого». Царь, слушавший сии слова в задумчивости, начал шуточному сему замыслу смеяться и без дальнего повеления оное оставил. [\[58\]](#)

49. Петр Великий открывает обман в Польше

Во время войны с Королем Карлом XII, Петр Великий находился попеременно в разных местах, то при сухопутном своем войске, то при флоте. Некогда был он с частью своей армии в Польше. Там останавливался он на несколько дней в одной городке, где в церкви находился образ Богородицы, о котором говорили что он чудотворный и часто во время церковного служения проливает слезы (См. Анекд. 36).

Сей образ был резной из дерева и одет был в шитое золотом платье и с великолепным головным убором. Он поставлен был недалеко от алтаря на таком высоком месте, что самого большого роста человек едва мог достать рукою до ног его. Петр Великий, расспрашивая везде, куда он приезжал, нет ли там чего-нибудь достойного примечания, весьма скоро узнал о сем чудотворном образе. Удален будучи от предрассуждений, усомнился он в том, чтоб сей образ был в самом деле чудотворный, хотя и недоставало свидетелей утверждавших истину чуда, и хотя сам видел оное придя из любопытства в церковь во время служения. Однако ж при сем случае показал он только свое удивление. Но в другое время, когда не было в церкви служения, пришел он туда со своею свитою, приказал церковь запереть и принести лестницу, по которой взойдя вверх к чудотворному образу, рассматривал оный с головы до ног весьма пристально и не мог ничего приметить, кроме маленьких скважин в глазах. Двое духовных того монастыря, приведшие государя в церковь, радовались уже внутренне, что любопытство его останется тщетно и чудотворный их образ не потеряет прежней своей славы. Однако Император не привыкший довольствоваться наружным видом и желавший узнать причину сего чуда, скоро разрушил их радость. Сняв ненарочно со священной статуи большой головной убор, увидел он, что голова до самых глаз была выдолблена и покрывалась черепом, как бы выпуклою крышкою, и что она налита была водою в которой плавали живые маленькие рыбки и плаваньем своим приводили воду в движение, так что она проходила в маленькие скважинки, сделанные в глазах у образа. По открытии сего обмана, великодушный император,

не говоря ни слова, покрыл голову статуи черепом, надел на нее великолепный убор, и сходя вниз, сказал только: «Удивительный образ!» Но потом растолковал он сей обман своим спутникам и после часто рассказывал о сем приключении. Бывший государственный канцлер граф Бестужев, от которого я узнал сию повесть, слышал её от самого его величества.

50. Петр Великий пользуется советами одной польской госпожи

В Варшаве жила Госпожа Старостиха Н. Н. Хотя уже не молодая, но весьма разумная и в обхождении приятная женщина. Происхождением была она из одного из знатнейших домов в Польше и находилась в сродстве с первыми фамилиями в сем Королевстве, и потому всегда имела участие в Государственных делах. Петр Великий обходился с нею коротко и дружески, часто проводил с нею вечера и пользовался её знанием польских фамильных и государственных дел.

Некогда разговаривал он с нею о состоянии своего войска, которое до того всегда одерживало над шведами победы. И притом рассказывал ей, что он приказал вновь набрать рекрутов и намерен во всем своем войске определить русских офицеров. Госпожа Старостиха спросила у него вызывает ли он новых иностранных офицеров для своей армии? «Нет», – отвечал Государь. «А для чего?» – спросила она. «Я думаю, что они мне более уже не нужны, – сказал Государь: – Русские мои офицеры столько уже навывкли в воинском искусстве, что я могу иметь хороших солдат и офицеров из собственных моих подданных». «Ваше Величество ошибаетесь, – отвечала Старостиха, – и вам еще рано ласкаться такую надеждою. Поверьте мне, что за недостатком иностранных офицеров опять расстроится все то, до чего дошли вы столь счастливо с их помощью». Петр Великий долго спорил с нею о сем, противоречил ей с жаром и утверждал свое мнение. «Изрядно, – сказала она наконец: – вспомните только после, что Я Вашему Величеству советовала; а я наперед уверена, что вы тогда уже поздно будете жалеть о том, что не приняли моего совета и спорили со мною». Сим кончился на тот раз разговор о сем деле.

Через два дня потом Государь по обыкновению своему ввечеру пришел к Старостихе, которая не позабыла еще о бывшем между ними споре. Но Его Величество перестал уже о том думать, был весьма весел и спросил у нее, в каком состоянии её музыка, которой он довольно уже давно не слышал. «Такова же, как и прежде, – отвечала Старостиха: – Ваше Величество услышите ее сегодня при столе».

Она тотчас приняла намерение воспользоваться сим случаем, чтобы представить государю справедливость своего мнения, сколь нужно ему иметь при своем войске иностранных офицеров. Призвав своего гофмейстера, приказала она, чтобы во время ужина играли только польские её музыканты, и чтобы при том не было немецкого капельмейстера и других иностранных музыкантов.

Через несколько часов сели за стол. Музыканты начали свой концерт, но столь беспорядочно и дурно, что гости привыкшие слышать в сем доме прекрасную музыку, шутили над сим концертом. Но Старостиха показывала, что того не примечает, пока Государь не начал говорить и сказал: «Что стало с вашею музыкою? Она совсем не та, какая у Вас прежде была». «Извините, ваше величество, – отвечала Старостиха: – это та же самая музыка, с тою только разницею, что в оркестре нет иностранных музыкантов, а играют одни только мои польские музыканты».

Император тотчас догадался, что сие значило, и потрепав ее во плечу, сказал: «Разумею, сударыня, вы правы». Вскоре при том Государь переменил прежнее свое намерение и учредил, чтобы всегда третья часть офицерских мест в его армии занимаема была иностранными.

51. О вышеупомянутой польской госпоже, и особой к ней доверенности Петра Великого.

Российский монарх находился несколько в критических обстоятельствах, когда Карл XII с армиею своею в Саксонии усиленную, вновь обмундированною и всем нужным снабженною, пошел через Силезию прямо в Польшу, дабы впасть в царские земли в Украине. При таком опасном случае велел царь по всему пути, по которому шведская армия должна была идти в Украину, сожечь и опустошить все деревни, села и города со всем припасом, дабы шведы ни малейшего провианта ни для людей, ни для лошадей найти не могли.

В то время, когда сие Царское повеление к величайшему разорению и несчастью поляков и украинцев производимо было в действо, Петр Великий находился в Варшаве. Госпожа Старостиха, с которою он ежедневно дружески обращался, учинила ему тотчас по получении первого известия о сем ужасном повелении важное представление о нужде и жалостной бедности, в которую он не только так много невинных бедных поляков, но и собственных своих подданных, украинцев ввергнет, да и лишит сам себя в крайнейшем недостатке всех средств, к своему и армии своей содержанию в сих стол плодоносных странах. «Так! – сказал монарх, но нет другого средства удержать неприятеля, и выиграть у него время, как только лишить его всего, чем бы он на дороге прокормиться и усилиться мог.

[59]

52. Попечение Петра Великого о Российских летописях

Некогда Петр Великий разговаривал о древней Российской истории, и ему рассказывали, что в Германии, во Франции и в Голландии много уже об одной напечатано. «Все это ничего не стоит, – сказал проницательный Государь; – могут ли иностранцы написать что-нибудь о древней нашей истории, когда мы сами еще ничего о ней не издали? Может быть они только вызывают нас издать что-нибудь лучшее. Я знаю, что подлинные материалы древней Российской истории рассеяны по разным местам в государстве и лежат в монастырях у монахов. Давно уж вознамерился я сохранить их от утрат и доставить искусному историку случай написать истинную древнюю Российскую историю, но по сие время всё случались в том препятствия. Вскоре потом (в 1722 году) Государь разослал в знатнейшие монастыри, особливо в Новгороде и Киеве, повеление собрать находившиеся в них летописи и прислать оные в Синод. Вследствие сего повеления собрано было множество рукописных Российских летописей, из коих некоторые доставлены были в Императорский кабинет (откуда по кончине Петра Великого достались в Библиотеку Санкт-Петербургской Академии Наук), а большая часть в Москву, в Библиотеку тамошней Синодской Типографии, где они и поныне рачительно хранятся.^[60]

53. Отменная забота Петра Великого о дубовом лесе

Петр Великий, имея великую склонность к мореплаванию и кораблестроению, соединял с нею отменное рачение о дубовом лесе, тем паче, что натура скупо наделила оным те места, в которых сей великий основатель Российского мореплавания и отец Российских флотов завел корабельные верфи. Как скоро завел он первое селение при Неве, то принял к себ немецких форштмейстеров, которые должны были осматривать леса во всей Ингерманландии и Новгородской губернии в замечать в них дубовые деревья. Хотя и не нашли они там целых дубовых лесов, какие находились в отдаленных Южных провинциях, как то в Украине, по рекам Дону и Волге, особенно в Казанской губернии; однако же по местам довольно было молодых и старых дубов. Для сохранения сих деревьев, Государь издал особое повеление, в котором под опасением жестокого наказания запретил даже помещикам в своих дачах рубить дубы без ведома Адмиралтейской Коллегии и без наставления от форштмейстера.

Дабы подать народу пример отменного уважения своего к дубовому лесу, приказал он обвести перилами два старые дуба найденные в Кронштадте, поставить там круглый стол и сделать места для сидения. Летом приезжая туда, часто сиживал там он с Кронштадтскими командирами и корабельными мастерами. Иногда смотря на сии деревья, говаривал он: «Ах, если бы нам найти здесь и в округности хотя бы столько дубовых деревьев, сколько здесь листьев и желудей. Напротив Кронштадтского острова, или напротив Петергофа при Финском заливе, где Государь нашел особую небольшую дубовую рощицу, приказал он достроить увеселительный домик и назвал его Дубкис. Он публично благодарил корабельных масщеров и морских офицеров, которые желая угодить ему, садили в садах своих в Петербурге дубы, и увидев их в первый раз, целовал их в лоб. Сам он выбрал по Петергофской дороге место на 200 шагов в длину и на 50 в ширину, и засадил оное дубами, которые по свойству тамошнего климата росли хорошо, хотя и медлительно. Петр Великий приказал огородить сие место забором и прибил там рукописный указ,

чтобы никто не осмеливался обрывать сии молодые деревья, или иначе как-нибудь их портить под опасением строгого наказания. Через несколько лет, когда уже молодые дубы были вышиною в человеческий рост, он, проезжая мимо по обыкновению своему остановился, чтобы посмотреть, каково они растут, и к великой досаде увидел на земле несколько ветвей и пучков, связанных из листьев. Государю тем более было сие огорчительно, что вред любимым его деревьям причинен был не от ветра или бури, но кем-нибудь нарочно, из шалости или по злобе. Как скоро возвратился он в город, то призвав к себе генерал-полицмейстера, приказал ему немедленно поставить караульных близ рощи, которые должны были подстергать, не придет ли кто-нибудь еще портить деревья. Через несколько дней захвачена была шайка пьяных, по большей части господских людей, которые проходя мимо, перелезли через забор, наломали несколько ветвей, и делая из дубовых листьев пучки, привязывали себе на шляпы.

Они сперва отведены были в полицию, а потом публично на площади высечены. За день до того оповещено было с барабанным боем по всему городу, чтобы изо всех домов кто-нибудь явился смотреть, как сии преступники были наказываемы.

54. О терпимости различных вер в России

Проницательное око Петра Великого в Амстердаме между прочим усмотрело, что там почти со всего света чужестранцы, содержащие различные между собою исповедания, обитают. Но для каждой веры позволено иметь свою церковь или такой молитвенной дом, где бы можно было беспрепятственно отправлять богослужение. Многих из них посещал сей монарх по единому любопытству, чтобы чрез то подробнее узнать их обстоятельства; но что было ему всего приятнее, то миролюбие, которое строго наблюдали учением, правами и законом различные, но весьма отдаленные от междоусобных распрь, живущие в одном городе разноверцы. Он, о том разговаривая с некоторым членом правительства, узнал от него, что Амстердам есть место, открытое для торговли всем народам земного шара, и при том каждому позволяется свободное отправление своей веры, покамест он не вмешивается в государственную веру и других не потревожит. Ибо правительству все равно, чему верует иностранный житель или каким образом отправляет свое богослужение, только бы он не поступал против государственных законов. Монарх сказал на то, что он почитает сие правило и мнение правительства не мало способствующим к торговле, к населению Амстердама всеми народами и, следственно, к великому прибытку правительства. Петр Великий, похвалив сие распоряжение, сказал при том, что он таким же образом намерен поступать с новозаведенным своим городом Петербургом. Сие он после и произвел в действие, позволив не только всем христианам построить там церкви на отведенных им местах и отправлять явное богослужение, но и попустив еще их избрать между собою собственный церковный совет и, по законам и обыкновениям своих церквей, решить между собою все супружественные и церковные дела, могущие случиться у их прихожан, не будучи зависимыми от Правительствующаго синода или другого какого суда.^[61]

Но при всем таком терпении, старался сей мудрый монарх всякими способами прекращать и истреблять все распри и расколы господствующей в его государстве греческой веры, раскольников, или, как они сами себя именуют, староверцев, утверждавшихся с

величайшею упорностью на некоторых адияфорах^[62], старался он изобличить в их заблуждениях дружелюбными поступками и увещаниями в Святейшем синоде и преклонять к истинной православной грекороссийской вере обещанием отличных своих милостей. Но тихия сии средства никакого в них не произвели успеха. Однако сей отец своего отечества не хотел допустить, чтоб упорных и в заблуждениях своих изобличенных подданных силою и наказанием привести в послушание и понудить к восприятию правоверия.

Он оставил их в маловажном их суеверии, но только с тем условием, чтоб все принадлежащие к сей секте, для различия от правоверных греко-российских законосоюзников, носили отличный знак, а именно: продолговатое четверугольное пятно из красного и желтого сукна на спине. Поскольку сей особенный наряд отличал раскольников от правоверных и некоторым образом делал их смешными и презрительными, то думал монарх, что они сего устыдятся и скорее согласятся к восприятию всеобщей греческой церкви.

Но сия благоразумная монаршая выдумка не имела желанного успеха. Раскольники носили свое желтое пятно и остались в прежнем мнении.

Когда же, спустя несколько времени, Петр Великий увидел на бирже в Петербурге между российскими и иностранными купцами несколько раскольников в вышеупомянутом наряде, упражняющихся в отдавании своих товаров, юхты, конопли и прочих российских товаров, пожал он плечами и спросил некоторых из обстоящих, что сии из раскольников купцы, честные ли, добрые и прилежные ли люди, на которых бы можно было в торговле положиться? «Их таковыми почесть можно», – ответствовал ему один из таможенных служителей. «Изрядно, – сказал Петр, – когда они в самом деле суть таковы, то по мне, пожалуй, пускай веруют, чему хотят, и носят свое пятно; ежели посредством рассудка и привешенных лоскутков не мог я их отвратить от их суеверия, то и огонь уже никакого в них успеха не возымеет. А чтоб сделаться им за их глупость мучениками, то не заслужат они сей чести, да и государство не должно претерпеть вреда». ^[63]

55. Ревность Петра Великого к религии

Из многих собранных мною анекдотов о великом Российском монархе можно усмотреть, что сей государь с самых молодых лет имел истинное богопочитание, хранил оное ненарушимо во всю свою жизнь и изъяслял при всяком случае, особливо ж глубоким почитанием имени Божия и божественных законов и уважением существенности Христианской Религии. Напротив того ненавидел он фанатизм и суеверия, и равнодушен был ко всему касающемуся только до особых обрядов при различном отправлении публичного богослужения. Сие истинное богопочитание было причиной справедливого гнева его на явное безбожие и нечестие и на богохульников, о которых он обыкновенно говаривал, что они служат поношением благоустроенному государству и ни мало не могут быть терпимы, ибо стараются опровергнуть основание закона, на котором присяга и все обязательства основаны.

Некогда донесено ему было, что взяли под стражу одного человека, который публично произносил богохульные слова. Государь тотчас приказал сковать его как бешеного, говоря, что если б он имел хоть мало рассудка, то не только не произносил бы хулы на Бога, но и не помыслил бы без почтения о Всевысочайшем Существо, сотворившем его и могущем всякую минуту опять разрушить и обратить в ничто. Дабы избавить сего несчастного от дальнейшей строгости, представляли его величеству, что он согрешил пьяный. Государь отвечал на сие: «Он заслуживает двойное наказание; во-первых за непростительный свой грех против Бога, а во вторых за пьянство». Через несколько дней некоторые знатные люди с великим трудом могли исходатайствовать шу милость от ревностного императора, что он не приказал вырезать язык богохульнику, но только сослал его в дальний Сибирский монастырь, где всякий день употребляли его в тяжелую работу, и он всякий раз должен был являться в церковь, когда отправлялось богослужение, дабы покаяться и переменил свои мысли. При другом случае мудрый монарх говорил о вольнодумцах и насмешниках над религиею что он в Амстердаме находил несколько раз таких людей, в обществах и слушал их

умствования, которые столь были пусты, что вместо удивления или почтения к ним возбуждали в нем только презрение к ним. «Они почитают себя умнее других людей, говорил Государь: и не понимают даже того, что дерзкими своими речами обнаруживают только свое нечестие, невежество и гордость: нечестие потому, что явно презирают откровенное в Священном писании слово Божие, на котором Религия основывается; невежество потому, что не имеют столько разума и просвещения, сколько потребно для познания истины Христианской Религии, а гордость и высокомерие потому, что почитают себя умнее и хотят быть уважаемы более других людей в обществе и ученых мужей, доказавших основательно в своих сочинениях истину христианской религии и даже предпочитают себя целым соборам церковных отцов, из которых самый последний имел больше разума и достоинств, нежели целая толпа таких безрассудных и наглых проповедников глупости и злобы, которых правила необходимо должны произвести в гражданском обществе беспорядок и неустройство».^[64]

56. Признательность Петра Великого за верную службу

Петр Великий хоть весьма бережлив был в своих расходах и не любил раздавать наличных денег, однако ж щедро награждал служивших ему верно. Почти ни один генерал, или гражданский чиновник, как из иностранцев, так и из россиян, оказавший ему полезные услуги, не оставался без награждения. По большей части заслуженные люди жалованы от него были деревнями в завоеванных провинциях, которыми потомки их и поныне еще владеют. Справедливый Монарх определял даже вдовам и сиротам морских и полевых офицеров пенсии, вдовам по смерти, а детям до совершенного возраста, в котором сами они могли уже вступать в службу. Сие похвальное его учреждение и поныне еще наблюдается. • Некогда подан ему был доклад об одном иностранце, который служил около 30 лет, и наконец за старостью и по слабости здоровья не мог продолжать службы, и определить ему при отставке полное или половинное жалованье? Государь с некоторым неудовольствием отвечал: «Как же! Разве тот в старости должен терпеть нужду, кто лучшие свои лета посвятил на службу мне? Выдавайте ему полное жалованье и не принуждайте его к службе, если он уже не в состоянии более служить, но советуйтесь с ним о делах, касающихся до прежней его должности и пользуйтесь его искусством. Кто бы захотел служить мне, если б наперед знал, что я, которому он посвятил лучшие свои лета, в старости его оставлю в нужде и бедности?» При сем случае Монарх сказал, что учредив в 1715 году в Петербурге госпиталь для больных солдат и матросов, должен он стараться завести и другой госпиталь в Петербурге и в Москве для престарелых бедных людей из мещан. В 1718 году он действительно исполнил сие намерение. ^[65]

57. Любопытство Петра Великого знать содержание и иметь перевод неизвестных, в Сибири найденных рукописей

Чрезвычайная любовь Петра Великого ко всем наукам и природное его любопытство побуждало его останавливаться при всем том, чего он не разумел, и стараться узнать оное. Он устремлял внимание свое даже и на такие вещи, которые служат только к удовлетворению любопытства, или которыми только исследователи древности занимаются. Я сообщу здесь два анекдота, служащие примером того.

Некогда привезены были сему монарху из Сибири свитки вылощенной синей и черной бумаги с золотыми письменами, найденные там в погребках разоренного храма Семи Палат^[66]. Не нашлось никого, кто бы мог прочесть и перевести сии нимало не повредившиеся весьма красиво написанные рукописи. Между тем письма сии почтены были за древние Тангутские, может быть потому, что в той стороне Сибири, где они найдены, жили некогда тунгусы. Смотрели на сии рукописи с удивлением. Но Петр Великий не был тем доволен; он желал узнать, на каком языке они написаны и какое их содержание. Он послал один из сих свитков в Париж к славному Королевскому библиотекарю Аббату Биньону с просьбою сыскать ученого человека, который мог бы наверное сказать, какого языка сии письма и какое содержание присланного к нему свитка. Аббат Биньон показал оный Королевскому переводчику Фурмонту, который знал большую часть Восточных языков и несколько по-китайски. Сей отважный ученый, не выдавший прежде никогда таких писем, но понадеявшись на свое знание иностранных языков, вздумал о себе, что он в состоянии разобрать их, или по крайней мере уверить других, что он один может прочесть и перевести рукопись. Он продержал свиток долго у себя и наконец объявил, что оный в самом деле писан на древнем Тангутском^[67] языке, и выдал вымышленный самим им перевод, который тогда никто не отважился оспаривать, ибо никто не хотел быть столь бесстыден, как Г. Фурмонт. Петр Великий

пожаловал ему знатное вознаграждение за его труд, однако ж не доверял переводу и обыкновенно говаривал о нем: если этот перевод ложный, то по крайней мере остроумно вымышлен. Долго спустя по кончине Петра Великого, и если я не обманываюсь, по смерти уже Фурмонта, при императрице Анне Иоанновне, нашлись при Академии Наук в Петербурге двое россиян, которые прожив шестнадцать лет в Пекине, учились китайскому и маньчжурскому языкам. Увидев упомянутые свитки, они тотчас узнали, что письмо было маньчжурское, читали его свободно и перевели несколько свитков, а между прочими и тот, который послан был в Париж к Аббату Биньону. В сем переводе не было ни одного слова согласного с Фурмонтовым, и содержание свитка, которое в Русском переводе совсем отлично было от французского, ясно доказывало, что Фурмонт не разумел ни одной буквы из сего свитка, и что перевод его был вымышленный, и Пётр Великий не ошибся. Сии свитки и оба перевода хранятся в библиотеке Санкт-Петербургской Академии Наук и показываются всякому, кто пожелает их видеть. [\[68\]](#)

58. Неутомимое любопытство Петра Великого в основательном всего исследовании

Между Нарвою и Ревелем, около 100 верст от последнего города, стоит на большой дороге изрядная каменная церковь, именуемая Гальяль. В оной находится с древних шведских времен, между прочими гробницами прежних владельцев тамошних поместий, так же одна, в которой 1632 года похоронены две девицы фон Гроот, которые и донныне нетленными пребывают. Проезжая сие место 1752 года июля месяца, велел я поднять камень и нашел сии два тела в вышеописанном состоянии: нагими, иссохшими, желтоватыми и без малейшего духа. Кожа по всему телу казалась подобною искусством выделанной и натянутой свиной коже, и будучи пальцем или палкою в живот вогнута, расправлялась с сильною упругостью; внутренности же иссохшими быть должныствуют, ибо я, осязая их, ни малейшего знаку оных не нашел. Пономарь, отваливший мне сей гробницы камень, рассказал при сем случае, что Петр Великий во время Шведской войны, приступая к Ревелю и расположась своим станом, стоял несколько недель близ сего места. Он, услышав о сих нетленных телах, не хотел тому поверить, а чтоб исследовать самому истину сей вещи, повелел царь принести сии тела в свой стан, прилежно их рассмотрел и изъяснил находившимся при нем генералам естественные причины сего неповреждения; спустя несколько дней приказал он их обратно отнести в их гробницу и ни мало тому не удивляться.

59. Благоразумная осмотрительность и осторожность Петра Великого при доносах

После сражения при Полтаве Петр Великий принимал в свою службу всех шведских офицеров, которые объявили желание служить ему и присягнули, по большей части с теми же чинами, какие имели уже они в шведской службе. В числе сих офицеров находился Полковник Остман, который дав присягу отправлен был в Казань к новому своему полку. Там по несчастью случилось с ним весьма неприятное происшествие, которое кончилось бы его погибелью, если бы благоразумная осмотрительность Петра Великого и осторожность не послужила к его спасению. А именно, один из его денщиков, которого велел он за пьянство и дурное поведение наказать батожем, закричал на него «слово и дело».

По обыкновению, наказание было остановлено и как денщик, так и полковник были взяты под караул и отвезены в Петербург, в Тайную Канцелярию. Там денщик доносил на полковника, что он поносил его царское величество бранными словами. Он твердо стоял в своем доносе и три раза выдержал пытку. Государь уведомлен будучи о сем, приказал привести к себе. Полковника, объявил ему, в чем его обвиняли, и требовал, чтобы он добровольно признался в своей вине, зная, что по порядку следует самого его допрашивать, и он под пыткой должен будет сказать правду, При этом его величество пристально смотрел в лицо Полковнику, чтобы заметить в нем некоторую перемену, или притворство.

Полковник свободно отвечал государю, что он не только не говорил, но и не думал того в чем злобный денщик его обвиняет, и уверил, что он даже не знает столько по-русски и никогда с денщиком своим столько на сём языке не говаривал, чтобы он мог услышать от него такие слова, о каких он доносит. К тому ж и не имел он ни малой причины к неудовольствию против его величества, будучи из пленных принят на в службу с прежним своим чином, извлечен из бедности и приведен в благополучное состояние. Итак он солгал бы на себя, если бы сказал, что он говорил что-нибудь такое, в чем денщик на него доносит. Петр Великий отпустил его потом от себя, не спрашивая

более, и приказал отвести обратно под караул. На другой день послал он к пытанному Денщику искусного в увещаниях священника готовить его к смерти, и приказал ему особенно стараться о том, чтоб осужденный во всем на исповеди признался и ничего не утаил. Священник исполнял свою должность ревностно, и в третий день, когда надлежало денщику в последний раз исповедать и сделать ему последнее увещание, чтобы он ничего не утаил, ибо на другой день назначено было казнить его, наконец денщик признался, что он ничего более на совести не имеет, кроме того, что желая отомстить своему полковнику, оклеветал его. И так благорассуждением Петра Великого и мудрым его поступком открылась невинность полковника и злоба денщика. Потом его величество по справедливости приказал злобного клеветника живого колесовать, а невинного полковника с награждением отпустил обратно к его команде.^[69]

60. Основание Санкт-Петербурга

Для многих может служить анекдотом известие об основании Петербурга и о том, как сей город столь скоро построен и в толь немногие годы достиг такой великости, обширности и знатности. Государь Петр I еще за долго до войны со шведами желал иметь гавань на Балтийском море, дабы в сей по многим причинам для него выгодной стране производить мореплавание и построить флот. Как же скоро удалось ему завоевать ту страну, где ныне Петербург, то и предпринял он построить там город. В 1703 году начал он в самом деле полагать основание сего города с крепостью на одной стороне Невы, и Адмиралтейством на другой. Он не нашел на сем месте ничего, кроме одной деревянной рыбацкой хижины на Петербургской стороне, в которой сперва и жил, и которая поныне еще для памяти сохранена И стоит под кровлею утвержденною на каменных столбах.

Сначала строение нового города происходило медлительно и мало-помалу. Государь не мог еще предвидеть конца едва только начатой войны и был уверенным в том, что удержит за собою завоеванные земли около Невы. Но по одержании совершенной победы над шведами под Полтавою в 1709 году, в состоянии будучи решительно заключить, что никто уже не отнимет у него завоеванных земель при Балтийском море и устье Невы, начал он рачительно стараться о построении Петербурга^[79] и делать распоряжения нужные к произведению сего предприятия. Но прежде, нежели приступил он к самому делу, в чем продолжение войны еще несколько лет ему препятствовало, сделал он разные планы расположения нового регулярного города; ибо все прежде на том месте построение строено было только по нужде, без связи и без плана. Лучше всех прочих планов нравился ему тот, который более имел сходства с расположением славного города Амстердама, особенно по множеству каналов. Такого расположения город хотел он построить на Васильевском острове. Сей остров, находясь в Шведском владении, был еще пуст и никакого не имел названия; а сие имя получил от российского офицера бомбардирской роты, Василья Дмитриевича Карчмина. В 1703 году, когда Петр Великий, не имея еще флота, с 60

только лодками сделал неожиданное нападение на два шведские военные корабля, пришедшие к сему острову, и взял их, а потом приказал поставить две батареи для воспрепятствования неприятельским судам входить в устье Невы, сей офицер Василий Дмитриевич Карчмин стоял там с командою канониров и бомбардиров. Он пробыл на острове со всею командою несколько лет, и как и все царские и другие повеления, к нему присылаемые, надписываемы были: «Василью на острове», то с того времени и стали все называть сей остров Васильевским. Посреди оного в большой перспективе надлежало провести большой канал в прямой линии от малой Невы в залив, и другой в малой перспективе за 100 сажень расстоянием – от первого и параллельно с ним, а поперек острова из малой Невы в большую 12 меньших каналов, т. е. посреди каждой улицы между двумя рядами домов, из которых у каждого оставлено было место для двора и саду. Выкапываемую для сих каналов землю должно было употребить отчасти для возвышения низменного острова, отчасти же на укрепление нового города валом и болверками, которым надлежало быть на равном расстоянии одному от другого, по Коегорнову образцу. По большому каналу надлежало кораблям проходить из Кронштадта прямо к самым пакгаузам и к бирже, и оттуда обратно с грузом отправляться в море; малые же каналы в поперечных улицах, или линиях, должны были служить для удобнейшего провозу всяких нужных городским жителям потребностей на барках, ботах и других мелких судах, из одного рукава Невы в другой. В большой и малой перспективе назначено было много площадей, а в самой почти середине острова место для прекрасного сада, который простирался бы на несколько верст в длину и ширину и служил бы общим гульбищем; далее же к морю оставлены были луга для пастьбы.

Напротив сего нового города на другом берегу Невы видно уже было Адмиралтейское строение, укрепленное валом, рвами и бастионами, и при нем заложена была корабельная верфь, где строились корабли и другие суда. Неподалеку оттуда, на так названной после Адмиралтейской стороне, заложены были дома для морских офицеров, корабельных мастеров, плотников и матросов, от которых ныне осталось только наименование улиц Малой и Большой Морской. Для строения шлюпок и других мелких судов, также и для хранения строевого корабельного леса, назначен был небольшой остров между

Мойкою и каналом, названный Новою Голландиею. Близ одного отведено было особое место для кузниц и для делания канатов; а далее на большой Неве заложена, особливая верфь для строения галер, названная Галерным двором; за нею ж на Фонтанке, вытекающей подле Летнего дворца из Невы, так называемая партикулярная верфь, где строены были как для частных людей так и для Адмиралтейства яхты, торнтуиты, буйеры, шлюпки и другие мелкие суда. Близ вершины помянутой реки Фонтанки, государь построил себе Летний дворец и завел при нем пространной сад с фонтанами, грошами, аллеями, партерами, прудами и со многими великолепными украшениями; для зимы ж построил большой дворец о двух этажах, называемый Зимним, между Адмиралтейством и Летним дворцом, при большой Неве напротив крепости. Петероургская сторона мало-помалу застроена была по большей части деревянными домами. Там находились Коллегии, дома царских министров, лавки, рынки, Оружейный завод и несколько сот партикулярных домов. Улицы были изрядно вымощены, а к работе сей употреблены были шведские пленники.

Наконец, в 1714 году, Государь утвердившись в знатнейших своих завоеваниях, предвидя самое выгоднейшее для себя окончание войны и в состоянии будучи прилагать более попечения к произведению в действо предприятий своих касательно до гражданских дел, издал печатный указ, в котором повелевалось немедленно начать роение нового города на Васильевском острове.

Вследствие сего указа, обнародованного по всему государству, все духовные и светские владельцы деревень, монастыри и дворяне, должны были строить себе дома на Васильевском острове по предписанному им плану, на 6, 0, 12, 15 и 20 саженьях в длину, соразмерно их имению, и в три года совсем оные отделать, под опасением в прошивном случае лишения всего имения.

К споспешествованию назначенному строению употреблены были все способы, дабы никто не мог жаловаться на недостаток материалов и работников, или тем извиняться. В учрежденной особой строевой Конторе, под управлением итальянского архитектора Трессино, всякий мог без замедления и без всякой платы получить план своего строения по назначенному номеру. За несколько верст от Петербурга, по Шлиссельбургской дороге при Неве-реке, построено было много

кирпичных заводов, которые доставляли по несколько миллионов кирпича. «Строевой лес, известь и плиты для фундаментов привозимы были водою в достаточном количестве из окрестностей Ладожского озера и Новгородской губернии и продаваемы по установленной сходной цене. Заведенные около Петербурга ветряные и водяные пильные мельницы досшавляли доски, бревна и брусья. Лес потребный на заборы, сараи и другие дворовые строения, привозим был на барках, которых по несколько тысяч всякий год приходило туда через Ладогу по Неве; а для мощения улиц задолго еще дано было повеление не впускать в Петербург, под опасением денежного штрафа, никакого судна и никакой повозки, на которой не будет привезено 10, 20 или более камней, смотря по величине повозки. Сии камни надлежало отдавать у застав, определенных для принятия оных комиссарам. Из следующего анекдота можно видеть, как в отсутствие Государя строение нового города на Васильевском острове было продолжаемо, и как его величество, возвратившись из Франции (в 1718 году) нашел оный совсем почти готовым, но к великой своей досаде в главных частях испорченным, и видя, что не можно уже поправишь ошибки, оставил оный и не приказал продолжать строения. ^[71]

61. Неудовольствие Петра Великого против ошибки в расположении линий и каналов на Васильевском острове

Многие удивляются тому, что начатые на Васильевском острове каналы через линии, или улицы, не все доделаны. По случаю узнал я следующие обстоятельства, бывшие тому причиною. Государь Петр I, рассмотрев многие планы расположения Петербурга, выбрал из них тот, по которому главному городу надлежало быть на Васильевском острове; остров должно было окружить болверками, а посреди улиц провести каналы для сообщения большой Невы с малою. Но притом Государь позабыл точно назначить ширину улиц и каналов, или предоставил сие благоразумию тех, которым поручено было строение, думая, что они сообразно главному намерению сего дела не преминул назначить ширину каналов 1 по крайней мере так, чтоб две барки свободно могли в оных расходишься. Потом Государь отправился к своему войску, оттуда ж чрез два года (в 1716 году) в Голландию и Францию, дав повеление продолжать начатое дело и стараться привести к окончанию со всевозможною скоростью. В 1718 году возвратившись в Петербург, прежде всего сел он в шлюшку и поехал на Васильевский остров, осмотреть линии и каналы, которых много уже было отделано. Он нашел там к великому своему удовольствию линии по большей части уже застроенные деревянными и каменными домами; особенно ж приятно ему было видеть великолепные палаты Князя Меншикова с длинным каменным флигелем, вдоль по каналу против первой линии, Но притом к величайшей своей досаде приметил, что каналы и улицы по обеим сторонам были слишком узки. Сперва он молчал и только качал головою, смотря на сию ошибку; но не доверял еще самому себе, в самом ли деле каналы сделаны были уже Амстердамских, которые он взял за образец. В этом сомнении поехал он прямо к Голландскому Резиденту Господину де-Вилде и спросил у него, не может ли он сказать, как широки Амстердамские каналы? Резидент отвечал Его Величеству, что не помнит того; но принеся план Амстердама с масштабом, подал оный Государю. Петр Великий тотчас вынул свой циркуль и вымеряв ширину больших и

меньших Амстердамских каналов, записал то в своей книжке. Потом просил он господина де-Вилде сесть с ним в шлюпку поехать на Васильевский остров. Там приказал Государь вымерять ширину некоторых из первых каналов и улиц, и найдя, что улицы по обе стороны канала вместе с самим каналом едва были не уже одного Амстердамского канала без улиц, весьма разгневался, вскричал: *все испорчено!* И возвратился во дворец. Весьма приметно было, что Государь долго не переставал досадовать на сию неудачу. При всяком случае укорял он тем Князя Меншикова, которому поручено было главное смотрение над строением нового города. Иногда приезжал Его Величество в шлюпке на Васильевский остров, смотрел на отстроенные линии, на каналы, отчасти отделанные, отчасти ж начатые, часто по целому часу, и уезжал обратно не сказав ни слова. Наконец, когда славный архитектор ле-Блонд., которого Государь еще в Париже принял в свою службу, приехал в Петербург, повез он его немедленно на Васильевский остров, водил несколько часов по всему острову, держа план в руке, и напоследок спросил у него: «Ну, господин ле-Блонд, что мне теперь делать по моему плану?» Ле-Блонд пожав плечами отвечивал: «Raser, sire, raser^[72], нечего больше делать, как все сломать и снова построить, сделанные каналы засыпать и выкопать другие». Государь сказав: «Я это думал», – сел в шлюпку и уехал. Потом поручил он ле-Блонду другие знатные строения в Петергофе и в иных местах; о Васильевском же острове никогда уже более не упоминал.^[73]

62. Благодарность Петра Великого к тем которые строились в Петербурге или около одного

Петр Великий не только сам старался украсить любимый свой город Петербург лучшими по тогдашнему вкусу зданиями; но и с отменным удовольствием смотрел на то, когда иностранцы или русские строились в сем городе или около. Когда русский или иностранный купец, начиная строить себе дом, просил Государя на заложение, то он никогда не отказывал присутствовать при освящении места и потом выпить за здоровье хозяина поздравляя его с благополучным началом строения. Одно сие побуждало многих строиться; ибо они знали, что сделают тем угождение Государю; и таким образом почти неприметно умножались дома в любимом его Петербурге. Недалеко от взморья между небольшими Южными протоками Невы, как то Пряжкой, Глухою речкою и Фонтанкою заложил Государь особое предместье, состоящее из многих улиц, и назвал оное большою и малою Коломною где и поныне еще живут матросы, корабельные плотники и прочие адмиралтейские служители. Далее за город, по ту сторону Фонтанки, занял он на несколько верст земли по взморью под мызу для своей супруги, и назвал оную Катариненгофом. Там, в приятной рощице построил он деревянный дом по голландскому образцу, на каменном фундаменте^[74] и приказал сделать канал с небольшою гаванью подле самого дома, в которую могли входить шлюпки из устья Невы. Еще на версту далее до берегу залива, который делает в том месте многие острова и доставляет весьма приятный вид, после достроены были еще два небольшие увеселительные дома, названные по именам обеих Царевен, Аннагофом и Елизабетегофом.

Угождение, какое сделал Государь Императрице, построив для неё Катариненгоф, подало ей повод соответствовать ему взаимным угождением. Достоянная и благодарная супруга сия хотела сделать ему неожиданное удовольствие и построить недалеко от Петербурга другой дворец. Она выбрала для сего высокое и весьма приятное место в 5 верстах расстоянием от столицы к Югу, откуда можно было видеть

Петербург со всеми окрестностями оною. Прежде была там одна только небольшая деревенька, принадлежавшая Ингерманландской дворянке Саре, и называвшаяся по её имени Сариною мызою. Императрица приказала заложить там каменный увеселительный замок со всеми принадлежностями и с садом. Сие строение производимо было столь тайно, что Государь совсем о нем не ведал. Во время двухлетнего его отсутствия работали над оным с такою прилежностью и поспешностью, что в третий год все было совершенно отделано. В том году летом Государь приехал на несколько дней от армии из Польши в Петербург, и говоря с Императрицею, изъявлял ей, сколь ему то было приятно, что во время его отсутствия строение в любимом его городе весьма умножилось и увеселительные его замки были отделаны. Тогда императрица улыбаясь сказала ему, что она в отсутствие его величества нашла недалеко от Петербурга хотя и пустое, но весьма приятное место, на котором бы он верно заложил увеселительный дом и дворец если бы его увидел. Государь, радуясь старанию своей супруги о застройке хороших мест около Петербурга, просил ее, чтобы она описала ему положение сего места, и наперед обещал построить там увеселительный замок, если найдет оное в самом деле столь приятным. Она уверяла, что сие место понравится Его Величеству, тем более, что оно весьма недалеко в сторону от Московской дороги, имеет прекраснейшие виды и только за отдаленностью по сие время оставалось пусто и никому неизвестно.

Государь нетерпеливо желая видеть сие место, подал руку императрице и обещал на другой день ехать туда с нею. Между тем она ночью приказала сделать там все нужные распоряжения к принятию Государя. На другой день поутру их императорские величества поехали туда в провожании некоторых морских и армейских офицеров и других приближенных особ. Отъехав на 12 верст от Петербурга, надлежало поворотить вправо; тут прорубленная через кустарник ровная дорога и прямой вид к Дудергофским горам обратили уже внимание Государя. Он с удовольствием говорил своим спутникам: «Место, куда мы едем, в самом деле должно быть прекрасно, потому что и дорога к нему так хороша». У подошвы упомянутых гор поворотили налево и ехали по большей части подымаясь и спускаясь по небольшим холмам, так что выхваляемого места не видно было, пока не поднялись на последнюю гору. Оттуда

Государь вдруг увидел прекрасное новое каменное здание о двух этажах, в такой стороне, где он никогда еще не бывал. В удивлении подъехал он к сему новому и неожиданному замку, где Императрица приняла его, как хозяйка, и говорила: «Вот то место, о котором я вашему величеству сказывала, и вот дом, который я построила для моего государя». Государь бросился обнимать ее и целовал её руки. «Никогда Катинька моя меня не обманывала, сказал он: она правду сказала, что это место прекрасно; а её старание сделать мне неожиданное удовольствие, построив дом в таком прекрасном месте, заслуживает всю мою благодарность. Я вижу, что она хотела дать мне знать, что есть и около Петербурга сухие прекрасные места, которые могут быть застроены.

Потом императрица повела своего супруга по всем комнатам, убранным весьма прекрасно, показывала ему приятные виды из окошек, откуда Петербург весь был виден, и наконец привела его в залу, где приготовлен был стол. Они сели за оный обедать, и за обедом Государь пил за здоровье хозяйки и благоразумной строительницы. Императрица, соответствуя тому, пила за здоровье Его Величества. Но как Государь удивился, услышав при питии за его здоровье вдруг начавшуюся пальбу из 11-ти 6-фунтовых пушек, которые посшавлены были под флигелями замка. Встав из-за стола, государь ходил еще по саду и по пристройкам, всё осматривал и хвалил всё, что видел. При отъезде оттуда сказал он, что он не помнит, чтобы проводил когда-нибудь день с таким удовольствием, как тогда. ^[75]

63. Петр Великий в Берлине без всякой пышности

Из всех дел Петра Великого видно, что он не полагал величия в пышности и великолепии, но ещё почитал пышность за обременительную и совсем не нужную суетность. По своему образу мыслей и жизни и по своей привычке не одобрял он больших издержек на великолепие и при самых знатнейших дворах обыкновенно говаривал, что всякое Государство довольно имеет нужд, и такое иждивение везде бы надлежало употреблять на умножение могущества Государя и в пользу подданных. Они не скрывал ни от кого сих мыслей, даже и при иностранных Дворах, при которых он был. Когда английской король Виллиам спросил у него, каков Лондон ему показался, он отвечал при всех, что ему весьма много понравилось в сем городе, особенно ж то, что он мало нашел в нем наружной пышности и видел самых богатых людей, ходящих в порядочном простом платье.

Совсем иного расположения был великий любитель церемоний, Фридрих I, Король Прусский, о котором внук его Фридрих II пишет, что он по смерти супруги своей не столько печалился, сколько радовался, получив случай удовлетворить склонности своей к великолепию и церемониям учреждением пышного погребения.^[76]

Сей Государь, уведолившись, что Петр Великий предпринимает путешествие в Голландию и Францию, просил его величество чрез министра своего в Петербурге, чтоб он взял дорогу чрез Берлин и удостоил бы его своим посещением. В то же время приказал он сделать приуготовления к великолепному приему Государя и к пышным торжествам, которые хотел он дать в честь великому своему гостю.

* * *

Хотя Петр Великий, обещав ехать через Берлин, просил чтоб его приняли там без церемонии и без всякой пышности, однако ж король

не оставил своих приуготовлений. Напротив того Государь с намерением так расположил своё путешествие, что прибыл в Берлин уже поздно ввечеру и остановился на квартире, приготовленной для него тамошним его Посланником. Король еще в ту же ночь прислал к нему своего обер-церемониймейстера и двух знатных придворных кавалеров, поздравить его величество. Император дал им знать, что он не может пробыть в Берлине более двух дней, и если королю их угодно, то на другой день около полудни посетит его. На другой день поутру в 9 часов явились у его квартиры шесть самых лучших королевских экипажей. Государь имел в то время у себя присланных в Берлине учиться молодых российских дворян князя Куракина, бывшего после обер-шталмейстером, и господина Бестужева, бывшего после графом и канцлером, которые должны были проводить его ко двору. Великолепные кареты стояли и дожидались государя до полудня; тогда ж дано было знать, что он давно уже находится во дворе и у Короля; ибо в 11 часов вышел он задними дверьми из своей квартиры и по другой улице прошел со своими проводниками во дворец. Король, приняв его весьма ласково, с удивлением спрашивал, правда ли, что его величество пришел пешком, и что ему не угодно было ехать в карете, которая уже несколько часов стояла у его квартиры? Государь благодарил весьма учтиво за все его приготовления и сказал: «Я просил, чтобы для меня не делано было никаких церемоний, потому что я к ним не привык и не хотел быть примечен в городе; а пешком ходить я привык, и в иной день хожу в пятьдесят раз более нынешняго.»^[77]

64. Старание Петра Великого о переводе нужнейших книг с иностранных языков на русский

Ещё в первые годы царствования Петра Великого находилось довольно церковных книг на Российском языке, и даже полные сочинения знатнейших церковных Отцов и Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григория Богослова и других, переведены уже были с греческого и латинского языков на славянский. Также в монастырях, в придворной библиотеке и у частных людей много находилось рукописных списков Несторовой и Никоновой летописей и других касающихся до российской истории книг, как-то Разрядной книги и проч. Но книг, касающихся до наук и художеств не было еще на Российском языке совсем никаких. Петр Великий первый усмотрел сей недостаток и ревностно старался завести такие книги, почитая за необходимость, чтоб его подданные упражнялись в нужнейших и для его намерений полезнейших науках и художествах. Он видел сколь нужно ему было иметь искусных полевых и морских офицеров, литейных мастеров, артиллеристов и инженеров из Россиян, и сие составляло главный предмет его попечений во время тяжкой войны, которую должен он был вести на море и на сухом пути против столь сильных и в воинских делах и искусных неприятелей, каковы были шведы.

В сем намерении приказал он сначала переводить на Российской язык, печатать и раздавать бесплатно такие только книги, которые могли служить основательным руководством к сим необходимо нужным наукам и художествам. Благоразумный выбор находившихся тогда на иностранных языках лучших книг и как бы классических писателей показывает, что сам он имел превосходное знание в оных. Ибо во-первых по его повелению переведены были на русский язык и напечатаны в лист с изрядными фигурами: Бринкеново искусство кораблестроения и сочинение неименованного Голландца, называемое: «Искусный Кормщик»; также Коегорнов Новейший способ укрепления, с голландского; Боргсдорфова «Непобедимая крепость», с немецкого, и Паганова, Блонделева и Вобанова

«Фортификация», с французского языка; а потом Курциева «История Александра Великого», в четверть листа, с латинского; Варениева и Гибнерова «География», в лист, и Пуффендорфово «Введение в познание Европейских государств», в четвертку, с немецкого.

Мудрый Монарх сделал реестр лучших и знатнейших писателей во всех науках и художествах, и намерен был приказать переводить их на российский язык и печатать. Доказательством сему служат оставшиеся после него рукописи и найденные по кончине его в его кабинете переводы разных лучших в тогдашнее время книг, как-то: «Гражданская Архитектура» Себастиана ле-Клерка, Плюмиерово «Точильное искусство», Штурмова Механика, о строении шлюз и мельниц, и проч. ^[78]

65. Справедливость Петра Великого в наказаниях

Петр Великий вообще любил скорое исполнение правосудия и не мог терпеть продолжительных тяжб. То же наблюдал он и в рассуждении собственных своих придворных служителей. За шалости и другие легкие проступки наказывал он без замедления своею палкою, или корабельным канатом, так что наказанный и чрез несколько часов мог еще чувствовать действие столь скорого правосудия. Когда ж случалось ему наказать таким образом невинного, и наказанный при случае в том объяснялся, то Государь отвечал ему: ну, как же быть! напости мне об этом когда ты в другой раз заслужишь наказание, тогда я тебя прощу. – Примером сему может служить приключение с маленьким Арапом, который служил при Государе пажем. Петр Великий находился на Финском заливе: между Петербургом и Кронштадтом на яхте, и по причине чрезвычайной тишины принужден был простоять на одном месте целый день. После обеда лег он, по своему обыкновению, в каюте спать. Некоторые из бывших с ним офицеров играли и шумели на палубе столь громко что Государь проснулся. Услышав, что он встает, разбежались они и спрятались, где кто успел, зная, что Государь побил бы их, если б они ему попались. Государь вышел из каюты на палубу с канатом, и не найдя там никого, кроме маленького Арапа, который ничего не опасаясь, сидел на лестнице, схватил его за волосы и побил канатом, говоря: когда я сплю, так ты сиди смирно и не мешай мне спать. Пошом сошел обратно в каюту и опять заснул. Бедный мальчик потерпевший без вины такие побои, горько плакал. Бывший тогда инженерным капитаном барон Лубрас, лейб-хирург Лесток и двое русских офицеров, которые шумели и заслуживали наказание, вышли потихоньку на палубу и уговаривали мальчика, чтоб он не плакал, если не хочет быть еще бит; однако ж он не переставал плакать и грозил им, что скажет государю, кто шумел и заслуживал побои. Через час потом государь встал и вышел из каюты на палубу с веселым видом, и найдя там упомянутых офицеров сидящих тихо и играющих в карты, а мальчика плачущего, спросил у него, о чем он плачет? Мальчик

отвечал: «О том, что ты меня больно побил напрасно. Я сидел на лестнице и с места не трогался, а шумели и мешали тебе почивать Лесток и Лубрас». «Хорошо, – сказал Государь: – если ты теперь невинно вытерпел побои, так они тебе вперед зачтутся, когда ты будешь виноват». Через несколько дней маленькой Арап сделал некоторый проступок, которым так рассердил Государя, что он схватил его за волосы и хотел бить. Мальчик упал на колени и закричал: «Помилуй, Государь! Бот ради, помилуй! Ваше величество приказали мне напомнить, что вы недавно напрасно меня побили и обещали зачесть эти побои при случае». «Правда, – сказал Государь, перестав гневаться: я это помню. Встань; я теперь прощаю тебя; ты наперед уже был побит».

[79]

66. Старание Петра Великого иметь хороших живописцев из своих подданных.

Петр Великий во время пребывания своего в Амстердаме, зайдя некогда к Секретарю своему Никитину, чтобы нечто ему приказать, не застал его дома, а нашел только сына его, мальчика лет 14, который, увидев Государя, спрятал в карман лист бумаги. Государь спросил у него, какую бумагу хотел он от него спрятать? Мальчик вынул ее из кармана и показал на ней Государю худой рисунок, который он для упражнения и для забавы снимал с Голландского эстампа. Петр Великий, заметив в сем мальчике отменную склонность к рисованию, спросил у него, хочет ли он рисовать и учиться живописи? Мальчик отвечал, что имеет великую к тому охоту, если б только кто-нибудь его учил. «Хорошо, – сказал Государь, я тебе учителя доставлю; и чрез несколько дней потом в самом деле отдал его на 6 лет к одному из лучших живописцев в Амстердаме учиться. Всякой год должен он был присылать к его величеству опыты своей работы, из которых можно было видеть успехи его в живописи. Сей ученик со временем сделался искусным историческим живописцем. В некоторых Петербургских церквах и поныне еще находится несколько прекрасных картин его работы; особливо ж между оными достойно внимания изображение Распятия Христова, которое императрица Елизавета Петровна пожаловала своему обер-егермейстеру графу Разумовскому в домовую его церковь, в так называемом Аничковском дворце, где оно и поныне еще находится между прочими картинами.

По возвращении со второго своего путешествия, Петр Великий выбрал несколько молодых людей из русских и отправил их отчасти в Голландию, отчасти ж в Италию учиться живописи и архитектуре. Между первыми находились четверо, которые по возвращении отличались от прочих в исторической живописи и принесли честь своему отечеству, а именно: Матвеев, Александр Захаров, Иван Меркурьев и Васильевской, а из других Земцов и Еропкин. Первые писали прекрасные картины в прекрасном вкусе, которые находятся в разных церквах в Петербурге и в Москве; другие же построили

несколько церквей и других публичных зданий самой лучшей итальянской архитектуры.^[80]

67. Способ Петра Великого пользоваться встречающимися ему мыслями

Дабы никакая полезная мысль, встречавшаяся Петру Великому, когда он занимался какимнибудь иным и важнейшим делом, не пришла в забвение и не осталась тщетно, для сего употреблял он два особенные способа. Он либо записывал в немногих, словах, что ему вдруг приходило на ум о каком-нибудь деле, в записной своей книжке, которую всегда носил с собою; либо употреблял вместо сей книжки поля или пустое место на первой бумаге, какая ему попадалась, как-то на челобитной, на проекте, на доношении, и проч. Притом всегда означал день, в который записывал такие замечания. Таких бумаг, как я слышал, и поныне еще осталось весьма много. Для примера упомяну здесь об одной из них, которую видел я за несколько лет пред сим и с которой имею список, а именно, первый проект учреждения Санкт-Петербургской Академии наук, поданный 22 января 1724 года, Государь, прочитывая оный, на поле против того пункта, в котором требуется, чтобы всякому профессору или академику даны были два студента или адъюнкта, написал следующие слова: «Также должно каждому из них дать двух таких людей для научения, дабы они после могли других россиян обучать; а притом всякому из них точно назначить, к какой науке он особенно прилежать должен.» – Против пункта б позволения Академии давать Академические градусы или достоинства по своему благорассуждению и по заслугам, написал он на поле: «Позволяется». Ниже сего против пункта, в котором требуется, чтоб определен был в Академии Куратор, который старался бы о порядочной выдаче жалованья академикам и о других потребностях, дабы сами академики не имели нужды заниматься такими заботами и хлопотами, Государь написал: «Должно определить к ним Директора с двумя ассессорами и приставить комиссара к денежной казне.» – А потом: «При выдаче жалованья начинать с главного члена». К последнему пункту, в котором предлагается, что на все расходы потребно не менее 20000 рублей, Государь собственноручно приписал: «Годовой доход Академии должен состоять из 24912 рублей, который получать из таможен городов

Нарвы, Дерпта, Пернау и Аренсбург.» Под сим последним пунктом Академических предложений находятся следующие слова, написанные императорскою рукою: «Послать к Румянцову в Украину указ, чтобы он на тамошних быков выменивал овец и баранов, и что бы послал от себя людей учиться ходить за овцами, стричь их и шерсть выделывать».

Наконец на последнем пустом листе упоминаемого Академического проекта, находится записка о разных делах, которую Государь для памяти писал собственною рукою, а именно: «23 Января (в дополнение к 16). Должно сыскать для меня хороших инженерных офицеров и артиллеристов, особливо ж из тех, которые служили в последнюю войну в Брабанте. Надлежит потребовать от Коллегии рапортов об успехах молодых дворян в ученье. Помнится мне, что уже дано повеление посылать их в чужие края. Но должно уведомить меня, действительно ли они посланы, сколько их и куда посланы, чему должны они там учиться, и сколько времени им на то потребно.»

«Коллегии должны прислать о том рапорт в Сенат, дабы нам можно было видеть, прилежно ли или не прилежно они учатся, и много ли успели в тех науках, которым должны учиться. Надлежит обо всем том написать указ, объяснить в нем все подробно, и чтоб он был готов к тому времени, как я приеду в Сенат.» «Прежде всего тот, кому сие приказано, должен выбрать удобное место, куда бы можно было посылать молодых людей учиться экономии. Для перевода книг, переводчикам должно знать те науки, о которых те книги писаны, особливо ж касательно до художеств, потому что переводчику невозможно хорошо перевести, если он не знает тех художеств, о которых он что-нибудь переводить должен. О сем заблаговременно надобно постараться, и для того, кто знает языки, а не знает художеств, тому должно учиться художествам; а кто знает художества, но языков не знает, тот должен языкам учиться.»

«Для сего должно выбирать русских, или таких иностранцев, которые здесь родились, либо по крайней мере таких, которые выехали в Россию в самых молодых летах и знают наш язык, так как и свой собственный. Ибо гораздо легче переводить с иностранного языка на свой собственный, нежели с природного своего языка на иностранный.»

«Науки должны быть следующие: Математика, или по крайней мере что касается до сферических треугольников, Механика, Анатомия, Хирургия, Ботаника, Архитектура воинская и гражданская, Гидравлика, и другие сим подобные. Надобно выписать из Голландии мастеров, которые умели бы делать поташ из старых бочек. Надобно сыскать бухгалтера, который учил бы и других своему знанию.»

«Касательно до тех, которые против указа подают челобитны, и проч.»

68. Петр Великий не терпит пышности в штате

Петр Великий иногда не любил пышности, когда ж нужно было показать великолепие, то поручал сие князю Меншикову. Для собственных своих услуг при дворе имел он одного только камердинера; впрочем же везде употреблял своих денщиков, которых было четверо или шестеро и всегда по двое при нем бывали. Он никогда не ездил в карете или в коляске, но всегда в одноколке, в которой по нужде могли сидеть двое. Во, время его царствования находились в придворной конюшне только две четвероместные кареты для императрицы и императорской фамилии, да еще у князя Меншикова две старинные парадные кареты. Куда только мог Государь ехать водою, он всегда ездил на своем буере, на шлюпке, либо на двух или четырехвесельной верейке. При жизни его не было построено мостов ни чрез один из всех рукавов Невы, составляющих разные Петербургские острова; ибо он и сам любил ездишь по воде, и подданных своих хотел к тому приучить.

Помянутые денщики отправляли у него все те службы, для которых другие государи содержат столь многих особых людей различных чинов, как-то: адъютантов, камергеров, камер-юнкеров, ордонансов, курьеров, гоффурьеров и проч. Они занимали даже и место гайдуков, ибо обыкновенно стояли назади у одноколки, когда Государь куданибудь выезжал. Денщик при разных случаях отправлял все сии должности. Государь обыкновенно выбирал себе в денщики молодых дворян хорошей фамилии, которые либо записаны уже были в гвардию, либо и без того казались ему способными к такой службе. Чрез десять лет, либо прежде, а иногда и позже определял он своего денщика в военную или гражданскую службу, смотря по его способности. Между тем, будучи денщиком, должен он был сносить все, что сей неутомимый Монарх сам сносил; иногда ж надлежало ему служить Государю вместо подушки; ибо когда Петр Великий в путешествии ложился спать на соломе, или по обыкновению своему отдыхал после обеда, то обыкновенно клал голову на спину своему денщику. В сем случае надлежало денщику иметь отменное терпение,

лежать тихо и не делать ни малейшего движения, дабы не помешать Государю спать, или не разбудить его; ибо сколь весел и ласков вставал Государь после спокойного сна, столь же невесел и сердит бывал он, когда препятствовали ему спать, или будили его не во время. [\[81\]](#)

69. Хирургические операции Петра Великого

По врожденному любопытству и по особой склонности к наукам, Петр Великий любил присутствовать при анатомических операциях, которые он первый ввел в употребление в России. Любовь его к сей науке столь далеко простиралась, что он приказывал уведомлять его, если в госпитале или где-нибудь в другом месте надлежало анатомировать тело, или делать какую-нибудь хирургическую операцию, и когда только время позволяло, редко пропускал такой случай, чтоб не присутствовать при оном, и часто даже сам помогал операторам. Со временем приобрел он в этом столько навыку, что весьма искусно умел анатомировать тело, пускать кровь, вырывать зубы и другие хирургические операции делать, и делал оные с великою охотою, когда имел удобный случай. Для сего носил он всегда в кармане, кроме математических инструментов, и лекарскую готовальню, в которой находились два ланцета и шнепер для кровопускания, анатомический ножик, пеликан и клещи для вырывания зубов, лопатка, ножницы, катетер и другие для лекарей потребные инструменты.

Некогда узнал он, что жена знакомого ему Голландского купца Господина Боршта страдала водяною болезнью, но не хотела согласиться дать выпустить себе воду, что оставалось единственным средством к спасению её жизни. Государь посетил ее и в присутствии лекаря уговорил согласиться на сию операцию, которую тотчас и отправил сам с надлежащим искусством. На другой день Госпожа Боршт действительно почувствовала облегчение; но через несколько дней потом умерла; ибо, по мнению лекаря, операция откладываемая была слишком долго. Его Величество присутствовал при её погребении.

В другой раз сей знаменитый оператор весьма искусно вырвал зуб у жены своего камердинера Полубоярова, который досадуя на её распутство, хотел ей отомстить. Сие случилось таким образом: Государь застав в передней камердинера своего сидящего в глубокой задумчивости, спросил у него, что с ним сделалось и о чем он так задумался? Ничего, отвечал камердинер: но мне жаль бедной жены

моей; она беспрестанно страдает от зубной боли, а не хочет согласиться, чтоб вырвали у нее больной зуб. «Я тотчас ее к тому уговорю, сказал государь, и скоро вылечу.» Его Величество немедленно пошел с мужем к его жене, у которой ни один зуб не болел. Она должна была сесть и дать осмотреть свои зубы, хотя и утверждала, что у нее все зубы здоровы. Но камердинер сказал Государю, это-то и несчастье, что она всегда упрямится, когда хотят ей помочь, и говорит, будто совсем не чувствует боли; а как скоро лекарь уйдет, то опять начинает стонать и жаловаться. «Хорошо, – ответил Государь: – она не станет уже более стонать; поддержи только ей голову и руки». Потом Его Величество несмотря на её слезы, удачно вырвал своими клещами тот зуб, который казался ему больным.

Через несколько дней потом государь узнал от служительницы своей супруги, что и в самом деле зубы у сей женщины никогда не болели, и что муж её сказал это по злобе. Он позвал к себе камердинера, заставил его признаться в злобном поступке и заплатил ему за оный справедливым наказанием. [\[82\]](#)

70. Петр Великий забавляется простотою голландских корабельщиков

При погребении жены купца Боршта, о которой упомянуто было в предыдущем анекдоте, присутствовал Петр Великий вместе по большей части с Петербургскими купцами и голландскими корабельщиками. Возвратившись с похорон, по обычаю, все провожавшие тело покойной угощаемы были ужином. За столом, когда уже все гости изрядно подпили, одному молодому голландскому корабельщику досталось по порядку пить за здоровье государя. Он держа бокал с крышкою, старался выдумать пристойное приветствие; потом надумав, налил бокал, встал, отдал крышку сидевшему подле него отцу своему, старому корабельщику, оборотился к Его Величеству и сказал громким голосом: «Да здравшвуеш Государь мой, Великий Петр, и с супругою своею госпожою императрицею». Отцу его показалось это слишком грубо и нескладно.

Он встал с досадою, взял у своего сына бокал и сказал ему: «Как ты глуп! Можно ли так говорить? Подай мне бокал; я выпью за здоровье государя: ты не умеешь». – Потом оборотившись к Императору, поклонился и произнёс с важным политическим видом следующее приветствие: «Да здравствует его величество, государь мой император Петр, и с превосходительною госпожою императрицею!» Все тут бывшие едва могли удержаться от смеху; но Петр Великий доволен был сим приветствием и сказал ему с благосклонным видом: «Изрядно сказано; благодарствую!»^[83]

71. Мнение Петра Великого об утайке пошлинных товаров

В 1719 году сочинен был в Петербурге новый пошлинный устав, в котором между прочим включено было, чтобы за ложное показание груза на каком нибудь корабле или за утайку какого-нибудь пошлинного товара описывать весь груз того корабля на Государя. Петр Великий вычеркнул сию статью и сказал: «Для нас ещё рано это заводить. Наша коммерция и без того как Siecke Bruyt (больная девица), которой не должно пугать, или строгостью приводишь в уныние, но ободрять ласкою. Пусть кто хочет утаивает товары; он своею утайкою больше подвергнется опасности, нежели моя казна. Можно описывать в казну только те утаенные товары, которые будут найдены. Кто меня девять раз обманет, а в десятый раз будет пойман, тот заплатит мне вдруг столько, сколько он в девять раз утаил и у меня украл».^[84]

72. Изустное повеление Петра Великого не употреблять в его государстве никаких иностранных законов

Император Петр Великий обещавший в заключенном со Швециею в Нейштадте мирном договоре оставишь новых своих подданных, лифляндцев, эстляндцев и финляндцев при прежних их гражданских законах и судишь их по оным, учредил в Петербурге для завоеванных провинций особую Юстиц-Коллегию и определил в оной Вице-Президентом Лифляндского уроженца Зигмунда Волла, сына бывшего Нарвского бургомистра, учившегося юриспруденции в немецких университетах и в Стокгольме. Некогда разговаривал он с ним обстоятельно о производстве дел в упомянутой Коллегии и сказал ему: «Что, он почитает шведские законы довольно хорошими и думает, что сочиненные по оным лифляндские дворянские и земские установления, по которым сии провинции уже столько лет были управляемы, и впредь достаточны будут для решения всяких дел, могущих случиться в новоучрежденной Юстиц-Коллегии. И для того надлежит ему только строго наблюдать, чтобы все дела в сей Коллегии производимы были по одним шведским, а не по римским, или каким-либо другим законам; ибо, по его мнению, вмешивая в судопроизводство разные иностранные права, весьма удобно можно продолжать только тяжбы и способствовать нарушению правосудия».

[\[85\]](#)

73. Ревность Петра Великого к правде

Трудно найти в истории другого такого Монарха, который бы имел столько благородной простоты во нравах, чистосердечия в обхождении со всеми людьми, твердости в словах и правдивости в делах, одним словом, который бы во всех своих действиях столько был беспорочен, как Петр Великий. Все, что он сказывал, основывалось на истине, а что он обещал, на твердом намерении исполнить обещанное. Простота и правда были правилами всех его поступков. Каков он сам был, таковыми быть желал и всем тем, с которыми имел дело. Он всегда досадовал на так называемые политические хитрости и обыкновенно говорил о них по-голландски: *dat benen niet met all Klugheden, maar Betriigeryen* (т. е. что в них нет ни мало благоразумия, но только обманы). Кто однажды его обманул, тому он никогда уже более не верил: и для того не хотел иметь дела с некоторым государем, который отрекся исполнить данное обещание, отговариваясь разными вымышленными причинами; Петр Великий не хотел после принимать новых его предложений и называл его трусом, на которого не можно было положиться. От подданных своих и служителей еще более требовал он совершенной правдивости в словах и поступках. Сему правдолюбивому Монарху не было ненавистнее лжи. Он прощал самые важные проступки, заслуживавшие гнев его и наказание, когда только виноватый откровенно признавался во всех обстоятельствах, доведших его до проступка. Понеже всякой мог приходиться к Государю и доносишь ему о своей нужде, или жаловаться на сделанную ему обиду, то Государь обыкновенно у всякого челобитчика спрашивал, смотря на него быстро: «Твердо ли он уверен в истине своих слов и в справедливости своей жалобы? Потом выслушивал его терпеливо и приказывал ему в назначенный день и час явиться в Сенат, в Адмиралтейство, или в какую-нибудь Коллегию, до которой дело касалось, исследовал оное снова и решал.

Если кто из придворных его служителей, либо других окружавших его людей, уличен бывал в неправде, то лишался всей его доверенности и впоследствии трудно уже ему было приобрести оную. В таком случае не можно было ничем иным оправдаться, как доказать,

что неправда сказана по незнанию и без всякого умысла. Однако ж и тогда Государь говорил ему с важным видом: «Если впредь захочешь что-нибудь мне сказать, то сперва самому тебе должно твердо в том увериться.» Если кто-нибудь в присутствии его отзывался худо о другом человеке, то Государь сперва слушал то со вниманием, но после вступив в разговор, обыкновенно спрашивал: «Рассматривал ли ты его также и с хорошей стороны? Скажи же мне теперь, что ты в нем доброго приметил?»^[86]

74. Мнение Петра Великого о Карле XII при разных случаях

Известно, что Карл XII, проиграв сражение и лишившись всего своего войска под Полтавой, с небольшою свитою убежал в Турецкую область, отдался под покровительство Оттоманской Порты, принят был довольно дружелюбно, и недалеко от Бендер в местечке Варнице даны ему были: для житья каменные палаты, также изобильно снабжали его всем нужным для него самого и для его свиты.

Турки не могли думать, чтобы несчастный шведский монарх прожил там долго, но думали, что он пробудет у них столько времени, сколько ему нужно было, дабы успокоиться после понесенных им тяжких трудов и залечить рану, которую имел он на ноге. Однако прошло уже несколько лет, а Карл XII не показывал и виду, что он хочет выехать из Турецкой области. Между тем Оттоманская Порта предпринимала усилия возобновить с Петром Великим перемирие на 30 лет, что и совершилось в 1712 году, почему и не можно уже ей было держать в Турецкой области столь близко от Российского впадения непримиримого Петру Великому неприятеля, который ни о чем ином не помышлял, как об отмщении своему победителю, и не только надеялся, но и неотступно требовал от Порты сильной армии на вспоможение ему против Российского Монарха. Наконец стало ей в тягость, и она не хотела уже более терпеть сего беспокойного гостя в своих областях.

В течении четырех лет, которые шведский монарх прожил близ Бендер, Петр Великий посредством своих распоряжений, получал справедливые, порядочные и обстоятельные известия о намерениях Карла XII и о поступках Порты. Часто говаривал он о несчастном брате своем Карле, удивлялся непонятному его упрямству, жалел о несчастном его состоянии, в какое вверг он сам себя неусмиримую своею гордостью и своенравием, и о том, что он не умеет сносить несчастья и благоразумным поведением, сообразным худым его обстоятельствам, избавишься от оных. Проницательный Государь, предусматривавший из настоящего положения обстоятельств будущие следствия, говорил иногда, что он опасается, чтоб бедный брат его

Карл не получил от Турок тем худшего отказа, чем долее он у них живет.

В 1713 году, в один день, как Государь. сидел за столом с некоторыми знатными особами, прибыл курьер с известием, что Бендерский Сераскир по повелению Порты просил Короля, чтоб он без дальнейшего отсрочивания в несколько дней выехал из Турецкой области, и что притом Порта определила выдать ему знатную сумму денег на проезд; но король пришел от того в чрезвычайную ярость, дошел до крайности и приказал стрелять по янычарам, которые присланы были вывести его насильно из дому и проводить за границу: наконец вытасчен будучи из зажженного дома и в беспмятстве отнесен в Сераскирскую палатку, топтал Сераскира на софе ногами, изорвал его кафтан своими шпорами. Петр Великий ужаснулся, читая сие известие, рассказал своим гостям, что случилось с Карлом XII в Варнице, как неистово поступал он с благодетелями своими турками, которых покровительством пользовался более четырех лет, и вздернув сказал: «Теперь вижу я, что Бог его совсем оставил, когда он с последними своими друзьями так неистово поступает и нападает на них».^[87]

75. Петр Великий плачет о смерти Карла XII

Сей великий монарх, являвший всегда истинное почтение и любовь к Карлу XII, во время Нейштатского мира (1721) иногда говаривал: «Я предлагал с моей стороны любезному моему брату Карлу два мира: первый был мир необходимый, а другой был великодушный мир, которые он мне оба отказал. Теперь же в третий раз должен со мною заключить принужденный или постыдный мир».

Когда же великодушный наш император получил известие о смерти Карла XII, воследовавшей в 1718 году при Фридрихсгаме, потекли из очей его слезы, а как он приметил, что оныя по лицу его катятся, то отворотился от окружавших его и отер их платком, потом сказал смущенным голосом: «Ах, брат Карл, сколько я о тебе сожалею!»^[88]

76. Нравоучительное украшение в саду

Шведский садовник Шредер, отделявая прекрасный сад при Летнем дворце, между прочим вделал две куртины, или небольшие парки, окруженные высокими шпалерами, с местами для сиденья. Государь часто приходил смотреть его работу, и увидев сии парки, тотчас вздумал сделать в сем увеселительном месте что-нибудь поучительное. Он приказал позвать садовника и сказал ему: «Я очень доволен твоею работою и изрядными переменными украшениями. Однако не погневайся, что я прикажу тебе боковые куртины переделать. Я желал бы, чтоб люди, которые будут гулять здесь в саду, находили в нем что-нибудь поучительное. Как же бы нам это сделать?»

«Я не знаю, как это иначе сделать, отвечал садовник, разве ваше величество прикажете разложить по местам книги, прикрыв их от дождя, чтобы гуляющие, садясь, могли их читать». Государь смеялся сему предложению и сказал: «Ты почти угадал; однако читать книги в публичном саду не ловко. Моя выдумка лучше. Я думаю поместить здесь изображение Эзоповых басен. И так сделай мне план, как бы лучше их здесь расставить». К совершенному удовольствию государя, через несколько дней потом садовник подал ему новый план той части парка в таком расположении, в каком оный находился до 1777 года^[89]. Он состоял из четырех куртин со шпалерами, как в лабиринте; у которых в каждом углу сделан был фонтан, представляющий какую-нибудь Эзопу басню, в небольшом бассейне, обложенном мохом и окаменелыми раковинами, которые доставляемы были из озера Ильменя».

Все изображенные там животные сделаны были по большей части в натуральной величине из свинца и позолочены; из каждого бил фонтан по его положению. Таких фонтанов сделано было более шестидесяти, пря входе же была поставлена свинцовая вызолоченная статуя горбатого Эзопа в натуральную величину.

Государь думая, что весьма немногие из прогуливающихся в саду будут знать содержание сих изображений, а еще менее разуместь их значение, приказал подле каждого фоншана поставить столб с белою

жестью, на которой четким русским письмом написана была каждая басня с толкованием.

Сие место было после любимым государевым местом в новом саду, и он часто похаживал там один по целому часу.^[90]

77. Мнение Петра Великого о карточной игре

Поелику Петр Великий никакой карточной игры не знал, как только голландской *гравияс*, то и сию игру редко употреблял, напротив того, в вечерних собраниях охотнее разговаривал с морскими офицерами, кораблестроителями и купцами, нежели любил играть, то игра мало при дворе была в употреблении. Хотя в армии и флоте не совершенно была она запрещена, однако не выше рубля позволено было проигрывать. Кто больше проигрывал, тот по воинскому царскому уставу не повинен был платить, а ежели фискал о том доносил, то те, которые больше рубля проигрывали, подвергались суду и наказанию. Сей монарх говаривал об игроках: «Они либо не имеют вкуса в полезных вещах, коими бы могли заниматься, либо имеют намерение своих товарищей лишать денег».^[91]

78. Присутствие Петра Великого при заложении госпиталей

Российский монарх, достигнув наконец (в 1716 году) до произведения в действо давно уже принятого намерения учредить в Петербурге общий госпиталь для больных и престарелых матросов и солдат, приказал в назначенный день заложить для сего строение с церковью посреди и с двумя анатомическими театрами по сторонам, при Неве, в том месте, где Невка от неё отделяется. Сие произведено было с великолепною церемонию, при которой сам он присутствовал со всеми бывшими тогда в Петербурге морскими и полевыми офицерами, министрами и знатными гражданскими чиновниками. Место освящено было знатным духовенством и из всех пушек от крепости и с находящихся на Неве кораблей и галер производилась пальба. При чтении обыкновенных молитв, равно как и всегда при богослужении, государь оказывал благоговение и внимание, а по окончании оных сказал громко: «Здесь многим храбрым людям подана будет помощь и. утешение, чего прежде они не имели. Дай Боже, чтоб никогда многим не было в том нужды». Потом отец отечества повелел написать указ, чтобы при сих госпиталях всегда содержались искуснейшие доктора и лекаря, и чтобы больные опасными болезнями привозимы были туда из полковых и корабельных больниц. Всякому лекарю дано было по несколько подлекарей, которые должны были ему помогать и учиться у него. Кроме того надлежало им иметь при себе несколько учеников из молодых россиян, которые должны были учиться латинскому языку, анатомии, физиологии, хирургическим операциям, знанию медицинских материалов и употреблению оных, и сперва по способности производимы были в подлекари, а потом и в лекари. Главное начальство над морским госпиталем поручено было Адмиралтейской Коллегии, а над сухопутным, главному Кригс-Коммисариату, частное ж смотрение особо Генералам их команды.^[92]

79. Петр Великий исправляет обувь чухонских мужиков.

Великий российский монарх при самых важнейших делах и упражнениях достаивал внимания своего и самые маловажными кажущиеся вещи, которые могли каким-нибудь образом быть полезны для народа, Между многими другими опытами служит сему примером исправление обуви чухонских^[93] крестьян, которые делали свои лапти гораздо хуже русских, и когда Государь спросил у них о причине того, отвечали, что лучше делать не умеют. Его величество приказал прислать в Петербург из Новгородской или Казанской губерний, откуда всякой год вывозилось великое множество лаптей в другие провинции на продажу, несколько лучших лапотников, и отправил их в Выборг к тамошнему Губернатору. Оттуда сии лапотники разосланы были по финляндским селам, и под смотрением сельских священников должны были учить тамошних мужиков плести лапти. Пасторы должны были всякий месяц рапортовать Выборгскому губернатору об успехах ученья и получали от него небольшую сумму денег, из которой выдавали каждому учителю по рублю на неделю. Таким образом финляндские крестьяне в несколько месяцев научились плести хорошие и прочные лапти, и исполнилось намерение попечительного государя, чтоб новые его подданные предохраняли себя от разных болезней которые прежде обыкновенно бывали между ними от худой обуви.

80. Ревность Петра Великого к существенности религии

При всем рассеянии, в какое великий монарх приводим был столь многими и непрерывными воинскими и гражданскими делами, редко пропускал он случай присутствовать при публичном богослужении. Сколько удален он был от суеверия и предрассудков, столь же ревностен был к существенности христианской религии и к наблюдению заповедей Божиих. При всяком случае старался он и подданных своих приводить в такое расположение. Он не мог терпеть публичной работы в воскресные дни. В самой крайней нужде едва позволял он в воскресенье работать при строении кораблей, или какую-нибудь другую публичную работу производить, и то уже по окончании Божией службы. Весьма часто говаривал он: «Кто забывает Бога и заповедей его не хранит, тот при всей своей работе не будет иметь успеха и мало пользы получит».^[94]

81. Петр Великий посещает немецкую церковь

Петр Великий, терпя в своем государстве разные исповедания веры, любопытен был знать их существенность, основные правила и наружные церковные обряды. Он не имел отвращения от лютеранской и реформатской религий, и при всяком случае отзывался о них лучше, нежели о чрезмерной власти римско-католической церкви. Известно, что он как в путешествиях своих, так и в Москве посещал несколько раз Лютеранские и Реформатские церкви, выслушивал проповеди и смотрел церковные обряды. Некогда захотел он присутствовать в Лютеранской церкви во время причащения, и на сей конец в Москве приказал осведомиться, когда будет первое Причащение у так называемой Новой Обедни. Узнав, что оно будет в следующее воскресенье, приехал в сию церковь почти в половине проповеди, при входе дал знак, чтоб никто не вставал и не делал ни малого шуму, и сел подле алтаря в открытом месте. По окончании проповеди, когда начали петь причастную песнь, он приказал подашь себе книгу и указать в ней сию песнь. Во время причащения подошел он к алтарю, и став подле бывших тогда пасторов Рейхмута и Ролоффа, смотрел на все с великим вниманием. Он дождался, пока все обряды кончились и все люди вышли из церкви, а потом пошел с упомянутыми пасторами в алтарь, хвалил проповедь и сказал, что он к сожалению своему не смог ещё довести до того, чтобы в русских церквах сказываны были проповеди так часто, как бы он желал. Притом расспрашивал их о значении некоторых обрядов при Лютеранском причащении, и наконец изъявив свое удовольствие и уверив их в своей милости и покровительстве к ним самим и к их церкви, возвратился во дворец.^[95]

82. Попечение Петра Великого о наблюдении благоговения в церквах

Из предыдущих анекдотов можно видеть, что Петр Великий удален был от ложной набожности и суеверий, однако ж не только сам оказывал великое усердие и благоговение при богослужении, но и от других того же требовал. Особливо не мог терпеть, чтобы во время службы в церкви разговаривали. Для отвращения сей непристойности определил он в придворной церкви, также в Троицкой и в некоторых других церквах, которые иногда посещал, надзирателей, которые должны были наблюдать, чтобы в церкви не было никаких пустых разговоров. Также приказал при вход в церковь привесить на цепи ящик, в который знатные люди, разговаривавшие во время богослужения, должны были класть по рублю для нищих. Простолюдины, впавшие в сию вину, наказываемы были палками по выходе из церкви,

В монастыре Св. Александра Невского видел я остаток сего учреждения, а именно: привешенный на цепи ящик и прикрепленный также цепью к стене железный ошейник, который Государь приказывал накладывать на шею всякому замеченному несколько раз в пустословии или в другой непристойности во время богослужения, какого бы он ни был состояния. ^[96]

83. Бережливость Петра Великого на деньги и щедрость в награждении деревнями

Политика и опыт заблаговременно научили и уверили великого монарха; что без денег не можно произвести в действо никакого важного предприятия. И так узнав цену денег, как строгий домостроитель, содержал он всегда в наличности знатные суммы. Для пристойного содержания императорского дома и двора определена была достаточная ежегодная сумма, и расходы никогда оной не превышали. Притом изгнано было всякое тщетное великолепие и расточение, и пресечены были случаи к расхищению. Для содержания армии, флотов, государственных служителей, для заведения новых фабрик, мануфактур, строений, и прочего, государственные доходы распределены были так, что не только никогда не было недостатка, но еще всегда довольно оставалось. И так не должно удивляться, что при таком благоразумном учреждении можно было назвать Государя более бережливым, нежели щедрым в рассуждении наличных денег. Он никогда не дарил деньгами людей, отличившихся какими-нибудь полезными предложениями; или иными заслугами, и которых сам он признавал достойными особенного награждения (ибо слепая привязанность и чужие предстательства не имели над ним силы); но жаловал их деревнями в завоеванных провинциях т. е. в Лифляндии, Эстляндии, Ингерманландии и Финляндии которые ныне в десять раз более приносят доходу, нежели чего бы стоил тогда его подарок. Вместо того, чтоб подарить кому-нибудь 1000 рублей, дарил он лучше 10 гаков земли^[97], которые тогда хотя и были опустошены войною и моровою язвою, но ныне стоят от 20 до 30 000 рублей. Таким образом награждал он за заслуги без убытка своей казны и притом получал еще ту выгоду, что подаренные земли снова были заселяемы и рачительным прилежанием новых владельцев приводимы в состояние приносить государству новые доходы.

Многие получали по тогдашним обстоятельствам небольшое число гаков населенной земли и также немного годных к работе крестьян, но сверх того еще вдвое или втрое больше пустой земли, нежели сколько они могли обрабатывать. В последствии же, когда

малолетные вырастали, пустые земли были заселяемы, и прилежанием владельца поместье становилось вдвое более против того, каково оно ему было пожаловано. Таким образом земли приводимы были в прежнее состояние и становились выгодными поместьями, которых податями казна обогащалась.

В рассуждении такой экономии благоразумного и бережливого Монарха не удивительно, что он в продолжение двадцатилетней Шведской и последовавшей потом Персидской войны никогда не имел недостатка в деньгах, и что он при заведении регулярного войска, сильного флота, новых городов, крепостей, гаваней, адмиралтейств, каналов и столь многих фабрик и мануфактур не только не вошел в долги, но еще по кончине его осталось несколько миллионов наличных денег.^[98]

84. Вознаграждение служителям, самому государю немного стоившее

Петр Великий, желая доставить любимому своему повару, или до тогдашнему названию обер-кухмистру, Фелтену, небольшой прибыток, часто поутру приказывал ему приготовить у себя обед, и в тот день приводил к нему обедать человек 8, 10 или 12 из своих генералов, морских офицеров, либо министров, просиживал с ними часов до 4 пополудни, а расходясь к все гости должны были платить хозяину по червонцу.

Сей же обер-кухмистр просил Государя в восприемники к своему сыну. Государь пришел к нему в назначенное время, и по окончании крещения, поцеловал родильницу и положил ей червонец под подушку, отцу ж пожаловал для новорожденного сына деревеньку в Ингерманландии^[99] за 60 верст от Петербурт, состоящую из 6 дворов и называемую Иотннисдорф.^[100]

85. Вспыльчивость Петра Великого

При столь многих геройских добродетелях и великих свойствах, какие имел Петр Великий, не был он свободен и от человеческих слабостей и также подвержен был своим погрешностям, как и все прочие люди. Сие известно было мудрому монарху; он сам признавался в своих погрешностях, и будучи в веселом расположении, обыкновенно говаривал: «Я знаю, что и я подвержен погрешностям и часто ошибаюсь, и не буду на того сердиться, кто захочет меня в таких случаях остеречь и показывать мне мои ошибки, как то Катинька моя делает.

Особливо примечено было в Государе, что он хотя впрочем был справедлив, но весьма вспыльчив и в первом жару делал иногда то, в чем после одумавшись сам раскаивался. В доказательство сего можно бы привести разные весьма известные случаи; но здесь довольно будет и одного из них.

Петр Великий учился токарному искусству и всегда имел к нему отменную охоту. Долговременным упражнением в оном успел он столько, что умел делать разные вещи весьма искусно. Между многими вещами его работы, показываемые в Петербурге в Академической Кунсткамере, отменное внимание заслуживает большое паникадило с 50 подсвечниками, сделанное из слоновой кости в виде сияющей звезды, которое Государь делал для Соборной церкви в Петербургской крепости. Его величество во дворце своем всегда имел особую комнату, где стояли разные мшанки для всякой токарной работы. В сей комнате работал и токарной мастер Андрей Нартов, искусный механик, бывший после при императрице Анне Иоанновне советником. При нем был и ученик, которого государь весьма любил за его проворство и отменную способность, и когда его величество приходил в колпаке в мастерскую свою комнату, то сев за работу приказывал ему снимать с себя колпак. Некогда государь, по обыкновению своему придя туда, сел за работу и мальчик тотчас подбежал снять с него колпак, как это всегда делал; но на сей раз был настолько неосторожен что вместе с колпаком захватил несколько волосьев и подернув их причинил Государю чувствительную боль.

Государь разгневавшись вскочил со своего места, выхватил свой кортик и разрубил бы ему голову, если б мальчик испугавшись не убежал и не скрылся, так что никто уже не мог его найти.

Его Величество вышел из комнаты в великом гневе и приказал искать сего мальчика; но тщетно. На другой день, как уже гнев его миновал, государь пришел в токарню, говорил шутя о сем приключении и сказал: «Проклятый мальчишка, больно подернул меня за волосы; однако он верно не нарочно это сделал, и мне приятно, что он ушел отсюда, пока я не успел ещё вынуть кортик». Узнав, что мальчик не явился еще в токарню, приказал он Нартову искать его у родственников его и сказать ему, чтоб он явился обратно и только бы впредь осторожнее снимал с государя колпак а государь прощает ему проступок его и более на него уже не гневается. Но так как не могли сыскать испугавшегося мальчика в тех местах, где он обыкновенно бывал, государь же не хотел его лишиться, то его величество приказал через полицию оповестить во всем городе, чтобы знающие, где он находится, объявили о нем и уверили его императорским словом, что он уже прощен и не должен ничего опасаться, если немедленно явится к своей команде. Но бедный мальчик не узнал о сей повестке, ибо он бежав от страха, две ночи сряду был тогда далеко от Петербурга в небольшой деревеньке при Ладожском озере, откуда он, переименовав свое имя, по случаю прошел в Вологду, сказался там сиротою и будто отец его, едучи из Сибири, на дороге умер. Один тамошний стекольщик из сожаления принял его к себе; он научился его ремеслу и десять лет из благодарности оказывал ему полезные услуги. По кончине уже Петра Великого открыл он своему хозяину подлинное свое имя и рассказал ему свое приключение. Стекольщик узнав, что его подмастерье зависит от Придворной конторы, не хотел его долее у себя держать, но советовал возвратиться в Петербург и явиться к прежнему своему мастеру Нартову, что он и исполнил. Нартов тотчас узнал его и представил в Придворную контору, где он признан будучи искусным стекольщиком, принят был в её ведомство. Он отправлял долго свое ремесло при дворе, где я сам видал его и слышал, как он рассказывал о своем приключении. [\[101\]](#)

86. Великодушие Петра Великого и справедливое прощение сенатору князю Долгорукову в преступлении, сделанном им из патриотической ревности.

Следующее приключение служит свидетельством великих свойств Петра Великого. При величайшей вероятности явного оскорбления императорского его величества умел он удержать свой гнев и обстоятельно исследовать причину произошедшего. Если ж находил, что преступление сделано было из патриотической ревности и имело предметом очевидную пользу государства, то прощал и благодарил преступника, вместо того, чтобы казнить его.

Его величество при начатии Ладожского канала определил, чтобы помещики Новгородской и Петербургской губерний посылали туда на работу своих крестьян, и сам подписал в Правительствующем Сенате указ, которым сие было повелено.

Князь Яков Федорович Долгоруков^[102], один из первых сенаторов, к которому Государь по благоразумию его и опытности имел великую доверенность, занят будучи другими делами, не присутствовал в тот день в Сенате и потому не знал, что без него было определено.

На другой день, когда надлежало приступить к исполнению указа, он по обыкновению прибыл в Сенат и прежде всего спросил, что вчера без него в Сенате было сделано. Ему подали подписанный всеми Сенаторами протокол, в котором записано было царское повеление о том, чтобы посылали на работу при Ладожском канале крестьян Новгородской и Петербургской губерний. Он оспаривал сие и утверждал, что сие распоряжение не может быть произведено в действие, и что должно о том представить Государю; ибо такое учреждение послужило бы к совершенному разорению помянутых губерний, которые и без того уже более других были истощены.

Он продолжал ревностно оспаривать сие по его мнению не довольно обдуманное учреждение. Дабы уверить его, что он поздно уже оное оспаривает, и что дела переменить уже не возможно, подали ему подписанное самим государем определение. Но Долгоруков в

ревности своей, к изумлению всего Сената, разорвал сие определение. Все Сенаторы ужаснулись, встали со своих мест и спрашивали его, знает ли он, что сделал и что ему будет за столь дерзновенный поступок? «Я знаю, что я сделал, – сказал он, – и буду за это ответственность пред Богом, пред Государем и пред всем отечеством».

В это самое время Петр Великий вошел в Сенат; удивился шуму и беспокойству Сенаторов и спрашивал у них: что значит сей необычайный шум, и что между ними произошло? Генерал-прокурор с трепетом и страхом подал Его Величеству изорванное князем Долгоруковым определение. Петр Великий сперва разгневался на сей поступок и с жаром спросил у князя Долгорукова, что побудило его сделать такое неслыханное преступление против власти его величества? «Ревность к твоей чести и к благосостоянию твоих подданных, – отвечал Долгоруков. – Не гневайся на меня, Петр Алексеевич, – продолжал он: – я надеюсь от твоего благоразумия, что ты не намерен разорять свое Государство так, как Карл XII свое разоряет. Ты поспешил дать это повеление и не рассудил в каком состоянии обе губернии находятся. В нынешнюю войну претерпели они вреда больше всех других русских провинций, множество народа в них вымерло, и они теперь почти совсем безлюдны. Для чего не взять тебе на работу при этом канале, необходимо нужном для твоего города Петербурга, работников из других провинций, из каждой понемногу? Они могут выставить людей гораздо больше здешних двух опустошенных провинций, и не потерпят от того такого вреда и тягости, как Новгородская и Петербургская губернии. Кроме того, есть у тебя довольно пленных шведов которых можешь ты вместо собственных своих подданных употребить к такой тяжелой работе». Государь выслушал сие предложение с терпеливостью, и подумав несколько, обратился к прочим Сенаторам и сказал им: «Теперь пусть это дело так останется; я еще подумаю и дам Сенату решительное мое повеление». Впоследствии Пётр Великий нашел другие способы к произведению работы при Ладожском канале, и тщательно посоветовавшись с верным своим князем Долгоруковым, вскоре потом отрядил туда несколько тысяч военнопленных шведов. ^[103]

87. Признательность Петра Первого за пользу, приносимую чтением

Между тем когда Петр час от часу более воспламенялся страстью к мореплаванию в Голландии трудились над изданием относящегося к России сочинения. Николай Витсен тогдашний бургомистр Амстердамский; гражданин отличный по уму до сердцу, посвятил дарования свои и иждивение на службу отечеству и на пользу наук. В молодых летах своих он много путешествовал, находясь в свите Голландского посланника Бореля, при дворе царя Алексея Михайловича, объехал лучшие области Русского Государства. Тут собрал он много для подробного описания Северной и Восточной России, сведений которые впоследствии дополнил важными издержками и трудами: сей подвиг дотоле никем не предпринимаемый служит для него лучшею похвалою. Двадцать лет трудился Витсен над сим сочинением, многократно посылал людей на свой счет для проверки течения рек и для собрания некоторых нужных подробностей; наконец в 1687 году издал он ландкарту Северной части Европы и Азии, от Новой земли до Китая, которую и посвятил обоим царям Иоанну и Петру. За сие драгоценное приношение, юные Государи прислали Витсену самое лестное благодарное письмо, которое в точности содержания и почерка, напечатано в первом издании сочинения его, изданного в 1692 году и украшенного множеством чертежей и рисунков, представляющих виды земель, городов и изображения одежд, народных обычаев и разных естественных редкостей, описанных в оном стран. Сочинение сие возбудило еще более любопытство Петра и оба Государя почтили сочинителя самым лестным отзывом; в 1691 году отправлен был от Российского Правительства в Пекин к китайскому императору голландец Эверт Небрандсон Идес, в качестве чрезвычайного посла с многочисленною свитою. Идес совершил сие путешествие сухим путем в три года; подробное описание оно издано Витсеном с отличным великолепием. В коем поверены и исправлены многие статьи Витсеновых записок. С сего времени Петр вел постоянную переписку с Витсеном, и делал ему много важных поручений. Он

часто говаривал, что превосходное сочинение сего ученого голландца было первым поводом к тому, что он возымел желание узнать обстоятельно внутреннее положение, удобства и взаимные сообщения обширных его владений.

88. Пребывание Петра Первого в Париже

Приезд российского государя в Париж обратил на него общее внимание. Ничто не укрылось от проницательности Петра Первого. Он все замечал и обо всем судил здраво и основательно. Хотя он быстро все обозревал; но обширные его сведения обнаруживались при каждом полезном предмете. В продолжение одного дня осмотрел он обсерваторию, шпалерную гобеленовую фабрику, врачебный сад и комнату чертежей, два дня посвятил он знакомству с лучшими художниками и ремесленниками; в доме инвалидном пробыл несколько часов. Войдя в столовую, где обедали отставные воины, он отведал их пищу, выпил за здоровье основателя сего здания, и трепля по плечу старых служивых, называл их товарищами.

Из всех великолепных памятников царствования Людовика XIV более всего поразил Петра Версаль, куда ездил он два раза. Он был также в Сен-Сире, где жила госпожа Ментон. Отдернув в спальне её занавесы окон и постели, взглянув на вдову Людовика XIV, не промолвил ни слова: она напоминала ему блестящее царствование, сперва удивлявшее Европу, и потом сокрывшееся в грозовых тучах.

На другой день приезда Царя в Париж, посетил его Регент. Он обошелся с ним учтиво, но холодно, Петр знал, что Регент занимался более своими забавами, нежели делами государственными. Князь Куракин служил им переводчиком. Царь разговаривал с ним около часа, но ни слова не упомянул о состоянии Франции.

29 Апреля молодой Король, посетив Петра, в первый еще раз показался народу. Царь встретил его у кареты взял на руки и несколько раз поцеловал. Все удивлялись, с какою нежностью, с каким сердечным излиянием говорил он с Отроком-Королем, и при том не унижая величия своего сана.

30 Апреля Царь навестил Короля, который также встретил его у кареты. Свидание это сопровождалось тою же нежностью и вежливостью, как и накануне. Маршал Вилеруа, с свойственным ему тщеславию, разложил перед царем драгоценные королевские камни. Взглянув на оные мельком, Петр отвечал: «Я не знаток в брильянтах».

Напротив того с крайним вниманием рассматривал он порядок и заведения Королевского Двора.

Три вещи особенно понравились Царю в Париже: во-первых, карта России, поднесенная ему королем; во-вторых портрет Екатерины, виденный им у герцога д'Антиона, у которого обедал; наконец медаль, выбитая при нем с его изображением и с надписью: «Паря, усиливаюсь».

3 Июня Петр осматривал Сорбоннскую Академию. Сорбоннские учителя предлагали о соединении веры, Государь отвечал: «Дело сие немаловажно и скоро учинить сего нельзя; притом же. я более привык к воинским делам, нежели к богословским прениям. Пишите о сем к Российским Архиереям, они вам будут отвечать». Архиереи благоразумным ответом поддержали честь сана своего и православного исповедания.

Накануне отъезда своего царь был у короля. При сем свидании все придворные обряды отложены были в сторону; ум и сердце только действовали. На другой день король посетил царя в Лесдигеровом замке, где он жил. С сердечною чувствительностью Людовик прощался с Петром. Петр, почти прослезясь, сказал: жалею о короле; жалею о Франции: она погибнет от роскоши. Некоторые рассказывают, будто бы при первом свидании с Людовиком, государь, приподняв отрока Людовика, воскликнул: «Я держу на руках целую Францию». Дальновидный Петр не взялся бы поддержать Францию, обессиленную роскошью и развратом.

Среди блестящего Парижа Петр ходил в простом сером сюртуке с золотыми пуговицами и с Андреевскою звездою; небольшой и ненапудренный парик прикрывал его голову. Не надевая никогда шляпы, он не употреблял ни перчаток ни манжет. Любя непринужденность, желая все осмотреть внимательно, он садился в наемную карету и ездил по городу и окрестностям. В одежде и во всех его поступках изъяслялась простота; но каждый, взглянув на него, узнавал царя и повелителя. Парижские жители смотрели на него с почтением и удивлением.

Французский двор, из личного свидания с Петром Первым, удостоверясь в превосходных его качествах, вскоре по отъезде его из Парижа вступил с ним в союз. Условия оного заключены были в Амстердаме 4 августа 1717 года. Торговые связи установились между

Франциею и Россиею, и король французский вступил в посредники к примирению Карла с Петром; такое же постановление заключено было и с королем прусским; барон Герц, любимый Карлом, но ненавидимый народом, также вызвался быть миротворцем. Князь Куракин именем Государевым отвечал, что согласен приступишь к общему Северному примирению.

89. Политическая твердость духа Петра Первого

Между тем, когда 1720 года, по особенному приглашению английского короля Георга Первого многие из областей Европейских приступили к переговорам и союзу, один Петр Великий, говорит сочинитель Английской истории^[104], не преклонил главы, не колеблясь в подвиге своем, он продолжал войну и заключил мир без посредничества и посредников. Торжественно жаловался он на герцога Ганноверского и на короля Английского, утверждая, что Георг Первый и в том и другом звании не исполнил своих обязанностей.

По препоручению Петра Первого посланник его в Лондоне предъявлял: что особенные сношения, в которые Король Великобританский вступил с шведскою королевою Ульрикою; что переговоры его с королями Польским, Датским и Прусским, чтобы отвлечь их от союза, всё это и многие другие обстоятельства, возбуждают справедливое негодование в Российском Государе. Наконец, в заключение донесения было сказано: «Вы, Ваше Величество, зная основательно всё то, что прилично величию престола, можете судить сколь предосудительны были поступки Ваших Министров, ошивавшихся нагло угрожать. А потому Российский Государь требует решительного ответа, чтобы и он со своей стороны мог принять решительные меры.^[105]

90. Человеколюбивое беспристрастие Петра Первого

В то время, когда историк наш, Василий Никитич Татищев был губернатором в Астрахани, то есть 1722 году Н.... Д.... учинил на него донос во взятках; дело поступило в верховный суд; внимательный и осторожный Петр Первый, не изъявляя ни какого гнева, предварительно потребовал от Татищева ответа. Татищев препроводил объяснение свое в следующих словах:

Во-первых: судия должен смотреть на состояние дела. А потому, если я и ничего не взяв, противу закона поступлю, то повинен отчету.

Во-вторых: если из мзды к законопреступлению присовокупится лихоимство, то тогда подлежим сугубому наказанию. Когда право и порядочно сделаю, ни чем осужден быть не могу.

В-третьих: Если же мзду за труд причтут в лихоимство, то без сомнения сие послужит ко всеобщему вреду. За получаемое жалованье я обязан работать только до полудня, что и недостаточно для решения всех нужных просьб; а после обеда трудиться мне не предписано.

В-четвертых: сомневаясь в деле, никогда нельзя внятно его исследовать; следственно оно замедлится; от чего челобитчик неминуемо подвергнется великим убыткам.

5.) Дела в канцеляриях должны решаться по реестру порядком. Случается, что несколько дел весьма ненужных впереди, а последнему челобитчику по регистру так настоятельная нужда, что если решение замедлится двумя днями, то он может утратить несколько тысяч. Астрахань город торговый. Купцов чужеземных в нем бывает немало. А потому от обыкновенного порядка канцелярского может воспоследовать большой вред.

6.) Если я вижу, что мой труд втуне не будет, то я не только после обеда, и ночью потружуся, но оставя игры, карты, собаки, беседы и все другие увеселения и несмотря на реестр, нужнейшее прежде ненужного решу, чем себе и просителям принесу пользу. За взятую же мзду от Бога к Вашему Величеству по правде судим быть не могу.»

Получив сие чистосердечное объяснение, Государь отвечал: «*сие все правда и для совестливых людей невинно; токмо не без опасности*

*бессовестных позволить, чтоб под тем доброхотством
принужденного не было. Но лучше виновного и бессовестного законом
помиловать, нежели многих невинных оным отяготить».* [\[106\]](#)

91. Готовность Петра Первого оправдывать невинность

«Родитель мой, говорит Татищев в духовной своей; отпуская меня на службу 1704 года, сильно убеждал меня, чтобы я ни от какого положенного дела не отрекался, и ни на что бы не вызывался. Исполняя его Правила, я всегда бывал доволен собою, а в противном случае раскаивался». Но и при самой ревностной моей службе, злоба и клевета завистников яростно на меня ополчались и чернили в глазах государя. Но не надолго: клеветники посрамлялись, а я получал новые награды.

В другом месте, описывая отвращение Петра Первого от наружной пышности, Татищев говорит: Петр Великий великолепие свое единственно показывал делами.

Конец первой части.

Часть вторая

92. Отвага Петра Великого на море

Петр Великий от юности своя, казалось, как бы природное имел отвращение от водяной езды. Сему в доказательство служить может то, что когда предлагали ему кататься по реке Яузе в Москве или по какому пруду, никогда не могли его на то согласить, и он всегда отказывался страхом; но не можно довольно надивиться, что он в последующее время получил величайшую и почти чрезмерную страсть к плаванию по сей непостоянной стихии до самой своей кончины. Страсть сия возросла в нем до величайшей отважности, которая часто угрожала ему очевидною опасностью и лишением жизни, однако же, имея он твердую уверенность на кормчее искусство, ни малейшей не показывал боязни. Когда он таким образом боролся с разъяренными морскими волнами и сражался с жесточайшею бурей, лишавшею отважности лучших его мореходцев, то сей истинный наш морской ирой никогда не вдавался в отчаяние, но паче вперял в них мужество сими словами: «Не бойтесь, царь Петр не потонет. Слыхано ль когда, чтоб российский царь погиб в воде?»

Некогда пригласил сей монарх иностранных министров, при его дворе в Петербурге находившихся, прогуляться с ним в Кронштадт, где хотел им показать некоторые новые застройки и часть своего к выезду готового флота. Они сели с его величеством на голландский буер, которым сам царь правил. Когда они несколько за половину дороги переплыли и находились уже в Финском заливе, поднялся сильный полуденный и противный им ветер. Царь усмотрел так же на отдаленном горизонте туман и поднимающуюся тучу, из коей возвестил своим спутникам скорую бурю. Большая часть из сих пришли от того в вящий страх, когда увидели, что неробкий штурман, Петр Великий, приказал спустить половину парусов и матросам повелевал быть в готовности. Некоторые из сего собрания, увидев, что буер от противного ветра больше назад к Петербургу, нежели вперед подавался и для единственного лавирования был от царя то на ту, то на другую сторону уклоняем, предложили они его величеству, не лучше ли возвратиться в Петербург или, по крайней мере, бежать в близ находящуюся Петергофскую пристань? Но царь, не почитавший еще

опасность столь великою, как они, и вменявший возвращение в стыд, отвечал им только: «Не бойся!» Между тем приблизилось исполнение предвещания сего искусного штурмана. Буря со страшным громом явилась в полном своем свирепстве, волны бились чрез борт, и буер казался скоро быть погруженным в морскую бездну. Опасность сделалась явною, а страх смерти на лицах всех был виден, выключая Петра Великого и его морских служителей. Поелику он занимался рулем и кричал все к матросам, то и не внимал частым просьбам иностранных послов, пока на конец один из них, господин К. П. и Х. С. Л. к нему подошел и, преисполненный страхом, не в шутке уже ему сказал: «Ради Бога, прошу вашего величества воротиться в Петербург или плыть к ближайшему берегу Петергофа: подумайте, что я от моего короля не для того прислан в Россию, чтоб здесь утонуть. Ежели я здесь погибну, как то уже и ясно предусматриваю, то ваше величество будете ответственны за то моему двору». Не взирая на величайшую опасность, едва мог царь удержаться от смеха и равнодушно отвечал посланнику: «Не бойся, господин фон Л., ежели вы утонете, то и мы все потонем, а тогда вашему двору не на ком будет уже и взыскивать».

Между тем искусный штурман Петр, усмотрев сам невозможность далее противиться буре и волнам, лавировал к стороне, благополучно уклонился от бури и наконец вбежал в пристань увеселительного своего замка Петергофа. Там оживотворил он своих спутников ужином и довольным числом бокалов венгерского вина, а потом дал им наступающею ночью там успокоиться.

На рассвете поехал он один на своем буере в Кронштадт и послал оттуда несколько шлюпок с надежными людьми за своими гостями.

[107]

93. Петр Великий немедленно наказывает за небрежение

Петр Великий хотя и любил своего обер-кухмистра Фелтена и имел к нему доверенность, однако редко прощал ему проступки, сделанные с намерением, или по небрежению. Фелтен, которого я знал в первом году по прибытии моем в Россию, будучи веселого нрава, не таил того, что Государь иногда бивал его палкою из своих рук, но после по-прежнему поступал с ним милостиво. Некогда бывши в Академической Кунсткамере, где хранится изображение Петра Великого в собственном его платье со многими другими вещами, которые государь употреблял, и увидев между прочим государеву трость, стоящую в углу, сказал он господину Шумахеру, своему зятю: «Эту мебель, зятюшка, можно бы и спрятать, чтобы она не всякому на глаза попадалась: может быть у многих так же, как и у меня зачесется спина, когда они вспомнят, как она прежде у них на спине танцевала».

Сам же он рассказывал о себе, как он некогда побит был сею палкою за кусок Лимбургского сыру.

Петр Великий, по голландскому обычаю, кушал после обеда масло и сыр; особенно любил он Лимбургский сыр. Некогда поставлен был на стол целый Лимбургский сыр, который ему отменно понравился. Заметив прежде, что редко подавали к другой раз на стол початые сыры, либо подавали иногда небольшие только остатки, вынул он из кармана математический свой инструмент, вымерял остаток сего сыру и записал его меру в записной своей книжке, Фелтен не был тогда при столе, а как он после вошел, то Государь сказал ему: этот сыр отменно хорош и мне очень полюбился; спрячь его, не давай ни кому и ставь его всегда на стол, пока он изойдет. По сему приказанию на другой день сыр подан был на стол, но по несчастью обер-кухмистра не осталось уже его и половины. Государь тотчас приметил сие, вынул записную свою книжку и масштаб, вымерил остаток сыру и нашел, что половина того, сколько снято было со стола, была съедена. Он приказал позвать обер-кухмистра и спросил: от чего столько убыло со вчерашнего дня? Фельтен отвечал, что он того не знат, ибо он его не мерял. «А я его вымерял», – сказал император, и приложив масштаб,

показал ему, что половины сыру не доставало. Потом Его Величество еще спросил: не приказывал ли он ему спрятать этот сыр? «Так, – отвечал Фелтен, – но я это позабыл». «Погоди ж, я тебе напомним!» – сказал Государь; встал из-за стола, схватил свою трость и поколотив ею оберкухмистра, сел опять за стол и кушал спокойно свой сыр, которого остатки после того еще несколько дней подаваемы были на стол. [\[108\]](#)

94. Строгое соблюдение Петром Великим уголовных законов

Мудрый российский законодатель, царь Петр Великий всегда тщился быть примером строгого соблюдения законов. К духовным уставам имел он особенное уважение; в уголовных же делах был он тем паче не упросителен, чем больше злобы и умысла в преступнике примечал. Ежели дело касалось до убийства, то от его величества никогда не можно было ожидать или искать прощения; ибо он всегда утверждал, что злобою пролитая кровь вопиет о мщении, а не наказание злодеяний служит к величайшему вреду общества.

Некоторая придворная фрейлина её императорского величества Екатерины I, именем Гамильтон, по вертопрашной своей жизни умела два раза скрыть свою беременность и столь искусно могла утаить произведенных на свет мертвых или живых плодов, что ни однажды не подвергалась подозрению двора, но третий случай сделался ей пагубным. Умерщвленный младенец был найден, а обстоятельства госпожи Гамильтон привлекли всех на нее подозрения. По царскому повелению была она допрошена, и не только призналась в сем детоубийстве, но и в прежних двух. По сем была она осуждена на смерть, а предложенный царю приговор против её чаяния подписан; ибо никакие просители, да и самая царская благосклонность жизни ей исходатайствовать не могли. Вся сия отличность ничего была не в силах произвести в царе, соблюдавшем Божеские и государственные законы. Наступил день казни девицы Гамильтон; преступницу привели на лобное место, одянную в белое шелковое платье с черными лентами. Царь сам не преминул быть при сем печальном зрелище, простился с нею и сказал ей: «Поелику ты преступила Божеский и государственный закон, то я тебя не могу спасти. Снеси с бодростию духа сие наказание, принеси Богу чистое молитвою покаяние и верь, что он твое прегрешение, яко милосердый судия, простит». Потом стала она на колени и начала молиться; а как царь отворотился, то получила она рукою палача смертный удар.^[109]

95. Петр Великий отказывает в просьбе о становлении патриарха

Когда по смерти последнего патриарха Адриана патриаршеское место в Москве за тогдашнюю войною многие годы оставалось не занятым, то часто от верховного духовенства было предлагаемо занять порожнее место паки достойным начальником церкви. Сей монарх, которому небезызвестно было то неудовольствие, которое имел его родитель царь Алексей Михайлович от тогдашнего патриарха Никона и сколько ему стоило трудов сделаться наконец над ним полномощным; и по сему самому давно уже он предпринял намерение не устанавливать патриарха. Чаятельно мнение сие подтвердил Новгородский архиепископ Феофан Прокопович, который во всех намерениях Петра Великого совершенно согласовался и к споспешествованию оных всегда сему монарху был предан, а потому и был правою его рукою именован. И так, когда император Петр Великий, по многим на предложение от духовных особ отговоркам, на конец решился впредь не избирать патриарха, то сей архиепископ сделал ему предложение вместо патриарха учредить святейший Правительствующий синод. Когда сие в 1721 году в самом действии последовало и по желанию царскому вышел от архиепископа Феофана превосходный Духовный регламент и катехезис в осьмую долю листа, с обстоятельными истолкованиями и доводами из Священного Писания, то думал сей монарх, что уже больше не будут требовать патриарха. Но не взирая на то, большая часть главнейшего духовенства, выключая упомянутого архиепископа Феофана, всегда в том мнении пребывала и надеялась получить патриарха. Во время присутствия монаршего в Синоде, как обыкновенно сие часто случалось, было ему сверх чаяния его предложено о патриархе; вдруг пришел он в гнев и, ударив себя в грудь, сказал: «Вот вам патриарх». После сего уже никогда не слышно было, чтоб кто упомянул о патриархе или изъявил малейшее о том желание.

Таким образом слышал я от канцлера графа Бестужева, рассказывавшего сие приключение за обеденным своим столом. Но тому противоречил императорский кабинетный секретарь Иван

Антонович Черкасов: он утверждал, что царь одною рукою ударил себя в грудь, а другою обнаженным своим кортиком ударил плашмя по столу, с гневом произнеся означенные слова: «Вот вам патриарх».^[110]

96. Почтение к царю Ивану Васильевичу

Петр I имел великое почтение к Царю Ивану Васильевичу, и в разговорах о сем нервном Монархе всея России часто доказывал, что он заслуживает название Великого. Сие мнение о царе Иване Васильевиче изъявил он некогда публично в Москве при следующем случае: во время торжества при заключении мира со Швециею (в 1721 году), когда лес город был иллюминирован, Герцог Голштинский, бывший потом зятем Петра Великого, приказал поставить перед своею квартирою в Немецкой слободе иллюминированные триумфальные ворота. На сих воротах с одной стороны изображен был Петр Великий в триумфе, а с другой царь Иван Васильевич, составивший победами своими из многих разных княжеств одну великую монархию; и потому изображен он был едущий в триумфальной колеснице по гербам российских княжеств; тогда как Петр Великий представлен был в такой же колеснице, едущий по гербам и именам завоеванных им земель и городов. Сие изображение не заслуживало одобрения от всех зрителей. Многие думали, что в оном царь Иван Васильевич весьма неудачно сравнен был с таким монархом, которого весь Сенат наименовал отцом отечества. Государь, едзя в тот вечер по городу и осматривая разные изображения на иллюминациях, приехал и туда, остановился у триумфальных ворот и рассматривал весьма пристально помянутое изображение.

Герцог тотчас вышел на улицу принять его величество и благодарить за высочайшее его посещение. Он извинялся пред Государем в том, что за краткостью времени и по недостатку живописцев не мог сделать иллюминации лучше и достойнее его величества. Но императору сие изображение так понравилось, что он, обняв Герцога, поцеловал его и сказал публично: «Эта выдумка и это изображение – самые лучшие из всех иллюминаций, какие только я во всей Москве видел. Ваша Светлость представили тут собственные мои мысли. Этот Государь (указав на царя Ивана Васильевича) мой предшественник и пример. Я всегда принимал его за образец в храбрости; но не мог еще с ним сравняться. Только глупцы, которые не знают обстоятельств его времени, свойств его народа и великих его

заслуг, называют его тираном». Сии краткие и многозначщие слова государь объяснял и подтверждал после в пространном разговоре, войдя с герцогом в его дом, где он в самом веселом расположении пробыл до глубокой ночи. [\[111\]](#)

97. Наставление посланникам, отправленным к иностранным дворам

По заключении мира с Швециею, в 1721 году, надлежало послать от российского двора посланника в Стокгольм. Петр Великий избрал к тому Михаила Петровича Бестужева, бывшего потом графом и обер-маршалом при дворе императрицы Елизаветы Петровны, и приказал ему явиться к себе для получения последних наставлений в 4 часа поутру. Также приказал сказать Андрею Ивановичу Остерману, чтоб он дал ему инструкцию от Иностранной Коллегии и в назначенный час явился к Государю вместе с ним, и чтоб Бестужев не позабыл взять с собою записную свою книгу.

Господин Бестужев поехал из дворца прямо к Остерману и объявил ему царское повеление. Остерман вручил ему инструкцию и прочитал оную вместе с ним. Потом, как уже было 10 часов за полдень, думали они, что уже некогда им ложиться спать, поехали в гости и, отужинав там, провели всю ночь весело. В половине четвертого часа поутру, приехав во дворец, не нашли в передних комнатах никого, кроме дежурного денщика, который сказал им, что Государь встал еще за полчаса и ходит в своей спальне. Они требовали, чтобы он доложил о них его величеству; но денщик отвечал, что не смеешь доложить прежде, как точно в назначенное им от государя время. Как скоро пробило 4 часа, денщик вошел в спальню к государю и доложил о них. Государь тотчас приказал позвать их к себе. Они нашли его в коротком шлафроке, с не подвязанными чулками, в туфлях и в бумажном колпаке, который подложен был полотном. Он, приняв их ласково, сказал им: «Здравствуйте», и сперва спросил, которой час? Узнав, что лишь только пробило 4 часа, сказал: хорошо.

Потом его величество спросил у графа Остермана, отдал ли он инструкцию г-ну Бестужеву и прочитал ли с ним оную? У г-на Бестужева спросил, читал ли он еще сию инструкцию, все ли уразумел, и не имеет ли о чем-нибудь спросить? Узнав, что сие сделано было как надобно, спрашивал он г-на Бестужева ещё о некоторых обстоятельствах и предлагал ему некоторые случаи, дабы

узнать, как он в таких случаях будет поступать. Г-н Бестужев отвечал на все вопросы к удовольствию императора, после чего государь сказал ему: «Изрядно, теперь ты знаешь, что ты должен делать для моего Государства и его именем. Вынь записную свою книжку, я хочу еще дать тебе собственные мои комиссии и особое наставление: запиши их, чтобы ничего не позабыть».

Потом Его Величество сказывал обстоятельно о многих вещах, которые нужно ему было выписать из Швеции и тамошних окрестностей для России и Петербурга. Во-первых Государь требовал, чтоб он принял там в его службу и прислал к нему искусных мастеров и ремесленников, как то: садовников, земледельцов, форштехмейстеров, плотников и каменщиков, также искусных слесарей, особливо ж в делании замков и пружин, плавильщиков меди и делателей стали, и проч. Сказав все, что записать было должно, приказал он Г. Бестужеву прочитывать, что он записал, дабы видеть, не пропустил ли он чего-нибудь. Потом Его Величество сказал ему: «Что касается до инструкции, полученной им из Коллегии, о том должен он рапортовать в Коллегию и с нею иметь переписку; а что касается до особенных комиссий и наставлений, означенных в записной его книжке, о том должен он непосредственно уведомлять самого государя и писать к нему без церемоний, коротко, правильно и точно, надписывая письма: «Петру Алексеевичу». Г. Бестужев впоследствии исполнял сие повеление, и я видел у него большой пакет собственных государевых писем как о помянутых, так и о других комиссиях. Наконец при прощаньи его величество говорил ему следующее: «Желаю тебе благополучного пути, и чтобы ты должность свою сколько можешь верно и прилежно исполнял. Если будешь так поступать и вести себя, как я надеюсь, то я постараюсь о твоём счастье; в противном же случае будешь ты иметь во мне неприятеля, также, как теперь имеешь во мне друга». – Потом государь, по своему обыкновению, поцеловал его в лоб и сказал: – Ступай с Богом!»^[112]

98. Любопытство Петра Великого знать, что говорят о нем в чужих землях

Петру Великому известно было, что говорили о нем в России, и как судили о его делах и поступках. Но он желал знать, что говорили о нем в чужих землях, и при всяком случае о том наведывался.

Незадолго до окончания Шведской войны и до заключения Нейштадтского мира, г-н N. N. возвратился из посольства от ***** Двора. Государь приказал ему явиться к себе в полдень, когда он приедет из Коллегии. Г-н N. N. явился в назначенное время. Его величество принял его милостиво и оставил у себя обедать, дабы за столом поговоришь с ним обстоятельнее. Он расспрашивал у него подробно обо всех обстоятельствах той земли и того Двора, откуда Посланник возвратился. Наконец спросил с ласковым видом, как там судят и что говорят о нем? Все хвалят ваше величество, отвечал посланник: «Особливо ж удивляются благоразумию вашему в удачном произведении в действо столь трудных и великих предприятий, и все имеют великое почтение к Вашему Величеству. «Изрядно, – сказал государь: – все это можешь быть; ласкатели говорят так обо всяком Государе, когда знают, что он это услышит. Я не хочу знать, что говорят обо мне с доброй стороны, но желаю узнать, что говорят обо мне в чужих свободных землях, где смотрят на меня и с другой стороны; и о том-то прошу тебя рассказать мне, ничего не скрывал. Я знаю, что в чужих землях судят обо мне со всех сторон, каков я кажусь, и везде говорят обо мне вольнее как ты верно слышался. Об этом хочу я от тебя узнать, и увижу, сходно ли это будет с тем, что я уже часто слышал, и правду ли ты скажешь». Посланник, поклонившись ответствовал: «Когда Ваше величество приказываете, то я расскажу вам все, что слышал о вас худого. Говорят, будто Ваше Величество весьма строгой Государь, поступаете сурово со своими подданными, за все наказываете и никого не прощаете». При сих словах государь перервал речь его и сказал улыбаясь: «Нет, нет, друг мой! ты не хочешь сказать мне прямо того, что ты верно слышал. Меня называют свирепым Государем и тираном. Вот что говорят обо мне в тех землях! Но кто ж это говорит? Такие люди, которые не знают

обстоятельств, в каких я сначала несколько лет находился; не знают, что многие из моих подданных делали мне самые гнусные препятствия в произведении самых лучших моих, в пользу отечества, намерений, и для того необходимо нужно мне было поступать с ними со всею строгостью; но никогда не поступал я свирепо, или тирански. Также имел я разумных и храбрых сынов отечества, которые усматривали пользу моих намерений, споспешествовали оным с верностью и постоянством, и за то получали от меня благодарность и благоденствия.»[\[113\]](#)

99. Петр Великий поощряет дочерей своих к ученью

Императрица Елизавета Петровна, короновавшись в 1742 году в Москве, пеклась с материнским рачением о воспитании племянника своего, молодого Герцогат Шлезвиг-Голштинского, прибывшего незадолго перед тем из Киля. По моему плану, одобренному Её Величеством преимущественно перед многими другими планами, надлежало обучаться его высочеству во-первых Российской истории и географии, статистике и обстоятельному познанию своей земли, купно с другими начальными науками; а потом уже преподавать ему сведения о соседственных государствах и землях. Её величество выбрала меня его учителем со всемилостивейшим притом объяснением, что я сам лучше всякого другого могу поступить по своему плану, и через два дня потом благоволила сама представить меня его высочеству в присутствии государственного канцлера графа Бестужева и вице-канцлера графа Воронцова, также Голштинскаго обер-гофмаршала графа фон-Бриммера и обер-каммергера фон-Берггольца, которые прибыли с молодым герцогом из Киля и дотоле одни только около него находились. «Я заметила, – говорила монархиня, что вашему высочеству часто с утра до вечера бывает скучно. Для разгнания скуки и чтобы вы препроводили время с приятностью и пользою, определяю к вам г-на Штелина, который будет доставлять вам приличные и полезные упражнения». В первые два года её величество часто посещала молодого герцога по утрам во время ученья и препроводила с ним по получасу и более, рассказывая что-нибудь, или разговаривая с ним, причем всегда давала полезные наставления. Её величество вообще любила, когда рассказывали что-нибудь о покойном её родителе, и сама говорила о нем всегда с сердечным движением. Некогда изволила она обстоятельно рассказывать, как он сожалел и пред всеми изъявлял свое сожаление о том, что в молодых его летах не старались учишь его.

Между прочим её величество рассказывала, что покойный её родитель часто прихаживал к ней и к старшей её сестре, царевне Анне Петровне, поутру и после обеда, чтобы видеть, как сие время

препровождали. Редко уходил он от них не дав им полезного увещания. Частью сам расспрашивал их о том, что они выучили, или читали, и когда бывал доволен их ответами, то хвалил их и целовал. Иногда же в изъявление своего удовольствия присылал им приятные подарки.

Некогда ввечеру, когда при дворе не было дел и великий князь находился один в комнате со своим профессором, попечительная Монархиня вошла к нему нечаянно и застала его чертящего на обитом зеленым сукном полу Коегорнов способ укрепления в большом виде по плану, который сам он делал. Её Величество просила его продолжать, и в её присутствии, сие упражнение, и почти с час смотрела на оное с удовольствием; расспрашивала о разных частях крепости и о главных способах укрепления, и наконец сказала: «Ваше высочество видите теперь, какое благородное препровождение времени можно иметь, когда чему-нибудь учишься, или выучишься. Я помню, как покойный мой родитель при многих случаях говаривал, что с охотою дал бы отрубить себе палец у руки за то, чтоб его в молодости учили. Однажды пришел он ко мне и к сестре моей, когда мы с нашею француженкою читали сочинения г-жи Ламберт, и заставив нас пересказать ему одну страницу по-русски, сказал: как вы счастливы, дети мои, что в молодости дают вам читать полезные книги и учат вас! А я лишен был этого в своей молодости!»^[114]

100. Распределение должностей молодым россиянам, возвращавшимся из чужих краев

Известно что Петр Великий, вскоре по возвращении с первого своего путешествия в Англию и Голландию, дал повеление посылать молодых дворян в чужие края для обучения наукам и художествам. Преимущественно пред другими науками приказывал он обучаться навигации, искусству кораблестроения, гражданской и военной архитектуре, потому что сии науки еще весьма мало известны были в России и необходимо нужны были при произведении в действо великих его намерений. На сей конец посылал он некоторых молодых дворян в Голландию, других в Англию, иных же в Тулон и Брест; снабжал их рекомендательными письмами и достаточным жалованьем. Также посылал он в Голландию несколько молодых людей из мещан учиться каменщическому ремеслу и обжиганию кирпичей. Они должны были присылать к Его Величеству рапорты об успехах в своем ученье, и по прошествии предписанных лет возвратившись, должны были прямо к нему являться. Государь строго экзаменовал каждого из них в его науке или художестве, и когда находил, что он хорошо пользовался своим временем и учился с успехом, то хвалил его публично и давал ему чин и должность, смотря по его способности. Кто же возвращался без успеха в назначенной ему науке и неспособен был к службе, такого Государь определял к какойнибудь презрительной должности, или назначал его в придворные шуты. При дворе императрицы Анны Иоанновны видал я еще некошеных из сих шутов, которые под начальством главного шута Педрилы, были истопниками, смотрели за собаками, или другие тому подобные должности отправляли, и для всех служили посмешищем.

По возвращении со второго путешествия Государь еще рачительные старался о сем учреждении, приметив полезные оногo следствия. Он посылал некоторых людей из мещанского состояния в чужие края для обучения разным художествам, как-то: Земцова и Еропкина в Италию – для обучения Архитектуре, Никитина и Матвеева в Голландию для обучения живописи, Башмакова и некоторых других также в Голландию для обучения каменщичьему

ремеслу. Для строения Адмиралтейства и других публичных здании в Петербурге, выписывал он из Голландии каменщиков и мастеров, искусных в обжиге кирпича, также в строении мостов и мельниц, и отдавал им молодых людей из русских для обучения. Через несколько лет он не имел уже нужды в Голландских мастерах, однако же оставлял их в своей службе по смерти их, или пока сами они требовали увольнения, и приказывал выдашь им полное жалованье, отчасти для того, чтоб прежние их ученики при них еще более навыкли в своем ремесле, отчасти ж для обучения новых учеников.

Кирпичи и черепица, употребляемые при нем на строение, делаемы были вполнину менее обыкновенных кирпичей, по Голландскому образцу и по Витрувиеву наставлению, которого сокращение напечатано в Париже в 12 долю листа, под названием le petit Vitruve, и по приказанию Петра Великого, переведено на Российский язык. Из таких кирпичей построены в Петербурге адмиралтейство, кузницы, слесарни, и проч. при Крюковом канале, Подзорной дворец при взморье между Калинкиным и Катариненгофом, Летний дворец и многие другие здания, которые по сие время стоят еще в целости. Следовательно многие весьма несправедливо думали, будто Государь весь кирпич на строение сих зданий выписывал из Голландии. [\[115\]](#)

101. Старание Петра Великого о переводе иностранных книг на русский язык

Между прочими препятствиями к введению в России наук и просвещения Петр Великий усмотрел в государстве своем и недостаток таких книг, которые у других народов служили к приращению знаний. Сей великий Император, неутомимо пекшийся о соделании подданных своих более знающими, искусными и просвещенными приказал сделать реестр лучшим книгам в нужнейших науках, выбрал полезнейшие из них по своим намерениям и приказал переводить их на Русской язык и печатать. Вследствие сего вскоре изданы были Гибнерова и Варениева География в лист, некоторые классические авторы, как-то: Курций, в 4 долю листа; сочинения разных немецких и голландских писателей о строении каналов и шлюзов; Бухнерово искусство делать фейерверки, Вобановы, Коегорновы, Блонделевы, Патновы и Боргсдорфовы книги, касающиеся до воинской архитектуры, напечатанные на хорошей голландской бумаге и новыми чистыми литерами, которые Государь заказывал выливать в Голландии. Между прочими книгами, мудрый монарх выбрал для перевода и Пуффендорфово введение в историю Европейских государств. Он отдал сию книгу монаху, который известен уже был по хорошим переводам других книг, и просил его перевести оную как возможно скорее.

Монах исполнял повеление Государево со всевозможным прилежанием и в несколько месяцев окончил свой перевод. Надеясь получить от Императора благодарность и награждение, явился он к его величеству со своим переводом и с латинским оригиналом.

Государь увидев его между прочими в передней, начал говорить с ним весьма милостиво и спросил у него, скоро ли он окончит свой перевод? «Он уже готов, всемилостивейший государь», – отвечал монах. Петр Великий взял у него перевод с ласковым видом, пересматривал оный и остановился над одной главою, которая была в конце книги.

Между тем предстоящие приметили перемену в его лице и гнев. В самом деле Государь, вдруг оборотившись к монаху, с негодованием

сказал ему: «Дурак! Что я приказал тебе сделать с этой книгою?» «Перевести ее», – отвечал монах. «Разве так переводят?» – вскричал государь, указывая на параграф о России, в котором переводчик совсем выпустил суровое и колкое место о свойстве российской нации, равно как и в других местах переменял неприятные для Российского народа выражения.^[116] «Тотчас поди, – сказал Государь с гневом, отдав ему неверный его перевод, – и сделай, что я тебе приказал, и переведи книгу точно так, как автор ее написал».

И так сия книга переведена была с точностью, а потом напечатана в 4 долю листа и поднесена государю иеромонахом и префектом Гавриилом в 1723 году при возвращении его из Персидского похода.

При сем случае Государь объяснялся, что он, желал видеть сей параграф напечатанным на Русском языке не в поругание своим подданным, но для исправления их и для показания им, как прежде иностранцы о них думали, и дабы они мало-помалу узнавали, каковы они прежде были, и каковы после стали его старанием.^[117]

102. Глубокая печаль Петра Великого о кончине сына своего царевича Петра Петровича

Столь неопишима была радость Петра Великого о рождении первого его сына Петра Петровича, которой произошел от второй его супруги Екатерины Алексеевны в 1714 году, столь безутешна была его печаль при кончине его, последовавшей на втором году его возраста.

Нежный родитель сего желанного царевича, лишившись его, в такую вдался печаль, что не только проливал токи слез, но и впал в род унылости, которая, может быть, причинила бы худыя следствия, ежели бы их не предупредило нежное попечение его супруги и благоразумие, соединенное с отважностью одного патриотического сенатора, князя Долгорукова.

Царь, печалась о сем приключении, заперся в своем кабинете и трое суток никого к себе не впускал, даже и любезную свою супругу. Он лежал на своей постели, не употребляя ни пищи, ни питья, так же ничего из важнейших дел тогда ему не было предлагаемо. Течение государственных дел вдруг остановилось, запросы его министров и генералов оставались без ответа и решения, неукоснительные военные дела без решительности; ни Сенат, ни Адмиралитет, ниже Военная коллегия не знали, что предпринимать, а при дворе обитала смутная тишина, сопровождаемая страхом и ужасом. Но никому столько не было чувствительно, как нежной царице Екатерине, которая, кроме бремени крайнейшей печали о лишении столь усиленно желанного князя, долженствовала так же сносить тягостную скорбь о дражайшем своем супруге и почти опасаться невозвратимой потери оногo; ибо царь и ей самой не отвечивал из своего затворенного кабинета, как бы она ни стучалась и его ни звала. И так нежная сия супруга почти вся истощилась от слез и прискорбия и едва с печали всей бодрости не лишилась. Наконец нужда и разум подали ей средство дойти к своему супругу. Она в ночи послала за сенатором Долгоруковым, о смелости коего и доверенности, которую к нему царь имел, была частыми опытами уверена. Она представила ему ту ужасную опасность, которая ей и целому государству чрез таковое супруга её состояние угрожала, и

слезно его просила выдумать скорейшее средство к вызыванию царя из его кабинета, а тем самым ко спасению государства от очевидной опасности.

Сей благоразумный муж, подумав несколько, ободрил царицу, уверяя, что дело сие в следующий день переменится, и царь паки появится.

Как скоро он возвратился от двора, то ко всем сенаторам послал запечатанное письмо, в коем именем царицы наказал на другое утро быть чрезвычайному собранию Сената; при том представил он бедствие государства при таковых обстоятельствах и желание царицы, в силу которого долженствовал весь Сенат немедленно ко двору явиться и отвести царя от его заключения и унылости.

И так собравшиеся сенаторы пошли с князем Долгоруковым во дворец и к самым дверям кабинета, в котором царь затворился. Долгоруков начал стучаться, а царь ни мало не подавал знаку, чтобы он там был. Долгоруков стал стучать крепче и кричал царю, чтобы он отворил двери, потому что пришел к нему Долгоруков и весь Сенат, чтоб доложить его величеству о важнейшем деле. Когда царь по сем приблизился к дверям и ничего еще не ответствовал, то закричал ему Долгоруков еще крепче, что сие дело не терпит медленности, чтоб его величество тотчас отворил двери и сделал бы решение; в противном же случае найдут себя принужденными силою взломать оныя и извлечь его величество, ежели он не хочет лишиться престола и государства. Царь, выслушав сие, отворил дверь, выступил из кабинета и вначале ужаснулся, увидев собранный Сенат, но потом исправился и сказал: «Ну, что такое сделалось, что вы меня тревожите?» – «А вот что, – ответствовал Долгоруков, – что чрез твое чудное от нас удаление и слишком продолжительную и совсем бесполезную печаль придет целое государство в замешательство. Государственные дела остановились, благополучные успехи морской и сухопутной войны в противную сторону обратятся; торговля и коммерция падут; часто побежденные враги паки возмужатся и государству падением угрожать будут, ежели ты долее будешь запираешься и уклоняться от правления, и государственные твои подпоры необходимо найдутся принужденными помышлять искать на твое место другого владетеля».

После сего справедливого представления царь мало-помалу укрепился, обещал сенаторам своим откинуть печаль и на утро опять

явиться в Сенате. Его величество тотчас пошел с ними к царице, обнял ее любезно и сказал: «Так тому и быть, любезнейшая моя супруга, что Бог учинил, о том мы более роптать не должны». Он удержал всех сенаторов при обеденном своем столе и столько ободрился, что печаль его очевидно миновалась. Его величество с того часа вступил по прежнему в дела и в следующий день, по обыкновению своему, в Адмиралитете и Сенате явился.^[118]

Примеч. Описанная чрезмерная печаль Петра Великого о кончине сего царевича была соразмерна той радости, которую он при его рождении чувствовал и изъявлял. В своеручном письме от 29 октября 1715 года объявляет он фельдмаршалу графу Шереметеву о рождении своего сына Петра Петровича, называет его дарованным ему от Бога рекрутом и приказывает своим именем поздравить тем всю армию. Смотри письма Петра Великого к фельдмаршалу графу Шереметеву, напечатанные в Москве 1774 года на стр. 148 письмо 190, которое в подлиннике здесь вместить почитаю за нужное. «Господин генерал-фельдмаршал! Объявляю вам, что сей ночи дал Бог мне рекрута отцовым именем; прошу господ генералов и прочих от вышних до нижних от меня поздравить и сие объявить. Петр Из Санкт-Петербурга в 29 день октября 1715 года».

103. Петр Великий по просьбе своей собаки прощает несчастного, впавшего в немилость

В Академическом кабинете натуральных редкостей между прочими чучелами хранится за стеклом бывшая комнатная и любимая Петра Великого собака, которую называли Лизеттою. Она так была привычна к Государю, что никогда от него не отставала; когда ж он выходил, то лежала в кабинете на софе, пока он возвращался; увидев же его, опять прибежала к нему, ласкалась, прыгала на него, ложилась против него, когда Государь садился; во время же обыкновенного его отдохновения после обеда всегда лежала у ног его. Сия верная своему хозяину собака, спасла некогда от кнута одного знатного придворного служителя, неизвестно по какому обвинению впавшего в немилость. Император весьма разгневался на сего несчастного, приказал посадить его в крепость и говорил, что прикажет высечь его на площади кнутом. Императрица и все придворные не почитали сего несчастного столь виноватым, каковым он казался разгневанному Императору, и потому старались спасти его и при первом случае просили Государя, чтоб он его простил. Но Петр Великий только более разгневан был сею просьбою и запретил, чтоб никто не осмеливался говорить о невинности осужденного и просить ему помилования. Сама Императрица не осмеливалась преступить сего запрещения: и потому думали, что уже не оставалось никакого способа к избавлению несчастного. На другой день поутру Государь по обыкновению своему поехал в Адмиралтейство и в Сенат, откуда возвращался он не прежде полудни. Между тем Императрица вздумала необыкновенной способ просить у Государя помилования осужденному, не преступая его запрещения. Она приказала написать от имени Лизетты короткую челобитную, в которой сия собака представляла бескорыстную свою верность, описывала некоторые обстоятельства, доказывая невинность впавшего в немилость придворного служителя, и просила Государя рассмотреть сие дело и по сей первой её просьбе освободишь несчастного. Написав сию челобитную, положили ее Лизетте за ошейник, так что при первом взгляде можно было ее увидеть.

Как скоро Император возвратился во дворец, Лизетта подбежала к нему и ласкалась по обыкновению. Государь тотчас приметил у нее за ошейником бумагу, вынул оную и прочитав засмеялся и сказал: «И ты, Лизетта, с челобитными ко мне подбегаешь! Я исполню твою просьбу, ради того, что она от тебя еще первая». Потом Его Величество послал в крепость денщика с повелением освободишь арестанта и отпустить домой.

104. Любимцы Петра Великого

Великий российский монарх никогда не имел такого любимца, к которому бы он слепо был привязан, и который мог бы управлять делами и людьми, как хотел. Некогда в присутствии государя был разговор о любимце некоторого короля, который один мог все при дворе делать. Его величество сказал: «Так государством правил он, а не король. Я благодарствую за таких любимцев. Моими любимцами всегда будут те, которые всех честнее, и искуснее и отечеству полезнее. А Катенька моя всегда будет моею любимицею». – Казалось, что князь Меншиков, к которому Государь имел во многих делах отменную доверенность, и которого он милостью своею привел в состояние жить великолепно, дабы самому избавиться от неприятной ему пышности, был его любимцем; однако ж он не мог ни в чем брать преимущества пред другими, или уверять в чем-нибудь ложно Государя, не терпевшего обмана, или неправды, даже и в самых маловажных вещах. Монарх прощал ему столь же мало, как и другим, и наказывал его публично за самые легкие проступки. Приметив в нем злобу, или гордость, говорил ему с важным видом: «Александр! Александр! Не забывай, кто ты был и из чего сделал я тебя тем, что ты теперь». Некогда князь Меншиков вместе с некоторыми другими господами, снял поставку провианта, взяв за то гораздо больше обыкновенной цены, за какую прежде купцы ставили провиант. Государь узнал о сем нечаянно. Его величество, ходя по бирже, увидел там некоторых русских купцов, которые прежде часто ставили провиант, стоящих без всякого дела, и сказал им: «Как вы поживаете? Разве вам нечего делать, что вы стоите здесь в праздности?» «Нечего, всемилостивейший государь! – отвечал один из них: когда твои знатные господа захотели быть купцами, так нам купцам пришлось быть без дела. «Как это?» – спросил Государь. «Точно так, всемилостивейший государь!» – отвечали купцы. Император приказал двоим из них явиться на другой день в пять часов поутру к нему в Адмиралтейство. Там поговорив с ними, он узнал всё дело, касавшееся до последней большой поставки провианта. Приехав из Адмиралтейства в Сенат, говорил он о сей поставке, приказал князя

Меншикова и других, участвовавших в оной знатных господ содержать в их домах под караулом; учредил следственную комиссию, и по исследовании дела определил взыскать с них большой денежной штраф. При сем случае Государь сказал Князю Меншикову: «На сей раз наказывают тебя денежным штрафом; но берегись впредь меня обманывать, в противном же случае наказан будешь гораздо строже.»

В другое время Государь узнал о коварстве князя Меншикова, который из зависти привел Государя на гнев против невинного и прежде отменно им любимого архитектора Ле-Блонда, о чем его величество после весьма жалел. Тогда Государь схватив его за ворот, бил спиною об стену и при каждом ударе говорил: «Ты, плут, в этом виноват!»^[119]

105. Особенный анекдот, служащий примечанием к предыдущему анекдоту

В 1717 году Петр Великий, будучи в Париже у принял там в свою службу г. Ле-Блонда, одного из славнейших архитекторов тогдашнего времени и отправил его в Петербург, где хотел поручить сему искусному человеку поправление новозаложенного города. Но как он, увидев ошибку, сделанную в заложении линий на Васильевском острове, советовал Государю приказать все сломать и снова построить, но оставив Васильевский остров в прежнем положении, Государь приказал ему поправлять Петергоф и Стрелину мызу.» Его Величество, изведав великое знание сего искусного инженера и архитектора, достаивал его отменною милостью и часто ездил с ним на шлюпке или в одноколке, смотреть строения, производимые в Петербурге и в его окрестностях. Его Величество привез его с собою в Петергоф, чтоб поручить ему, тамошнюю работу, и вознамерившись ехать оттуда в Олонец, поручил князю Меншикову главное смотрение над работою, которую Ле-Блонд должен был производишь в Петергофе, приказав ему доставлять архитектору без замедления все, чего он потребует, и во всём ему помогать. Через несколько дней Ле-Блонд предложил князю Меншикову, что не мало бы придало красоты саду, если б дикие и весьма неравные деревья были подровнены. Князь Меншиков, зная, что Государь не хотел того, чтобы обрубали его деревья, особенно в Петергофе, тотчас согласился на сие предложение и дал Ле-Блонду столько работников, сколько он требовал. Ле-Блонд немедленно приказал сим работникам обрубить сверху и равнять неравные деревья в саду и в зверинце, от чего зверинец получил бы весьма прекрасный вид. Но как скоро сия работа была начата, то Меншиков отправил к Государю, находившемуся тогда в Шлиссельбурге, курьера с известием, что французский архитектор велел подрубить деревья в Петергофском саду. Государь ничего так не берегший, как деревья, особенно которые сам он сажил, испугался сего известия, и на другой день сам приехал в Петергоф в великом гневе.

Проезжая. мимо зверинца, увидел он работников на высоких подмостках над деревьями, кричал им, чтоб они перестали рубить;

и думая, что им приказано совсем подрубить деревья, поскакал туда, чтобы тому воспрепятствовать. Ле-Блонд, совсем не зная о доносе князя Меншикова, встретил его с радостью. Но Государь, будучи в жестоком гневе, выбранил его и ударил палкой. Бедный Ле-Блонд, не видав Государя никогда столь гневного и совсем не ожидая такой встречи, так испугался, что занемог горячкою, отнесен был на квартиру и положен на постель. Между тем Государь осмотрев начатую в саду работу и видя, что ни одно дерево не было срублено, и что донос князя Меншикова был ложный, разгневался снова на него, и после того бил его об стену, как упомянуто в предыдущем анекдоте; к архитектору же тотчас послал извиниться и уверить его в своей милости. Но Ле-Блонд настолько был поражен сим приключением, что непрестанно после того был болен и умер в следующем году. [\[120\]](#)

106. Частые фейерверки при Петре Великом

Хотя Петр Великий бережлив был в расходах, но необходимо нужных, однако иногда казался он расточительным в некоторых вещах, которые, по-видимому, не весьма были нужны. Но мудрый Монарх ничего не делал без намерения, которое иногда одному только ему было известно. Веселые празднества, свадьба карлов, Китайской обед, и другие сим подобные зрелища, которые учреждал он с великим иждивением в Лефоршовском дворце на Маслянице после великой победы под Полтавою, и имели предметом не одно только увеселение; но Государь хотел купно представить гостям своим, знатным боярам, странные их церемонии и старые обыкновения в смешном виде.

Частые фейерверки составляли одно из любимых его увеселений, стоивших большого иждивения. В главные праздники, как-то: в Новый год, в дни рождения и тезоименитства его супруги его, также при случае какой-нибудь победы и в другие торжественные дни, обыкновенно бывал великолепный фейерверк, и сие случалось в год раз шесть, иногда и более. В других землях фейерверки стоят весьма дорого, и потому весьма редко бывают при заключении мира, при королевском бракосочетании, при коронации и при некоторых других столь же важных случаях. Напротив того российскому монарху стоили они несравненно дешевле, по причине изобилия земель его всеми нужными к тому вещами, как-то: селитрою, серою и проч. и дешевизны оных, так что большой фейерверк, который при ином дворе стоил бы 50 000 рублей, при российском дворе не стоил более 10 000.

Но Петр Великий имел притом еще особенное намерение, и некогда при случае открыл оное королевско-прусскому посланнику барону фон-Мардефельту. Он спросил у сего посланника, чего бы по его мнению стоил тот фейерверк, который он видел, и как посланник ответствовал, то государь сказал ему: «Я знаю, что по частым фейерверкам можно почесть меня расточительным; но знаю и то, что они стоят весьма не дорого в сравнении с тем, чего бы стоили в других землях. Этот фейерверк, который вы оценили в 20 000 рублей, не стоил и 5000. Да хотя бы они и гораздо дороже стоили, – примолвил его

величество, – однако мне нужно увеселительным огнем приучать мой народ к огню в сражении. Я опытом узнал, что тот и в сражении меньше боится огня, кто больше привык к огням увеселительным».

[\[121\]](#)

107. Почтение Петра Великого к Священному Писанию и повеление напечатать Библию на голландском и славянском языках

Петр Великий сколь чужд был суеверия, столько ж ревности и уважения оказывал к божественному закону, предписанному во Священном Писании. Без крайней нужды не позволял он работать в Воскресные дни и обыкновенно говаривал, что работа, противная закону Божию, не приносит никакой пользы. Он хранил величайшее почтение к Священному Писанию и часто говаривал, что Библия есть книга всех книг, и что в ней содержится все касающееся до человеческих должностей к Богу и ближнему. Как напечатанное по повелению покойного родителя его, царя Алексея Михайловича, издание Библии в лист все уже разошлось, и трудно было купишь экземпляр оною, то Петр Великий, желая распространить чтение Библии в своем Государстве, приказал в 1716 году напечатать в Амстердаме, где он тогда находился, новое издание в 5 частях в лист, которое по договору его и его иждивением и отпечатано было в 1721 году на хорошей бумаге, в два столбца, из коих на одном напечатан был голландский перевод, а другой оставлен был белый для припечатывания славянского перевода. Еще гораздо прежде, а именно в 1717 году, вышла пятая часть, или Новый Завет на голландском и славянском языках, в которой славянский перевод, желательно, припечатан был уже в Петербурге.

Сим изданием всея Библии на голландском и славянском языках Государь намерен был доставить подданным своим двойную пользу, а именно: возбудить в них охоту к чтению Священного Писания, и притом подать им случай приучиться к любимому его голландскому языку. Ибо он часто говаривал: «Голландский язык нам нужен на море, немецкий на сухом пути, а французской совсем не нужен, для того, что с французами мало имеем мы дела.

Экземпляры помянутого издания Библии привезены были в Петербург и отданы в Правительствующий Синод, где Государь хотел приказать припечатать Славянской перевод и потом раздавать. Но поход его в Персию, множество дел, которыми занят он был по

возвращении оттуда, и вскоре потом последовавшая его кончина, воспрепятствовали произведению в действо как сего, так и многих других великих предприятий. Между прочим известно уже было, что монарх имел еще намерение приказать напечатать в Москве другое издание Библии в 4 долю листа, также на голландском и славянском языках, и продавать оное для народа, гораздо дешевле. Привезенные же из Голландии экземпляры, кроме немногих, которые Государь сначала раздарил, остались в Петербурге при Синоде, где они со временем от сырости ещё в кипах сгнили и так разрознились, что из всех кип едва можно было собрать один полный экземпляр. Наконец через несколько лет принуждены были распродать их лавочникам на обертки, Однако ж сие издание Библии весьма достойно примечания, как по красоте и драгоценности своей, так и по особенному намерению великого монарха, приказавшего оное напечатать, и полный экземпляр оного всегда будет редкою книгой и будет заслуживать одно из главных мест в знатнейшей библиотеке.

108. Отменный вкус Петра Великого в музыке

Пример Петра Великого доказывает, что вкус в изящных художествах образуется более случаем узнавать оные с молодых лет, и частым упражнением утверждается.

Сей Государь до 25 года своего возраста не видал никакой иной живописи, кроме обыкновенных икон, и потому не мог иметь вкуса в картинах.

На первом своем путешествии в Голландию видел он в разных местах картины привлекавшие к себе его внимание. Прожив несколько месяцев в Амстердаме, повидал он целые собрания, или кабинеты самых лучших нидерландских картин, которыми возбуждена была врожденная его склонность к натуральной красоте, и вкус его так образовался, что он тогда же получил охоту иметь собрание таких хороших картин; но не прежде исполнил он сие желание, как уже на втором путешествии в Голландию в 1717 году (См, анекд. 18) Таким образом вкус его образовался фламандскими или нидерландскими картинами, которые и в последствии нравились ему больше всяких других.

Но в рассуждении музыки последовало с Государем совсем иначе, хотя он впрочем ко всякому знанию был способен. С самых молодых лет не имел он случая слышать ничего иного, кроме грубого звука барабанов, полевой флейты, балалайки, пастушьего рожка и украинской бандуры, которую можно почесть еще самым нежнейшим из всех сих известных ему инструментов.

При первом своем путешествии в Голландию и Англию, проезжая чрез Ригу, Кенигсберг, Данциг и другие немецкие города, услышал он, как городские музыканты, по тогдашнему обычаю, на колокольнях играли на трубах. Важный звук сих инструментов привлек его внимание и произвел в нем отменное впечатление. Он приказал позвать музыкантов и заставил их играть при себе. Не слышавший лучшей музыки, Государь пожелал иметь у себя таких музыкантов для своего увеселения. По возвращении с упомянутого путешествия, когда Стрелецкие бунты совсем уже были прекращены и спокойствие в Государстве восстановлено, выписал он из Риги пятерых таких

музыкантов, определил им хорошее жалованье, заставлял их весьма часто играть при себе и отдал каждому из них по два молодых людей для обучения. В сей старинной музыке, которая в Германии употребляема была только в церквах и для игrania на башнях, Петр Великий находил столько приятности, что она составляла любимую его и обыкновенную музыку при столе. Старые русские бояре, бывая у него, также немало удивлялись сей прежде неслыханной и для них новой музыке и хвалили оную.

Впоследствии, как государь учредил регулярные полки по немецкому образцу, введена была и немецкая полковая музыка, состоящая из гобоев, валторн и фаготов; и тогда государь веселился с своими генералами, то приказывал играть полковым музыкантам, к которым иногда присоединялись несколько барабанщиков и флейтчиков.

По учреждении Флота и Адмиралтейства введено было в обыкновение игianie на трубах, и как кораблестроение и мореплавание были приятнейшими упражнениями Петра Великого, то и трубы сделались любимыми его музыкальными инструментами; он всегда приказывал играть на них, когда садился на корабль, или когда веселился с морскими офицерами и корабельными мастерами.

Голландской вкус во всем отменно нравился государю; а потому находил он приятность в колокольной игре, столь обыкновенной почти во всех голландских городах. Его величество завел такую колокольную игру в любимом своем городе Петербурге, как скоро колокольная соборной церкви в крепости была отстроена; а вскоре потом и другую на колокольне при церкви Св. Исаакия близ Адмиралтейства.

Наконец от частого своего пребывания в Польше, полюбил он самую простую польскую музыку, состоящую в волынке, так что не только содержал особенный волыночный хор, но и сам научился несколько играть на сем инструменте, и его величество настолько привык к помянутым инструментам, что итальянская и французская музыка совсем ему не нравилась, особенно ж не мог он терпеть последней, и для того никогда не бывало при его дворе итальянских и французских музыкантов^[122].

109. Бережливость Петра Великого в платье

При случае разговора о бережливости и ненужных расходах, великий российский монарх показывал починенные шерстяные чулки, которые были у него на ногах. Тогда некто сказал ему: ваше величество могли бы и не донашивать чулков до дыр? «А для чего? – спросил Государь: – На что мне бросать такие чулки, которые с починкою могу я еще год проносить?» «Чтобы с чулочной фабрики больше чулков расходилось», – отвечал тот, улыбаясь. «О! – сказал Государь, – она и без того еще не доставляет столько чулков, сколько надобно для употребления в моем государстве, и все еще должно вывозишь их из чужих земель; если ж она будет когда-нибудь в состоянии доставлять больше чулков, нежели надобно для здешнего употребления, то я сыщу для нее случай продавать излишек нашим соседям и далее на кораблях рассылать, а за то получать деньги, или другие нужные товары. Пока этого не бывает, и пока в Государстве обрабатывается столько товаров, сколько надобно для собственного употребления, до тех пор бывает оно подобно маленькому имперскому городку, где один гражданин работает для другого, один от другого получает хлеб, но оба всегда остаются бедны и не могут споспешествовать обогащению города.»^[123]

110. Скорое спасение невинности

Сердюков, подрядившись делать канал и шлюзы в Вышнем Волочке и продолжая к великому удовольствию Петра Великого сию работу с хорошим успехом, имел много завистников, клеветников и неприятелей. Они получили удобный случай нанести ему чувствительный удар, когда учрежден был розыск для так называемых староверов, или раскольников, которые после того, как Государь был в опасности лишиться жизни от одного фанатика, последователя их секты, везде были сыскиваемы, браны под стражу и предаваемы духовному суду, в намерении обратить их от упорного их своемыслия к общей церкви. Сердюков совсем не был раскольник, и занимаясь важною своею работою, не имел ни часа времени на то, чтобы заниматься распрями о вере и раскольническою пустошью. Как Новгородский гражданин, начал он строить себе в Новгороде каменной дом. При заложении фундамента работники выкопали из земли железной крест, такой, какие обыкновенно бывали на первых русских церквах, весом пуда в два, и принесли его к Сердюкову. Он приказал поставить сей заржавленный старый крест на улице у стены своего дома. Сие подало неприятелям его повод распустить о нем слух, что он раскольник. Сердюков смеялся сему ложному слуху, однако ж приказал спрятать крест и положить его вместе с другим старым железом. Но завистники его тем 1 не удовольствовались. Они донесли на него Новгородскому Архиепископу в том, что он был тайный последователь раскольнической секты; в доказательство ж своего доноса, между многими вымышленными обвинениями приводили и то, что он имеет у себя старый железной крест. Архиепископ, и без того уже будучи неблагоклонен к бедному Сердюкову, приказал сыскать в его доме помянутый крест и принести к себе. По сему доказательству Сердюков, как раскольник, взят был под стражу и через несколько дней с письмом от архиепископа отослан в Петербург, в Тайную Канцелярию, или Розыскную комиссию. Там сидел он несколько месяцев не будучи допрашиван; работа при канале и шлюзах остановилась и работники разошлись.

Петр Великий, будучи весьма доволен хорошим успехом сей работы, на обратном пути из Москвы прибыл в Вышний Волочёк. Он удивился, видя остановку, и к величайшей своей досаде узнал, что Сердюков, как раскольник, взят был под стражу и отослан в Тайную Канцелярию. В великом гневе поехал он в Петербург, и по прибытии туда, тотчас сам пошел в крепость, потребовал к себе Сердюкова, говорил с ним и узнал от него, что он никогда не любил раскольнической секты и не бывал раскольником, а обвинен только потому, что у него найден был старый крест. Государь, уверившись в его невинности, тотчас освободил его, приказал ему немедленно отправиться в Вышний Волочёк для продолжения начатого дела, поцеловал его в лоб, уверив в непременной своей милости и покровительстве, сказав ему: «Ступай с Богом и будь уверен, что впредь ничто тебе в твоей работе не помешает. Если же еще станут делать тебе хотя бы малое притеснение, то немедленно меня уведоми; а между тем я изыскаю Швое деяе и по справедливости накажу твоих клеветников и доносителей.» В самом деяе вскоре потом помянутое происшествие рачительно было исследовано; многие из Новгородских жителей строго были наказаны, и сам Архиепископ Феофан, которого Государь весьма почитал, получил от него жестокий выговор.^[124]

111. Попугай императрицы Екатерины I

Следующее происшествие, о котором рассказывают, что оно случилось при дворе Петра Великого в 1721 году, служит свидетельством великой осторожности сего монарха даже и в самых мелких обстоятельствах, касающихся до политических тайностей.

По благополучном и славном окончании войны со шведами, Государь хотел воспользоваться происходившими тогда в Персии беспокойствами и предпринял поход в пограничные провинции сего государства. Он открыл намерение свое Императрице в её покоях, где кроме неё и Князя Меншикова никого не было. В продолжительном и тайном разговоре о сем, часто выговаривал он слова: «в Персию пойдем». В заключении же разговора Государь сказал «и об этом никто еще, кроме нас троих, не знает; и вам приказываю содержать это до времени в тайне и никому не сказывать».

Через несколько дней потом Государь, занимаясь сим намерением, ходил по комнате и увидев с собою одного только денщика, спросил у него, что нового слышно?» «Почти ничего, отвечал денщик: только говорят, что мы пойдем в Персию». «Как» – вскричал Государь, – в Персию пойдем? Тотчас скажи мне, от кого ты слышал такую ложь. «От попугая её величества, отвечал денщик: вчера дожидаясь вашего величества в её комнатах, слышал я, как он несколько раз очень внятно выговаривал: «В Персию пойдем.» Государь тотчас приказал позвать князя Меншикова и отправившись с ним к Императрице, сказал им, что тайна о походе в Персию, о которой они между собою говорили, открыта, и требовал, чтоб они признались, не сказали ли они комунибудь о том по доверенности. Как императрица, так и князь Меншиков уверяли его с клятвою, что они ни слова о том не говаривали. Петр Великий, не сомневаясь в их верности и молчаливости, сказал супруге своей, указав на попугая: «Вот сидит изменник!» Потом рассказал, что слышал от своего денщика, и засмеявшись, просил Императрицу, чтобы она приказала вынести попугая из своей комнаты, примолвив: «Я не хочу, чтоб при мне или при тебе были изменники, либо переносчики».

112. Петр Великий учреждает в Санкт-Петербурге Академию Наук

Петр Великий, по благополучном окончании войны со шведами, приступив наконец к исполнению давно уже предпринятого своего намерения учредить в Петербурге Академию Наук, во-первых разослал ко всем своим посланникам при иностранных дворах повеления, чтоб они старались узнавать славных ученых людей в тех науках, которые для Академии были потребны, и сообщали бы его величеству обстоятельные известия об условиях, с какими сии ученые люди согласны были бы поехать в Петербург. Сверх того государь сам писал к некоторым из них особенные письма и приказывал им стараться о сем с величайшим рачением.

Некогда за столом у его величества был разговор об учреждении Академии Наук, и Государь открыл тогда обстоятельно намерения свои в рассуждении сего учреждения. Один из тайных его советников сказал притом, что предприятие его величества ввести науки в Россию весьма похвально и для отечества весьма нужно; однако ж он сомневался, чтоб Российский народ мог получить большую пользу от Академии, состоящей из знаменитых и славных ученых людей, которые не станут заниматься обучением юношества.

«А для чего ж не быть от них пользы? – отвечал Государь: – Я знаю, какое при этом учреждении имею намерение, и теперь вам скажу. Славные наши ученые люди будут писать книги о всяких науках, которые прикажу я переводить на наш язык; выберу и поручу им молодых людей, которых они должны будут учить наукам по своим книгам и приготавливать их к тому, чтобы они могли других учить тем наукам. Другими ж сочинениями о своих науках и новых открытиях, которые будут они издавать на латинском языке; принесут они нам честь и уважение в Европе; иностранцы узнают, что и у нас есть науки, и перестанут почитать нас в презрителями наук и варварами. Сверх того присутствующие в Коллегиях, Канцеляриях, Конторах и других судебных местах должны будут требовать от Академии: советов в таких делах, в которых науки потребны.

По смете иждивения, потребного на содержание Академии и на жалованье членам по первому ея учреждению определил 2 000 рублей и назначил получать сию сумму из таможенных сборов в городах Нарве и Пернаве и на острове Эзель. Занемогши ж болезнью, прекратившую драгоценную жизнь его, уже на смертной постели поручил исполнение сего предприятия супруге своей и преемнице престола, императрице Екатерине Алексеевне и убедительно просил ее о том.

Вскоре по кончине Петра Великого, последовавшей 28 января 1725 года, прибыли известия, требуемые им от российских императорских министров при иностранных дворах. Императрица отдала все оные своему лейб-медику г. Лоренцу Блументросту, мужу весьма ученому, и поручила ему выписать тех ученых, которые по учреждению Петра Великого для Академии были нужны. После, ея величество изволила определить его и президентом сей Академии. Таким образом по его приглашению собрались в Петербург ученые люди и на некоторых условиях составили новую Академию наук. Сии первые профессора были: Николай Делиль и с ним старший брат его Делиль де-Кройер, выехавшие из Парижа и бывшие профессорами астрономии и географии; Герман из Швабии, и двое братьев Николай и Даниил Бернулли, из Базеля, для математики и аналитики; Бильфингер из Виртемберга, для философии; Бейер из Кенигсберга, для истории и древностей; Доктор Бекштейн для Естественного и народного законоискусства; Лейтман из Саксонии, для механики и экспериментальной физики; Дювернуа из Мимпельгарда, для анатомии; доктор Биргер из Курляндии, для химии; Мартини из Силезии, для латинского красноречия и беллетров; Гросс и Мейер из Виртемберга, для практической философии, экстраординарными профессорами; Коль из Гамбурга для Ученой Истории, также экстраординарным профессором, Гольдбах не принял профессорского титула, но имел место бессменного секретаря; а Шумахер был библиотекарем и правителем Канцелярии при Президенте Блументросте.

Для торжественного открытия и посвящения сей Императорской Академии наук назначено было 26 число ноября; но за разными препятствиями сие отложено было до последних чисел Декабря, и последовало на третий день после праздника Рождества Христова, да и

тогда её величество присутствовать не изволила, и было только публичное собрание. Действительное же посвящение торжественно совершено было в 1726 году 1 августа, в высочайшем присутствии её императорского величества, их высочеств, царевн Анны Петровны И Елизаветы Петровны и его королевского высочества правительствующего герцога Голштинского. [\[126\]](#)

Прибавление к предыдущему анекдоту

Господин Лейбниц, приглашен будучи к совету об учреждении Санкт-Петербургской Академии Наук, предложил принять в члены оной славного математика и философа Христиана Вольфа, бывшего тогда профессором, а после канцлером университета в Галле, почему и приглашен он был в профессору физики. Но узнав, что предложены были в профессору высшей математики Г. Герман, философии Г. Биль-Фингер, механики Г. Лейтмен, писал он к определенному после президентом Академии Г. лейб-медику Блументросту, что не нужно иметь для каждой науки особого профессора, и вызвался один отправлять должность четырех профессоров, если определят ему тройное профессорское жалованье. Господин президент, удивляясь корыстолюбивому предложению господина Вольфа, не согласился на оное и вызвал на его место другого профессора, которое он после требовал обратно, осталось при Академии, где и поныне ещё находится. [\[127\]](#)

113. Обыкновенный образ жизни Петра Великого

О сем слышал я от барона Ивана Антоновича Черкасова, которой при тайном советнике и кабинетном секретаре Макарове был первым его писарем, следующее.

Петр Великий всегда вставал весьма рано. Зимой вставал он обыкновенно в 4 часа по утрам, принимал предложение дел, не много завтракал и в 6 часов выезжал в Адмиралтейство, Сенат и проч. Обеденный стол имел он в 1 часу по полудни, потом в шлафорке своем успокаивался часа с два на своей постели. В 4 часа по полудни приказывал он к себе приносить те дела, которые отдавал поутру на исполнение. Обыкновенный его обед составляло малочисленное и весьма простое кушанье: щи, каша, студень, холодное, жаркое с огурцами или солеными лимонами, солонина, ветчина, лимбургской сыр; пред обедом пивал он по рюмке анисовой водки, а за столом квас и хорошее вино, но лучше всего эрмитаж^[128], иногда же рюмку другую венгерского вина. Ежели он после обеда или вечером выезжал, то всегда надлежало иметь с собою несколько холодного кушанья, ибо где бы он ни был, кушал он часто, но понемногу. Он никогда не ужинал, но одна только императрица со своею фамилиею. Рыбу он кушать не мог, ибо она была ему противна, и потому, во время Великого поста, употреблял он в пищу по большей части плоды, пирожное и тому подобное. В первых годах своего государствования не пивал он почти ни какого вина, но по большей части кислые шти, квас, иногда рюмку водки, потом обыкновенными его напитками были красное французское вино, медок, кагор, как однажды его лейб-медик Рескин при случившемся с ним долговременном поносе, посоветовал ему употреблять эрмитажное вино, то нашел он в последствие сей напиток лучше всех других вкусом. Как он некогда в поздних своих годах был в гостях у английского купца Шпелмана и поднесен ему был весьма хороший эрмитаж, спросил он его, много ли у него запасено сего вина, и получив в ответ, что только бутылок с 40 в остатке находится, то просил он, чтоб оное ему уступить, а гостям давать другое красное вино, которое так же хорошо. В собраниях был он весел, говорлив,

обходителен и без церемоний. Он любил великую беседу, но не мог терпеть развращенности, и ежели он иногда при дворе своем давал великолепной стол, то сие доставляло ему удовольствие, когда все гости были веселы и пили без лукавства, хотя бы и хмель их несколько посетил. Которой при таком случае лукавил или в питье хотел обмануть, тот не был ему приятен, а ежели его в том уловит, то в наказание принужден был виноватой выпить изрядной бокал. Таковым же образом наказывал он в компании непристойные ссоры и досадные речи. Как он однажды сидел в хорошей компании, и между прочими полухмельными гостями один генерал его упрекнул, что он ему верно служил и, исчисляя заслуги свои, упомянул так же, что и город взял, тогда император ему ответствовал: «За то я тебя щедро наградил и произвел генералом» – а для воспрепятствования дальнейших разговоров, которые бы могли причинять ему досаду, приказал налить ему с ряду три большие бокала, кои он должен был выпить за здравие его величества, всей компании и всех храбрых солдат, чрез сие вдруг лишил его способности говорить, а другим доставил смех. [\[129\]](#)

114. Кончина Петра Великого

О смерти Петра Великого столь различные известия были рассказываемы, писаны и распространены, что на конец общество, как внутри, так и вне Российского государства, недоумевало и, может быть, еще не знает, которому из сих противоречащих слухов больше верить.

Я сообщу здесь вкратце подлинные обстоятельства, так, как я слышал их от бывшего тогда придворным лекарем господина надворного советника Паулсона, который под смотрением императорского лейб-медика Лоренца Блументроста пользовал государя в последние месяцы его жизни, то есть во время последней его болезни в кровопусканиях, ставлении промывательных и делании припарок, и которой по кончине императора с английским лекарем и оператором Горном вскрывал его тело.

Зимой в 1723 году, получил Петр Великий болезнь в мочевом канале и около отверстия пузыря, которая иногда причиняла ему запор в моче и резь. Однако он никому о том не сказывал и даже не давал того приметить воздержанием от горячих напитков и соблюдением нужной в таких обстоятельствах диеты. Он кушал и пил, работал и веселился по обыкновению так, что никто и не подозревал, что у него была какая-нибудь болезнь. Между тем болезнь усиливалась, и наконец сделалась столь мучительна, что он не мог уж больше скрывать своего состояния. Итак открылся он сперва своему камердинеру, и требовал от него, чтобы он достал лекарства от его болезни, не сказывая никому, что то надобно для него. В исполнение сего приказания, и дабы не разгласить о том при дворе, камердинер не пошел к императорскому лейб-медику или к придворному лекарю, но по несчастью рассказал обстоятельства болезни одному знакомому брабантцу^[130], который тайно лечил от некоторых болезней, и которого не знающий камердинер почитал за искуснейшего эскулапа. Он получил от него некоторые лекарства. Государь принимал их и почувствовал некоторое облегчение, но на самом деле не только совершенно не вылечился, но болезнь через несколько времени еще увеличилась и летом в 1724 году открылась еще гораздо сильнее с

запором мочи и с нестерпимой болью. В такой крайности царь принужден был сказать лейб-медику Блуменросту о своей болезни и о лекарствах, которые он принимал. Г. Блуменрост скоро усмотрел опасность и не осмелившись один лечить великого монарха, просил, чтобы призван был на помощь к нему из Москвы доктор Бидло. Между тем употребляемы были все способы к предупреждению воспаления в больных членах и к выпущению мочи. Английский оператор Горн делал операции, но тщетно, ибо по большей части вместо урины выходило несколько крови и гнойной материи. Наконец удалось ему столько отворить отверстие мочевого пузыря, что вышло урины с пивной стакан. Какое ужасное мучение должен был государь при том терпеть, сие можно себе представить потому, что он в продолжение операции одною рукою лекаря Паульсона, а другою аптекаря Дипгольда, которые должны были держать его, так крепко сжал, что у них на теле остались синие пятна.

Несколько недель Блуменрост не мог ни на один час отлучиться от двора ни днем, ни ночью. Для составления клистиров и для беспрестанных припарок содержал он при себе аптекаря Дипгольда и лекаря Паулсона.

Монарх должен был четыре месяца по большей части лежать в постели. В сентябре уже оказалось желанное облегчение и надежда совершенного выздоровления. Боль прекратилась, и урина выходила без препятствия. Император не лежал уже в постели, но не выходил еще из комнаты и продолжал умеренное употребление некоторых лекарств только для споспешествования совершенному выздоровлению. Таким образом от времени до времени здоровье его величества укреплялось. Но государь подумал, что он уже совсем выздоровел, не имеет уже ничего опасаться и в состоянии уже выйти из комнаты и пользоваться вольным воздухом. Итак, не сказав ничего своему лейб-медику, и никому иному о своем намерении, приказал он приготовить яхту, которая всегда стояла на Неве перед дворцом.

Приказание его было исполнено, и на первой неделе октября при хорошей осенней погоде, сел он на яхту и отправился в Шлиссельбург, чтобы осмотреть работу Ладожского канала, производимую под смотрением генерала Миниха, бывшего после фельдмаршалом. Уже в самый день отъезда поутру его величество послал объявить лейб-

медику Блументросту, что он должен отправиться с ним на яхте и для того взял бы с собой лекарства и нужных ему людей.

Блументрост испугался, услышав сие повеление, немедленно приехал ко двору, но не мог уговорить его величество, чтобы он отменил свое предприятие, которые могло еще иметь вредные следствия, и должен был отправиться с ним в путь, взяв с собою походную аптеку и лекаря Паульсона.

Из Шлиссельбурга отправился государь к Ладожскому каналу, проведенному тогда весьма уже далеко. Там, все осмотрев и дав все повеления, поехал он в старую Ладогу, оттуда в Новгород и к концу Ильменя озера в старую Рузу, дабы осмотреть поправку тамошних соляных варниц и начатой по его повелению канал для удобнейшего привоза дров к соляным заводам. В сем путешествии провел он почти весь октябрь месяц. Погода между тем была хороша и худа попеременно, и государь часто чувствовал действие не совсем еще прекратившейся своей болезни.

Наконец в первых числах ноября отправился он обратно к Петербургу, прибыл туда 5 числа помянутого месяца, но не останавливаясь там, проехал прямо на Лахту, местечко, находящееся при Финском заливе, неподалеку от Петербурга, в намерении ехать оттуда Систербек, дабы осмотреть тамошнюю кузницу и оружейный завод. Но на Лахте нечаянное приключение расстроило столь благополучно восстановленное и укрепленное здоровье его величества, и он вторично впал в претерпенную незадолго пред тем болезнь.

При весьма бурной погоде в столь позднюю осень и лишь только успел царь пристать к берегу, виден был в заливе едва за версту от Лахты едущий из Кронштадта бот с солдатами и матросами, которой в величайшей опасности боролся с волнами и наконец не подалеку от Лахты попал на мель.

Император послал туда на помощь шлюпку с людьми, которые со всею употребленною силою не могли стащить судно. Он пристально туда смотрел и рассердился на сию медленность, увидя при том нескольких людей, похищенных волнами и полумертвыми из воды вытащенных.

Вдруг решился монарх сам туда ехать и ко спасению людей и судна приложить свои руки. Приплыв шагов за сто от того места и не

могши за мелкостью воды подъехать ближе, выскочил он из шлюпки в воду и шел по колена в воде к попавшему на мель боту, пособил его стащить, а больше всех претерпевших людей, которые едва на ногах держаться могли, приказал он отвести в ближайшие крестьянские избы и за ними присматривать. А император сам долженствовал совсем переменить платье. При всем том он сие ни во что вменял, хотя больше половиной части его тело промокло и прозябло. Довольно того, что герой сей насладился удовольствием и приложенным тяжким трудом стащить с мели бот и более 20 человек спасти от опасности живыми; ни мало при том не помышляя, что сие самое спасение повергло его паки потом в такое состояние, в котором дражайшая его жизнь более спасена быть не могла. Император остался ночевать в Лахте, желая на утро отправиться в Систербек. Но во всю почти бессонную ночь чувствовал он жестокие лихорадочные припадки и жестокой рези в животе. И потому поутру рано все было изготовлено к возвратному пути в Петербург. Туда прибыл монарх довольно уже больным, принужден был лечь, и час от часу чувствовал сильнейшие возобновления прежней своей болезни.

В декабре месяце состояние его уже столь сделалось опасным и вожжение во внутренних частях пузыря столь приметным, что со дня на день опасались антонова огня. При жестокой боли почувствовал император приближающуюся свою смерть, с твердостью предался воле Божией, принося часто громкие молитвы, и испустил 1725 года 28 января геройский свой дух.

При вскрытии императорского тела нашли совершенно антонов огонь в частях около пузыря и его столько вспухлым и затверделым, что с трудностью можно было его разрезать анатомическим ножом. ^[131]

Разговаривая с г. Паульсоном, от которого узнал я сии обстоятельства последней болезни Петра Великого, сказал я ему шутя, что славный Боерграв говорил, что государя можно было вылечить таким лекарством, которое стоило бы не более пяти копеек. «Да, – отвечал он, – мы это знали, и верно бы вылечили Государя если бы он сначала не скрывал так долго своей болезни, и если бы в ноябре не соскочил в воду».

Примечание. Помянутой Брабантский шарлатан, узнав, что опасность болезни его величества приписывали его лекарством, и

опасаясь, чтобы за то же поступили с ним с надлежащею строгостью, убежал и скрылся так, что после нигде не можно было сыскать его.

115. Мнение славного Боерграва о болезни и смерти Петра Великого

Как болезнь Петра Великого день ото дня усиливалась, и лейб-медик Блументгост начал сомневаться о возможности излечения, то не хотел он более один лечить Государя, но просил у императрицы позволения не только созвать всех находившихся в Петербурге докторов на обыкновенный в таких случаях совет, но и просить совета у двух славнейших тогда в Европе докторов, а именно у славного Д. Шталя, жившего в Берлине, и у славнейшего еще профессора Германа Боерграва, находившегося в Лейдене.

Немедленно отправлены были два курьера с Блументростовым описанием болезни Петра Великого, один в Берлин к тамошнему императорскому российскому посланнику для Д. Шталя, а другой в Гаагу к императорскому российскому посланнику графу Головкину, для профессора Боерграва. Граф Головкин немедленно отправил курьера к Боерграву в Лейден и получил от него ответ, что на другой день поутру он непременно пришлет к нему письменное свое мнение о болезни государя и о способах к излечению. Однако в ту же ночь прибыл к графу Головкину другой курьер из Петербурга с плачевным известием о кончине его величества.

И так г. посланник на рассвете отправил к Боерграву нарочного с письмом, в котором уведомлял его о сем печальном происшествии. Боерграв, прочитав сие письмо, вскричал с огорчением: «Боже мой! возможно ли, что этого великого мужа, допустили умереть, когда можно было вылечить его таким лекарством, которое стоило бы пяти копеек!»

Потом сей ученый, опытный и великий врач, разговаривал с молодым доктором Каувом, который после назывался Каув-Боергравом, о смешном и жалком обыкновении созывать совсем бесполезный общий докторской совет (*consilium medicum*) не заблаговременно, но тогда уже, как доктор один совсем лишится надежды вылечить больного. Потом говорил он обстоятельно о болезни Петра Великого, из описания которой усматривал, что она сначала была пренебрежена, и уже поздно принялись лечишь от нее с

надлежащим рачением. Он уверял, что вылечил бы совершенно великого Императора, если б заблаговременно уведомили его о сей болезни и потребовали его совета. «Сей великий муж, примолвил он, будучи крепкого и здорового сложения и столь трудолюбив, мог бы, не переменяя обыкновенного своего образа жизни, еще лет 40 прожить, если бы в болезни поступали с ним, как надобно было». [\[132\]](#)

116. Вещи оставшиеся после Петра Великого

В кунсткамере Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге находятся многие вещи, оставшиеся после Петра Великого, которые по кончине сего Героя отданы были туда на сохранение, и всякому позволяется их смотреть. Я думаю, что читателям не будет неприятно, когда я к Анекдотам о Петре Великом приобщу краткое описание сих вещей.

Во-первых, находится при Академии особенный кабинет, стены которого украшены грудными портретами российских царей, императоров, императриц, царевичей и царевн, начиная с царя Иоанна Васильевича до императрицы Елизаветы Петровны. Сии портреты, писанные масляными красками, суть копии с находящихся при Дворе оригиналов.

На плафоне видно писанное водяными красками изображение Петра Великого, на которого *вечность* возлагает венец, из звезд составленный. Прямо против входа у стены в креслах, поставленных на возвышенном месте с несколькими ступенями, находится сидящая статуя Петра Великого в естественной величине, одетая в голубое гродетуровое и серебром шитое платье, в красных чулках с серебряными стрелками и в старых самим Государем ношенных башмаках. Лицо вылито из воску по гипсовой форме, которая тотчас по кончине Государя снята была с его лица. Небольшой парик сделан из собственных его волос, которые на походе в Персию, в 1722 году, по причине великого жара, приказал остричь и сделать из них парик. Его величество носил сей парик в кармане и надевал его на голову ввечеру, или когда погода становилась холодна. – По кафтану надета голубая лента ордена Св. Андрея со звездой на левой стороне; а по камзолу голубая ж и серебром шитая портупея, на которой висит кортик с ясписовым эфесом, подаренный государю от польского короля Августа. Сие платье Петр Великий надевал на себя в Москве в 1724 году, в тот день, как он супругу свою Екатерину I публично объявил императрицею и своими руками возложил на нее Императорскую корону. Тогда и в первый и в последний раз видели его в таком великолепном кафтане. – Сказывают, что помянутое платье и портупею

вышивала сама императрица с помощью своих камер-юнгфер по последней тогдашней моде.

Восковое изображение лица, в котором вставлены довольно живо сделанные стеклянные глаза, весьма похожи, кроме того, что щеки несколько впали или вдавлены, особливо ж с левой стороны; а Государь при жизни имел полное лицо. Сия ошибка чаятельно произошла от того, что неупругое мертвое тело на щеках при снимании формы гипсом было придавлено, а при выливании воску поправить того не догадались, или не умели.

По обеим сторонам помянутого возвышения, хранится в двух нишах платье, ношенное Петром Великим, а именно: полковничий его мундир Преображенского полка, из зеленого не весьма тонкого Голландского сукна, с голубою тафтяною подкладкою, которая вероятно снова была зеленая, но полиняла, и с большими медными позолоченными пуговицами. Притом висит его шляпа без позумента^[133], серебряный позолоченный офицерской знак, и шпага с медным эфесом, не позолоченным и обвитым черною проволокою. Тут же стоят два шпонта^[134], из которых один употреблял он в молодых годах, командуя регулярно своею ротою, а другой, третью длиннее первого, командуя уже Преображенским полком.

В другой нише висит лосинный его колет, который носил он на сражениях и при воинских эзерцициях в поле; пара сапогов, канифасный колпак с зелеными лентами; пара серых шерстяных чулков, во многих местах починенных, и пара старых, несколько уже раз починенных башмаков, которые носил он до конца своей жизни.

Подле дверей сего кабинета прибит знак, показывающий расстоянием от полу подлинную меру роста Петра Великого, 3 аршина без двух вершков. В углу сего ж кабинета стояла прежде известная дубина Петра Великого, то есть толстая трость с набалдашником из слоновой кости, которую обыкновенно носил он с собою и часто употреблял для наказания находившиеся при нем служителей за медленность в исполнении его приказаний, за разные шалости и за другие неважные преступления, как о том упомянуто в Анекдоте 88. К сему Анекдоту могу я присовокупить здесь следующее:

Некогда показывал я Академическую библиотеку и кунсткамеру одному из знатных придворных императрицы Елизаветы Петровны, и как я хотел сказать ему об упомянутой трости, что Петр Великий

обыкновенно ходил с нею, то он, прервав мою речь, сказал мне: «Не сказывай мне этого; я ее знаю лучше и прежде тебя; в молодых моих летах часто плясала она по моей спине.»

Комната пред вышеописанным кабинетом уставлена точильными станками, на которых государь точил разные вещи.

Также и сих вещей его работы собрано там довольно много. Между прочим находится там большое паникадило о 24 подсвечниках, или еще более. Оно сделано с таким искусством, какого только можно ожидать от искуснейшего мастера. Государь делал его несколько лет в те часы, которые мог он 1 уделять на сию работу от важнейших своих упражнений в гражданских и воинских делах. Сие паникадило назначил он для соборной церкви Петра и Павла, построенной им в Петербургской крепости. Еще можно там видеть изображения главных его сражений и завоеваний во время Шведской войны, вырезанные пунцами на медных досках выпуклою работою. По сим доскам хотел он приказать выточить на своих станках цилиндрические фигуры, из которых намерен был составить Петров столп (Colonna Petrina) по примеру славного находящегося в Риме Траянова столпа (Colonna Trajana). На сем столпе хотел он поставить свою статую, а внизу на подножии оного вырезать четыре надписи.

В зале натуральных редкостей стоит набитая лошадь, Персидский жеребец, посредственной величины, с зеленым бархатным седлом и чепраком, вышитым золотом, взнузданная, так как победитель ездил на ней по Полтавскому полю. Длинные стремяна, едва на полфута от земли висящие, служат доказательством того, что государь был необыкновенно высок ростом. Подле сей лошади стоит большая датская собака, которую Государь отменно любил и даже в походах всегда имел при себе. Там же поставлена в стеклянном ящике верная его Лизетта, о которой упомянуто в 103 Анекдоте. Как она околела, то Петр Великий приказал сделать из неё чучело и поставить в сей стеклянный ящик. – В той же зале в углу стоит полоса железа весом в три пуда, с надписью, показывающей, что оную выковал сам Петр Великий на Олонецком железном заводе 12 октября 1724 года, и следовательно незадолго пред своею кончиною.

Круглая зала, где прежде стоял большой Готторский глобус, сгоревший в 1748 году, вокруг по стенам уставлена такими вещами, которые Государь содержал у себя в особом кабинете и забавлялся в

праздное время рассматриванием оных, а именно: разными моделями кораблей, галер, полугалер и всяких других судов. Известно, что основатель Российской морской силы, видевший в Голландии и Англии множество военных и купеческих кораблей разных наций, рассматривавший и сравнивавший различные их расположения и наслышавшись много споров о преимуществах одного перед другим, предпринял избежать ошибок каждого расположения и выбирать из всех только то, что в каждом за лучшее признаваемо было, и таким образом впоследствии и сам строил и приказывал строить свои корабли.

Между помянутыми моделями находится поднесенная Петру Великому в подарок от Короля Виллиама перезарядная и с крайнею точностью и даже до самых мелких украшений, сделанная модель в то время самого большого английского корабля о 120 пушках, которые все и с корабельными лафетами также сделаны из меди в малом виде по пропорции различной их величины, или калибра. – По сей модели с некоторыми переменами построен был при Петербургском Адмиралтействе самый большой корабль о 131 пушке, названный в честь Петра Великого его именем. Сей корабль и по смерти его долго еще пребывал в хорошем состоянии так что при императрице Анне Иоанновне (в 1733 году) мог с Российским флотом выйти на рейд перед Данцигом для осаждения сего города.

Множество Астрономических и других употребительных при мореплавании инструментов, из коих многие в футлярах; разные земные и небесные глобусы и сферы; сделанные Г. Ровлеем в Лондоне (в 1714 году) и от английского факторства поднесенное Петру Великому в подарок изображение планет, на котором представлено течение оных около солнца в точном их расстоянии и действительном движении по Коперниковой системе. Множество корабельных компасов; оправленный в медь чрезвычайной величины магнит, поднимающий несколько пуд железа. Посреди сей круглой залы стоит медный глобус 6 футов в поперечнике, присланный от Генеральных Штатов Голландской республики к Царю Алексею Михайловичу, как весьма знатный по тогдашнему времени подарок.

На месте сего глобуса стоял прежде большой Готторпский глобус 11 и $\frac{1}{2}$ футов в поперечнике. Но как он в 1748 году сгорел, и осталось только железное его основание, на котором после славным английским

механиком Шкотом в 7 лет снова был отделан, то поставили его уже в особой палате, построенной нарочно для того позади Академического здания, где он и навсегда останется.

Известно, что сей глобус есть самой большой во всем свете^[135]; ибо он несколькими футами в поперечнике более Парижского глобуса, находящегося в Королевской Обсерватории. Он сделан был в 1664 году в Готторпе, для Голштинского герцога Фридриха III Адамом Бушем, под смотрением славного Адама Олеария. По взятии Шлезвиг-Голштинской крепости Теннингена в 1713 году, Петр Великий со своими союзниками, имея в своей власти Шлезвиг-Голштинские земли и находясь в главном городе Шлезвиге, между прочими достопамятностями осматривал и сей большой глобус, удивлялся оному и изъявил желание иметь его. Как скоро узнал о сем Администратор и опекун малолетнего герцога Карла Фридриха, то просил Государя принять оный, как малый подарок от Голштинского Герцогства. Его величество благодарил Администратора и сказал притом что все Герцогство не могло бы выдумать приятнейшего ему подарка. Государь приказал отвезти сию огромную машину с величайшею бережливостью в Ревель на корабле под надзиранием морского офицера, оттуда ж отправить его в Петербург зимою на сделанных нарочно для того санях. По дороге чрез всю Эстляндию и Ингерманландию расставлено было несколько сот крестьян, которые должны были всю Дорогу выравнивать и расчищать для удобного провоза огромного глобуса на особых санях. В некоторых местах, где дорога шла чрез лес, надлежало вырубать оный, иногда на несколько верст.

Сколь приязненно было великому любителю наук и художеств иметь сей глобус, можно заключишь из того, что, возвратившись в Петербург, немедленно пошел он туда, где оный стоял, приказал построить для него особую палату подле Летнего дворца, и почти всякий день, часто по целому часу, занимался рассматриванием оного.

На сем глобусе снаружи изображен весь земной шар со всеми своими морями, озерами, большими реками, островами, горами, землями и главными городами, с означением долготы и широты. А внутри с величайшего точностью представлены созвездия обеих полукружий золотыми звездочками в различной их величине. Желаящие сие видеть входят по лестнице в глобус, где около круглого

стола, на который ставится свеча, сделаны удобные места для 10 или 12 человек и рукоятка, которою посредством Архимедова винта весьма легко глобус приводится в движение около своей оси; и так неподвижно сидя можно видеть над собою все звезды движущиеся.

В заключении могу я уверительно сказать о сем величайшем в Свете глобусе, что он по совершенной отделке будет гораздо в лучшем и совершеннейшем состоянии, нежели прежде. Ибо в то время, как он в первый раз был делан, География многих стран земного шара была весьма еще неизвестна, да и самые известные тогда земли, моря и острова означены были несовершенно; а потому Академия наук при возобновлении Готторпского глобуса поручила Адъюнкту Г. Трусскоту тщательно означить на нем все донныне сделанные в Географии поправки и новые сведения, даже и самые новейшие открытия на Юге и Северо-Востоке. Жаль только, что сие производимо было весьма медлительно; ибо с 1766 года, когда уже более трети на глобусе было означено, сия работа была оставлена, и до 1776 года совсем за нее не принимались.

В кабинете золотых и других драгоценных вещей, где находится большое собрание древних греческих и римских золотых и серебряных монет, также собрание новых монет всех европейских областей и полной кабинет российских монет и медалей, сохраняются многие драгоценные вещи, оставшиеся после Петра Великого, а именно: японские, китайские и индийские кинжалы с золотыми эфесами; множество золотых чаш, щитов, нарукавьев, цепей, конских сбруй, и проч., найденных в разрытых по царскому повелению курганах, или могилах, древних владельцев и других знатных татар в Сибири, предположительно Чингисханова колена и Золотой орды; золотая табакерка с портретом любовницы польского короля Августа, подаренная сим королем Петру Великому в Польше.

Там же сохраняется желтоватый овальной камень с бурыми полосами, длиною от 4 до 5 дюймов и дюйма в два толщиною, на котором находятся следующие выпуклые слова: *Aquila borealis etendet alas suas supra Bosphprum et mare Balticum* (т. е. Северный Орел распрострет крылья свои над Босфором и Балтикой). Сей камень поднесен был Петру Великому по взятии Азова, и притом уверяли его, что оный найден был на поле при вспахивании земли. Государь будучи тогда еще весьма молод, скоро приметил лстивый обман, покачал

головою и сказал с улыбкою: «Камень натуральной и желание хорошо, однако ж надпись обман». В самом деле заметно, что вся поверхность камня, кроме слов, которые предположительно были залеплены воском, или смолою, несколько выжжена крепкою водкою, так что одна надпись осталась выпуклою.

Серебряной стакан, полученной Петром Великим при спуске самим им, или по его указанию и чертежу, построенного корабля, от Адмиралтейской Коллегии в подарок, и в нем столько же рублей, сколько на корабле было пушек. Такой подарок и ныне еще всякий корабельный мастер обыкновенно получает на императорских верфях, когда построенный им корабль спущен бывает со стапеля.

Другой такой же стакан, полученный его величеством при спуске другого корабля о 65 пушках, от императрицы его супруги, вместо рублей с 65 французскими медалями, вырезанными Дасьером и представляющими французских королей.

Драгоценной золотой кубок, снаружи покрытый синею финифтью и украшенный многими фигурами из дорогих камней, отчасти ж новой работы. Сказывают, что некогда датский король в Копенгагене пил из сего кубка за здоровье Петра Великого и потом поднес оный императрице в подарок для памяти.

В том же кабинете, где помянутые редкости сохраняются, поставлен у стены пулпет^[136] орехового дерева, который всегда стоял в императорском кабинете, и на котором его величество обыкновенно писал и читал. По сему пулпету можно судишь о чрезвычайном росте Государя, ибо доска, на которую руки кладутся, вышиною от полу на 5 английских футов. Между многими особами, посещавшими при мне сей кабинет, редко находились такие, которые едва могли достать рукою до верху оною.

На лакированном подносе серебряной ключ Персидского пограничного города Дербента, обвернутой в персидской цветной штоф, так как оной поднесен был императору в знак сдачи города в 1722 году, когда Государь со своим войском осаждал сей город и принудил сдаться,

Против шкафа, в котором хранятся, как сей, так и многие другие ключи взятых городов, на столике лежат два большие портфеля, в которых находится более двух сот листов с удивительными изображениями цветов, плодов, раковин, бабочек и других насекомых,

писанными на пергаменте славною госпожою Мериан, и с собственною её подписью, Петр Великий купил сии весьма живо писанные изображения у наследников помянутой славной художницы за дорогую цену, хранил их в своем пулпете и забавлялся иногда рассматриванием оных. Во время второго пребывания своего в Голландии, в 1717 году, Государь принял в свою службу дочь госпожи Мериан, которая также упражнялась в живописи, и мужа её, Господина Кселя, искусного швейцарского живописца, и отправил их в Петербург на российском корабле. По смерти Петра Великого оба они приняты были в новоучрежденную Академию наук на прежнее жалованье, и умерли уже при императрице Елизавете Петровне в глубокой старости.

В Географическом департаменте при Академии можно видеть собственноручный, весьма чисто сделанный чертеж Петра Великого, по которому приказал он заложить Кронштадтскую гавань и укрепить болверками, так как она и поныне находится. Там же хранится чертеж, представляющий Петербургские окрестности, так как Государь нашел их завладев сею страню. Они были дики, покрыты лесом и болотисты; только Петр Великий мог иметь столько отваги, чтобы решиться совсем преобразить сию страну, заложить там город и сделать то, что сей великий дух в немногие годы действительно произвел. Всё строение в сей пространной стране, на левом берегу Невы, где ныне находится императорская главная аптека, состояло в небольшой деревеньке и доме одного ингерманландского или шведского дворянина, который ушел оттуда, как скоро начались военные беспокойства. На правом берегу реки против того места стоял рыбацкий шалаш, на месте которого Петр Великий в 1703 году приказал построить для себя в несколько дней небольшой деревянный домик с двумя комнатами, сенями и кухнею, на 9 сажнях в длину и на 3 в ширину. Сей домик и поныне еще стоит, так как Государь в нем жил. А дабы сохранишь оный в память великого завоевателя и к удивлению потомков, императрица приказала окружить его каменными столбами, поддерживающими над ним черепичную кровлю. При речке Охте, на Выборгской стороне, где ныне Охтинская слобода, находилась прежде прекрасная мыза, в которой жил тогдашний шведский губернатор Карельи.

Собственноручных писем Петра Великого осталось еще весьма много. Сей великий дух как основательно и порядочно мыслил, так и

писал всегда кратко и связно. В особенном кабинете при Дворе, между многими другими бумагами, писанными собственною рукою Государя, находился журнал, который сам он вел во время Шведской войны. По соизволению её императорского величества Екатерины II, великой покровительницы наук, в 1773 году сей журнал был напечатан в двух томах в четвертку, под смотрением действительного камергера и герольдмейстера князя Щербатова, вскоре ж потом был издан в Берлине французский, а в Риге и Лейпциге немецкий переводы оного. Помянутый теперь знаменитый российской историк князь Щербатов издал также много писем Петра Великого, находящихся в помянутом кабинете. У некоторых знатных российских фамилий хранится также много собственноручных Петра Великого писем, и я могу похвалиться, что видал немалое собрание сих драгоценных рукописей у графских фамилий Шереметевых, Чернышевых и Апраксиных. В 1774 году императорский обер-камергер граф Шереметев, к великому удовольствию российской публики и любителей истории вообще, издал 288 таких писем, писанных Петром Великим к своему фельдмаршалу графу Борису Петровичу Шереметеву.

Между собственноручными Петра Великого письмами, хранящимися у графской фамилии Апраксиных, видел я и имел удовольствие читать одно весьма достопамятное письмо, а именно то, которое великий победитель 27 июня 1719 года, под Полтавою, в девятом часу вечера, после славного сражения, отправил из лагеря с курьером к любимому своему министру и генерал-адмиралу Федору Матвеевичу Апраксину. Государь уведомляет его в оном о великой победе, одержанной над королем Карлом, и совершенном поражении шведской армии, и заключает письмо следующими достойными примечания словами: «Ныне уже совершенно камень во основание Санкт-Петербурга положен с помощью Божию». Как сие письмо в описании жизни Петра Великого и ни в какой иной книге не было еще напечатано, то я за нужное почел упомянуть о нем здесь и поместить его при сем собрании анекдотов.

Но несравненно важнее и достойнее внимания есть удивительные дела Петра Великого в Государстве, или то что сей преобразователь своих областей и истинный распространитель империи по кончине своей оставил своим преемникам и отечеству. Известия об оных не могут быть Анекдотами; ибо всеобщая слава давно уже возвестила

всему миру о делах Петра Великого и навеки утвердила память его в потомстве.

И так хотя известия сии не принадлежат к Анекдотам, да и самое кратчайшее повествование оных не могло бы помещено быть в сей книге; однако ж удивление мое не может удержаться, чтоб не приобщить здесь один только реестр великих деяний Петра Великого. Я упомяну только о том, чего не нашёл он при вступлении на отеческий престол, но что сам великим своим умом, неутомимыми трудами, проницательным благоразумием, непоколебимою бодростью и все препятствия преодолевавшей храбростью для Государства приобрел и основал. А именно: почтение и страх со стороны персов, турков, татар и прочих соседственных народов; уважение ото всех европейских дворов и дружественные союзы с некоторыми из иных; регулярная, по лучшему немецкому образцу учреждённая, обученная и искусная армия, состоявшая более нежели из 200.000 человек; совершенный инженерной и артиллерийский корпус; три полка гвардии, состоявшие из 10 или 12 000 человек; сильный флот; весьма изрядно учрежденное Адмиралтейство и многие гавани на Балтийском, Каспийском, Белом и Черном морях. Завоеванные Герцогства: Лифляндское, Эстляндское и Ингерманландское, многие около оных лежащие острова, провинция Карелия в Финляндии, со всеми находящимися в сил землях городами и морскими гаванями; по всей Европе и по некоторой части Азии распространенная выгодная торговля; канал и шлюзы при Вышнем Волочке и Ладожской канал, посредством которых производится судоходство с Каспийского моря по Волге и по другим впадающим в нее рекам до Санкт-Петербурга и в Балтийское море; хотя не совершенный, но отважно начатый канал при Царицыне, посредством которого река Дон имела бы сообщение с Волгою, следовательно и Черное море с Каспийским и Балтийским морями и на месте лесов и болот построенные города и крепости Санкт-Петербург и Кронштадт, с великолепными увеселительными замками и садами – Петергофом, Стрельною и Ораниенбаумом; построенный в честь Святому Герою Александру Невскому монастырь; множество кирпичных заводов от одного до самого Ладожского озера по обеим сторонам Невы; литейные дворы, оружейные заводы, якорные кузницы, парусинные, суконные, шелковые и всякие другие мануфактуры; новой Арсенал в Москве;

корабельные верфи в Санкт-Петербурге, Архангельске, Воронеже и в иных местах; благоустроенный сухопутный морской госпиталь в Петербурге для больных и дряхлых солдат и матросов, и Генеральной госпиталь в Москве; дом для найденышей и множество богаделен для бедных и престарелых людей; два монетные двора в Москве и Петербурге; новые рудокопные и плавильные заводы в Сибири и других Российских провинциях; многие церкви, построенные по новой архитектуре, с колокольною игрою на колокольнях; Морская Академия в Петербурге и Математическая школа в Москве; публичная библиотека с беспримерным собранием натуральных редкостей и кунсткамерою; Святейший Правительствующий Синод; Правительствующий Сенат и новое основание и учреждение всех зависящих от него Государственных Коллегий; издание Духовного Генерального и Адмиралтейского Регламентов, Военского и Морского уставов или артикулов; купеческая биржа; пространные магазины и пакгаузы; бесчисленные поправки бывших прежде в худом состоянии учреждений о управлении земель; – одним словом, Государство совсем преобразованное и со всех сторон в безопасность приведенное, несколько миллионов наличных денег, не оставив ни малых долгов после продолжительной и тягостной войны, и знатное умножение государственных доходов: наконец пример преславного правления самым величайшим на земном шаре Государством. Без сомнения сие последнее наследство, оставшееся после Петра Великого, имел ввиду верный его помощник и сотрудник в истреблении суеверия и невежества, Феофан, архиепископ Новгородский, когда изобретал аллегорическое изображение для медали на кончину императора. На сей медали представлен Петр Великий, возносимый вечностью на небеса и взывающий смотрящей на него со слезами России следующие слова, означенные в надписи:

ВИЖДЬ, КАКОВУ ОСТАВИХ ТЯ!

117. Письмо Петра Великого отправленное с поля сражения под Полтавой 27 июня 1709 года ввечеру в 9 часу с курьером в Петербург к адмиралу Федору Матвеевичу Апраксину

Господин адмирал!

Объявляю вам о зело превеликой и нечаемой виктории, которую Господь Бог нам чрез неописанную храбрость наших солдат даровать изволил с малою войск наших кровию, таковым образом:

Сего дня на самой утренней заре неприятель нашу конницу со всею армиею и конною и пешею атаковал, которая хотя зло и по достоинству держалась, однако ж принуждена была уступить с великим убытком неприятелю; потом неприятель стал во фронт против нашего лагеря, против которого тотчас всю пехоту мы из траншаментов вывели и пред очи неприятелю поставили, а конницу на обоих флангах, что неприятель увидел, тотчас подошел атаковать нас, против которого навстречу пошли и тако оного встретили, что тотчас с поля сбили, знамен, пушек множество взяли, тако ж генерал-фельдмаршал господин Рейншельд купно с четырьмя генералами, а именно Шлюпембахом, Штакельберхом, Гамохтоном и Розеном, тако ж первый министр граф Пипер с секретарями, Гемерликом и Цидергемом, в полон взяты, при которых несколько шысячь офицеров и рядовых взято, о чем подробно вскоре писать будем, а ныне за скоростию не возможно, и единым словом сказать, вся неприятельская армия Фазтонов^[137] конец восприяла, а о короле нам неизвестно еще, с нами ль или со отцы нашими обретается, а за разбитым неприятелем посланы господа генерал-поручики князь Голицын и Боур с конницею. И с сею в нас неслыханною новиною вас, поздравляю, и прошу господ вышних и нижних морского и сухого пути поздравить.

Питер

Из лагеря от Полтавы

в 27 день июня 1709 года

Р. S. Ныне уже совершенно камень во основание Санкт-Петербурга положен с помощью Божию.

118. Предсказание о рождении и славе Петра Великого

В заключение помещу здесь весьма достопамятный Анекдот о рождении и предсказанном величестве Петра Великого. По порядку надлежало бы мне поместить сей Анекдот прежде всех других, если б я хотел начать сие собрание чудною повестью. Теперь же сообщаю его, как верное извлечение из одной Российской рукописи, с которой много находится списков.

Сия рукопись содержит в себе весьма обстоятельные известия об общем правлении Царевичей Феодора, Иоанна и Петра Алексеевичей и сестры их Царевны Софии Алексевны, о Стрелецком бунте и проч. Кажется, что она писана не вскоре по рождении Петра Великого, но гораздо позже, а может быть уже и по смерти его. Однако сочинитель оной ссылается на письменное свидетельство самого предсказателя, найденное между оставшимися после него бумагами, также и между бумагами Святого Димитрия Ростовского. Пусть кто хочет верит или сомневается об истине сего Анекдота; я не буду ни утверждать, ни оспаривать его вероятности. Читателю нет в том нужды, пренебрегаю ли я предсказаниями новейших времен, или согласно с бывшим при Академии Наук профессором Г. Вольфгангом Крафтом^[138] по собственным его опытам и частым повествованиям, думаю, что предсказания искусных и опытных астрологов во всем можно верить. Но что рассказываемое в сем анекдоте происшествие по крайней мере не все вымышлено и в то время при Дворе было известно, сему доказательством и подтверждением служит письмо находившегося тогда в Москве голландского посланника, ученого и славного Г. Николая Гейнсия, писанное в Утрехте к столь же славному профессору Греввию. Я имею у себя в оригинале ответ Г. Греввия на сие письмо, писанный 9 апреля 1673 года, и приобщу оный в конце сего Анекдота,

О зачатии и рождении императора и великого самодержца всея России Петра I

Во время благополучного царствования Царя и великого князя Алексея Михайловича жили в Москве два духовные мужа, одаренные от Бога великим разумом и отменными знаниями и в звездочетстве искусные. Один из них назывался Симеон Полоцкий, который писал известные книги: «Духовное Обетование» и «Духовная Вечеря», и был учителем царевича Феодора Алексеевича, а другой Димитрий Ростовский, писавший между прочими сочинениями и жития Святых Отцов. Они всякую ночь наблюдали течение звезд и выводили из того многие предвещения, касавшиеся до России и до других Государств.

В 1671 году 28 августа, царь и великий князь Алексей Михайлович сочетался браком с царицею Наталиею Кирилловною, и тогда ж её величество зачала великого императора Петра I. В ту же ночь явилась недалеко от Марса весьма светлая звезда. Помянутые искусные в астрологии наблюдатели признали сию звезду добрым предзнаменованием, описали её влияние купно с прочими звездами, и нарекли зачатому во чреве матернем царевичу имя Петр.

На другой день, 29 августа, поутру Полоцкий пошел к Царю Алексею Михайловичу, поздравил его с сыном, зачавшимся в минувшую ночь во чреве супруги его, царицы Наталии Кириловны, и который родится в следующем году 30 мая. «Сей царевич, говорил он, взойдет на престол твой; никто из его современников с ним не сравнится, и он приобретет величайшую похвалу, Слава его непрестанно будет возрастать; он будет великим и удивления достойным победителем; многие падут от меча его. Он победит враждующих соседей, соделает множество славных дел, каких никто еще из предков его произвести не мог, и учинится страшным. Он будет посещать многие ближние и отдаленные земли. Но собственные его подданные будут делать ему много препятствий в его благополучии. Он прекратит многие неустройства и возмущения, и при жизни его произведено будет много великих дел на море и на сухом пути. Он истребит злых, будет любить прилежных, утвердит веру, и еще много славного произведет, как то не обманчивое предсказание созвездия

показывает. В сем созвездии, яко бы в зеркале, видел я все теперь сказанное и письменно вашему величеству подношу. В подтверждение истины сказанного им, в самом деле подписался он под сим предвещанием. и поднес оное царю.

Царь Алексей Михайлович приняв сию бумагу и прочитав ее, приказал еще прочитать вслух и позвать царицу Наталью Кирилловну. Как царица вошла, то государь с веселым видом встал со своего места, поцеловал ее, и представил ей Полоцкого, который поздравив ее, говорил ей то же, что и царю. Сверх того примолвил: «При разрешении от бремени три дни будешь ты терпеть великое страдание и болезнь; но ваше величество и новорожденный царевич останетесь живы, здравы и Богом хранимы.» Потом Полоцкий пойдя из царского дворца домой, увидел за собою четверых урядников. Он спросил их, почто они за ним идут? Урядники отвечали, что они приставлены для его услуг и для почести ему. Они находились при нем до 1 ноября; а в сей день позван он был к царю. Государь расспрашивал его обстоятельно об его науке. Полоцкий доносил его величеству подробно, что течение звезд, по воле Божией, показывает много настоящих и будущих приключений. Его величество оставил его у себя обедать, позволил ему свободный к себе доступ и уведомил царицу о помянутом разговоре.

Полоцкий, придя домой, не нашел уже бывших при нем четверых приставов. В 1672 году 28 мая, царица мучилась уже родами, как Полоцкий пришел во дворец. Он прошел прямо в ту комнату, где был Государь, и найдя его в печали, выслал всех из комнаты, увещевал его полагаться на Бога и не ослабевать в молитве; притом же объявил, что Царица еще двое суток будет страдать.

Он остался у государя и проводил время в слезах и молитве. Наконец царица пришла в такое состояние, что должна уже была приобщиться Святых Тайн, но Полоцкий утешал царя и всех прочих находившихся между страхом и надеждою, и уверял, что Царица останется жива и чрез пять часов разрешится от бремени. По прошествии четвертого часа Полоцкий пал на колени и молил Бога, чтобы Царица еще час не разрешилась. Государь разгневавшись на него, сказал ему: «О чем ты молишься! Царица и так уже почти мертва!» Он же отвечал: «Великий Государь! если царевич родится в первой половине часа, то жизнь его продлится около пятидесяти лет;

если же он в другой половине часа родится, то проживет лет семьдесят. В продолжение сего разговора родился царевич Петр Алексеевич. Государь позван был к царице, и потом, возвратившись из её спальни, объявил Полоцкому, что царица разрешилась от бремени царевичем. Сие произошло в 1672 году 30 мая, и новорожденному Царевичу при крещении дано было предначерченное от Полоцкого имя Петр, и тезоименитство его праздновалось 29 июня, в день апостолов Петра и Павла.

Здесь следует достойное примечания место из латинского письма, писанного профессором Гревием из Утрехта к Г. Николаю Гейнсию, бывшему тогда в Москве, и Русский перевод оного:

Qua tempore, quo Princeps Juventutis Rutleniae Petrus Mpscovia in lucem editus, accedissee et ex cursu stellarum obseruata fuisse, scribis, Astrologi nostri et quotquot vaticinis inhiant, ac futurorum praedictis student, tanquam omina memoratu digna diligenter notarunt, hoc addico, eadem nativitatis die Regem Galliarura Rhenum, Turcamm vero Imperartorem Tyram cum exercitu trajecisse; ilium inde IV Provincias soederati Belgii, hunc vero Podoliam et Caminiecum debellasse. Eoque magis ominatores nostri, qui, ex certo siderum positu et rebus alibi eodem tempore gestis fata hominibus pandere et prsedicere praesumunt, hariolantur, neonatum puerum, inclutum ac hostibus. infestum evasurm. Verum haec omnia fortuita esse arbitror, eisque parum, prout tu ipse facere videris, tribuere soleo. Sit modo suo tempore Petrus bonus Pastor ποιμην λαών; ut tandem Scythicam, barbariem, qua septentrionaleS maxime et pellitae gentes infuscantur, LL. salutaribus latis devincere possitvale.

«Случившееся и по течению звезд примеченное, как вы пишете, в то время, когда родился в Москве Царевич Петр, астрологи наши и прочие занимающиеся предвещанием будущего, со вниманием заметили, как достопамятное предзнаменование. Также говорят они, что в самой сей день король французский перешел через Рейн, а турецкий султан чрез Днестр, и первый завоевал четыре провинции соединенных Нидерландов, а другой – Подолию и Каменец. Из сего еще более предвещатели наши, предсказывающие судьбу человеческую по некоторому положению звезд и по приключениям в то же время в иных местах произошедших, заключают, что новорожденный Царевич будет некогда склонным к войне, славным и

для неприятелей своих страшным героем. Но я думаю, что все сие произошло только случайно и мало верю таким предзнаменованиям, в чем, кажется, и вы со мною согласны. Дай Боже, только чтоб Петр в свое время был добрый пастырь своего народа, и чтоб он наконец полезными законами укротил и исправил Скифское варварство, какому северные и звериными кожами одевающиеся народы особливо еще подвержены.»

119. Анекдот о сих анекдотах

Частыми ободрениями от её величества императрицы Елизаветы Петровны, достойнейшей дочери Петра Великого, и патриотическим старанием ее камергера Ивана Ивановича Шувалова произведено было то, что наконец начали почерпать Российскую историю из собственных источников. Из кабинета Петра Великого, из собственных его писем и из других, находящихся в Библиотеке при Академии наук манускриптов собрано было великое количество материалов для описания жизни и дел российского героя. По частым требованиям упомянутого господина камергера, и я должен был приобщить к сему собранию мою долю, то есть анекдотов двадцать, ибо тогда не было еще более из них переведено на французский язык, да мне и не хотелось более отдать.^[139] «Из сего богатого и почти слишком изобильного собрания дорогих материалов, славный сочинитель истории короля шведского Карла XII, Вольтер, должен был составить верное и великолепное описание жизни и деяний Петра Великого.

Не пощажено было иждивения, дабы побудить сего славного писателя написать сие сочинение со всевозможным тщанием. Ея императорское величество послала к нему наперед драгоценные подарки, как то: собрание золотых российских медалей, множество дорогих мехов, соболей, черных лисиц, и проч. которые одни в самой России стоили несколько тысяч рублей.

Но как удивился двор, когда вместо ожидаемой от столь славного писателя полной и обстоятельной истории российского монарха вышел в свет один только скелет истории, под названием: *Histoire de Pierre le Grand, Empereur de ta Russie, par Voltaire*; в котором корыстолюбивый сочинитель не поместил и половины присланных к нему материалов, удержав прочие у себя, и сверх того включил еще собственные свои неосновательные предположения и мнения совсем прошивные сообщенным ему подлинным известиям и обстоятельствам. По справедливости досадовали на такое несовершенство сей книги и думали что Г. Волтер удержал у себя многие из доставленных ему важных материалов с таким же намерением, какое он не однажды уже

оказывал при других своих книгах, а именно: чтоб помещать их в новых изданиях и чрез то более получить прибыли.

Господин Шувалов весьма учтивым письмом уведомил его о получении вышедшего наконец в свет сочинения, и притом предложил ему следующие вопросы о главных недостатках, примеченных в оном: 1) для чего из множества присланных к нему материалов некоторые совсем в его сочинении не употреблены, другие же сообщены в превратном и подлинным известиям совсем в прошивном смысле; 2) для чего в сочинении не помещен ни один из сообщенных ему достопамятных Анекдотов и 3) для чего он без нужды портил имена знатных особ и вместо них писал их так, что по французскому выговору почти совсем невозможно их узнать, например: ШЕРЕМЕТУ вместо ШЕРЕМЕТЕВ, ЧЕРНЫШУ вместо ЧЕРНЫШЕВ, и проч.? Сей последний вопрос предложен был от г. советника и суб-библиотекаря Тауберта, который сам собирал много материалов для истории Петра Великого из русских книг и рукописей.

Вольтер писал в ответ на первый вопрос, что он не привык слепо переписывать то, что ему было дано; но и сам имея надежные известия, хотел сообщать и собственные свои мысли. На второй вопрос отвечал он, что знает всю цену сообщенных ему анекдотов, но в истории Петра Великого не касался еще до частных обстоятельств, следовательно и не мог употребить анекдотов; касательно же третьего вопроса, писал он по Вольтерски: «Ce que regarde l'estropement de noms propres, il me semble que c'est, un Allemand, qui me fait ce reproche. Je lui souhaite plus d'Esprit et moins de Consonans, то есть: Что касается до порчи собственных имен, то мне кажется у что сие. возражение сделано немцем. Я желаю ему более ума и менее согласных букв.» Таким образом отвечал он на помянутые вопросы.

120. Петра Великого изречение, когда он однажды получил жалованье

Весьма редкой пример, чтобы какой-либо Монарх упражнялся в таких делах, в коих одним только подданным думать прилично; или бы ожидал указов и произведения в чины от тех, коими они обладают! Дело не слыханное! но Петру Великому, были таковые упражнения милее всех прочих, и ему несравненно было приятнее, когда говорили ему: господин контр, или вице-адмирал, нежели ваше царское величество. Он хотел сим показать народу своему, что воинские достоинства в благоучрежденном Государстве получают единственно заслугами, и что сии заслуги гораздо более имеют права к возвышению на достоинства, нежели род и счастье. Так ревностно соблюдал великий государь сей порядок, что наряду с прочими служащими производимо было и ему по чину жалованье. Некогда Монарх, получая такое жалованье, сказал окружавшим Его: «Понеже деньги сии заслужил я, как и другие офицеры, службою Отечеству: то и могу я их употреблять, куда мне заблагорассудится; напротив того деньги, с народов собираемые, оставляются для государственной пользы и для охранения того же самого народа, ибо я обязан буду некогда отдать в них отчет Богу».

121. Петра Великого милость к пленному шведскому контр-адмиралу Эришильду

Однажды князь Меншиков угощал сего государя великолепным обеденным столом. Монарх посадил с собою и пленного шведского контр-адмирала, и по окончании стола говорил всем с ним присутствовавшим: «Вы видите здесь (указывая на сего пленного господина) верного и храброго слугу своего государя; он заслуживает и мое к себе уважение и милость. «Хотя он и немало побил храбрых моих солдат, но сие ему прощено, я останусь навсегда к нему благосклонен». Пленник, поблагодарив его величество за таковую милость, отвечивал: «Правда, что я государю моему служил верно, но не сделал я однако более ничего, как сколько должность моя от меня требовала. Я не защищал себя от смерти, хотя и избегнул оной. Всё, что утешает меня в моем несчастье, есть то, что я вашим величеством, как от великим офицером, побежден, и нахожусь в вашей милости». Он тогда же признался всем присутствовавшим, что россияне в сражении с ним бились как львы, и что ежели бы он сам не был очевидным свидетелем их искусства, то никогда бы не поверил, чтобы царь из подданных своих мог сделать таких храбрых и искусных морских солдат.

122. Петр Великий не любит пышности

В 1717 году Петр Великий приехал во Францию; во всех местах его путешествия воздавали ему почести должные его особе; но сей церемониал был ему в тягость. Он совсем не хотел останавливаться в боне, где епископ этого города приготавливался сделать большой праздник и как уведомили его что царь российский проехал мимо, то епископ весьма негодовал. «Я солдат, – отвечал Монарх: – и как найду хлеб и пиво, так и доволен».

123. Петра Великого благодарность к тем, кои исполняют верно возложенные на них должности

Государь несколько недомогая, осматривал в Систербеке изготовляемое оружие, и оттуда проехал на Ладожской канал, работа, при которой находилось 25 тысяч солдат, происходила по желанию его величество весьма был доволен командиром оной генерал-поручиком фон-Минихом, Монарх по возвращении своем в Санкт-Петербург благодарил его признательнейшим письмом. Сие удовольствие свое изъяснил и императрице, своей супруге, такими словами: «Работа Минихова сделала меня здоровым, и я надеюсь со временем вместе с ним ехать водою из Петербурга и в Головинском саду при реке Яузе в Москве стать.» А на другой день будучи в Сенате, изъяснился так: «В Минихе нашел такого человека, который скоро приведет к окончанию Ладожского канала. Я еще не имел ни одного чужестранца в своей службе, который бы, так как этот, умел предпринимать и совершать великие дела; помогайте ему во всем, чего он ни пожелает».

124. Петра Великого присутствие духа

Присутствие духа его было столь же беспримерно, как и великодушие его: сия отличительная черта украшает образ его паче других. Присутствие духа не оставляло его никогда в злосчастнейших приключениях. Он ни мало не терял бодрости. Что может быть несчастнее, как первое его сражение с Карлом XII под Нарвою. Армия его разбита, полководцы его взяты в плен, вся артиллерия его достается неприятелю; меди в России не было для вылития на место потерянной; весь народ был поражен страхом, и в ужасе своем воображал, что торжествующий неприятель разрушит их Отечество. Но монарх при печальном сем известии ни мало не смутился, но сказал хладнокровно: «Шведы победою своею научат нас победить их самих».

125. Петра Великого великодушие

Великодушие его превосходило границы. Известно, что на жизнь его многие были заговоры злодеев, ханжей и суеверов. Одной из таковых злодейских шаек начальник, Кикин, комнатный его служитель, взялся застрелить спящего, и с сим проклятым намерением вошел к нему в спальню, вынул заряженный пулею пистолет, приложился и спустил курок, но оный осекся, злодей пришел в страх и вышел вон: однако же через несколько времени опять то же сделал; но и вторично не имел успеха в сем адском предприятии. Изверг сей почел это чудом, и такое почувствовал угрызение совести и раскаяние, что решился разбудить царя. Такая необыкновенная смелость привела Государя в изумление; он с поспешностью встал и спросил с торопливостью: Что случилось? Но Кикин стал на колени и начал говорить: «Бог послал меня сказать тебе, что промысл Его святой содержит тебя в отменном своем покровительстве, и что никакая сила вражья, ни внутренняя, ни внешняя, погубить тебя не может. Вот пистолет, которым два раза намеревался я застрелить тебя, и который два раза осекался; теперь Всемилостивейший Государь (продолжал он), жизнь моя находится в твоей власти: поступай со мной по своей воле». Монарх спокойно выслушав, и ничего не ответствуя, прошел несколько раз по комнате, и потом к стоящему на коленях обратясь, сказал: «Послов ни секут, ни рубят; Бог тебя простит».

126. Петр Великий печется о здравии подданных своих более, нежели о своем собственном

Государь прибыв со всем своим двором к Олонецким водам, и прежде, нежели стал употреблять целительные воды, осмотрел все тамошние заведения. Оттуда писал он к графу Апраксину, хотевшему выехать, когда еще не совсем выздоровел. «Я слышал (пишет к нему великодушный монарх), что ты хочешь ехать на второй неделе в Москву; не ездь, подлинно погубишь себя, понеже мокрота разжижится от лекарства, и когда на ветре будешь, тогда вдруг так застудишься, и конечно будет тебе горше первого, от чего самая смерть приключиться может; дай покой себе. Когда доктор увидит, что ты совершенно здоров, тогда поезжай».

127. Петра Великого изречение о самом себе

Сей великий государь при учиненных великих преступлениях тотчас приходил в гнев; но сие более происходило от беспредельной его любви к Отечеству, нежели от горячего его сложения. Дерзающие поступать против пользы отечества, казались ему достойными строгого наказания, как изверги оногo; но за таковых однако же почитал он только таких преступников, которые возмущают общее спокойствие, и которые происходят от злости сердца, каковые суть мятежники, убийцы, грабители, мздоимцы и проч. Но из самих даже таковых преступников ощущали строгость правосудия его одни только нераскаянные, а признавшиеся в том с сокрушением сердца получали от него прощение. Сего еще мало: он в самом великом своем гневе внимал гласу представлявших ему о его вспыльчивости. «Я знаю, говорил монарх, что я также погрешаю, и часто бываю вспыльчив и тороплив; но я никак за то не стану сердиться, когда находящиеся со мною будут мне напоминать о таковых часах, показывать мне мою погрешность и меня от оной удерживать».

128. Петра Великого снисхождение

Монарх удостоивал своим посещением не токмо знатных, но и самых низких и бедных людей, и не отказывал звавшим его на обед, хотя б для сего должно было ему входить в хижину простого мастерового, или матроса. Однажды Государь; осматривая работу у галерной гавани, сказал командиру оной господину поручику Неплюеву: «Я зван на родины, поедем со мною. И приехав к работнику команды сего Неплюева, поцеловал родильницу, и пожаловав ей рубль, выкушал рюмку водки, и закусив пирогом с морковью, подал кусок одного поручику: «Заешь, брат, – сказал он ему: – это природная наша пища, а не итальянская».

[140]

129. Петра Великого рассуждение о пользе Академии

Некогда во время обеденного стола зашла речь о учреждении Академии, и один из присутствовавших за оным тайных его величества советников сказал, что весьма похвально и отечеству полезно введение в отечество наук, но что касается до Академии наук, то кажется ему несколько сомнительным, чтобы народ мог получить от оной знатную пользу; ибо она будет состоять изб единых токмо славнейших ученых мужей, которые обучением юношества или мало, или и совсем не будут заниматься. «Для чего не будут? – отвечал на то Петр Великий. – Я знаю какое имею намерение, и вам оно теперь же скажу. Они будут сочинять до всех наук касающиеся книги, кои повелю я переводить на наш язык; их станут они изъяснять молодым людям, кои для того избраны и им перепоручаемы будут, и кои после должны занимать учительские места в тех науках, в коих они под руководством Академиков упражнялись; другими же сочинениями, кои они о своих науках и открытиях на латинском языке писать и печатать станут, должны они приобрести честь в Европе и доказать, что и у нас упражняются в науках, и не столь грубо уже умствуют, как в прежние времена. Сверх того, правящие должности в коллегиях, канцеляриях и конторах и других присутственных местах, во всех случаях, до наук касающихся, должны будут прибегать к Академии и требовать у нее совета».

130. Петра Великого мнение о Карле XII

Великие намерения монарха о поправлении государства, были часто останавливаемы жестокими войнами, которые причинял Карл XII, король шведский. Царь после сражения 1708 года предлагал условия о мире, которые чрез польского дворянина и посланы были в шведскую армию; но Карл привыкший налагать мир своим неприятелям только в столичном городе, отвечал, что «он будет договариваться о мире в Москве». Когда Государю донесли такой гордой ответ, то сказал Петр Великий: «Мой брат Карл всегда воображает себя быть Александром; но я ласкаюсь, что он не найдет во мне Дария».

131. Петра Великого плачевное описание болезни и страдание

Января 16 числа 1725 года, водяная болезнь начала жестоко мучить государя. Трудность выпускать воду, часто накапливавшуюся, причиняла столь несносную резь, что сей великодушнейший и при всех других случаях терпеливейший герой принужден был стонать, произнеся между тем к предстоящим и в слезах утопающим вельможам своим сии слова: «Из меня познайте, какое бедное животное есть человек».

132. Петра Великого проницательность

Монарх многократно посещал генерал-поручика Матюшкина во время болезни в Санкт-Петербурге, отечески пекся о его выздоровлении и часто просиживая у него не малое время, находил удовольствие разговаривать с ним и с Г. Соймоновым о персидских делах. В одно из сих посещений прибыл курьер из Баку, Капилиан Нетесов с реляциею от князя Борятинскаго, что он по Ордеру отправил к реке Куре полковника Зембулатова, который сии места со всею Сальянскою провинциею взял во владение его величества. Государь, прочтя сию реляцию, спросил Г. Нетесова: «Во многом ли числе послана команда в Сальян?» – и услышав, что с одним батальоном, – «Очень мило, – сказал Государь; – потому что известно, что Сальянская княгиня Канума – великая плутовка, и опасно, чтоб не произошло чего худого»; да и приказал тогда же Г. Матюшкину послать к Борятинскому Ордер, дабы он туда людей прибавил, и чтоб от той княгини имели всякую предосторожность.

Следствие показало, сколь проникал монарх в связь дел, и сколь хорошо разумел он людей; ибо сия княгиня, подружившись с полковником Зембулатовым, столько вкралась в его доверие, что позвала его со всеми офицерами к себе, употчивала их с великою ласкою, и вооруженные её люди напали на них и перерубили, когда они совсем того не ожидали».

133. Петра Великого политика

Вся политика великого государя была основана на совершенной честности; обязательство и слово его соблюдаемо было свято, не только против сохраняющих взаимно обязательство союзников, но и против нарушающих оное, как то можно видеть много тому опытов в отношении к королям польскому и датскому. Голштинский администратор предлагал монарху выгодный союз Герцога Голштинского противу короля датского, бесчисленные оскорбления и неверности оказавшего; но Пётр Великий. отвечал так: «Чтоб за своего союзника не вступаться, того не возможно; ибо хотя б того интерес и требовал, но данное обязательство надлежит хранить; ибо кто кредит потеряет, тот все потеряет. Легче можем видеть, что мы от союзников оставлены будем, нежели мы их оставим; поелику сдержание слова есть всего драгоценнее».

134. Петра Великого справедливость

Ни интерес ни даже самые величайшие несчастья не способны были довести государя до нарушения его слова. Какое бедствие может быть больше того, которое постигло его под Прутом, когда он окружен был 270 тысячами торжествующих турок и татар, не имея своих воинов более 22 000; когда сия малая армия была утомлена беспрестанными сражениями и лишена хлеба, и когда с сими изнемогавшими настала необходимая нужда или победишь, или умереть? Но попытали прежде предложишь визирю о мире, и почли за особое счастье, что он выказал себя склонным к оному, Великий монарх из двух зол избрал меньшее; он согласился лишиться всего завоеванного у турок. Но как увидел в предложенных о мире кондициях, что требуют от него нарушения данного им слова молдавскому господарю Кантемиру, выдачею оного Туркам; то – кто сему не удивится? – отверг с презрением таковое требование, говоря: «Я не могу нарушить данное моего слова и выдать князя, отдавшегося в мое покровительство; лучше соглашусь отдать туркам землю, простирающуюся до Курска. Уступив ее, останется мне надежда, паки оную возвращать, но нарушение слова не возвратно. Мы не имеем ничего собственного, кроме чести; лишиться оной – перестать быть Государем и не царствовать». Сколь ни были турки горды при счастии, но поражены были такою твердостью и принуждены били оставить сие требование.

135. Петра Великого чистосердечие

Великий Государь не терпел, чтобы заочно говорили о ком-либо худо; и когда однажды в его присутствии говорил один другому про третьего худо, то монарх, вслушавшись в речь, сказал ему: «Рассматривал ли ты его также и с хорошей стороны? Расскажи же мне теперь, какие в нем нашел ты достоинства?» Добродетель в Государе главнейшая, когда он смотрит и на добрые дела согрешившего. Может ли к престолу такого Государя приблизиться клевета?

136. Петр Великий не любил лжи

Что Монарх рассказывал, то было всегда справедливо, и что обещал, то всегда оставалось непреложно. Простота и правда были свойства, кои сказывались во всех его поступках. Он охотно прощал и самый порок, когда видел искренне в нем раскаивающегося, но никогда не прощал лжи. Одно средство к заглаживанию вины состояло в том, чтобы доказать, что неправда сказана без намерения и нечаянно, однако ж и в таком случае монарх с некоторым неудовольствием говаривал: «Ежели ты хочешь впредь о чем-нибудь мне говорить, то уверься прежде в истине своего предложения.

137. Петра Великого чувствительность

Государь узнав что начальницею бунта стрельцов была сестра его, царевна София, содержащаяся в монастыре, огорчился сим до крайности, горестно жаловался на нее, исчислял все её прежние на жизнь свою покушения, и в первом гневе своем хотел избавиться от нее; но Лефорт сказал ему: «Неужели, государь, мщение тебе любезнее славы? Одним только туркам свойственно обагрят руки в крови своих братьев, но государю христианскому должно иметь кроткие чувствования».

Елизавете, королеве английской, при определении казни её сестры, шотландской королевы Марии, никто подобного представления учинить не мог.

Столь смелое представление остановило гнев его. Он тотчас же простил ее, и с Лефортом же поехал к ней в монастырь, довольствовался одним только выговором; но тогда же слезами её смягчился, и заплакал вместе с нею, а выйдя сказал: «Она имеет великий разум, но весьма жаль, что столько зла».

138. Петра Великого достопамятные слова

Неутомимые старания сего Государя, и самая поражения Российских войск, наконец научили их военному искусству. Они одержали совершенную победу над Карлом XII под Полтавою, 27 июня и 8 июля 1709 года. Много было полоненных офицеров шведских, между прочими Реиншильд, генерал шведской армии; их привели в царский лагерь. Монарх его оставил при себе, провести с ним остаток дня, в который была одержана победа; казалось, монарх дивился, что шведы осмелились зайти в столь отдаленную землю и осадить Полтаву с малым числом войска. «Мы не всегда советовались, – отвечал на это Генерал, но как верные слуги повиновались Королевским Указам без всякого противоречия.» Государь после сего ответа, обратясь к некоторым из своих придворных, некогда подозреваемых в умысле против него, сказал: «Ах! вот как должно служить своему Государю».

139. Петра Великого любовь к правосудию

Не хвалят сего Государя за непреклонность его нрава, сделавшую его несколько жестоким; но к несчастью сия суровость была необходима, чтобы укрепить основания рождающейся Империи. Императрица Екатерина, имевшая столько власти над его сердцем и по своей любви, заслугам и преданности, не могла получить милости для одной из своих дам, обвиненной во взятии подарков против запрещений, сделанных, всем, когда государыня настояла о сем, то Петр, во гневе разбив венецианское зеркало, сказал ей: «Ты видишь, что стоит только одного моего удара возвратить сие стекло в прежний прах, из которого оно сделано?» Императрица, возведя на него взор свой, самую печалью умилюющим, – «Хорошо! – отвечала ему; – вы разбили то, что составляло украшение комнаты сей; думаете ли, что она чрез то сделалась лучше?» Сии слова умилюли Монарха; но вся милость, какую получила от него Государыня, состояла в уменьшении наказания камер-юнгферы.

140. Петра Великого милость и человеколюбие

Удивительно, коль умел Великий сей Государь соединить с великою правосудия строгостью милосердие свое. Милость его хвалилась на суде и в самых тех случаях, когда по многим его делам препятствующие злодеяния к строгости принуждали. Не было столь тяжкого преступления, которого бы он не простил, если только виноватый добровольно явит искреннее раскаяние, В таких случаях обыкновенное слово его было: «Бог тебя простит»; но надобно было виноватому предварить раскаянием донос или улику судом: ибо тогда раскаяние почитал он следствием необходимости, и место милости заступало уже правосудие. Но впадающие в преступление неумышленно или по стечению каких-либо несчастных обстоятельств, всегда находили в нем Евангельского одного отца, приемлющего в объятия свои заблудшего сына; а по злости сердца преступающие и в том закосневающие – праведного судию.

В сомнительных обстоятельствах страшился он оскорблять судимого, говоря при таковых случаях, что лучше десятерых виновных простить, нежели одного невинного оскорбить. «Страх суда Божия, всегда в нем пребывающий, управлял движениями сердца его как в милости, так и в правосудии. «Рассуди, невестушка! – отвечал он Царице Параскеве Феодоровне, просившей прощения фрейлине Гамильтоновой, убийце детей своих: – «Рассуди, невестушка! Как тяжело мне правый закон отца или деда моего нарушить, то коль тяжело закон Божий уничтожить. Я не хочу быть ни Саулом, ни Ахавом, которые безрассудною милостью закон Божий преступя, душою и телом погибли».

141. Петра Великого отменный поступок со шведскими военнопленными

По одержании победы под Полтавою над шведами, взял Петр Великий многих в плен, и обходился с ними очень милостиво, и принимал их всегда как собственный их монарх, которому бы они приобрели победу. Он призывал к своему столу шведских генералов и в некоторый день, когда пил за здоровье учителей своих военному искусству, то граф Рейншильд спросил у него: кто таковы те, коих его величество величает столь знаменитым титулом? «Вы, – отвечал он, – господа генералы!» «Посему ваше величество очень неблагодарны, – примолвил граф, – что столь немилосердно разбили своих учителей». Царь, чтобы загладить некоторым образом славную ту неблагодарность, повелел тотчас отдать каждому из них шпагу.

142. Петра Великого благодарность и награда за службу

Он никогда не забывал заслуг, от коего бы оные ни были оказаны, от благородного или низкого происхождения человека.

Он почитал в сих случаях один разум, а не знатность рода, и признательность свою изъявлял к таковым при всяком случае на словах и на письме. Но сего не было довольно, он награждал их и в жизни и по смерти, присутствуя при их погребениях и удостаивая многих из них своими слезами, не давая оставшейся жене и детям почувствовать жалкой участи бедных. И таким образом, возвышая достоинства и дарования подданных своих, поселял в сердцах их несказанное ревнование к службе. Когда пожаловал он поручика Неплюева резидентом к Константинопольскому двору, и по сей толикою милостью возхищенный, пав пред ним на колени, и орошая слезами благодарности его руку, называл его отцом своим, тогда сей отец отечества сказал ему: «Встань, братец, я поставлен над вами от Бога, и должность моя есть, чтоб недостойному не дать, а у достойного не отнять; если будешь хорош, то не столько мне, сколько себе и отечеству добра сделаешь, а если худ, я буду на тебе взыскивать: ибо Бог того от меня за всех вас потребует, чтоб злomu и глупому не дать случая делать вред. Служи верою и правдою, то в начале Бог, а при Нем и я тебя не оставлю; и тогда ты будешь иметь во мне отца.

КОНЕЦ II ЧАСТИ

Часть третья

Предисловие

Под названием Анекдота разумеются такие повествования, которые не многим только известны. Достоверность таковых преданий зависит от следующего: 1) ежели повествуемое в них взято из подлинных записок, или частных журналов тех времен; 2) ежели особы, предавшие их словесно, были или очевидцами повествуемого или удостоверены о истине того от современников, заслуживающих уважение; 3) ежели оные подтверждаются преданием, от самого того же времени из рода в роды преходящим, и не противоречат самой Истории. Таковые Анекдоты по справедливости заслуживают историческую достоверность.

Печать Петра I

Источники сих Анекдотов о Петре Великом показаны под каждым из них; и благоразумные читатели сами могут сделать из того заключение, заслуживают ли они историческую вероятность? И так, не приводя иных тому каких-либо доказательств, изъясню только аллегорическое изображение прилаженного здесь эстампа. Оный срисован в точности с собственной Петра Великого печати, каковая видна на многих своеручных его к частным особам письмах: на ней представлен сам он стоящий на коленях с молотом и долотом, и обделывающий из мрамора статую державной России которая уже до колен обработана; вверху её изображается в сиянии Божество, споспешествовавшее ему в великой сей работе; по сторонам изображены флот и архитектура. Его же многотрудных рук дело; внизу, под щитом герба Российского, лежат орудия воинские, прославившие Россию победами и проч. Мысль, достойная Зиждителя России.

Печать сия в окружности своей не более двадцатипятикопеешника; а здесь она, для большей ясности, увеличена.

1. Отвращение от воды в детстве бесстрашного нашего героя

Все летописи наши согласны в том, что в герое нашем с самого нежного детства примечена была особенная склонность к воинским упражнениям; но склонность сия ограничивалась однако же сухопутными только экзерцициями, а не простиралась на водяные, хотя и слушал он охотно от учителей своих описания морских сражений.

Причину сего открывает нам рукопись Г. Крекшина, которую называют дневником, т. е. что он в детстве своем будучи крайне испуган водою, имел к ней отвращение. [\[141\]](#)

Царица Наталия Кирилловна, мать героя нашего, в вешнее время посещала монастыри, и при переезде через один ручеек, от наводнения сделавшийся нарочитою рекою, имея пятилетнего своего сына на руках спящего, и сама несколько воздремавшая, шумом сильно стремившегося ручья сего, и криком людей пробудилась и увидя воду в карете, и оную несколько наклонившуюся и опрокинутую готовую (по крайней мере страх представил ей сие), сильно закричала. Царевич, от сего крика пробудившийся, увидя бледность испуганной матери, воду в карете и шумное стремление воды, столько поражен был страхом, что тогда же получил лихорадку.

Толь сильное впечатление в сердце младого Государя произвело такое отвращение от воды, что он не мог взирать на реку, на озеро и даже на пруд равнодушно; и хотя он всячески старался скрывать сей страх свой, однако же приметен оный был потому, что никогда не видали его ни плавающего по водам, ни переезжающего в брод через реку, как бы она ни мала была, ниже чтоб когда-либо искупался он в реке или в пруду, что продолжалось даже до четырнадцатилетнего его возраста. В это время освободился он от страха сего следующим образом:

Князь Борис Алексеевич Голицын, занимавший при нем место дядьки, предложил его величеству позабавиться псовой охотою; и хотя молодой государь не любил сей охоты, он из уважения к просьбе сего Князя, согласился на оное. Во время сей забавы князь, желая

истребить в Государе страх от воды, с намерением завел его к берегам реки Истры. Монарх, увидя реку, остановил коня своего, Князь спросил тому причины; и Государь с видом огорченным сказал: «Куда ты завел меня?» «К реке, – отвечивал князь, ваше величество видите, сколь утомились лошади и запылились охотники; так нужно лошадям дать отдохнуть и прохладиться, а людям вымыться. Родитель твой заключил князь, часто сие дельвал, и в сей речке сам купывался»; и не дожидаясь ответа поехал через нее, а между тем все охотники, по предварительному приказанию, раздевшись, в миг очутились в реке. Сначала на сие досадовал монарх, но увидя князя переехавшего и с другого берега приглашающего его к себе, постыдился показать себя страшась воды, и сделав, так сказать, некоторое насилие над собой, осмелился въехать в реку и переехать оную. Все бывшие при его величестве и за ним следовавшие, ведая страх его, обрадовались сему да и сам монарх ощутил уже в себе от сего переезда некое удовольствие.

Царь, брат его, узнав о сем, через некоторое время пригласил его с собою в село Измайлово, в котором было несколько прудов, способных к купанию. Он дал тайно приказ молодым своим царедворцам, что когда будет он с царем, братом своим прогуливаться у прудов, чтобы они, разрезывая толкали друг друга в воду. Всё сие было исполнено; и хотя молодой Государь крайнее на сие оказал негодование, но сии однако же молодые люди, по данному же приказу раздевшись, начали в воде купаться и резвиться. Резвость сия мало-помалу рассмешила молодого Государя, и он уже смотрел на то с таким равнодушием, что наконец согласился на предложение брата своего и сам с ним последовал их примеру; и с того времени совершенно миновало отвращение его от воды.

В сем-то селе монарх вскоре после сего нашел старый и брошенный ботик, который и возбудил в нем чрезвычайное желание к заведению морских сил; и посему-то назвал его дедушкою Российского Флота, как то сие всем уже известно.

И мы видели, что чем более чувствовал он сначала отвращения от воды, тем сильнейшее родилось в нем бесстрашие плаванию на самых уже морях, и даже в самые бурные времена; а сие доказывает, что не было в нем ни одной такой страсти, которой бы не мог он преодолеть в

себе, как-то сие подтвердится ниже; а между тем один бесстрашия его на море пример представим в следующем анекдоте.

2. Неустрашимость государя в плавании на морях

В I Томе Деяний (стр. 259) описано постигнувшее Великого Государя крайнее бедствие в безопытном еще плавании его на Белом море, когда от жесточайшего шторма и самые опытные мореходы приведены были оным в ужас, лишивший их всякой решимости, кроме одного его и простого кормщика; и так как на сем морском судне находилось несколько иностранцев, взявших им с собою из Архангельска, то один из сих о сем бедственном приключении изъясняется так: «Когда Царь в 1694 году от пристани Архангельской выехал в Океан, то страшная поднялась буря, так что все с ним бывшие пришли в чрезвычайный ужас, и стали молиться, приготовляясь к смерти; оди только молодой государь казался нечувствительным к ярости свирепого моря. Возложя на себя обещание, ежели благовременной подастся случай и не воспрепятствуют государственные нужды, побывать в Риме и поклониться мощам Св. Апостола Петра, своего патрона, пошел он к кормщику и веселым видом ободрял к должности всех, унынием и отчаянием пораженных

Смотри о сем Acta eruditorum, anno 1708, pag. 218.

Сие засвидетельствование важно, яко от иностранца, не могущего быть пристрастным.

Помянутый кормщик был тамошний Нюхонской крестьянин Антип Панов; он только один с Монархом в общем том страхе не потерял присутствия духа, и как сей крестьянин был знающий на тамошнем море кормщик, то, когда Государь придя к нему, стал ему в деле его указывать, куда должно направлять судно, то сей с грубостью отвечал: «поди, пожалуй, прочь, я больше твоего знаю, и ведаю, куда правлю». И так когда управил он в губу, называемую Унские рога, и между подводных каменьев, коими она была наполнена, счастливо проведя судно пристал к берегу монастыря, называемого Пертоминским: тогда Монарх, подойдя к сему Антипу, сказал: «Помнишь ли, брат, какими словами на судне ты отпотчивал меня?» Крестьянин сей в страхе пав к ногам монарха, признавался в грубости

своей и просил помилования. Великий Государь поднял его сам и три раза поцеловав в голову, сказал: «Ты не виноват ни в чем, друг мой, и я обязан еще благодарностью тебе за твой ответ и за искусство твоё. И тогда же, переодевшись в другое платье, все бывшее на нем измоченное даже до рубашки, пожаловал ему знак памяти, и сверх того определил ему же годовую до смерти его пенсию.

3. Присутствие духа в самом жесточайшем распалении гнева никогда не оставляло Петра Великого

Из деяний его величества видели мы, что и по заключении в Девиный монастырь царевны Софии Алексеевны старалась она всегда заводить тайно бунты на державного брата своего, отлучившего ее от правления государством, которые однако же всегда были разрушаемы бдительнейшим монархом. Но сколь должно быть сие чувствительно сердцу его то удобно понять каждому; он неоднократно выходил из терпения, и в гнев своем предпринимал пресечь нить дней не только мятежной, но и злобной сестры своей. Мы уже видели в IX Томе Деяний (стр. 319 и след.), что великий государь, будучи в таком раздражении, исчислив все её на жизнь свою покушения, определил было наконец совершенно избавиться от нее, как от главнейшего своего злодея; но к утшению гнева его и к отмене такового определения стоило только Г. Лефорту напомнить ему, что она ему сестра, и что туркам только свойственно орошать руки в крови родных своих и проч. И так вместо казни удовольствовался он самоличным только ей выговором, но слезами её столько еще смягчился, что соединил с её слезами и свои, и выходя от неё, произнес к тому же Лефорту сии слова: «Она имеет великий разум; но жаль, что столько зла».

А как и после сего прощения Царевна София не переставала заводить подобные бунты и умыслы на жизнь столь великодушного брата и государя своего: то монарх в открывшийся один из таковых заговоров, желая узнать от неё самой некие обстоятельства, приезжает в монастырь, входит к ней со сверкающими от гнева очами, уличает её в новых на жизнь свою умыслах, и требует её признания и ответов на вопросы свои. Сколь ни явны были Государевы улики, но она однако же ни в чем не признается; сего еще не довольно: гордость её, колкостью, так сказать, упреков монарших пробужденная, разгорячает ее, и сколь колкими, столь и оскорбительными выражениями защищаясь, обвиняет в мятежах тех его самого. Такая непризнательность, непокорность и едкость ответов её, выводят

Монарха из терпения; он в крайней запальчивости сказав, что одна смерть её доставит ему безопасность, – Умри злодейка и выхватывает на поражение её меч свой. В самое сие мгновение, бывшая при царевне двенадцатилетняя служившая ей девушка, становится между государем и царевною, бросается к ногам государевым, и ухватившись за оныя, вопиешь: «Что ты делаешь, государь! Вспомни, она родная тебе сестра». Слово сие останавливает его, меч выпадает из рук его, и он помолчав с минуту, прощает мятежную и непокорную сестру, а девушку целует в голову, говоря: «Спасибо, девочка, я тебя не забуду»^[142]. Успокаивается и выходит.

Из всех победоносцев наибольший есть тот, кто побеждать может страсти свои, а паче гнев, говорит один писатель.

Герой наш, по горячему характеру своему, нередко распалялся крайним гневом; но присутствие духа его и в таком положении никогда его не оставляло. Ниже увидим мы сему сильные доказательства, а здесь приведем тому же еще один пример.

Он в одно время за дерзновенные слова того же самого Лефорта крайним воспылал на него гневом и, что особо заметить должно, то было сие при одной пирушке, когда и винные еще пары затмевали несколько рассудок его. В таком кипящем, так сказать, гнев, выхватив из ножен кортик свой, устремился на поражение его; но любимец сей, знавший его совершенно, не уклонился от Государя ни мало; он обнажив грудь свою: «Рази, сказал, ревностного твоего слугу, вот грудь его!» В миг выпадает из рук его оружие, и вместо поражения бросается в его объятия и просит прощения. Аббат Милот, описывающий сие, в удивлении восклицает: «Убийца Клитов, Александр^[143] тем меньшего достоин извинения, чем лучшее получил воспитание».

4. Государь прощает одного злодея, на жизнь, его умышлявшего, но суд Божий казнит его

Мы видели в деяниях великого государя, что во время второго стрелецкого бунта, воздвигнутого тою же сестрою его через Щегловитого, монарх от нечаянного нападения сего злодея с шайкою таких же извергов, спасся уходом в Троицко-Сергиев монастырь; что виновные в злодейском том совещании стрельцы, поражены быв страхом, уходом его причиненным, прибегли к милосердию прогневанного ими государя в помянутый монастырь, и получили отш великодушия его прощение; и что его величество удовольствовался только определением, предать казни одних зачинщиков сего заговора и бунта.

В числе зачинщиков злодейскаго заговора того, которые содержались уже в том же монастыре под стражею, находились три родные брата. Престарелая мать их узнав о близкой казни всех их, решила просить Государя об их помиловании. С сим намерением дождавшись выхода Государева в церковь, упала она к ногам его и с слезным рыданием молила о помиловании их, представляя, что она умрет без них в нужде и голодную смертью, вопия: «Кто будет меня кормить? Кто старость мою призрит, надежа-государь, когда я бедная остануся без них?» и проч. Молодой монарх, выслушав терпеливо все это и узнав, кто эти дети её, сказал ей: «Я простить их не могу, не нарушив справедливости и своей должности; они, забыв страх Божий и свое крестное целование, восстали на меня, законного своего Государя, а следовательно и на все отечество, которого спокойствие дороже мне и самой жизни моей». Он винил также и самую ее, что она конечно; не пеклась об укоренении из детства в сердца их страха Божия, и как видно потворством своим избаловала, и тем к злодействам им повод подала. С сим словом оставил ее Государь.

Старуха, дождавшись выхода его величества из церкви, снова пала пред ним, и проливая слезы, вопияла: «Прости, надежда-государь! прости преступных детей моих; и ради Господа Бога, Пречистой Богоматери и святых чудотворцев Сергия и Никона, даруй им жизнь. Снисходительнейший государь, все выслушав, велел ей

встать и говорил: Слушай, старуха! ежели Бог поставил меня царем, и вручил мне меч правосудия, для охранения спокойствия общего; то не прогневолю ли я Его, спасая врагов оного? И не навлеку ли тем и на себя, подобно Саулу, гнева его, и от потомства проклятия? Я сам плачу с тобою о пролитии крови злодеев, но должность превозмогает сожаление; и так должны дети твои, яко злодеи и злодеи нераскаянные, умереть, – поелику были уже они участниками и первого бунта и многой неповинной крови пролития, но обстоятельствами времен спаслись от заслуженной ими казни.

Мать, бросившись к ногам государевым и обливая их слезами, молила о помиловании по крайней мере хотя бы одного из них, которой бы закрыть мог очи ей и похоронить ее. Государь, тронутый наконец жалостью, сказал: «Ну что делать? Я даю тебе одного, выбери сама из них, кого ты более любишь»; и обратившись к сопровождающим его сказал: отведите ее к ним в тюрьму; пусть она изберет одного из трех преступных детей своих, и выпустите его с нею из монастыря.

Печальная мать, приведенная к ним, бросилась на шею сперва к старшему, и в положении таком пробыла около четверти часа; потом к среднему, и подобно же обняв его, рыдала, не произнося ни одного слова, напоследок же меньшему; и таким образом долго колебалась, которого бы из них избрать. Наконец будучи понуждаема решишься, избрала меньшего; и тогда же была с ним выпущена из темницы.

Но сей избавленный от казни злодей, идя с матерью из монастыря, в самых святых воротах, споткнувшись, упал навзничь, разбил себе темя и тот же час испустил дух. О сем было донесено Государю, и его величеству, ужаснувшись суда Божия, не попустившего злодею остаться в живых, пал на колени пред образом Спасителя, и с умиленною душею молил, да отпустит ему согрешение, нарушением правосудия, от него, ему вверенного, им учиненное. Потом встав и обратясь к предстоящим, сказал: «Я согрешил, яко человек, простив из жалости злодея, недостойного жизни: но суд Божий решил иначе, не попустив остаться ему живу, и сие пребудет всегдашним мне наставлением, не прощать злодеев, вредных обществу. Страшиться, – заключил молодой Государь, – преступники нераскаянные, строгости правосудия, вверенного мне». После сего осужденные судом злодеи были казнены. ^[144]

5. Отказ отцов от посылки детей своих в чужие земли для учения

Мы видели, что молодой Государь, пылая, так сказать, желанием насадить в подданных своих всякое познание, предпринял послать многих детей знатного своего дворянства в чужие земли для учения, и объявил о том отцам их. Некоторые из них повиновались тому в молчании, не смея противоречить молодому и горячему Монарху; но многие осмелились отсоветовать ему оное, говоря между прочим: «Где нашим ребятам спознать заморские хитрости! Их разума на то не станет, и потому понапрасну только великой кошт издержан будет.»

Сколь сие отрицание и упорство было чувствительно младому Государю, об этом уже сказано в своем месте; а здесь поместим на грубея оные слова увещательную речь Государеву, сохраненную нам преданием.

«Как! – с жаром произнес молодой Монарх. – Как! Разве мы не от одного Творца произведены, и не от одного Праотца исходим? Разве мы одни гневную природою лишены рассудка и ума? Разве в нас одних вложены сердца грубые и вырожденные, не способные к образованию и возделанию? Разве мы одни исключены от славы мудрости человеческой? Нет! нет! мнение таковое было бы хулой на Создателя и крайняя неблагодарность. Мы имеем такие же руки, глаза и состав тела, какие имеют и просвещенные народы; следовательно имеем равные же с ними и душевные способности. Нужен только нам к тому руководишель и наше на оное согласие; а тогда и пробудятся аки от сна душевные наши дарования. И самые просвещенные народы были прежде грубы и незнающи; дети их и ныне рождаются, равно как и наши, столь же не сведущими, и одно только воспитание различает их от наших детей».

Почти подобная сей речь помещена и иностранцами, бывшими тогда (в 1689 году) в Москве с Посольством Цесарским, напечатанная в Лейпцигских ученых деяниях, Acta Editorum Lipsiensia anno 1708, каковую молодой Государь произнес при сем случае отцам детей тех, коих назначил в посылку. А сие доказывает, что она не вымышлена, и точно в 1689 году была говорена монархом; но из следствия видно, что

упорство знатных, и можно сказать всех почти подданных его, принудило Великого Государя остановить до времени сию посылку детей; ибо из Истории его видно, что первая такая посылка последовала в 1696 году, то есть пред самым Государевым отъездом в Голландию.

Между же тем недовольство на его величество за сие намерение, произвело многие на жизнь его заговоры, от которых очевидно спасало его провидение Божие, как то и из следующих Анекдотов откроется.

6. Монарх нечаянно входит в неизвестный ему дом, находит заговорщиков на жизнь свою, и забирает их под стражу

«Если бы все чувствовали (говорит Сократ) царствующее во вселенной согласие, то никогда бы не могли почесть слепого случая причиною столь многих повсюду, по правилам удивительные премудрости, совокупных действий ко всеобщей пользе. Если бы всевысшее Существо не содействовало распложению, размножению и общему сохранению существ, и не бдело бы беспрестанно о них: то как бы статья могло, чтоб в такой чудно составленной и столь великой машине никакого в столь многие веки не воспоследовало беспорядка?

Сию-то стройность, и сей-то порядок называем мы достойно и праведно Провидением и Промыслом Божиим, управляющим не одною только машиною вселенной, но и каждою дышущею тварью; паче же человеком, одаренным бессмертною душою, и еще паче участию царей и царств, яко от Него поставленных и устроенных. Сие ясно доказывает нам не только святое Писание, но и История, которая есть зеркало провидения, в коем неослепленное предрассудками око усматривает пути судеб Божиих, правящих участию народов и царств мира. Сей-то Промысл Божий не меньше ощутителен и в чудесном поистине избавлении героя нашего от множества явных и тайных на жизнь его заговоров.

Объявленное в предшествующем анекдоте намерение Петра Великаго, послать в чужие земли юношей российских для учения, возмутило еще более суеверные умы, особливо же чиновников мятежного стрелецкого корпуса. Они устраивали разные тайные совещания, как бы удобнее сбыть им с рук такого Государя, которой заводит новизны, противные по их мнению православному закону. Одна из таковых злодейских шаек, около 1695 года, то есть за год до Циклерова заговора^[145], собралась в одном доме зимою в 8 часу пополудни, и надобно думать, что было сие весьма тайно: однако ж в ту самую ночь, и в том же часу, Великий Государь, по частому обыкновению своему поехал в санках по улицам Московским, имея при себе одного только денщика своего, Дурнова; но приехав к

Арбатским воротам, остановил лошадь свою, и углубясь в размышление, простоял на оном месте около четверти часа. Помянутый денщик, видя сие, осмелился сказать ему: «Долго ли, государь, стоять нам здесь?» Монарх, как бы опомнясь от сего вопроса, сказал про себя: «Поехал было я туда, а надобно заехать не туда». И так поворотив лошадь, въехав в переулок, называющийся Хлебным, и остановясь у одного дому, вышел он из санок, послал на оных денщика сего к караульному офицеру гвардии своей с повелением, чтобы он с двенадцатью гренадерами, не мешкая ни мало, пришел к тому дому; а сам без шума вошел в калитку на двор, и в покои, из которых во втором нашел сидящих за столом и подпивающих четверых из чиновных стрельцов, коих он всех знал по имени: «Что вы делаете здесь ребята?» – сказал им монарх.

Можно себе представить, сколько должно было встревожить их нечаянное таковое посещение; они даже не могли на вопрос сей ни слова произнести; но монарх вывел их из того замешательства и страху, сказав, что он, ездя по Москве в санях, озяб, и видя огонь, заехал в сей дом обогреться, и по счастью нашел еще в нем и знакомых. Ободренные сим милостивым отзывом ответствовали, что они званы хозяином на пиво; то же самое подтвердил и вошедший между тем хозяин дома; и потом налив стакан пива, осмелились поднести его величеству. Монарх выпив оный, разговаривал с ними и с хозяином о делах ничего почти не значущих до того самого времени, в которое должно было уже прибыть офицеру; и потом сказав им, что он обогрелся и пора ему с ними расстаться, вышел из комнат. Они хотели было его проводить; но государь, остановив их в дверях, затворил оные и припер.

Офицер с командою был уже у ворот и Монарх повелел ему, забрать сих четырех гостей, привести в Преображенск; а хозяину сказать его указом, чтобы он и домашние его под страхом смертной казни не дерзнули сего происшествия никому открывать.

Расспросы, по одиночке им учиненные, замешали и разбили их, так что принуждены были они наконец признаться в совещании своем на жизнь Государеву. Причиною ж того, по словам их, была несносная им служба, предпочтение оказываемое солдатам, а паче вводимые новости, противные, по мнению их, закону и старинному обыкновению, и намеряемая им посылка детей их в еретические

земли, и проч. Они были наказаны и посланы в Сибирь, и всё сие произведено было так тайно, что никто оного не проповедовал, и не знали даже, куда сии четыре чиновника девались.

Так разрушал монарх многие на священную особу свою заговоры! Но каким образом узнал великий сей государь дом тот, и собравшихся в оной заговорщиков, сие осталось неизвестным. [\[146\]](#)

Слепому ли же, впрочем, случаю злодеи сии должны были сие приписать, или тай ному промыслу Божию, наказывающему злодеяния? О сем предоставляю судить читателю. Но следующий Анекдот кажется решит вопрос сей.

7. Один злодей в сонного государя дважды стреляет из пистолета, но в оба раза оный осекается

Один изверг, предпринявший лишить жизни монарха, был издавна заражен ядом изуверства, представлявшим ему в Государе еретика и разорителя старинных обыкновений и обрядов, которых изуверы не различали от сущности самой веры. Одни именуют его денщиком государевым, не открывая имени, а другие говорят, что то был Кикин, называя его комнатным Государевым. А как и денщики его величества могли называться комнатными же, яко неотлучно при комнате его находившиеся по очереди: то и можно слово комнатного принять за денщика, и денщика за комнатного; но как бы то ни было, различие сие не отъемлет вероятия в существовании деда, согласно всеми повествуемого. Известно же, что Кикин и денщики Его Величества имели свободный к нему всегда вход, и нередко оставляемы были монархом в спальне его до того самого времени, когда он заснет, и тогда уже выходили они из оной. Сие-то самое время избрано было на произведение замышленного убийства; изверг, предпринявший оное, имел при себе заряженный пулею пистолет; он направляет оный на самое сердце заснувшего крепким сном Государя, спускает курок; но оный осекается. Злодей неудачей сею смущается и выходит; и злодейство остается неизвестным.

Через некоторое же время проклятый сей изувер снова предпринимает то же. Он переменяет кремень, и поробовал многократно курок; и уверившись в исправности его, приходит ввечеру к Государю; оставляется им, как и прежде, в спальне до опочивания своего; – и изверг снова направляет в заснувшего монарха выстрел; но Провидение Божие, по недоведомым смертным судьбам, допустившее Равальяку убить Генриха IV, своего Государя, покрыло щитом своего заступничества нашего Героя: пистолет, как и прежде, осекся.

Сколь ни злобным изуверством напоено было сердце сего изверга; однако же не могло оно не поражиться столь ясным доказательством Промысла Божия, сохраняющего помазанника своего. Ему

впечатлелось тогда, что если он, не отлагая ни минуты, не засвидетельствует того признанием и раскаянием своим, то сила Всевышнего мгновенно поразит его. Словом, он решился разбудить Государя и признаться в своем злодеянии. Монарх пробуждается, и первое слово его было: «Что сделалось?» Но преступник говорил ему: «Государь! я послан к тебе от Бога возвестить, что он содержит тебя в своем покровительстве; и что никакая вражья сила и никакая адская злоба несильны погубить, ниже повредить тебя. При окончании сих слов злодей падает на колени, и показывая ему пистолет: «Посмотри, Государь, – сказал он, – сколько он хорош, и никогда не осекался; но два раза мною, извергом, направляем был на отнятие жизни твоей и в оба раза осекался. Видя столь явное покровительство Божие, спасающее тебя, решился я возвестить тебе, не отлагая ни мгновения, и с сею хранящею тебя силою Всевышнего поздравить. Теперь голова моя в твоей воле, и я не достоин более тяготить собою землю.

Монарх, выслушав сие, встал с постели, и оставив преступника, несколько фаз прошел по комнате, не говоря ни слова, и наконец обращаясь к нему, сказал: «Послов ни секут, ни рубят; покровительство Божие раскаянием твоим более еще ощущаю; Бог тебя простит! И после сего не отменил милости своей к нему.

Впрочем и не утверждая за подлинное, чтобы изверг сей был кикин, и можно однако же сказать, что крайняя неблагодарность его к столько благодеевшему ему государю, всю его к себе доверенность, милости и щедроты во зло обратившая, доказывает чудовищное его сердце, способное к величайшим злодеяниям.

Мы видели из Истории Государевой, что он вознесен был от его величества на достоинство адмиралтейского президента; но сей неблагодарнейший злодей^[147] по следствию в деле хлебных и других подрядов, уличен был в похищении казенных интересов, по которому судом отписано было все знатное имение его, а сам он сослан в ссылку; но что Великий Государь присланное от него прошение принял с такою милостью, что простил его во всем, возвратил из ссылки, отдал также ему отписанное его имение, и оставил в прежнем его столь важном звании. Но к чему послужила и сия беспримерная поистине милость? К вящему отвращению его от особы столь великодушного Государя. Его-то злодейством до толикой степени развращен был царевич Алексей Петрович по его-то советам ушел он

из России, и столькие оскорбления нанес великому своему родителю! Он-то был, следовательно, главнейшею причиною бедствия несчастного сего Царевича; и сие-то уже наконец принудило правосудного Государя поступить с ним, как с нераскаянным злодеем. Но кажется, что его величество, и тогда еще жалея лишиться в нем ума тонкого и способного к важным препоручениям, расположен был еще простить его, ежели б только увериться мог в сердечном его раскаянии. И в сем-то намерении (как уверяли меня) благоволил он, накануне казни его, еще его видеть и спросить, что принудило его употребить ум свой в такое зло? Какой же ответ от него получил на сие монарх? «Ум (сказал нераскаянный сей злодей) любит простор, а от тебя было ему тесно».

Великий государь удивился такому ожесточению его, и тогда-то уже получил он соразмерную злодеяниям своим казнь.^[148]

8. Натуральная острота ума государева

Читавшие историю великого государя, без сомнения заметили, что был он выше предрассудков своего времени; но особого достойно замечания то, что сия природная острота ума его, в самой еще юности, представляла ему все вещи в точном виде.

Следующий Анекдот докажет сие яснее.

При Дворе невестки его, супруги царя Ивана Алексеевича, царицы Параскевы Феодоровны; не только терпимы были юродивые, ханжи, пустосвшы и всякие уроды, но и почитаемы еще были за святых, а некоторые из них и за имеющих дар пророчества. У многих из них целовали руки, и воздавали честь, приличествующую истинным угодникам Божьим. Из числа последних в особом уважении и почитании находился один шалун-юродивый, который был из подъячих; по имени Архип Тимофеевич. Молодой государь явно негодовал на сие, презирал сих притворных тунеядцев, осмеивал и укорял почитающих их за святых. Будучи еще шестнадцати лет, обыкновенно называл двор помянутой невестки своей госпиталем уродов, ханжей, шалунов и лицемеров, которые, когда его величество посещал сию царицу, не смели и являться на глаза его. [\[149\]](#)

9. Проницательность государя

В бытность монарха в первый раз в чужих краях, приехал в Москву один обманщик монах Грек, и объявил, что привез с собою неценное сокровище, а именно часть срачицы Пресвятой Богородицы. Он представлен был царице Евдокии Феодоровне, рассказал ей составленную им повесть, откуда каким образом и через какие руки дошла до него сия срачица; скольких стоило ему трудов и иждивения приобретение оной; и что он единым движим усердием, дабы сия святыня не осталась в областях неверных, и не могла бы поругаема и осмеяна быть и со всем погибнуть, привез ее в Россию, яко в государство благочестием и верою святою сияющее. Довольно было и сей басни, с лицемерною святостью произнесенной, для уверения царицы и двора её. Однако же монах, дабы совершеннейшее словам своим доставить доверие, требовал, чтобы принесены были горящие угли, на кои бы мог он возложить сию святую срачицу, веря, несомненно, что огонь её не коснется. Царица пригласила патриарха и нескольких из знатнейших особь духовных; при них срачица была положена на горящие уголья, объята пламенем, и раскалилась как железо, но изъятая и остуженная явилась невредима и убеленная аки снег. Все ужасом и удивлением объемяются, удостоверяются в словах монаха, лобызают оную со благоговением; яко истинную Богородицыну срачицу, полагают ее в богатый ковчег и вносят с церемонию и пением в церковь. Обманщик награждается щедро сверх его чаяния, и уезжает из государства,

Вскоре после сего приезжает Монарх, доносят ему обо всем том с подробностями, и поздравляют его с сим новым сокровищем духовным, молодой Государь, не видав ее еще, предузнает уже обман приказывает ее принести к себе, и доказывает, что все они обмануты мошенником; что лоскут тот не иное что, как из амианта^[150], или несгораемого каменного льна выткан; спрашивает, где тот монах, но он, как сказано, уже убрался с деньгами и подарками за границу.^[151]

10. Доказательство прозорливости и чрезвычайной памяти его

Великий государь, в пути своем из Москвы в Петербург, в Воскресный день заехал в Иверский монастырь, и по отслушании святой литургии снизошел на просьбу Архимандрита, посетил келью его со всею бывшею при нем свитою. Монарх, пристально смотря в лицо Архимандрита того, сказал: лицо твое мне знакомо, и кажется я видел тебя мирянином еще в Москве. Сей ответствовал, что он впервые еще имеет счастье видеть очи его величества; но монарх однако же уверяет, что он конечно его видал, и вызвав его в другую келью, спрашивал наедине, не был ли он в давних летах в Москве: «Скажи правду и не опасайся никакого зла, в чем я даю тебе верное мое слово». Архимандрит, падая к ногам его, просил прощения, что хотел он от его величества скрыть позор свой. «Я давно уже, но не помню года, когда прибыв в Москву, сделался затворником в палатке под папертью церкви Василия Блаженного...» «Так ты-то, – перебил речь его Монарх, – был тот, который выставлял в окно образ Богоматери, яко бы плачущей о грехах человеческих?» «Так, всемилостивейший государь, ответствовал в страхе Архимандрит. Монарх доволен был признанием его, и что не ошибся в физиономии столь давно виденного им человека; войдя с ним опять в гостиную келью, велел он ему рассказать при всех то коварство, каким заставлял он плакать образ, и свое похождение. Должно было повиноваться: «Я, – поникнув очами начал говорить Архимандрит, выменяв образ Знамения Пресвятой Богородицы, на задней стороне оного, против самих глаз сделал две лунки, клал в оны грецкие губки, напитанные водою, и искусно обил ту сторону китайкою, так что обману приметить было невозможно; в значках же глаз проколол булавкою неприметные две скважины, и когда приходили к образу люди, то я обеими руками держа его, большими перстами подавливал те места, под коими лежали губки оные. И из глаз сквозь скважинки те катились водяные капельки. Сим образом, от усердия богомольщиков, набрав нарочитую сумму денег, удалился я с оными в пустыню, в коей

сделался строителем и потом произведен был в Игумены, а по некоем времени добился в сей монастырь и в Архимандриты».

По окончании сего чистосердечного признания, вспомнил Монарх, что в малолетстве его, царевну, сестру его, однажды подозвали его с собою помолиться плачущему образу Богоматери, и как-де подозревал он в обмане, то, смотря пристально тогда на лице монаха сего, впечатлел оное в воображении своем столько, что при первом после того с ним свидании так приметным показалось ему оное, что хотя-де он и устарел уже не могло оно не показаться ему знакомым. Великий Государь, рассказав сие, по данному своему слову, оставил его при своем месте; а повелел только образ тот, оставленный сим Архимандритом в пустыне, взять в Синод, дабы не был он, как говорил Монарх, и впредь орудием корыстолюбия монахов и народного обмана и суеверия.^[152]

«Век тогдашний, говорит Г. Болтин, «благовременем был пустосвятству, обману и подлогам; ханжи и лицемеры чудесам не верили, но пользу свою обретали; большая часть народа верила и обманщиков обогашала; некоторые видели обман, но говорить не смели, и таковых было не много. Сколько вещей обыкновенных, простых, ничего не значущих, приняты были за святыню, за предмет почтения, уважения! «Ош времени Петра Великаго прекратились таковые чудотворения, перевелись плутовства и плуты, при духовенстве просвещенном».

11. Монарх заблаговременно оповещает народ о будущем солнечном затмении, что оно есть явление натуральное, а не чудесное

И малейшие обстоятельства важны в делах великого человека. Великий Государь, ведая, что суеверие народа приемлет все, чего не понимает, за чудесное, и извлекает из оногo какия-либо несчастные следствия, ведал также и то, что многие в числе оногo есть и такие плуты, которые, не веря тому сами, но по интересам своим желая возмутить умы народа, умышленно толкуют то превратно,

Поскольку же Карл XII в первые годы был в великой славе, и успех в войне с ним казался многим сомнителен; наступающее же затмение солнечное, о котором ведал монарх чрез астрономические исчисления ученых, могло вложить в одних несчастное войны той предзнаменование, а другим подать случай к зловерным толкованиям; того ради заблаговременно и писал он ко многим из знатных своих подданных, как-то, к адмиралу Федору Алексеевичу Головину, к князю Ромодановскому, к Нарышкину, к ученейшим из архиереев и проч., дабы они старались разгласить в народе и вразумить его о том будущем солнечном затмении, что оно есть натуральное, а не сверхъестественное, и чтоб потому оно не принято было за какое-либо несчастное предзнаменование.

Так-то Великий Государь старался все предусматривать, и отвращать в народе всякия сомнения и устрашения. Одно из таковых писем помещается здесь подлинником.

«Господин адмирал!

«Будущего месяца в первый день будет великое солнечное затмение; того ради изволь сие поразгласить в наших людях, что оно будет, дабы в чудо не поставили понеже когда люди про то ведают прежде, то не есть уже чудо (Сие было в 1705 году).

Подобную предосторожность учинил Монарх и в 1709 году, в рассуждении ожидаемого незадолго до Полтавской баталии солнечного же затмения; письма его ко многим же о сем доказывают оно. Такие же предосторожности бдительный сей кормчий корабля государственнаго предпринимал и при всяких каких-либо мнимых

чудесных явлениях и происшествиях, в какое бы то время ни было, не упуская ни минуты времени, что все доказывает сколь природную остроту его ума и неусыпное за всем смотрение и наблюдение, столько и суеверие черни, удобной к поколебанию самым ничтожным каким приключением, или каким-либо внушением злонамеренных людей.

12. Благоговейное почитание таинств святой евхаристии

Но если великий государь осмеивал суеверие, если открывал обманы изуверов, ханжей и плутов, на прельщение народа и для своего интереса вымышляемые: то столько же, или и более почитал он истинную набожность, и изъявлял оную сам публично. Благоговейное почитание, какое имел он ко Святой Евхаристии, покажет нам следующее, очевидцами оставленное нам изустное предание.

Мы видели в Деяниях его, что деятельнейший монарх, где бы он ни был, ежедневно почти выезжал в какое-либо присутственное место или на работы, на воинския учения, на биржи, в торговые ряды, или для посещения кого; и всякой раз, когда случалось ему встретиться с Святыми дарами, несомыми священником к какому-либо болящему, обыкновенно сходил он со своей одноколки или санок (каковые экипажи по большей части при выездах своих употреблял он), и не только воздавал благоговейное поклонение, но какую бы он ни имел нужду, оставляя оную на тот час, подходил к Священнику, брал онаго под руку, и вел в дом болящего, какого бы тот ни был звания и состояния. Народ, при виде сего, поражался благочестивой набожности Государя, проливал радостные слезы, и сопровождал его; по приобщении же Священником Святыми сими дарами больного, благочестивый Государь подходил к постели его, поздравлял его с соединением со Христом Спасителем, и говорил, что если он принял его с истинною верою, то сей всеильный Спаситель и Искупитель наш исцелит его болезни душевные и телесные; «и я, примолвливал Монарх, не сомневаюсь увидеть тебя в скорости выздоровевшим и при должности и проч. тому подобное.

Таковое великодушнейшее снисхождение Самодержца приводило в радостное, так сказать волнение охладевшую кровь больного, и служило для него целительнейшим бальзамом, который тем большее производил над ним действие, что Монарх присылал к больному, хотя б он был матрос, солдат или самый беднейший из граждан, ежедневно наведываться о состоянии его; и присланный, в таком случае, обыкновенно говаривал, что государь прислал ему здоровье, и проч.

Ежели жё кто из них был беден, то сопровождал оное денежною помощью, присылкою к нему своего лекаря и безденежным отпуском лекарств.

Особа и передавшая нам сие, бывшая неоднократно свидетелем такового благочестивого действия и посещения Государева, уверяла меня, что редкий из сих больных не выздоравливал, и везде даже народ верил тому, и обыкновенно говаривали тогда о таком больном, котораго посещал монарх: он не умрет: государь его посещал. [\[153\]](#)

13. О розыске одного знатнаго боярина, и о приходе в застенок Патриарха с иконою

Мы выше упомянули, что суеверие царицы, его супруги, способствовало заключению её в монастырь; а сей Анекдот покажет нам и другую причину, много тому же способствовавшую.

Родственник сей царицы, Боярин... имел отчину в смежности с деревнями, принадлежавшими Московскому Архангельскому Собору. Крестьяне его, испотворованные, так сказать, господином своим, всегда обижали Соборных, по какой причине нередкия происходили между ними ссоры; и жалобы последних не были внимаемы. Однажды по случившемся спору в земле, боярин, или не войдя в разбирательство сих споров и ссор, или, что вероятнее, обманутый управителем своим, насаздавшим ему об озорничестве якобы соборных крестьян, в надежде на знатность свою, дал письменное повеление управителю своему, в в случае сопротивления соборных крестьян, бить их до смерти. Уполномоченный таким образом управитель еще более стал притеснять Соборных, и от сего произошла драка, и крестьяне первого, будучи сильнее последних, убили на месте побоища до смерти десять человек Соборных.

А как в сие самое время прибыл монарх в Москву из первого своего в чужие края путешествия, и соборяне ведая, что Государь, по сохраняемому им благоговейному почитанию к памяти родителя своего, прибует в Собор, для поклонения гробу его и совершения по нем панихиды, заготовили челобитную, в намерении положить тогда оную на гробе Царском, и тела убитых крестьян повелели привезти в Москву. В самом деле монарх прибыл в Собор, и по отслушании панихиды, по обыкновению пришел ко гробу родительскому для поклонения оному, усмотрел на нем бумагу, и спросил у протопопы: «Что это за бумага?» «Отец твой, – ответствовал Протопоп, – просит тебя великий государь, защитить от обид соборную церковь. Боярин твой убивает до смерти крестьян, принадлежащих оной, и суда на него нет». Монарх берет бумагу и прочитывает. Доказательства в оной насилия боярского были описаны ясно; они въ оной ссылались на самое письмо его, в коем он повелевал управителю своему бить до

смерти в его Голову, и с коего приложена была и копия, которую они достали. Между же тем, в продолжение панихиды, и самые тела были подвезены к собору, дабы Государь, по выходе из оногo, мог сам их увидеть. Излишне упоминать, сколь таковое насилие и убийство, должны были прогневать его, особенно в такое время, когда происходили розыски и казни бунтовавшим стрельцам, и когда, по следствиям открывались тайные оных единомышленники и из знатных. Государь выходит из собора! Протопоп указывает его величеству на тела убитых по приказу боярскому и монарх зрелищем сим еще более раздражается. Он не отлагает времени на расследование такого дела, которое ясное имеешь уже о себе доказательство; и повелевает тот же час послать в волость боярскую, поскольку в не дальнем была она от Москвы расстоянии, и привезти управителя того со всеми его бумагами и шествует прямо в Константиновскую башню, в которой производились розыски, приказав туда же привести и Боярина, на которого пришли до него жалобы. А поскольку обо всём происходившем в соборе уже дано было знать виноватому, то успел он между тем увидеться с Патриархом, и убедить его о предстательстве за себя у Государя. Наконец приведен был в башню оную сей несчастный. Гнев, с каковым спросил его Монарх, писал ли он такое письмо к управителю своему, привел его в замешательство; и он не мог от того отрешиться. После чего никто уже не смел заступаться за него; но Патриарх однако же принял сию смелость; он взял образ Богоматери, писаный святым Петром Митрополитом, и придя в башню оную, возопил: «Сама Владычица Небесная ходатайствующий за несчастного!»

Раздраженный этим еще более государь отвечает ему: «Зачем пришел ты сюда с иконою? Какое тебе здесь дело? Поди отсюда скорее, и поставь сей святой образ в подобающее оному место. Ведай, что я боюсь Бога и чту пресвятую его Матерь, может быть больше тебя; и знаю, что воля Её не различается от воли Сына её и Бога, который, дав мне скипетр, требует от меня правосудия и защиты вверенного мне народа. Поди и знай лучше свою должность».^[154]

Правосудие в делах каждого, без различия степени оказываемое, говорит один писатель, есть основание верности и послушания подданных.

14. О табаке

По невежеству тогдашнего времени верили всяким бредням; явилась книга, сказывают, с греческого на славянский язык переведенная, в которой табак назван проклятым и богомерзким, а употребление его грехом смертным; вследствие сего учинено было от Патриарха запрещение употреблять табак, что и указом царя Михаила Феодоровича в 1634 году подтверждено, с предписанием строгого наказания преступникам оногo; а по четырнадцати годах указ сей внесен без отмены и в Уложение. Петр Великий, стараясь истребить из мнения народа своего древние суеверия и предрассудки, вместо них не вводил ничего бесполезного, и позволив англичанам ввозить табак в Россию, к употреблению его подданных своих не понуждал; законов отца своего не нарушал и не порицал, но силе его от действия ослабеть безмолвным образом попустил благоволил. Табак нечувствительно стал входить в употребление. Видя это, Патриарх и клир церковный упомянутое проклятие табаку и употребляющим оный возобновили; однако ж привычка некоторых к табаку тем не унялась. Когда же монарх, по выезде своем из чужих краев отдал продажу оногo в Москве одному купцу на откуп, за 15 000 рублей в год: то Патриарх сего откупщика со всем его домом отлучил от церкви. Как же в сем случае поступил великий государь? Не употребляя власти своей, и не отменяя закона отца своего, сумел он уговорить Патриарха к перемене его мыслей, представив ему, что употребление табаку попущено в России для иностранцев, приезжающих и живущих в ней, и ничего запретить им не можно; а привычка у них к оному так велика, что, если запретить употребление его, то значит оное будет запретить въезд их в Россию, и проч. И так Патриарх снял святительскую клятву свою с помянутого дома невинного откупщика.

О сем самые иностранцы писали, и в Лейпцигских Деяниях ученых сие видеть можно.

15. Происшествие об украденном кувке, во время пребывания его величества у иностранного купца

Известно из Истории Петра Великого, что его величество крайне обласкивал приезжавших в Россию купцов иностранных; не редко посещал их в Немецкой слободе, приезжая к ним на пиршества и ужины. Особливо любил он Голландцев: Бранта, Лювса, Гутфеля и Гоппа. Желая вложить склонность к ним и к их обхождениям, в невесток и сестер своих, привозил иногда и их на таковые вечеринки.

В одно время Монарх пригласил с собою старшую невестку свою, царицу Марфу Матвеевну к Гоппу в собрание. Его величество имел привычку пить из одного кубка, или стакана; и иностранцы зная сие, поставили пред ним обыкновенно один, из коего он в каждой приезд свой пивал. У Гоппа был для его величества. К сему был назначен один серебряный кубок с крышкою, весьма искусной работы.

После ужина продолжались разные забавы, как то: музыка, танцы, и проч. Монарх, захотев пить, попросил меду; но видя, что ему не подают оного, сказал хозяину: если весь мед изошел у тебя, так вели подать полпива^[155]. Тот ответствовал, что мед есть, но кубка того, из коего ваше величество жалуете пить, не могут отыскать, и сказывают-де, что во время уборки со стола пропал он. «Поэтому, – сказал Государь, – его украли, и вору должно быть в доме. Я, – примолвил Монарх, – его найду», и тотчас приказав запереть ворота дома, и никого не выпускать из него, и а также из покоев на двор; вышел сам, велел всем людям бывшим на дворе предстать пред собой, спрашивал у каждого не выходил ли кто из покоев на двор после стола? Один из них сказал, что видел выходящего к царицыной карете пажа ея величества. Паж сей был Юрлов. Монарх пошел к сей карете, осмотрел все в ней, и нашел тот кубок.

Все сие происходило без шуму, и Царица ничего того и не заметила, меньше же еще, чтобы кто-то из её людей мог сделать что-либо непристойное. Сим всё дело и кончилось; и Монарх казался по-прежнему спокоен; но при разъезде распростившись с хозяином и гостями, подойдя к невестке своей, потихоньку сказал ей: завтра

поутру в восемь часов пришлите ко мне пажа вашего Юрлова, которому нечто надобно приказать.

Царица, по прибытии в комнаты свои, призвала к себе сего пажа, спрашивала у него, не сделал ли он в доме Гопповом чего непристойного; ибо Государь велел тебя завтра прислать к себе, чего никогда прежде не бывало. Тот, упав к ногам её признался в краже кубка, и что сам Государь нашел оный в карете её, где он его спрятал. «Что ты сделал проклятый? – сказала Царица, – Ведь Государь засечёт тебя, или навечно запишет в матросы, или по крайней мере, в солдаты». Слезы, страх и раскаяние сего пажа привели в такую жалость добросердечную Царицу, что она, дав ему несколько червонных, велела спасаться, как он знает. Виноватый тою же ночью выбрался из Москвы, и ушел, как было после узнано, в Вологду.

Монарх поутру не видя в назначенной от него час Юрлова, послал за ним к царице; но сия ответствовала, что не могла его сыскать. Его величество, увидясь с нею, открыл ей, что сей молодой человек сделал ей и всему двору нашему позор, украв у Гоппа кубок, и должно его за столь постыдное воровство наказать; а без того может остаться он навсегда бездельником и негодным ни к какой должности. Невестка сия призналась также, что сие уже она ведает от него самого, но что слезы и раскаяние его убедили ее отпустить его, и что она не знает, куда он ушел. Монарх сделав ей довольно чувствительной за сие выговор, сказал, что жалость её погубила его, а можно бы сего молодого и проворного детину еще исправить и употребить со временем в какое-либо полезное служение. [\[156\]](#)

16. Грубость Воронежских граждан, тронувшая чувствительно государя

Ежели мы видели выше (12 Анекдот) описанную грубость знатного дворянства, то какая уже должна быть она в нижнем звании людей, а паче отдаленных от столицы?

Сему доказательство представляет следующий Анекдот. Великий Государь, устроив в Воронеже корабельную верфь, многократно приезживал в город сей. В великой пост потребовал его величество кислой капусты; послал он было за оною к членам Магистратским, состоявшим из тамошнего купечества; но сии, будучи тогда в собрании, посоветовались о том и заключили: что, если один раз дадим требуемой капусты, то уже и всегда не только к Государю, но и ко всем при нем находящимся отпускать ее будем принуждены; а чрез то и у самих нас скоро в оной последует недостаток. И так рассудив они отказать в оной, что будто бы нет её у них нету. Монарх ведал, что сие происходит от одного грубого их воспитания, не огорчился на них, но почувствовал только крайнее сожаление о такой их грубости. Он послал одного из денщиков своих осмотреть у самих тех членов ледники; сей нашел в них целые чаны оной. Великий Государь, призвав их к себе, с отеческою милостью представляет их глупость и грубость, что они Государю своему, пекущемуся об их благосостоянии отказывают в незначущей малости, имея оной у себя с излишеством. Не могли они не почувствовать и милости его и своего непростительного проступка в отказе капусты; упав к ногам его со слезами, просили в том его прощения. Монарх, сделав им еще увещание, прощает их, пригрозив однако же, что если они впредь подобное сему учинят, то страшились бы гнева его.

17. Князь Меншиков выбривает бороды сим членам и одевает их в немецкое платье, к великому удовольствию государя.

Суеверие в то время столько владычествовало над умами, что самое, так сказать, ничтожное представлялось грехом смертным, как-то: бритье бороды, покррой платья, не сообразного с платьем предков их; самых членов Магистратских в помянутом городе никак не мог уговорить Государь, обрить бороды и переменить платье.

Они хотели лучше платить штраф и нести гнев его, нежели согласишься на такое, по мнению их, преступление. И хотя сие прискорбно было его величеству: но он не хотел принудить их к тому властью, а ожидал того от времени и от воспитания детей их.

Князь Меншиков, желая угодить Государю, изготовив для всех сих членов магистратских немецкое платье, даже до рубашек. Накануне праздника Пасхи, пред самою уже заутренею, призвал их всех к себе, и объявил им, будто бы именной его величества указ, чтоб они тотчас или обрили бороды и оделись в Немецкое платье, или бы готовились в ссылку в Сибирь, указав им на приготовленные уже к тому и подводы; и что не допустит он их даже проститься с женами и семейством их, но тот же час увезут их, ежели они явятся ослушными указу.

Поднялся плач, рыдание и вопль. Бедные сии люди упали к ногам его, просили милости и заступления у государя, говоря при этом, что они готовы все сделать, нежели растлить (как они говорили) образ божий, и что лучше согласятся потерять головы, нежели бороды и проч. «Голов вы не потеряете», – отвечивал князь; но он не смеет просить Государя о перемене своего указа, – и так должны вы сейчас садиться в кибитки». При сем слове по приказу его вошли солдаты и готовились вести их к кибиткам. Предрассудок был столь силен, что они с плачем и рыданием согласились лучше ехать в заточение, нежели лишиться бород; но как однако же повели их из покоев на двор, то один из них, который был помоложе, любя свою жену, при пролитии горьких слез перекрестясь, сказал: «Буди воля Божия!» – и согласился на обрить бороды. Тотчас обрили ему оную, что видя и все другие, тем же сожалением о женах, детях и домах своих будучи тронуты,

один за другим согласились последовать примеру товарища своего; и так были они обриты и наряжены в немецкое платье. Князь, видя однако же неутешно их плачущих, утешал их, говоря, что нет в том никакого греха, когда волосы будут обрезаны; но в том грех, если будут заповеди Христовы и Апостольския не сохранены, а одна из заповедей сих поучает, что противляющиеся предержавшей власти противятся повелению Божию: несть бо власти, аще не от Бога.

Все сие продолжалось даже до заутрени. Когда уже Монарх был в соборе, тогда князь пришел с ними в оной и поставил новопретворенных сих за крылосом. Монарх сначала не приметил их входа, но в продолжение заутрени, нечаянно оглянувшись, увидел стоящих в новых немецких кафтанах одинакового цвета, и не в силах узнать их, подозвав к себе князя, спросил: «Что это за люди?» Князь донес, что это члены здешнего магистрата. Государь настолько обрадовался тому, что тот же час сошел к ним с крылоса, и прежде еще времени поцеловал каждого из них, говоря: Христос воскрес! Благодарил их, что они для праздника так его обрадовали, и оборачивая каждого из них, говорил: «Ах! какие молодцы, посмотрите пожалуйста, те ли вы стали, какие были прежде?» – А на другой день праздника пригласил их к столу и пил их здоровье.

Пример сей доволен к доказательству как того, что одинаковое чувство было у жителей и всех других отдаленных от столицы городов, так и того, насколько желал монарх их просвещения.

18. Поступок Петра I с Воронежским архиереем Митрофаном

Презрение к пышности и роскоши, нетрудолюбие и воздержание, милосердие и вспомоществование неимущим, кротость и непамятозлобие, любовь в пастве и отечеству, украшали сего Пастыря словесных овец; овцы сии любили его как отца своего; и Петр Великий содержал его в отличной милости.

Когда Великий Государь, устроив в Воронеже верфь корабельную, сооружал флот, к поражению турок и к отнятию у них Азова, необходимо нужный и тогда сей Архиерей, от избытка, так сказать, усердия своего к Государю и отечеству, в простых, но сильно над сердцами народа действующих поучениях, возносил хвалами намерения Государевы и увещевал трудящихся в работах и весь народ к ревностному содействию отеческим попечениям сего Монарха. А когда проведал он, что происходила, в деле том некоторая остановка от недостатка в казне денег, то он оставшиеся у него от благотворений его 6000 рублей серебряными копейками привез к Государю, и вручая оныя его величеству, говорил: «Всякий сын отечества должен посвящать остатки от издержек своих нужде государственной; прими же государь, и от моих издержек оставшиеся сии деньги, и употреби оныя прошив неверных».

Можно представишь, с какою милостью принял монарх такое свидетельство любви к отечеству и бескорыстия сего добродетельного мужа. Нелестность усердия доказал он и в продолжении, отсылая накопившиеся у него от издержек деньги к Государю, а в отсутствие его в Адмиралтейское казначейство, при записках своих: «на ратных».

Следующее происшествие еще более докажет, насколько монарх уважал его добродетели.

Его величество имел маленькой свой дворец на островке реки Воронежа; вход в оный украшали статуи языческих богов, как-то: Юпитера, Нептуна, Минервы, Геркулеса, Венеры и других. Однажды монарх велел сему архиерею быть к себе во дворец сей. Старец тот же час пошел: но войдя во двор, и увидя названные статуи, в числе коих и нагую Венеру, повернулся назад и ушел. Донесли о сем Монарху. Его

величество, не понимая причин странного сего поступка, снова послал за ним но сей добродетельный, но простодушный и неученый пастырь, сказал присланному: «Пока Государь не прикажет свергнуть идолов, соблазняющих весь народ, то он не может войти во дворец его; великий государь не мог не огорчиться на него; он послал вторично к нему с таковым указом, что если он не придет, то ослушанием предержавшей власти подвергнет себя смертной казни. «В жизни моей Государь властен, – отвечивал он. – Но не прилично христианскому государю ставить языческих идолов и тем соблазнять простые сердца». Итак, охотнее он примет смерть, нежели присутствием своим одобрит сих языческих чтителищ.

Сколь ни был государь раздражен таковым грубым ответом и непослушанием архиерея сего, и но любя и почитая в нем добродетели его, снес сие терпеливо, поелику же происходило сие уже пред вечером, то монарх, услышав благовест в соборе в большой колокол, спросил: разве завтра праздник? но как ответствовано, что не было никакого, то повелел Монарх узнать сего причину от самого архиерея. Что же отвечивал он присланному к нему? «Понеже мне от его величества сказана смерть, того ради он, яко человек грешный, должен пред смертью своею принести Господу Богу покаяние, и испросить грехов своих прощение соборным молением; и для сего-то назначил он быть всенощному бдению.

Государь, получив такой ответ, вместо того, чтоб более еще прогневаться, не мог удержаться, чтоб не рассмеяться; и тот же час послал ему сказать, что он его во всем прощает, и для того перестал бы тревожить народ необыкновенным звоном; сего еще не довольно: снисходительнейший Государь повелел снять соблазвившие его статуи. Архиерей, на другой сего день узнав доподлинно, что статуи те сняты, пришел к Государю благодарить его за оное. Какой был при сем между ними разговор, не известно, то только верно, что Великий Государь не отменил к нему ни любви, ни уважения своего; он пожаловал еще дому архиерейскому несколько крестьянских дворов; и в каждый приезд свой в Воронеж заезжал наперед к нему. Когда же Монарх в один приезд свой, по обыкновению, заехал прежде к нему, то найдя его при самой уже смерти тронут был тем даже до слез. Чувствительный Государь пробыл у него до самой его кончины, и своими руками

закрыв ему очи, и дав повеление заготовить всё к приличному его погребению, вышел весь в слезах.

Когда же настал день погребения: то Монарх на вынос тела его прибыл со всеми знатными, и морскими офицерами и мастерами корабельными, и когда готовились духовные поднять гроб его, тогда Великий Государь, обратясь к пришедшим с ним и сказал: «Стыдно нам будет, если мы не засвидетельствуем нашей благодарности благодетельному сему Пастырю отданием ему последней чести; и так вынесем тело его сами. При слове сем Монарх принялся первый за гроб его. А по отпетии погребальной панихиды, его величество вместе с вельможами и офицерами своими поднял гроб и опустил оный в землю.

Так Великий Государь почитал добродетели, и забывал досады, когда не от злости и коварства оные происходили. [\[157\]](#)

Такие благородные чувствования имел Кай Юлий Цезарь. Когда спросил у него однажды консул Манилий, чем бы удобнее думал он снискать вечную славу? «Прощая легко обиды и награждая щедро верность и добродетели, – отвечивал сей Герой Римский.

19. Монарх сам собою испытует: доволен ли к пропитанию солдата определенный ему паёк!

Известно всему свету, что великий государь, в нежных еще возраста своего летах, сделал начало регулярного войска, в которое записавшись сам сначала барабанщиком, потом солдатом, проходил звания сии не словом, но самым делом, исправляя все должности оных, как-то: стоял по очереди на карауле; спал с солдатами в палатке, носил одинаковый с ними мундир; возил зёмлю к крепостному строению на тележке, собственными его же руками сделанной, и ту же с ними принимал пищу и проч., и все сие для того, дабы подать собою пример беспрекословного начальникам послушания; и чтоб изведать собою же, может ли ли солдат понести всю предписанную ему службу? Но все сие происходило, как сказано, в нежном еще возрасте лет его; почему и казалось это игрою только детскою.

Известно, также, что из сего малого начала родилась скоро целая и великая армия, что введена в оную строгая дисциплина, определено каждому жалованье и пайки хлеба, круп и соли, чем себя должен содержать солдат; и что монарх и по учреждении армии сей проходил сам службу и жалован наряду с прочими в чины, и проч.

Не известно может быть то, что Великий Государь всякое такого рода учреждение не прежде издавал, как испытал прежде собственным опытом, возможно ли исполнить оное? Итак, когда учредил он помянутые солдатам пайки: то, прежде нежели издал о сем закон, захотел испытать собою же собственно, может ли солдат быть пайком тем сыт? Для сего, так как и в показанном нежном возрасте своем принял паки на себя в строгой точности всю солдатскую службу; и целый месяц, служа с ними наряду, довольствовался определенным солдату пайком, ничего к нему другого не прибавляя. По таковомь испытании Великий Государь вступив паки, так сказать, в права свои, сказал окружавшим его: Слава Богу, теперь я уверился достоверно, что определенный паек, солдату к его безнужному продовольствию доволен. Ибо, примолвил Государь, когда я, по возрасту и силам моим, большее количество требую пищи к своему насыщению, нежели

многие из солдат моих: то конечно уже каждой из них будет совершенно сыт.

Черта, отличающая его от всех великих полководцев и законодателей! Достоверность сего происшествия не сомнительна потому, что повествовавший о сем, сам имел счастье служить при великом государе, в гвардии его капишаном, и быть с ним во многих походах, и что сие тогда было известно всем, и рассказываемо как дело, не подверженное ни малому сомнению. [\[158\]](#)

20. Монарх выпрашивает у одного купца сына, обещает сделать его счастливым, но сын сей под Нарвою пропадает без вести, и отец подает на государя ему же о том челобитную

Великий государь, отправясь из Москвы в 1700 году под Нарву, имел на пути своем квартиру одного посадского, и увидел сына его, молодца видного, лет восемнадцати, который так ему понравился, что он пожелал иметь его в гвардии своей: однако ж он хотел, чтоб на шо согласился и отец его. Он предложил о том ему, обещая доставить сыну его счастье; купец представляет монарху, что он один только у него и есть, и которой в промысле его великою ему служит помощью, и для того просил не отлучать сына от него. «Ты не разумеешь своей и сыновней пользы, – отвечает Государь; – я его полюбил, следовательно можешь и ты надежно положиться во всем на меня; притом же ты не на веки расстанешься с ним; но получишь его обратно, и уже офицером, а может быть увидишь и при такой должности, что благодарным ко мне останешься навсегда; и так не противься, друг мой, примолвил великодушный Государь. Нельзя было не уступить столь убедительной просьбе самодержца, могшего и безъ того взять его. И пиак Мрнархъ взяль его сына с собою, записал его в Преображенский полк, и отдал его как бы на руки генералу Вейду.

Но как известно, в отсутствие монаршее из-под Нарвы, армия Российская быда разбита; то и сей молодец пропал без вести.

Несчастный отец, пораженный потерей своего сына, в котором одном только и полагал он всё своё утешение, впал в несказанную горестъ, отстал от промысла своего и непрестанно оплакивая его, пришел в великой упадок и скудость, наконец, по прошествии одиннадцати лет, получил он письмо из Стокгольма, от князя Якова Федоровича Долгорукого, бывшего, там в полку, что сын его жив и находится с ними в полку же. Обрадованный сим отец утешается надеждою видеть его; и узнав, что Монарх прибыл в Петербург поехал туда и написал челобитную на полковника Преображенского полка Петра Михайловича, т. е. на Государя, в которой прописал, с каким

обнадеживанием полковник сей взял у него сына его, которого он лишается, впал, в крайнюю печаль, и от того отстал от промысла своего и пришел в скудость; а как наконец извещен он, что сын его жив и находится в Швеции в плену, то и просит, выкупя его, возвратить ему, и за убытки понесенные им, прописав именно сколько их, наградить его, и проч.

Сию челобитную подает он Государю, бывшему тогда на Адмиралтейских работах, и просит учинить ему справедливое удовлетворение в обиде. Монарх, не принимая просьбы, говорит ему: старик, ты знаешь, что есть на то учрежденные места, и должен ты подать свою челобитную в то из них, куда она по содержанию своему следует, а меня не беспокоить; ты должен ведать, что самому мне во всякое дело входить за множеством дел государственных не можно; но старец отвечает: ведаю, Государь, всё сие, и знаю указы твои, чтоб самому тебе не подавать челобитен; но дело, о котором я прошу, такого рода, что челобитной моей не примет никакое судебное место, ибо ответчик никому не подсуден.

Удивленный Государь спросил: «Да кто ж бы он был такой?» «Ты сам, надежда Государь, и на тебя-то престарелый и удрученный печалью старец бьёт челом». При сем старик залился слезами, напомнил ему о сыне своем, с каким обнадеживанием он его выпросил у него; что потеря сия ввергла его в смертную печаль, от которой отстал он от промыслов своих и совсем разорился.

Великий Государь принимает челобитную, прочитывает оную и не говоря ни слова, тот же час, описав обстоятельство дела, как оно происходило, без имен челобитчика и ответчика, посылает оную в Сенат с повелением, рассмотря решить по правоте, должен ли ответчик выкупить сына, и возвратишь все показываемые отцом его убытки, понесенные от печали, лишением сего сына его.

Сенат, получа таковое повеление, решил: «Что челобитчик лишился сына по тому одному, что положился на уверение ответчика сделать его счастливым, но который не только не сдержал обещания своего, но лиша отца сына, столько лет без вести пропадавшего, был причиною всего его несчастья; а потому ответчик и должен 1-е, сына его из полону выкупя, возвратить отцу, и 2-е все показанные сим отцом убытки возвратишь же».

Монарх на другой день прибыв в Сенат, спросил о сем деле, решено ли оно? Ответствовано, что решено, и решение сие подано его величеству. Государь, прочтя оное, объявил, что сей ответчик есть он сам; благодарил за справедливое и беспристрастное решение; и потом повелел, во чтоб то ни стало, выкупить сего сына. А как упорный король шведский не хотел и слышать о размене пленных: то должно было отдать за одного его нескольких пленных шведских офицеров. И так выкуплен был сей сын; и Великий Государь имел удовольствие, пожаловав его офицером гвардии, возратить его отцу, заплатишь все понесенные и от него показанные убытки его, и сверх того щедро еще наградить его, с таким определением, чтоб сей сын в утешение родителя остался при нем до его смерти, а потом бы^[159] вступил в службу.

21. Монарх берет у одного старого дворянина на службу сына, а другого сына оставляет ему, но когда и сей был общим указом взят на службу, возвращает его отцу

Во время сего под Нарву похода, великий государь, в новгородском уезде едучи близ одного дворянского дома, заехал в оный, и войдя в дом, нашел престарелого хозяина и при нем двух его сыновей. Обрадованный посещением государя старец, просит удостоить его откушать у него, но его величество, отговорясь от того поспешностью своей, выкушал у него рюмку водки, и выкушав, спросил у старика, записаны ль дети его в службу? «Нет, ваше величество, старость моя сему причиною, дабы отлучением их от себя не умереть мне прежде времени от печали». «Но ты знаешь, ответствует Монарх, что службу государственную должно предпочитать нуждам и прихотям своим, и ведаешь же ты и мои о том указы. По крайней мере, продолжает Государь, должен бы ты был хотя бы одного из них отдать в службу. И так снисходительный Государь повелел старшего из них записать и взять под Нарву, сказав отцу, что «в утешение старости твоей до самой смерти твоей оставляю при тебе младшего». Старик, хотя и с сожалением, принужденный расстаться с одним, благодарил Монарха за милость его оставлением при себе другого.

К несчастью сего старого дворянина, сын его был убит под Нарвою; и поскольку к другому проходу велено было поголовно всем дворянам быть на службе: вследствие того взят был у него и другой его сын. Старец в неизреченной будучи горести; дождавшись государя, ехавшаго под оный город, подает его величеству, и на него же самого челобитную в несдержании слова, по коему оставил он при нём до смерти другого сына его. Монарх, принимая от него бумагу, спрашивает: «На кого ты просишь?» «На тебя самого, Государь, и у тебя же прошу справедливости, ответствует огорченный старец».

Великий Государь прочитывает оную, припамятывает обещание свое, и говорит старику: «Просьба твоя справедлива; и слово мое

должно быть сдержано; но он взят на службу по генеральной высылке всех дворян, а отнюдь не для того, чтоб не хотел я сдержать моего слова, оставлением при тебе сына твоего. И так, – заключил Государь, – оставляю его при тебе по первому слову моему»; – и тот же час дал повеление возвратить его отцу. Старый сей дворянин до смерти своей не переставал превозносить, с пролитием благодарных слез, правосудие и милость великого монарха. [\[160\]](#)

22. В критическом состоянии монарх принимает совет одного пьяного пушечного мастера

Великий Государь получил в Новгороде известие о совершенном поражении войск своих под Нарвою, в первую осаду города сего; и о том, что артиллерия и денежная казна достались неприятелю.

Хотя видели мы, с каким равнодушием принял Монарх сию печальную новость, но должно было однако же в самом скором времени иметь ему новую артиллерию; меди же, из коей вылить оную надлежало, не было, и достать из других государств так скоро ее было невозможно. Естественно сие должно было привести Монарха в крайнее недоумение; но в то самое время видит он расхаживающего взад и вперед против окошка своего, в размышлении одного худо одетого человека, и повелевает спросить его, чего он хочет. Тот отвечает, что он пришел помочь горю государеву. Монарх повелевает представить его к себе, и спрашивает, какое имеет он до него дело? Прикажете, всемилостивейший государь, прежде поднести мне рюмку вина, умираю с похмелья, а денег нет ни полушки. Из такой смелости заключает Монарх, что он нечто дельное представить ему хочет, и повелевает поднести ему добрую чарку. «Говори же!» – продолжает Государь. «Ваше величество думаете теперь о потере артиллерии, и где взять меди на вылитие новой, не правда ли?» Монарх ожидает продолжения такой речи, которая началом своим уже возбудила в нем любопытство. «Ну! говори же, далее!» – сказал монарх. Прикажете, ваше величество, подашь другую чарку вина, истинно не опохмелился одною. Сколь ни должна быть досадна таковая наглость, но содержание начатой речи было довольно важно, чтоб дослушать оную, и повелевает царь подать ему другую чарку. Теперь он доволен и продолжает опохмелившийся: меди, Государь, у тебя много, незачем так о ней и думать: сколько излишних и ненужных при церквах колоколов? Что мешает тебе взять целую половину оных и употребить на вылитие стольких пушек, сколько тебе угодно? Нужда Государственная важнее многих колоколов; и половины оных с лишком довольно для того предмета, для которого они сделаны, а

после того, как Бог даст, одолеешь ты своего противника, из его же пушек наделать можно колоколов сколько хочешь: к тому же (заключил он) есть из них много разбитых и без употребления».

Монарх, выслушав сие, улыбнувшись произнес: «Камень его же небрегоша зиждуции, сей бысть во главу угла»^[161]. Какое награждение учинил Государь сему пьяному, неизвестно; а известно только то, что по сему совету было поступлено, и в ту же еще зиму из колоколов было вылито достаточное число пушек.

Пьяный сей был пушечный мастер; престарелый пушкарь, знакомец его, бывший очевидцем сего случая, о том рассказывал.^[162]

23. При столь же критическом положении монарх повелевает начальнику Оружейной палаты переделать в деньги всю серебряную посуду и вещи, хранившиеся в той Палате

Хотя предписанным образом Великий Государь мог доставить себе новую артиллерию на место потерянной под Нарвою: но денег достать в то же время было не так легко.

В сем критическом положении Монарх писал в Москву к начальнику Оружейной Палаты и Председателю Приказа большой казны Князю Петру Ивановичу Прозоровскому, чтоб он всю посуду и вещи серебряные, хранящиеся в помянутой палате, переделать в деньги, и назнача сумму, какая необходимо нужна была, прислал оную к нему как можно скорее.

Князь отвечал, что он исполнит то повеление, и через малое время в самой вещи доставил его величеству требуемое число новобитою серебряною монетою.

Монарх, получив сию самую сумму, остался в том мнении, что точно были переделаны в деньги. На самом же деле, посуда и вещи оные остались в целости. Князь, будучи еще при царе Алексее Михайловиче главным казначеем и первым в помянутом Приказе большой казны, из патриотического усердия во время казначейства своего, поступающие в казну доходы государственные сохранял, и из оных в расходы употреблял с такою бережливостью, и как бы сказать прижимкою, что всегда оставалось у него за расходами довольно; а из сих остатков отлагал он ежегодно на случай непредвиденной какой Государственной нужды некоторую часть; и таким образом накопил он нарочито знатную сумму. Сумма сия была у него непроницаемым никому таинством, и он сохранял ее в таком месте, которое только ему, и может быть еще одному кому из довереннейших его, была известна. Так сие было даже до сказанного несчастного под Нарвою сражения. Когда же получил он помянутое Государево о переделе посуды и вещей повеление, и увидел ту нужду, для которой он сохранял накопленные им деньги; тогда то он и употребил их столь кстати. Он повелел собрать и

принести в свой дом всю ту посуду и вещи, и разгласив, что оная переделается в монету, сокрыл оную в тайном же месте, а на число затребованной монархом суммы, взяв из оных запасных старых денег, переделал в новую монету и отправил оную к Государю. Все сие неизвестно было даже до одержанных в Лифляндии над шведами побед, и до приезда монарха в Москву, для торжествования оных^[163]; и когда для торжества сего между прочим надобно было убрать и Грановитую Палату, и великий Государь, для распоряжения сего украшения будучи с князем сим в Палате оной, сказал: «И жаль, да не чем пособить, жаль что нет уже тех вещей и посуды, чем убиралась оная прежде». «Можно и теперь убрать ее также», ответствовал князь. «Да чем?» – пресек его речь Государь. «Посудою же». «Но где посуда? ведь она переделана в деньги». «Нет, не переделана, – сказал на сие князь, – а спрятана». «Как спрятана? Как спрятана?» – перебил речь его удивленный государь. «Спрятана, я тебе сказываю». «Да где ж ты взял присланные ко мне деньги?» «Из кладовой». «Из какой кладовой? Разве я не знаю, что нет запасных денег?» – «Не прогневайся, Государь, ты не знаешь; у меня на случай нужды сбережена довольно знатная сумма, о которой кроме меня по сие время никто не ведает, и которой еще довольно осталось на таковые же нечаянные нужды». При сем князь рассказал Государю всё, каким образом накопил он ее.

Монарх нечаянностью таковою будучи удивлен, а верностью и ревностью князя сего поражен, обнял его, поцеловал, и просил показать ему место то и остатки денег.

«Изволь, покажу, – ответствовал Князь, – только не прогневайся Государь, с договором: не брать с собою Меншикова, и не открывать ему сей тайны, а то он размытарит все остатки те».

Монарх обещал сие, и дал слово не открывать того Меншикову.

После сего Князь ввел Государя при свете фонаря в один тайник, и показал ему в оном еще целый угол наваленных денег. Его величество, обозрев оные, своими руками отложил десять больших мешков на сторону. «На что это?» – спросил у монарха князь. «Это тебе», – ответствовал Государь.

«Мне, – сказал князь, – я бы мог давно и всю казною сею овладеть, не опасаясь извета, ежели б хотел, и не побоялся Бога нарушить крестное мое целование. Но мне не надо; ты знаешь, Государь, – продолжал Князь, – что я, по милости Божией, предков

твоих и твоей доволен и своим; и притом одну только имею дочь, которая и без того нарочито богата будет.

Читатель может сам заключить, насколько столь примерная верность, честность и заслуги приятны были правосудному и чувствительнейшему Государю! следовательно особенную признательность изъявил он сему почтеннейшему мужу, и все сыны отечества должны изъявлять к бескорыстию и патриотическому усердию к отечеству сего великого человека. [\[164\]](#)

24. О приезде в Петербург первого голландского корабля, и как государь принял шкипера оного

1703 года в начале ноября, прибыл в С.-Петербург первый торговый голландский корабль; сколько же этому обрадовался государь, покажет следующий анекдот. Монарх узнал о сем корабле накануне прибытия его в Кроншлот; но как в заливе между Петербургом и Котлина острова (как тогда назывался тот, на котором построен Кронштадт), находятся мели, то его величество, вместо того, чтобы послать кого провести его, принял оно на себя. Он нарядясь матросом, как и все на шлюпке его одеты были, встретил его у мелей залива; взошел на корабль, и поздравив шкипера по-голландски с прибытием его первого в заводящийся новый порт, объявил, что прислан он от губернатора проводить его до пристани, предупреждая тем, чтобы не наехать ему где на мель. И сказав это, сел в свою шлюпку, велел шкиперу карабля следовать за собою. Таким образом счастливо проведя его, пристал с ним к пристани на Васильевском острове у дома губернатора того князя Меншикова, в котором ему и всем матросам назначена уже была квартира. Хозяин встретил их у пристани, пригласил шкипера и всех матросов к столу своему; а дабы они не имели заботы о корабле своем, то явилась гвардейская команда, и объявлено было шкиперу, что прислана она от Государя, для караула и безопасности корабля сего. И так монарх, введя их в дом княжий, посадил всех их с собою, хозяином и прочими знатными особами за приготовленный уже к приходу их стол. Тогда-то шкипер сей и его матросы в лице провожатого своего узнали Монарха! Можно вообразишь их изумление; однако ж скоро они вышли из оного, вспомнив, что Великий Государь, в бытность свою у них в Амстердаме, работал в тамошнем Адмиралтействе, как простой плотник, а иногда и матросское исправлял звание; а при том видя ласковое, или даже дружеское его с ними обращение, несколько кубков выпитых ими напитков сделали их еще смелее, так что забыли они, что видели в мнимом матросе Государя; и когда таким образом веселились, в то время выгружены были из корабля все их товары в амбары

княжие, и показаны покои, назначенные им для житья, доколе они пробудут в Петербурге. Наконец монарх, угостя их до довольной, так сказать, степени охмеления, побратовался со шкипером, и отведя его в назначенную ему комнату, пожелав ему с его матросами доброй ночи, оставил их. Поутру прибыл к нему Государь, объявил ему, что все бывшее и оставшееся на корабле охраняется надежным караулом, и потребовал от него реестра грузу; оный состоял из разных вин и испанской соли; дал позволение беспошлинно продавать все по вольной цене, а между тем купил для употребления двора своего знатную часть вин и соли; рекомендовал всем знатым господам последовать в том примере своему, и в краткое время весь сей товар его раскуплен был со знатною для него прибылью. Когда же изготовились они к отъезду, то снова угощены были за столом князьим; и монарх, присутствовавший тут же, подарил шкиперу 500 червонных, и каждому матросу по 300 ефимков; и притом сказано было, что первому после его торговому же кораблю оказан будет такой же прием, и в награждение дается шкиперу 300 червонных, а матросам по 200 ефимков; второму за тем кораблю, по соразмерности сего же, учинено будет награждение, и проч. Наконец его величество, не взирая на столь позднее время года, выпроводил корабль сей сам до Кроншлота, обнял шкипера и пожелал им счастливого пути.

Шкипер сей и матросы тронуты были при прощанье сем даже до слез; им все время пребывания их в Петербурге представлялось как бы приятнейшим сонным привидением: столь-то казались им милостивые поступки с ними Великого Государя чрезвычайными и невероятными, каковыми они были поистине и в самой вещи.

Настолько желал Монарх привлечь в любимый город иностранную торговлю^[165].

25. О подобном монархом приеме первого английского торгового же корабля, прибывшего в С.-Петербург

Из первых английских купцов, которые при Великом Государе прибыли в С. Петербург, был Томсин-Фогул и Компания. Сей Томсин, торговавший долгое время в России, выехал в отечество, уже по кончине его величества, с знатным капиталом и с преисполненным благодарности к великому сему монарху сердцем. От него дошел до нас следующий анекдот.

Первый торговый Английский корабль, прибывший к новому С. Петербургскому порту, не зная залива Финского, на пути своем от Котлина острова до Петербурга, наехал на мель, с которой никак не мог уже сняться. Государь, знавший уже, когда корабль сей из Кроншлота должен был отправиться, поехав на встречу ему, как и первому, в шлюпке, одевшись в шкиперское простое платье, а всех бывших при нем Господ, должность гребцов исправлявших, нарядил в матросское. Монарх, увидев англичан, трудящихся в снятии с мели корабля своего, подъехал к оному, и спросил по-голландски, что за корабль? Получив же ответ, что английский, но что не зная залива сего, сбился с фарватера и попал на мель, великий государь, как истинный шкипер, с мнимыми матросами своими, тот же час принялся помогать им, и с великими трудами, целой час продолжавшимися, стащили его с мели; потом велел оному следовать за шлюпкою своею, и привел его счастливо к самой бирже, Сие благодеяние было крайне чувствительно англичанину; он позвал господина шкипера на корабль свой, и в изъявление благодарности поднес ему лучшей шерстяной английской материи на шкиперское плашье; но господин шкипер, не взяв подарка, сказал, что со своего брата шкипера стыдно и грешно взять что-либо за такое дело, которое на море им общее; ибо легко случиться может впасть и ему в такое же несчастье; однако же по усиленной просьбе англичанина обещал, в знак дружбы своей, принять подарок, ежели пожалует он и с матросами своими завтра к нему отобедать. Англичанин сие обещал; условились о часе, в который мнимый шкипер пришлет к нему одного из своих матросов проводишь в его

квартиру. Матрос сей в назначенный час к нему явился; и англичанин ни мало не воображая, чтобы звавший его на обед был другой кто иной, а не шкипер, без всяких чинов пошел с присланным. Когда же сей привел его к дому, пред которым стоял на плац-параде гвардейский караул, то шкипер спросил, что это за дом? Дворец Государев, – ответствовал провожатый. – Так куда же вы нас ведете? – К шкиперу; но я проведу вас через дворец, ибо тут гораздо ближе. Он нечувствительно вводит его в комнаты, и пройдя две; в третьей шкипер и матросы увидели одолжившего их шкипера, уже в виде монарха, стоявшего с монархиною и окруженных придворными чинами.

Можно себе представить, в какое должен был он и матросы его приведены быть изумление от столь неожиданной сцены. Они сделались неподвижны, и не смели даже очей своих поднять; но тот же час выведены были из изумления своего, когда его величество, подойдя к шкиперу, взял его за руку, подвел к государыне, а сия его крайне обласкала и приглася в столовую пошла с ним в оную; все матросы туда же были приглашены; их посадил монарх подле себя, и в продолжение стола расспрашивая шкипера о пути его, о товарах им привезенных и о прочем, пил между тем за здоровье короля их, парламеншов, его шкиперское и матросов. Они должны были благодарить за оное подносимыми им бокалами, пары которых, столько при конце стола воздействовали, что нужно было их отвести под руки на шлюпку, в которой привезли их на корабль на коем уже был между тем поставлен Царской Караул, для безопасности их и корабля.

В каком был шкипер сей и матросы удивлении прославшись, удобно может читатель вообразишь. Англичанин вместо назначенного прежде мнимому шкиперу подарка, поднес того же дня государю и государыне по штуке лучшего голландского полотна, и изъявлял с благоговением их величествам благодарносшь свою. Подарки сии были приняты, и он был за них щедро одарен. Пред обратным его отъездом великий государь дружески с ним простился и со всеми матросами, пожелав им доброго пути.

Умалчиваю о том, что монарх споспешествовал ему, равно как и предупомянутому голландскому шкиперу, расторговаться с немалой прибылью.

Сей великодушный Государев поступок славился во всей Англии,
и прославляться никогда не перестанет. [\[166\]](#)

26. Поднос с рюмками, опрокинутый на государя

Во время бытности Карла XII в Малороссии, великий государь противопоставляя ему всегда силы свои, разъезжал повсюду, где присутствие его было нужно. Прибыв в Киево-Печерскую крепость, и в Лавре оной отслушав святую литургию, удостоился Посещением своим тамошнего архимандрита в его келье, со всеми бывшими при нем; но когда соборной из ученых монахов, по приказу архимандрита, по старому обычаю, на боольшем подносе со множеством рюмок стал подносить, и подошел к первому монарху: то его величество, разговаривая в это время со своими о каком-то сражении, не приметил подносящего, и махнув рукою, опрокинул весь поднос на платье свое, и рюмки все разбились вдребезги.

Многими из предстоявших, по суеверию тогдашнему принято сие было за худое предзнаменование, и подносящего ругали за неосторожность; но умный монах, не пришел от того, как всем казалось, несчастного для него случая, в смущение и робость; указав на разбитые рюмки, сказал Государю: «Так сокрушиши, великий государь, силы супостатов твоих». Монах, улыбувшись, отвечив ему: «Дай Бог, чтоб пророчество твое сбылось», – не оказав впрочем ни малюго на подносящего неудовольствия. Принесен был между тем другой поднос; монах и все выпили по рюмке, и его величество поблагодарив архимандрита, того ж числа отправился к армии.

Когда же по одержании Полтавской победы монах прибыл в Киев, и в той же Лавре отслушав св. литургию, благоволил посетить архимандрита в его келье, и прибыв, потребовал того старца, которой опрокинул на него поднос, то представленному к нему сказал: пророчество твое, отец святой, сбилось, супостаты сокрушены, как те рюмки, кои ты сокрушил, опрокинув на меня» – И похвалив присутствие в нем духа, тогда же дал повеление, посвятить его в знатный монастырь в Архимандриты. [\[167\]](#)

27. Любопытное происшествие при свидании монарха с королями польским и датским

Известно, что Великий Государь имел многократные свидания с королями польским и датским. Однажды и кажется, по одержании уже Полтавской победы, были они вместе, забавлялись после обеда разными веселостями и разговорами; и когда между прочим зашла речь о храбрости и беспрекословном повиновении солдат, то Король датский сказал: «Должно неоспоримо дать преимущество его датским солдатам, яко сшарым и к дисциплине издавна привыкшим».

Король Польский напротив отдавал преимущество Саксонским своим войскам, приводя из Истории некоторые примеры отличной их храбрости. Петр Великий, выслушав оное, обращаясь к последнему, сказал: Я бы советовал тебе молчать с твоими Саксонцами; я их знаю совершенно, они не много лучше трусов Поляков; а ваши (оборотясь к датскому королю) солдаты, сколь они ни стары, но против моих и новых никуда не годятся. Но когда они усиливались оспаривать Монарха в преимуществе солдат своих: «Хорошо, – сказал потом Государь, – сделаем теперь пробу тому; призовите сюда по одному из своих солдат, кто из них храбрейший и вернейший, по мнению вашему, и велите им броситься из окошка, покажут ли они к повелениям вашим беспрекословную готовность; а я в своих уверен, ежели б хотел только из тщеславия обесчестить себя пожертвованием одного из них, то каждый бы беспрекословно исполнил оное; да и настоял, чтоб опыт сей был сделан. Начато сие было с Датского, призван был один из неустрашимейших и преданнейших по мнению их гренадер. Король повелевает броситься из окна (надобно знать, что сие происходило в третьем этаже); гренадер падает пред Королем на колени, просит о помиловании; но Король кажется не внемлющим, повторяет приказ свой; гренадер проливает слезы и просит по крайней мере сказать вину его, и дать время на покаяние. Герой наш рассмеялся и говорит королю: «Полно, брат, дай ему время на покаяние» – и выслал его вон; – «А с твоими Саксонцами, – обращаясь к Польскому королю, сказал он, – и пробы таковой делать не надобно, опыт сей только осрамил бы тебя». Наконец призывает к себе монарх своего офицера,

велит ему ввести какого-нибудь из своих гренадеров; вводят его, и Государь с холодным духом велит ему броситься из окна. Гренадер ударя рукою по шапке своей, идеш к окну, и перекрестясь, поднимает ногу на окошко. – «Остановись! – закричал Монарх, – мне тебя жаль, и поди вон». Гренадер, оборачивается, и отдает честь ударением рукою по шапке и выходит. Монарх спрашивает удивленных королей: каковы им кажутся его солдаты? Признаются они, что сей подлинно неустрашим, и есть слепой исполнитель воли Государя своего; и просят отличить его, наградить офицерским чином. Монарх отвечает, что не один он таков, но что и все его солдаты таковы же точно; и по-вашему надобно будет всех мне пережаловать в офицеры. Не хотите ли продолжал монарх, подобно же испытать и других? Изберите из них сами такого, который бы по мнению вашему менее имел духа, и я уверен, что и оный также поступит. Однако же государси сии не захотели пуститься на новую таковую пробу, а настояль только на пожаловании офицером первого. Великий государь снисходит на их просьбу, призывает его и объявляет ему чин офицерский, короли же пожаловали ему по сто червонных. [\[168\]](#)

28. Солдат, стоявший на часах, не впускает монарха в крепость

Добродетельный впрочем, император римский Марк-Аврелий имел у себя одного сына Коммода и дочь Лицелию, выданную им за Помпеяна. Коммод поведением своим осрамлял родителя и самый род человеческий; а Помнеян додобродетелями и поведением своим делал ему и роду человеческому честь. Император знал их обоих совершенно. Все, ведая добродетели и любовь его к подданным, мнили, что он лишит наследия престола сына, а удостоит оным зятя, но в том однако же обманулись. Он, по нежности своей к сыну, яко к крови своей, пожертвовал благом миллионов подданных. Но нежность Героя нашего предпочла благо подданных благу единородного сына своего Царевича Алексея Петровича. Он, не видя в нем ни свойств царских, ни желания себя исправить, лишил его наследия престола. Я, говорил отец сей отечества, лучше отдам престол достойному чужому, нежели недостойному сыну своему. Следовательно насколько сей отец подданных своих должен был обрадоваться, когда родился у него другой сын и наследник, которого образовать сердце хотел принять он на себя самого. Мы описали уже в Деяниях его сию радость, причиненную ему рождением Царевича Петра; а здесь присовокупим еще следующее того же доказательство. Коль скоро разрешилась монархиня, и дано было имя царевичу; в ту же минуту послал государь генерал-адъютанта своего в крепость к обер-коменданту, дабы он тот же час возвестил народу сию радость пушечными выстрелами. Но так как пред тем строгое дано было от его величества повеление, не впускать в крепость никого после пробития вечерней зари, и в следствие оногo каждому часовому отдаваем был сей приказ монарший: то стоявший на часах при входе в крепость из новонабранных солдат, остановил сего генерал-адъютанта, говоря: «Поди прочь! Не велено никого впускать». – «Меня Государь послал за важным делом». «Я того не знаю; а знаю одно, что не велено мне никого впускать; и я застрелю тебя, ежели не отойдешь». – Нечего было делать. Он возвращается к Государю и доносит сие. Нетерпеливый монарх, в сюртуке без всяких отличий идет сам в

крепость и говорит тому же часовому; – «Господин часовой! впусти меня. – Не впусти, отвечает солдат. – Я тебя прошу. – Не впусти, повторяет тот. – Я приказываю. – А я не слушаю. – Да знаешь ли ты меня? – Нет. – Я государь твой. – Не знаю, а знаю то одно, что он же запретил никого не впускать. – Да мне нужда есть. – Ничего я слышать не хочу, – Бог даровал мне сына, и я спешу обрадовать народ пушечными выстрелами. – Наследника? – вскричал часовой с восхищением. – Полно, правда ли? – Правда, правда. – А когда так, что за нужда, пусть хоть расстреляют меня завтра! Поди и сегодня же обрадуй народ сею вестью!

Великий государь на минуту заходит к обер-коменданту, объявляет о рождении сына своего, повелевает тотчас возвестить народу радость сию сто одним пушечным выстрелом, поспешает в Собор, приносит усерднейшие благодарения при звоне колокольном, а солдаша жалуешь сержантским чином и десятью рублями. [\[169\]](#)

29. Солдат на часах едва не заколол князя Меншикова

Петр Великий, имевший нужду облегчать душевные силы свои, истощаемые всегдашними напряжениями и размышлениями, удалялся иногда для сего в свою токарню и занимался трудами рук своих, что было единым его отдохновением. В одно из таковых время, проходя в свою токарню, приказал государь солдату, стоявшему у дверей оной на часах, не впускать к себе никого, во все время пребывания своего в оной. Через четверть часа пришел князь Меншиков, и спрося у часового: здесь ли Государь? хотел войти, к нему. Но солдат отвечал: «Государь здесь, но не велел никого к себе пускать». «Меня ты можешь впустить», – сказал Князь. «Не пущу, отвечивал солдат. «Но ведь ты знаешь, кто я». – «Знаю, но не пущу». «Я имею до Государя не терпящую времени нужду». – «Что ты не говори, а я знаю приказанное мне». – Ведаешь ли ты, дерзкий, что я, как подполковник твой, велю тебя тотчас сменить и жестоко наказать». «После часов ты волен поступить со мною как хочешь, но прежде времени сменишь меня не можешь, а и тогда должен я сменяющему меня отдать сей же приказ Государев». – Меншиков в досаде хотел было оттолкнуть часового, войти; но сей, уставя против груди его штык: «Отойди! – закричал грозно, – Или я тебя заколю». Князь принужден был отступить на несколько шагов от яростного устремления солдата. Шум сделавшийся от сего услышав монарх, отворил двери, и увидев солдата в позитуре таковой стоящего спросил: что это такое? Меншиков разжаловался на солдата, что едва было он его не заколол. Монарх спросил у часового о причине такового поступка его. «Вы приказали мне, – отвечает солдат, – не впускать к себе никого, а он хотел было силою войти, оттолкнув меня; и мне не оставалось иного делать, как заколоть его, ежели б он еще усиливаться стал»; при чем рассказал и весь свой разговор с Князем и угрозы его себе.

Великий государь, выслушав сие, сказал Меншикову: «Данилыч! А ведь он больше знает свою должность, нежели ты. Мне б жаль было, ежели бы он заколол тебя; но ты б пропал вместо собаки». И по сем скоро запретил ему наказывать солдата, похвалил поступок его,

пожаловал ему Пять рублей; и тогда же приказал придворному живописцу своему, на дверях комнаты той изобразишь часового сего в такой точно позитуре, в какой увидел его монарх, отворив двери.

Слышавший сие господин статский советник Иван Алексеевич Ушаков от дяди своего Ильи Федоровича Ушакова же, служившего при его величестве в том же полку каптенармусом, заключает, что он сам, будучи капитаном гвардии в 1766 и 67 годах, видел еще сие изображение при входе из сеней в бывшую Государеву токарню, в старом Летнем Дворце, что близ реки Фонтанки.

Таковы были воины ПЕТРОВЫ, таковы они и ныне.

30. Солдат из новобранных на часах

Один из новобранных солдат стоял на карауле в таком месте, куда, думал он, не придет так скоро командир его, всего же меньше ожидал он тогда самого Государя, потому больше, что уже время было обеденное. Сей пост его был на самом берегу Невы, или Невки; и так как время было весьма жаркое, то и вздумал он раздеться и искупаться. Но сверх чаяния своего увидел идущего к его посту Государя, и так уже близко, что успел он выскочив из воды надеть на себя одно только исподнее платье, шляпу и перевязь, и подхватив ружье и став в позитуру, отдал оным честь и продолжал стоять вытянувшись. По строгости, с каковою Монарх желал, чтоб хранима была воинская дисциплина, казалось, что он велит его как преступника наказать; но вместо того не мог, смотря на него не рассмеяться, сказав сопровождающим себя: хоть гол да брав. Он спросил солдата, давно ли в службе? «Недавно», – отвечал часовой. «Знаешь ли ты, – продолжал государь, что велено делать с теми часовыми, которые оставляют пост свой и кидают ружье, как сделал ты?» «Виноват», – сказал солдат. «Ну! быть так, – заключил Государь, – прощается сие тебе, как новичку, но берегись впредь дерзнуть что-либо сделать сему подобное. [\[170\]](#)

31. Щедрость монарха в награждении заслуг

Великий Государь, имея дар проникать характеры людей, увидев полка своего Преображенского солдата, стоявшего на часах, посмотрел несколько минут ему в глаза, полюбил его и взял к себе в ординарцы. Сей солдат есть Александр Иванович Румянцев, из дворян, однако ж не богатых. Расторопность, верность и честность его приобрели скоро всю к нему доверенность великого государя; он пожаловал его сержантом в тот же полк, и в сем звании употребляем был от его величества во многие важные посылки, которые все исполнял он к удовольствию монарха. По заслужении же им достоинства капитана гвардии, еще важнейшие возлагались на него комиссии, в числе каковых было и сыскание бежавшего и скрывавшегося царевича. А по мере сей доверенности умножалась к нему и благосклонность монаршая; и он с такою всегда свободою говаривал с его величеством, какую только рождает непорочность сердца и служения; он жаловался иногда Государю на свои недостатки, но всегда получал на то ответ: подожди! По крайней мере изъясните мне, – сказал наконец Румянцев его величеству, что же за причина, что, удостоивая меня всей вашей доверенности, заставляете меня в то же время претерпевать, и в самом нужном недостатке. – Надобно научиться терпению, – ответствовал монарх, – я уже тебе не однажды сказывал: подожди! и теперь то же говорю: подожди! пока рука моя развернется, а тогда посыплется на тебя всякое обилие.

Но как между тем все большие господа видели к нему монаршее благорасположение, и не сомневались, чтобы он со временем не был и одним из его любимцев, то по сему один из них и предложил... ему в невесты дочь свою с тысячью душ приданого. В том положении, в каком был тогда господин Румянцев, казалось ему предложение сие столь великим, сколь и неожиданным счастьем. Он принял оное с изъявлением признательнейшей благодарности. Условились и назначен день бала и сговора, если только будет на то соизволение его величества.

Восхищенный таковым счастьем Г. Румянцев приходит к Монарху, и пав ему в ноги, открывает все то, и молит дать на оное

соизволение свое. Монарх подняв его спрашивает, видел ли он невесту, и хороша ль она? Не видал, но слышу, что она не дурна и не глупа. – Слушай Румянцев! – сказал Государь, – балу быть я дозволю, а от сговору удержишься; я сам буду на бале и посмотрю невесту; и буде она достойна тебя, то не буду препятствовать твоему счастью.

В назначенный вечер бала съехались к отцу невесты все родственники, прилетел и жених; и, ожидая Монарха часу до десятого, заключили, что его величество, занявшись каким важным делом, не будет уже; и бал открылся. Монарх однако при начале бала приезжал тайно в санках, и поскольку двери в залу были отворены то он замешавшись между людьми, увидел невесту; и сказал про себя, но так, что это слышали и другие, в дверях стоявшие: «Ничему не бывать!» И уехал. Хозяин и жених узнают о сем и приходят в крайнее беспокойство. На другой день Г. Румянцев с весьма печальным видом предстает перед монархом, и его величество, лишь только увидел его, сказал: нет, брат, невеста тебе не пара, и свадьбе не бывать. Но не беспокойся, я твой сват; положишься на меня, я высватаю тебе гораздо лучшею. А чтоб сего в даль не откладывать, то приходи ввечеру, и мы с тобою поедим туда, где ты увидишь, правду ли я говорю: итак монарх приехал с ним к графу Матвееву и сказал хозяину: у тебя есть невеста, а я привез ей жениха. Такая нечаянность крайне смутила отца, и тем более, что жених показался ему недостойным дочери его, яко не из родословных бояр; монарх тотчас проникнув в мысль его, сказал: «Ты знаешь, что я его люблю, и что в моей власти сравнять его с самыми знатнейшими. Нечего было делать, как согласиться на желание такого свата, И дочь его, Марья Андреевна, тогда же была объявлена невестою Г. Румянцова; в присутствии монарха ударили по рукам; и вскоре за сим последовала и свадьба.

Молодой столь счастливо сочетавшись, не скорбел уже больше о том, что никакой не получал от Монарха награды. Через краткое однако ж время, великий государь был на бале у князя Меншикова, на которой приглашены были и молодые сии; и в самое то время, когда молодая танцевала, его величество, написав записку, свернул и велел её отдать Румянцову, а сей получив ее, положил в карман не читая; ибо не думал, чтоб она заключала в себе такую важность, которая бы не терпела времени. Великий государь видя, что его не благодарят, приказал своему адъютанту спросить у Румянцова, прочел ли он записку?

Можно себе представить радость, которую он должен был ощутить, увидев сверх чаяния, что он пожалован знатным чином и большими волостями крестьян. Он находит свою супругу танцующую и не ожидая окончания танца, берет ее за руку, выводит на круг, объявляет ей милость сию; приходят оба к Государю, повергаются к ногам его, и изъявляют со слезами благодарность свою; тогда великий государь сказал молодому: Я ведь тебе говорил, чтобы ты подождал, пока развернется рука моя; теперь она развернулась.^[171]

Впрочем и заслуги сего мужа отечеству были велики, он произвел такую отрасль, каков есть герой нашего века граф Петр Александрович Задунайский^[172], и это делает его в Истории бессмертным.

32. Монарх разъезжает ночью по Москве, видит большой свет в доме одного секретаря, заезжает в оный; увещание его хозяину дома сего

В предыдущем томе видели мы, что великий государь, по совершении путешествия своего в декабре 1709 года въехал в Москву с триумфом. По окончании праздников сих в январе наступившего года, по обыкновению своему разъезжал он редко ночью по улицам Московским в санках с одним только денщиком своим. Намерение таковых разъездов его состояло в том, чтоб смотреть за стражею и тишиною города. В одну из сих поездок, был с ним денщик его Полозов; в первом часу по полуночи, монарх усмотря в одном доме великой свет, останавливается, посылает того денщика проведать, кому принадлежит дом тот. Сей, возвратясь тот же час, доносит, что оный принадлежит одному секретарю. «Врешь, – сказал Государь, – поди удостоверься подлиннее»; – денщик, возвратясь, подтвердил прежнее, и что Секретарь сей есть Поместного Приказа, у которого ныне были крестины сыну его, и он пирует с гостями.

Монарх въезжает без шуму на двор, входит в покои, и найдя множество пирующих гостей, сказал: «Бог в помочь, Господа!» Можно себе представить, в какое замешательство придти должны были гости, особенно же хозяин; однако великий государь ласковым обращением своим успокаивает всех, и говорит хозяину: «Мне показался необыкновенным свет в доме вашем, и я из любопытства заехал к вам; узнал на крыльце, что у вас крестины новородившемуся сыну вашему, и причину света такого крестинный пир; – так поздравляю тебя с сыном! Как же его зовут? – примолвил Государь. – Какова родильница? И можно ли мне видеть ее?» Потом в предшествии хозяина входит в спальню к родительнице, поздравляет и ее с сыном, целуется с нею и кладет на зубок рубль. Хозяин подносит Его Величеству сладкой водки; Монарх, прикушав оную, спросил, нет ли анисовой? – Есть, Всемилостивейший Государь, отвечает хозяин; переменена рюмка,

и Монарх выпив до половины оной, обозрел все убранство спальни и комнат и наконец пожелав всем веселиться, уезжает.

Поутру рано посылает караульного своего офицера в дом секретаря сего; велит его взять: «Но не потревожь, – примолвил монарх, – родильницы, и для того дождись у ворот выходу его, и взяв, привези в Преображенск». Сие было исполнено; и секретарь был уже в помянутом Приказе, Великий Государь, поблагодарив его за вчерашнее угощение, спрашивает: из дворян ли он? и имеет или у себя поместье? а буде имеет, сколько получает с оного доходу? Трепещущий Секретарь отвечает, что он не из Дворян, а подьяческий сын, и что поместья и крестьян не имеет. Богату ли взял ты за себя жену?» – вопрошает Государь. «Не богату», – отвечает он. «Из каких же доходов нажил ты такой дом, и такие задаешь пиры?» Секретарь падает на колени, доносит: «Все, что ни имею, все милостивейший государь, нажито мною от подарков помещиков, имеющих в приказе тяжёбные дела; и сколько мог упомнить объявляет именно, сколько кто из них ему дал деньгами и припасами. Сие чистосердечное признание приемлет Государь милостиво. «Я вижу, сказал ему, что ты не плут, и за признание твое Бог тебя простит; но с тем однако ж, что буде ты из посяжки какой что возьмешь, и будешь дела волочить нарочью знатному, то поступлено будет с тобою как с преступником. Обрадованный Секретарь толикою милостью, повергся к ногам Государя, клянётся, что он и прежде того не делал и делать не будет, и ни с кого уже впредь ничего не возьмет. Из благодарности после справедливаго решения дела, по коему ты трудился, говоришь ему паки Государь, можешь присылаемые к тебе запасы взять, но ошнюдь не прежде окончания дела, и не прижимая тяжущихся. И берегись», пригрозив ему пальцем, – все твои поступки не скроются ныне от меня».

Потом Монарх исчислив по получаемому им жалованью и законным доходам, полагая в то число и добродушно из благодарности от дворян присылаемые ему столовые запасы, назначил, сколько и на что должен он издерживать, и отнюдь не жить пышнее, и таких пиров, какой он видел у него, не делать. «Разсуди, – продолжал государь, – ежели такие расходы будут делать секретари, какие ж уже, в сравнении с ними, делать должны судьи, какие сенаторы и какие сам государь?» Наконец изъяснил ему именно, какое может произойти зло из несоразмерных доходам расходов, и сколь нужно удерживать каждого

от такового расточения, и дабы всякой по пословице: по одежке протягивал ножки.

После сего Великий Государь разведал, что Секретарь сей подлинно был человек честный, благодарный и в должности своей исправный.

Такое нравоучение, полагаю, было памятно во всю жизнь сему секретарю и многим, которым он сообщил, без сомнения, оное. [\[173\]](#)

33. Монарх разъезжает по Москве в розвальнях и наказывает озорничество

В другой раз Великий Государь к таковому же ночному разъезду благоволил употребить розвальни, имея при себе одного же денщика и кучера, которому между прочим приказано было ехать чрез Воскресенские ворота. Пред прибытием же к оным, старинная карета о шести лошадях, в воротах оных, наехав на другие розвальни же, задела за оные и опрокинула; и как опровержением их карета остановилась, то прежде нежели оные подняты и карета могла разъехаться, сидевший в оных вытерпел от фореитора и кучера несколько ударов бичом. В сие-то самое время розвальни государевы прибыли к воротам; кучер и лакей увидев их кричали: «А там, что за чёрт в розвальнях?» Монарх, привстав, отвечивал: «Не ровен чёрт в коробе; и тотчас велел денщику помочь выправить опрокинутые розвальни и узнать кто в них сидел; причину, от чего они опрокинулись; остановить рыдван, и кто в нем едет? Стоило только денщику произнести одно слово, то есть, что сам Государь в тех розвальнях; шум утих, розвальни выпровожены за ворота, и рыдван остановился. Денщик доносит его величеству, что в розвальнях ехал соборный дьякон; что кучер, правивший рыдваном, из одного затворничества опрокинул розвальни, и прибил дьякона; и что карета принадлежит такому-то Боярину, и в ней едет его боярская жена.

Монарх велел денщику дать кучеру и фореитору по несколько ударов палкою; а боярыне выговорить за потворство их людям, и проч.

Поутру же его величество, того же денщика своего послал к Боярину тому с таковым же выговором и с повелением, при нем, денщике, высечь кучера, фореитора и лакея бывшего при карете; а за побои и за обиду причиненные дьякону, заплатить ему 50 рублей; и что если впредь случится подобное какое-либо от людей его нахальство и озорничество, то за все то отвечать будет он.

34. Выборной, при питейном сборе, похитил из казенных денег некую сумму, раскаялся, поднес их самому государю, и получил прощение

В сию же бытность его величества в Москве, один из купцов, бывший за несколько пред тем лет выборным при питейных сборах, из выручаемых и казне принадлежавших денег, присвоил себе, или сказать лучше, похитил сумму, состоявшую из нескольких тысяч рублей; но быв столько еще честен, что чувствовал угрызение совести, открыл оное на исповеди отцу своему, духовному. Добродетельный и умный священник сказал ему, что такового рода грехов не имеет он власти разрешать и прощать; а должно загладить грех сей возвращением похищенных им денег казне, коей они принадлежали. Кающийся отвечал на сие, что он весьма бы охотно и давно сие учинил; но боится гнева Царева, и быть причиною несчастья жены и детей своих. Священник настоял однако же о непременном оного исполнении, буде желает он загладить грех сей, удостоверяя его притом, что, яко Отец Евангельский принял раскаяние заблудшего сына, тако примет и его раскаяние Государь; и советовал сию сумму поднести самому Монарху, не опасаясь прогневить его тем.

Совестливый купец приемлет совет отца своего духовного: полагает всю сумму золотом на серебряное блюдо; приходит к монарху, поставяет блюдо с деньгами на столик, повергается в ноги к государю и, признаваясь в похищении казны его, молит простить ему преступление, и похищенные им деньги милостиво от него принять.

Великий Государь приказывает ему встать и говорит: «Бог тебя простит, но скажи, при каком случае присвоил ты себе сии казне принадлежащие деньги, и кто тебе присоветовал возвратить оные?» Обрадованный милостью купец, со всею искренностью открывает то и другое.

Великодушный Государь настолько был сим раскаянием и советом священника тронут, что немалую часть из принесенного тогда же пожаловал купцу сему, говоря: «Знаю я, что ты употребить оные на

богоугодные дела»; а священника призвав к себе, похвалил его благоразумие и столь добродетельный поступок, пожаловал ему сто червонных и на рясу Китайского атласа.

Во всех деяниях великого сего государя видно, что какое бы кто ни сделал преступление, прощал оное, если только усматривал истинное раскаяние и признание в преступнике; и в таком случае обыкновенное слово его было: «Бог тебя простит»; коль же скоро единожды произнесено было им священное имя Божие, никогда уже не нарушал оно, неисполнением запечатленного, так сказать, сим великим именем данного своего слова.

Анекдот сей доставлен от любимого монархом, Московского купца и шелковой фабрики содержателя, почтенного старца, Ивана Михайловича Полуярославцева.^[174]

35. Монаршее попечение о приведении фабрик в лучшее состояние, и великодушный его поступок с одним из фабрикантов

Монарх, любя помянутого почтенного старца Г. Полуярославцева, и желая заведенную им шелковую фабрику видеть в лучшем состоянии, в каждую бытность свою в Москве посещал его, и фабрику его; за многое его благодарил, а иное приказывал переправить, давал тому своеручные чертежи и изустные наставления; садился иногда сам за стан, принимался за челнок, и ткал разные материи, как мастер.

В одну из таковых бытность его величества у сего Г. Полуярославцова, после обеда между прочим спросил у него: имеет ли он у себя хорошее русское пиво? и как действительно таковое у него тогда случилось, то Монарх выкушав стакан оногo, сказал: пиво очень хорошо, и я, когда случится мне мимо дому твоего ехать, буду к тебе заезжать. В одно время монарх, после обеда же заехав к нему, спросил хозяина; но его величеству ответствовано, что тотчас его разбудят, ибо после обеда он уснул. Монарх запретил будить его, пошёл в сад его, и велел подать себе кружку пива.

Между тем хозяин проснулся; ему было сказано, что Государь в саду его прогуливается; он негодует на домашних, что его не разбудили; одевается с поспешностью, приходит к его величеству и просит простить его, что не мог принять его величества, как долг подданнаго ему предписывает; но великий государь на сие сказал ему: «Я, друг мой, заезжаю к тебе не с тем, чтоб тебя беспокоить; так за что ж мне на тебя сердиться, когда ты, исправя свои утренние дела, имеешь нужду в отдохновении?»

36. Попечительность о том же предмете

Из первых суконных фабрик, в Москве, по изустному повелению его величества заведена была одна Московским купцом Сериковым; и Монарх, доставя ему нужные к оной инструменты, и проч. повелел ему к назначенному сроку сделав пробную половинку сукна, принести оную к себе.

И хотя по новости дела сего, и по малому знанию мастера, первая сия половинка сукна весьма была плоха; однако ж он должен был принести оную к его величеству во дворец. Ему показана была комната, в которой он с половинкою сукна своего должен был дожидаться монарха.

Монархиня, старавшаяся всегда угождать великому супругу своему подражанием, сколько могла, деяниям его, знала купца Дубровского; и в то же время, когда приказано было Серикову завести ту фабрику, просила и его завести таковую же у себя, снабдила его всем нужным; и чтобы к тому же самому сроку, к которому было приказано и Серикову сделать на пробу половинку же сукна, и как возможно получше и подобротнее Сериковой, во что бы, впрочем, она ни стала. Сие желание монархини Г. Дубровский исполнил в совершенстве и также, сверх чаяния Серикова, явился также с своею половинкою в тот же самой покой, и положив оную на другой столик, ожидал подобно же прибытия монарха. Сериков, не зная ни Дубровскаго, ни того, чтобы была им заведена фабрика, подойдя к половинке сукна, пощупал, и увидев оное несравненно лучшим, нежели его, приведен был в крайний страх от ожидаемого монаршаго гнева на него, которого он мнил себя по справедливости заслуживающим; в ту самую минуту отворились двери, и государь с монархиною вошли. Его величество был только в канифасной фуфайке, с костяными пуговками, и пожаловав ожидавших его к руке, подошел сперва к половинке Сериковой, пощупал сукно; а в то же время её величество сказала государю: посмотрите, батюшка, каково вам покажется сукно моего-то фабриканта? Монарх не говоря ни слова, подошел и к сей половинке, и пощупав также сукно, сказал: «Дубровский! из какой шерсти делал ты сукно свое?» Дубровский не

мог не признаться, что сделано оно из одной пуши; «А ты, Сериков, из какой?» – спросил у сего последнего государь. «Из обыкновенной стригушки», – отвечал он трепещущим голосом. После сих ответов монарх обратясь к государыне сказал: что ж ты хвастаешь своим-то сукном? оно ни куда не годится; и ты Дубровской, вперед не выщипывай пуши одной, ты перепортишь у меня всю шерсть; а старайся из стригушки сделать получше: ибо мне надобно столько сукна, чтоб одеть всю армию, не выписывая иностранного; а это, – указывая на сукно Серикова, – сказал Государь супруге своей, – чем дурно? Оно сделано из стригушки, какова она ни есть, цветно, плотно и для солдата тепло и прочно. Благодарствую, господин Сериков! Я уверен, что ты постараться лучше сего делать». Толь милостивое ободрение возбудило в Г. Серикове ревностнейшее желание, угодить возлюбленному государю; и с сего времени неусыпное прилагал он попечение о доведении своей фабрики до лучшего состояния.

Впрочем сколь о монарх доволен был и началом еще сих фабрик, о том можем судить из письма его величества к князю Меншикову, писаннаго в последних числах декабря 1706 г. «Сукна делают (точные его слова), и умножается дело сие зело изрядно; плод дает Бог изрядный; и я сделал себе кафтан из него к празднику (Рождества Христова)».

37. Продолжение о фабриках

Великий хозяин сей, когда ни бывал в Москве, хотя б то было и на краткое время, никогда не оставлял того, чтоб не осмотреть ему самому все фабрики Московские; свидетель сему тот же самый Г. Сериков. Он при всяком случае со слезами рассказывал, что великий государь в каждую бытность свою в Москве, не только заезжал на его фабрику, не только ничего не оставлял не осмотрев, не только давал всегда наставления, как лучше что исправить, что переменить, что вновь сделать; но и учил сам ткачей, садясь за станы, и ткавши объяснял все подробности и приемы, нужные в искусстве тканья.

В одно из таковых посещений Сериковой Фабрики, осматривая по обыкновению своему все работы в оной, сделанные сукна, материалы, припасы, и проч. ходя сам по кладовым и амбарам, и повелевая каждый из них отпирать; и таким образом, в одном амбаре усмотрев Государь не малое число половинок каразеи^[175], спросил: «Для чего столь много лежит у него оной?» Сериков отвечал на сие, что велено было ему указом из Адмиралтейства, сделать видимое здесь количество каразеи на мундиры матросов; но после, продолжал Сериков, сие отменено, почему вся она и осталась на руках моих. «Так для чего же ты ее не продаешь?» – спросил Монарх. – Не покупают, всемилостивейший государь, ибо никому она не надобна, а для подкладки солдатских мундиров обязались делать другие фабрикаты, назвав их поименно. «Так ведь тебе убыток!» «Что ж делать, надежда-государь!» – «Почем стоит тебе аршин?» – По 28 копеек! Доволен ли ты будешь барышом по гривне на рубль? – «Я бы рад был, отвечал Сериков, сбить ее с рук и без барыша». – «Без барыша-то, брат, не много наторгуешь», – заключил Государь; и потом обратясь к Меншикову, сказал: «Данилыч, если б завтра же всю эту каразею принять и разделить ее по госпиталям; она очень годится для больных на одеяла».

Сие было в точности исполнено; и Сериков, с прибылью по гривне на рубль, сбыв ее с рук, чрез несколько дней получил и деньги.

Его величество прилагал неусыпное расширение о заведении в Малороссии лучших иностранных пород овец, дабы можно было со

временем обойтись Российским фабрикам без выписки иностранной шерсти и много уже успел в этом. Множество их разведено и роздано фабрикантам с обязательством, чтоб не только оные у них не перевелись, но и умножались бы время от времени; однако же по кончине его величества сие полезное заведение разрушилось.^[176]

38. Монарший гнев на браковщика голландца за пристрастной его брак пеньки, и высылка его за границу

По заведении в Санкт-Петербурге Адмиралтейства, поставка нужного для оногo количества пеньки возлагалась на города, ею торговавшие; часть расположенная на город Калугу привезена была в Адмиралтейство купцом того города Алферовым.

Браковщик Адмиралтейский, из Голландии, выписанный и в службу Государеву принятой, заметив смиренность и робость купца сего, вздумал что-нибудь сорвать с него; и на сей конец забраковал пеньку им привезенную, угрожая ему еще и гневом государевым. Устрашенный сим купец, просит его сделать милость, не доносить о сем государю, обещая служить ему; но в самое сие время монарх входит в амбар, где брак сей происходил. Бедный поставщик трепещет; Государь, узнает всё произошедшее, рассматривает сам пеньку; и брав многие оной горсти между колен, встряхивает и разнимает их по мастерски; видя ж ее первой доброты, прогневался на пристрастного браковщика, говоря ему: «Бездельник! у нас нет такого хорошего и шелку, какова сия пенька». Потом повелел всю сию пеньку принять, а браковщика выгнать из службы и выслать за границу.

Могло ли же что-нибудь подобное укрыться от прозорливости сего великого государя?^[177]

39. Отеческое попечение монарха. о переведенных' нл житье въ Санкт-Петеубург всякого звания людях.

Что первоначальные жители Санкт-Петербурга были переселены из разных городов всякого звания, сие известно уже всякому; но какое великий государь прилагал о них попечение: тому послужит довольным доказательством и один следующий анекдот.

В одной мещанской фамилии, переселенной из Серпухова, по прозванию Ямщиковой, занемог старший сын сухоткою. Великий государь в начале болезни узнает о сем, и присылает к больному своего лекаря; а дабы по старинным предрассудкам не пренебрегали его предписаний; через несколько дней сам посещаешь больного, приказываешь ему и старику отцу его, чтобы они в точности исполняли все приказы лекарские; и что сам он за ними того надзирать будет. В самом деле, сей отец подданных, когда ни выезжал для осмотру работ, заезжал и к сему больному, что благоволил продолжать до самого выздоровления сего Ямщикова. В один из таковых приездов, Монарх увидел старика, отца того семейства, метущего двор. Странно сие показалось его величеству, он говорит ему, что такового рода работа ему, яко начальнику фамилии и человеку старому, не прилична: «Уж не принуждают ли тебя дети твои к таким работам?» – спросил его наконец Монарх. «Нет, надежа-государь! отвечивал старик, они ещё и отводят меня от работы; но я не привык быть праздным, и пока силы есть, тружусь; а сия работа по мне». Монарх похвалил его за сие; однако ж войдя в избу спрашивает детей его, а паче старшего: не заставляют ли они работать старика отца своего? Но все подтвердили справедливость слов отцовских. «Рад я, – сказал на сие государь, – что ошибся в моем заключении: но если бы, – продолжал Государь, – уведал я, что нет от вас должного почтения отцу, то б ощутили вы весь гнев мой; ибо не почитающие давших им жизнь, суть самые неблагодарнейшие твари; а неблагодарность из всех пороков есть наигнуснейший.

В продолжение сказанных посещений, великий государь, заставая иногда семью сию за обедом, обыкновенно говаривал, «хлеб

да соль»; а однажды благоволил с ними и отобедать. Достоверность сего происшествия не сомнительна; она с восхищением воспоминается потомками сих Ямщиковых, из которых правнук помянутого старика по матери, С.-Петербургский купец Иван Вонифатьев, в 1789 году жил еще в Петербурге.

40. Монарх пирует с плотницкими

Из показанных переселенцев целая слобода плотников поселена была на Охте. Великий государь построил в оной церковь во имя Св. Иосифа Древодела^[178]. По освящении оной, на котором сам он присутствовал, дал знатный стол плотникам, и за оным пирует с ними равно как старший из них, без наималейших чинов и вида величества; по окончании стола дав повеление угощать их всем, что к веселью их потребно, и пожелав им столь же весело препроводить остаток дня, поехал, оставив их в несказанном удовольствии.^[179]

41. Хозяйственный его за всем присмотр

Из числа таковых же переведенцев был пивовар, по прозванию Лапшин. Великий государь по всегдашнему своему обыкновению разъезжая по работам, заезжал и на пивоварню сего Лапшина; и увидя однажды из устья печного выбивающийся не малый огонь, сказал ему: «Лапшин, вижу я, что ты и не думал о сбережении дров; и (указывая на пламя), смотри, сколько у тебя попусшу пропадает дров; ты видишь только под носом, что около Петербурга ныне лесу много, и дрова дешевы; а не рассуждаешь, что без бережи и самые большие леса истребятся могут в краткое время; и так должно тебе переделать печь и сделать оную так, чтоб траты таковой дров отнюдь не было». Потом потребовал бумаги, начертил ему план сей печи; и объяснив ему оный, сказал наконец: «Когда переделаешь печь, то я приеду и посмотрю, нет ли какой еще ошибки?» Но видно, что великий государь, или недоволен был сею печью, или пивоварами своими, которых предрассудки были почти непобедимы. Сие заключишь можно из того, что великий хозяин сей выписал из Голландии пивоваров, и на Выборгской стороне построил каменные на голландский манер пивоварни, которые нередко посещая, советовался всегда с пивоварами теми о возможнейшем уменьшении дров в варении пива. [\[180\]](#)

Из Деяний его величества видно, насколько он во всю свою жизнь занимался сбережением лесов во всем пространстве империи своей, и сколь много в том преуспел.

42. Монарх, едучи на обед к князю Меншикову, заезжает к матросу, и по просьбе его у него кушает

Князь Меншиков часто угощал монарха обеденными и вечерними столами. В одно время звал он их величеств к обеденному столу, к которому также приглашены были им все иностранные Министры и многие знатные господа. Монарх, дав слово быть к нему, поехал прежде на осмотр Адмиралтейских работ (между же тем её величество и все гости прибыли к Меншикову).

Великий Государь, осмотрев работы и учредив все нужное, и сам поехал к нему же в обыкновенном почти летнем экипаже своем, то есть в одноколке. Матрос, ожидавший Монарха на дороге, упал перед одноколкою на колени; Государь остановился и спросил: чего, он хочет? Бог даровал мне сына, а тебе, Государь, матроса, отвечивал сей; удостой посетить его. Государь спросил, далеко ли он живет? – Близко. Хорошо, сказал Монарх; и так, в предшествии матроса, великий государь поехал за ним, и вошел в хижину его. Родильница поднесла его величеству на деревянной тарелке чарку вина; Монарх, поздравя ее с сыном, выкушал, и положил на тарелку два рубля. Стол у хозяина был уже накрыт, на нем стоял пирог с морковью и яйцами. Монарх, отломив кусок пирога, закушал. А между тем хозяин, поставив на стол горячие щи, сказал: «Хотя бы отведай батюшка, матросских-то щей»; и сего довольно было к убеждению его величества. Он отведал щей довольно их покушал. Потом выпил поднесенный ему стакан пива; пожелал хозяевам доброго здоровья, поехал, и прибыв к Князю уже в третьем часу, просил у гостей извинения, что заставил их так долго дожидаться; «ибо Бог даровал мне нового матроса, и я не мог отказать отцу его, чтоб к нему не заехать и не отведать его щей.»^[181]

43. Князь Яков Федоров избавляется из шведского плена решимостью, его достойною, и приводит в Ревель шведский фрегат

Известно, что сей знаменитый муж, вследствие учиненного от Короля Шведского под Нарвою договора, задержан был с прочими генералами в плену, и отведен в Стокгольм. Поскольку Карл XII никогда не хотел согласиться на размен пленных, то он с прочими и содержался как пленник, до 1711 года. Сей достойный россиянин, в том же году, освободился из плена следующим образом.

Правительство шведское рассудило часть пленных россиян, содержавшихся в Стокгольме, перевезти морем в Готтенбург, в числе их был и князь сей. А так как на фрегате том находилось россиян больше, нежели шведов: то сего и довольно было, чтобы вложить ему мысль, овладеть фрегатом и уехать на нем в Россию. Он сообщает намерение сие сотоварищам своим; и они охотно соглашаются следовать во всем мужеству и примеру его? Князь определяет на исполнение предприятия своего вечер субботы, то есть, когда в вечернюю службу запоят Всемирную славу, и допоят до сих слов: «держайте, держайте люди Божии», вмиг броситься всем им на Шведов, обезоружить их, и овладеть фрегатом. Все сие исполнено в точности; они как львы при последнем слове бросились на не воображавших, того Шведов, обезоружили их, и противящихся одних покололи, других потолкали в море, третьих повязали и заключили под палубу; оставили свободным одного только шкипера, и Князь, приставив к груди его шпагу, сказал: «Ежели хочешь быть жив, то вези нас к Кроншлоту или к Ревелю; но берегись изменить!» Не осталось ему иного, как или умереть, или повиноваться; он избирает последнее, приводит фрегат в Ревель и входит в гавань с пушечною пальбою. Сколь героический таковой поступок приятен был Монарху, то может удобно представить себе читатель: его величество, быв тогда в Петербурге, в письме своем к князю Меншикову называет освобождение его из плена чудесным. Коль же скоро князь прибыл к монарху, то его величество обнял его, и не однократно целуя, выхвалял неустрашимую его решимость. Слезы радости, пролитые князем при

сем свидании, прослезили самого монарха и всех бывших при том. Скоро по сем великий государь объявил его сенатором и сверх того поручил ему комиссариат.^[182]

Великие достоинства сего знаменитого князя увидим в впоследствии.

44. Героический поступок одного россиянина, содержащегося в Стокгольмской темнице в оковах и признательность к нему великого государя

Предупомянутое происшествие настолько огорчило шведское правительство, что все почти пленные россияне, оставшиеся в Стокгольме, были закованы, и содержались в разных темницах с великою суровостью, яко злодеи. В числе сих пленных находился Новгородский купец Иголкин, которой, еще до Шведской войны, торговал в Швеции и научился языку их. И как известно, что Карл XII начал войну с Россией тем, что всех Россиян, бывших тогда в Швеции; какого бы ни были они звания, повелел задержать в плену; и так сей Иголкин с 1700 году содержался в неволе сей; а по уходе князя Долгорукого, как уже сказано, все россияне были окованы и разведены по разным тюрьмам.

Иголкин содержался в одной из таких до возвращения Карла XII из Турции и до начавшихся через барона Герца мирных переговоров. В сие-то время сей достойный россиянин, услышав от двух на карауле в темнице той стоявших солдат, говоривших между собою обидные и ругательные слова российскому государю, не мог сего вытерпеть; он увещивал их, чтоб они унялись и не дерзали ругать великого государя, которой есть помазанник Божий. «И почему знаем мы, за что они с королем вашим воюют?» – Но солдаты, с ругательством приняв его увещание, продолжали дерзкий свой разговор. Иголкин призывает унтер-офицера, жалуется ему на часовых, и просит унять и наказать их, яко ругателей великого государя: но и сей унтер-офицер, презрев слова его, смеялся только его жалобе.

Что же сей россиянин предпринимает? Он решился сам доставить себе над солдатами управу; он был роста высокого, и сложения крепкого, молча, и как бы без намерения подошел к ним, бросился на них как иступленный, вырывает у одного ружье, и штыком закалывает сперва вооруженного, а потом и обезоруженного; и исполнив героическое сие действие, ожидает спокойно своего

жребия. Караульный офицер с командою вбегают в темницу, схватывают героя, ни мало уже не противящегося; сковывают страшными цепями, и о происшедшем доносят высшему начальству. На вопрос, как он осмелился убить солдат, герой отвечает с неустрашимостью: «Я, как верный подданный моего государя, обязан я законом Божиим, гражданским и присягою, пролить за честь его последнюю каплю крови моей; слыша же священное имя его поносимое, увещевал их уняться; они презрели оное; я призвал унтер-офицера, жаловался ему, но и сей вместо удовольствия смеялся только надо мною; они того еще более стали они поносить великую особу помазанника божия. Что осталось мне делать? Я должен был или отомстить ругателям смертью. или пролить свою кровь. Но правосудный Бог помог мне наказать дерзких ругателей; теперь участь моя в ваших руках, делайте что вам угодно; по исполнении долга моего, я готов безбоязненно принять смерть за честь моего Государя».

Сия столь чрезвычайная речь сделала судей безгласными; они, повелев заключить его, не смели вынести никакого приговора, не донеся с подробностями о том королю своему. Карл XII, почитая и в неприятелях своих великий дух, был поражен прочтенным, вскричал: «В столь грубом народе столь великий человек!» Он повелел его привести к себе. И как уже происходили между ним и российским государем тайные переговоры о мире; и он видел себя принужденным искать дружбы у великого своего соперника: то и решился отослать Г. Иголкина к Государю его, не сомневаясь, что оный принят будет за великий подарок, описав притом с подробностью о геройском его поступке, поздравляя его величество с таким подданным, каких у него или нет, или очень мало.

Сей сединами украшенный достойный подданный был представлен Монарху; Великий Государь не мог прочесть помянутаго о нем описания не прослезаясь; и потом обратясь к предстоящим, сказал: «Вот, сказал он, образец верности!» подошел к нему, обнял его с горячностью, поцеловал в голову, и признался, что столь отличная верность его к нему достойна соразмерной награды, проси у меня друг мой, что тебе угодно, я все тебе обещаю.

Тронутый такою милостию Г. Иголкин, проливая радостные слезы, сказал Монарху: у меня надежда Государь, по милости Божией и твоей столько еще осталось в Новгороде доходу, что могу прожить

оним остатки дней моих без нужды. И потому мне нечего больше желать, как только носить на себе твою монаршую милость.

Но Государь отвечал на это: «Нет! Я не буду покоен, ежели не награжу тебя; и так воля моя есть непременно, чтоб объявил ты мне, что тебе надобно». «— Когда тебе сие непременно угодно, — сказал старик, — то повелите находящийся близ дому моего в Новгороде кабак отдать мне». Монарх на сие ответствовал улыбнувшись: «Ежели бы ты попросил у меня и весь Новгород, не мог бы я отказать тебе».

Сверх того Г. Иголкин, в прибавок к кабаку, получил от монарха за терпение и ревность его, как изъяснился монарх, довольно знатную сумму денег, с которыми и отпущен при указе в Новгород.

С сего времени великий государь называл его «дедушкою» и никогда не проезжал Новгорода, не посетив его. В одно из таковых посещений монарх, полюбил внука его, молодца лет двадцати, сказал ему: «Дедушка! отдай мне внука своего, я запишу его в мой полк и месяца чрез три сделаю офицером, и постараюсь о его счастии». Но дедушка сей отвечал: «Нет, государь, не могу с ним при старости разлучиться; у меня только и радости, что он, да и делами моими без него управлять некому. На повторительные же убеждения монаршие старик сказал: «У тебя Государь, и кроме того, чтобы помнить о внуке моем, есть бесчисленное множество дел и забот, а потому легко станется, что ты про него и забудешь». «Нет дедушка, — перебил речь его монарх, — я никогда не забываю заслуг». Словом: Г. Иголкин принужден был напоследок исполнить волю своего государя. Его величество, взяв с собою его внука, записал его в Преображенский свой полк в солдаты; но частые его отлучки, крайние заботы обо всем, а паче о начавшихся мирных с Карлом XII переговорах, по которым он большею частью находился в Лифляндии, близ Конгресса, были причиною того, что в самом деле забыт был сей внук; прошло три месяца, прошло уже и пять, а он оставался все еще солдатом. Огорченный сим дед его писал ко внуку, чтоб он с дозволения командира своего, или хотя и без дозволения, но приехал бы к нему непременно; что он и исполнил.

Г. Иголкин, узнав, что монарх прибыл в С. Петербург, приехал туда и сам со внуком; он написал челобитную в Сенат, на полковника Преображенскаго полку Петра Алексеевича, и прописав в оной все происходившее, жаловался горестно на неустойку его и проч. Он

челобитную сию в присутствии в Сенате государя подает; но ее не принимают, объявляя, что сей полковник есть сам государь; а государь не подсудимым нигде и проч. Старик поднимает вопль, жалуется на свою обиду; а так как здание Сената состояло тогда в низеньких мазанках, то произошедший от вопля того шум дошел, как желал он, до ушей государя; и его величество спросил о причине оногo? на что секретарь отвечивал: какой-то безумный старик просит с воплем принять от него челобитную на полковника Преображенского полка; и хотя-де ему толкуют что полковник сей сам Государь, на которого не можно ни где принять челобитной, но он-де кажется непонимающим сего: и неотступно просит о принятии её. «Ах! – сказал Государь, – он не безумен; я знаю, кто он, и я виноват пред ним; примите у него челобитную, введите его суда и помирите меня с ним.» Принятая челобитная было прочтена; и потом введен был и сам старик; он, войдя, поклонился всем низко, а на Монарха и не смотрит. Тогда князь Яков Федорович Долгоруков, знавший его в полону, зачал говоришь первый: «Старинушка! Государь признается, что виноват пред тобою, помирися с ним». Но он, проливая слезы, отвечает:

«Какая мне польза в признании его, когда внук-то мой и по сию пору еще солдатом?» Встает сам Монарх подходит к нему и с чувствительно говорит: «Дедушка! я виноват, забыл обещание мое; но как должно было внуку твоему быть уже два месяца прапорщиком, то ныне за вину мою жалуя его подпоручиком; – помиримся!»

Старик, проливая от радости, не от печали, слезы, говорит монарху: «Когда так, государь, то я не истец, Бог тебя простит». Монарх обнял его, поцеловал и посадя с собою в одноколку, привез его, к государыне, рассказал ей все произошедшее. Монархиня оправдала просителя и похвалила признательность великого супруга своего. Их Величества удостоили его посадить за стол свой; внук его был пожалован и отпущен с дедушкою в Новгород, на такое время, сколько он захочет продержатъ его при себе. [\[183\]](#)

45. Признательность монаршая и снисхождение его на дерзновенной поступок Г. Головина

В продолжение войны со Швецией, одно из главнейших попечений Монарха было об обеспечении армии провиантом. Когда же, по разбитии Карла XII под Полтавою, театр военных действий из Малороссии был перенесен в Лифляндию; откуда происходили оправления флотов в разные места, в том числе и в самую Швецию: то и настала нужда доставлять в армию и на флот провиант в С.-Петербург; но доставление в оный было тогда весьма еще затруднительно.

А поскольку в 1710 году понадобилось оно большее пред прежним количество: того ради Монарх по прибытии своем из Москвы в С. Петербург, и повелел князю Меншикову предложить, будто бы от себя, господам сенаторам, составлявшим часть сената, о собрании и доставлении в сию новостроящуюся столицу свою, к маю или июню не достающего не малого числа хлеба; а я-де, примолвил государь, и сам к вам буду.

Князь предложил господам сенаторам: Поскольку его величеству потребно еще знатное количество хлеба, для удовольствования оным армии, а более флота к его отправлению в море; и как-де Государь к такому скорому времени недоумевает, откуда бы хлеба взять, то и находится в крайнем сем беспокойстве, и вы, продолжает князь, сделаете великую угодность монарху отысканием удобнейшего средства к доставлению потребного количества хлеба. Господа Сенаторы, по нескольких рассуждениях, не могли сыскать более удобного средства, как собрать требуемое количество хлеба с крестьян Новгородской, яко ближайшей, губернии, расположена на душу, по чему придет.

Меншиков, желая угодить Государю, постарался к приезду его заготовить о сем определение, которое и в самом деле было изготовлено и сенаторами подписано, кроме Ивана Михайловича Головина, не бывшего на то время в собрании сенаторов за случившимися ему нуждами по Адмиралтейству.

Надобно знать, что сей г-н Головин прикомандрован был Монархом на время присутствовать в Сенате.

По подписании помянутого определения прибыл монарх. Сенаторы донесли его величеству, что они известясь чрез князя Меншикова о нужде, какую его величество имеет в хлебе, определили собрать, оной, по краткости времени, с крестьян Новгородской губернии ибо-де из дальних губерний ни собрать, ни привезти оного в Петербург к объявленному времени не можно. Определение сие было прочтено, и Монарх по нужде был оным доволен. Но, как сказано, не было тогда в собрании г-на Головина, то его величество и повелел послать за ним, по прибытии которого предложено было ему представлено определение оное. Но сей достопочтенный сын отечества, приказав Секретарю читать оное, при каждой почти строчке, качая головою, говорил: «Куда какие умные головы! слышь ти», (сие было присловие его) а по прочтении взял определение и не говоря ни слова, разодрал оное пополам, и стал писать на белом листе, ворча нечто про себя.

Великий Государь, с крайнею досадою за дерзость сию вскочив с кресел, подбежал к нему, как казалось, с намерением ударить его; но присутствие духа остановило его за креслами Головина. Монарх любопытствовал посмотреть, что он пишет; а тот, не примечая будто бы ничего, продолжал писать; Государь, читая из-за него писанное им, дождался окончания. Можно себе представить, сколь было приятно ему, когда прочел он все написанное Головиным; оно содержало следующее: «Стыдно и грешно сенаторам возлагать на отягощенный и без того народ новое бремя, когда сами они без большого отягощения принять могут оное на себя: и для того настоящую нужду в провианте наполняют они из собственного своего запасного хлеба, которой есть у них в Петербурге и в деревнях их; вследствие сего Иван Головин приемлет на себя поставить десять тысяч четвертей.» Написав сие, не обращая на Государя глаз своих, подал он лист сей сотоварищам своим, сказав: «Слышь ти, вот какое надо определение! Подписывайте ж сколько кто сможет; а на нас смотря подпишут и все знатные по мере своей». Устыженные сим товарищи его и Меншиков, подписали каждой по стольку ж, а последний втрое, чему потом. подражали и все знатные.

Когда же Великий Государь благодарил за усердие Г. Головина, то сей на оное ответствовал: не за что Государь благодарить; мы должны тебе все по возможности помогать; и ты, чаю, по исправе велишь взятое от нас число всем нам возратить со временем. [\[184\]](#)

46. Монарх обвиняется судом в отнятии у рижского гражданина гака земли, который ему и возвращается

Великий Грсударь, по завоевании Риги; быв там впервые наградил услуги генерал фельдмаршалов графа Шереметева и князя Меншикова, пожалованиеи им не малого числа в завоеванной земле сей гаков земли, из числа которых последнему достался один принадлежавший рижскому гражданину.

Гражданин сей, не зная никаких за собою преступлений, менее же еще, чтобы он чем-либо оскорбил его величество, осмелился к новому государю своему прийти и объяснить, что он ни в чем перед его величеством не провинился, и ни малейшей не подал причины ко гневу его; и потому не понимает, за что родовой его гак, по указу его величества, отнят у него и отдан князю Меншикову.

Монарх выслушав оное терпеливо, сказал ему без гнева: «Ежели ты прав, то можешь принадлежащее тебе отыскивать судом. – Но на кого и где могу я спросить? – На Меншикова и в здешней ратуше. Если же дело коснется и до меня, то и я ответственать буду должен, – сказал Монарх: – ибо-де когда кто находится здесь, то кто б он ни был, подлежать должен и законам здешним». Удивленный таковым ответом гражданин, и не видя ни малого в Монархе гнева, спрашивает: «И так Всемиловивейший Государь вы позволите мне принести за сие жалобу? – Никто не может у тебя отнять права защищать себя, заключает Монарх.

Гражданин сей, написав челобитную на князя Меншикова, как на насильного завладетеля наследственного гака его, подает оную в ратушу; но Судьи не принимают оной, объясняя, что гак его с прочими пожалован князю, по именному его величества указу, следовательно просьба твоя относится на высочайшее лицо самого государя; а государя судить они не могут. Гражданин объявляет, что он изъяснялся о сем с самим государем, и именно его величество повелел ему просить о сем в ратуше. По многим рассуждениям наконец челобитная сия принята и найдено, что гак его точно ему принадлежит; и что в указе, коим пожалованы Меншикову гаки, не

объявлено ни вины его, и даже имени его не упомянуто. Вследствие сего отражен был один член ратуши к Князю Меншикову с донесением ему о сей на него просьбе; и что, по законам здешним, его светлость должен придти в ратушу, и выслушать сию просьбу и приговор ратушский; но Князь отвечает, что он того гака не отнимал, а пожалован тот ему был от монарха. Все сие чрез члена же ратушского представлено было его величеству, и монарх подтвердил ответ Меншикова. «Так что же приказать изволите?» – говорит присланной член: «Делайте, что законы ваши повелевают; и буде как тот действительно принадлежит гражданину тому, то я должен буду на оное ответствовать». «В таком случае, всемилостивейший государь, должно будет вашему величеству самому пожаловать в ратушу к ответу. «Хорошо, – сказал Государь, – когда оповестите меня, я буду».

Дело было рассмотрено вновь; как было приговорено возвратить законному владельцу; и Монарху о сем было оповещено.

Великий Государь по такой повестке тотчас прибыл в ратушу; встретили его у крыльца, и Монарх взойдя с ними в присутственную палату, повелел им сесшь, а на особом стуле и сам сел. Прочли дело и спросили: не имеет ли его величество к оному чего прибавить? и когда государь ответствовал, что не имеет, тогда прочтен был другой закон, по коему повелевалось при заключении дела не быть в палате ни просителю ни ответчику. Монарх вышел в другую палату. Заключение учинено: проситель был оправдан; а ответчик обвинен. Позвали вновь Монарха в присутственную палату и прочли решительное заключение. Великий Государь, выслушав оное, благодарил их за беспристрастие в решении дел, поцеловал каждого в голову и сказал: «Что когда Государь их повинуется закону, то да не дерзнет никто противиться оному.» И гак тот возвращен просителю.

Достопамятное сие происшествие слышал в Риге, в 1765 году, бывший по торговле товарищ мой, купец Иван Волков, от самого сего гражданина, который будучи в глубокой старости и ратсгером^[185] сей же ратуши, рассказывал сие будучи с ним вместе в компании, проливая слезы.

Кто не заключит из последних слов Великого Государя, сказанных в ратуше, что в возвращении гака того и в производстве дела о нем не другое было намерение его величества, как только то, чтобы

собственным своим примером утвердить силу и важность законов, особенно же в отношении к новым его подданным?

47. Сравнение дел Царя Алексея Михайловича с делами великого его сына, и заключение о сем монаршее

Неутомимый в делах Государь более всего бережлив был на время; он жалел проводить без пользы и один час оного; не терпел ни когда, даже и во время стола, праздных, или ничего важного не заключающих в себе разговоров; но обыкновенно рассуждал о полезных и наставительных материях. И для того-то не позволял, чтоб были при столах его служители, которые, подав блюда с кушаньем, должны были тот же час выходить. О сих последних он говаривал, что они смотрят только каждому в рот, и часто толкуя слова превратно, рассеивают оные столь же превратно и в народе.

В 1714 году, монарх, со многими знатными господами быв на одном пиру, завел речь о делах царя-родителя своего, бывших в Польше, и о великих препятствиях, чиненных ему от патриарха Никона. Всякий из присутствовавших за столом делал о том свои рассуждения. Между которыми граф Мусин-Пушкин, стал выхвалять дела его величества, и напротив принижать дела царя родителя его, и говоря между прочим, что ежели какия при нем и были важные дела, то оные отнести должно больше Морозову и другим искусным его министрам, а не ему. Великий государь едва мог дослушать оное, не скрывая гнева своего; выслушав же дал ему почувствовать свое неудовольствие сими словами: «Ты хулюю дел отца моего, а лицемерною мне похвалою, более меня бранишь, нежели я стерпеть могу»; и встав из-за стола, подошел к князю Якову Федоровичу Долгорукову, сидевшему еще за столом, и став за его стулом, сказал; «Дядя! я знаю, что ты больше всех бранишь меня, и так тяжко спорами своими досаждаешь, что я часто едва могу стерпеть но как рассужу, то я увижу, что ты меня и государство верно любишь и правду говоришь; для того я тебя внутренне и благодарю; ныне же тебя спрошу и верю, что о делах отца моего и моих не лицемерную правду скажешь.

Князь на сие сказал Государю: «Изволь сесть; а я подумаю». И когда Монарх подле него сел; и все присутствовавшие обратили на него внимание, желая слышать суд его: тогда сей Катон Российский,

подумав не много, и по привычке поглаживая большие свои усы, начал так:

«Государь, сей вопрос нельзя кратко изъяснить для того, что дела разные: в ином отец твой, а в ином ты больше хвалы и благодарения нашего достоин. Главные дела государей, по коим они отличаются, три. Первое: внутренняя расправа, и главное дело ваше есть правосудие; в сем отец твой больше сделал, нежели ты: он сделал нам уложение, по коему и ныне мы судимся; но когда и ты о сем прилежашь будешь, то может быть и превзойдешь его, и пора уже тебе о том и думать. Второе: военные дела; отец твой много чрез оные хвалы удостоился, и пользу великую государству принес, и тебе устроением нескольких регулярных войск путь показал; но по нем несмысленные почти все его учреждения разорили, что ты почитай все вновь сделал и в лучшее состояние привел: однако ж я, много думая о том, еще не знаю, кого более хвалить, но конец войны твоей прямо нам это покажет. Третье: в устроении флота, в союзах и поступках с иностранными, ты весьма большую пользу государству, и себе честь приобрел, нежели отец твой, и сие все сам, надеюсь, за правду примешь. Что ж рассуждают, якобы Государя каких Министров умных или глупых имеют таковы их и дела; но я противно разумею: мудрый государь умеет мудрых и советников избирать и верность их наблюдать; итак у мудрого государя не могут быть глупые Министры: понеже он о достоинстве каждого рассудит, и правые советы от неправых и вредных различить может.

Великий Государь с великим вниманием все сие выслушав, расцеловал его и сказал Христовы слова: «Благий рабе и верный, в мале был ми еси верен, над многими тебя поставлю».^[186]

Передавший нам сие^[187] заключает, что все слышанное и виденное ими Меншикову и другим весьма было прискорбно; и все меры прилагали озлобить на него государя, но не успели ничего.

Сей великий муж, к которому лесть и клевета никогда приступны не были, не редко распаленный гнев государев правотою своею укрощал, и мудрыми противоречиями своими склонял его отменять даже и данные уже им указы свои, кои не были довольно обдуманы, или были тягостны народу, как то мы увидим из следующих анекдотов.

48. Князь Яков Феодорович Долгоруков оспаривает подписанное Государем определение; и государь за оное благодарит его

По новости С. Петербург, и по неопытности торгующих хлебом, мало его было производимо в оной; а из завоеванных у Швеции провинций, яко долговременною войною разоренных, равно, как из ближних губерний, не могли оногo доставлять в довольном количестве; и потому надлежало к доставлению его вызывать подрядчиков и привозить оный с низу; от чего происходила иногда опасность в претерпении в нем недостатка. В одно время по рапортам оказалось, что в магазинах оставалось для пропитания войска хлеба только на один месяц; буде же бы скупить оной у торгующих, то по небольшому оставшемуся у них количеству, необходимо потерпели бы город жители; а идущий с низу водою подрядной хлеб не мог, по расчислению времени, придти прежде двух, или и трех месяцев.

Великий государь, следящий неусыпно за всем, предложил Сенату, чтоб употребил всё старание свое, удобнейшим и неотяготительнейшим народу средством, предупредить ожидаемой недостаток в хлебе, и отвратит неминуемую опасность голода.

Сенат, по долгом рассуждении, не мог сыскать иного к тому средства, как такое же, какое и в пред упомянутом анекдоте показано, то есть, собрат по четверику с души крестьянской, Новгородской, яко ближайшей к С.-Петербургу губернии.

Монарх, обремененный заботами и попечениями, и не имея времени входишь в сие рассуждение Сената, подтвердил то определение, указав немедленно послать о том куда следует, указы: с таким однако же прибавлением, чтоб к сбору того хлеба определить людей добрых и честных, дабы не могло быть в сборе оногo каких-либо злоупотреблений. Вследствие сего учинено определение и всеми Сенаторами подписано, кроме одного князя Долгорукого, которого на то время не было в Сенате, и заготовлены по оному все указы. Когда же князь сей по изготовлении всего того прибыл в оный, то и подано ему определение, подписанное как сказано, всеми Сенаторами и

утвержденное самим Государем, по которому за тем только не посланы указы, что им не подписано еще определение.

Князь прочитав определение, и не говоря ни слова, потребовал сургуча и огня; собрал все заготовленные указы, и с оным определением сложа вместе, запечатал; и ни слова не говоря, вышел из Сената и поехал к обедне.

Все господа сенаторы, таковым поступком удивленные, одни сожалели о нем, а большая их половина внутренне радовались, что умник сей, (так его в ироническом, может быть, смысле называли они тогда) непременно подпадет под тяжкий гнев государя, яко по такому делу, которое не терпит отсрочки и утверждено его величеством. Тотчас доносят о сем Монарху, бывшему тогда в Адмиралтействе, присовокупя к тому, что он подобные остановки в делах не соглашениями и спорами своими всегда причиняет; и даже до того, что дерзает иногда и самое высочайшее его повеление презирать: как то и в сем нужном деле оказал он себя. Недоброжелательствующие из них уже внутренне торжествовали о неминуемом по их мнению низвержении его.

Монарх прочтя сие донесение, приходит в гнев, приезжает немедленно в Сенат, спрашивает Долгорукова; уведомляется, что он уехал к обедне; посылает за ним, чтоб был в Сенат; посланный объявляет ему монаршее повеление, но князь на оное сказал только: слышу. Прогневанный монарх, не видя приезда его, посылает за ним, чтобы в тот же час был к нему. Посланный получает от него такой же ответ, как и прежде: «слышу»; и остаётся в церкви. Монарх, и по вторичной сей посылке, не вида приезда его, еще более раздражается, а сотоварищи Долгорукова, не любившие его за правоту и противоречие, не упускают случая сего, в ещё большее озлобление привести на него Государя; одни из них пожимая плечами, будто бы про себя говорили: «Какое дерзкое. упорство!» а другие и самому Монарху: «Ваше Величество из такого противоборства воле вашей можете заключить, какую уже мы должны сносить досаду от упорства и противоречия его по делам, всегдашнюю остановку причиняющего, и все наши резоны с презрением отвергающего. и проч. Огорченный всем этим до крайности Государь, посылает за ним в третий раз, и приказывает сказать ему, что если он с сим посланным не придет, то ведал бы, что поступлено с ним будет, как с ослушником и

презрителем верховной власти. Посланный пересказывает ему все слова разгневанного Государя; но князь не отвечая ничего, молится, повторяя несколько раз вслух слова Христовы: «Воздадите Божия Богови, а Кесарева Кесареви». Посланный спрашивает: что прикажет он донести государю. «Донеси, – сказал князь, – всё, что ты видишь и слышишь. Сей доносит ответ его и слышанные им слова, при молитве им повторенные; но обедня между тем кончилась, и князь вскоре за последним посланным сам приезжает в Сенат. Насколько был прогневан на него Государь, то оказалось при входе его. Монарх, подбежав к нему, одною рукою взял за ворот, а другою выхватил свой кортик, говоря: «Ты должен умереть как противник государев и послушник моей воли и повеления!» Князь, не теряя присутствия духа, раскрыв грудь свою, сказал: «Вот грудь моя! я без ужасу готов принять смерть за правду; и ты будешь Александр, а я – Клит^[188]». При сих словах монарх опускает руки и отскакивает от него на несколько шагов, как бы испугавшись; потом поглядев ему в глаза с полминуты, сказал: «Как ты осмелился остановить определение, утвержденное мною? – Ты сам повелел мне, отвечает Князь, представлять тебе истину, и стараться о пользе твоей и народа твоего; и так могу ли по совести исполнять то, что противно истине и пользе твоей и народной?» Монарх смягченный таковым ответом, спросил его: «Но где ж мы возьмем хлеб? Разве хочешь ты видеть печальное следствие голода? – Нет, Государь, сохрани нас от того Бог и средство к отвращению мнимой сей опасности не стоит такого беспокойства, в каком я теперь вижу тебя и сих господ, – указав на Сенаторов. – Средство сие, – продолжал Князь, в наших руках; мы удобно могли бы оно уразуметь ежели б только хоть немного поусерднее об оном подумали, с тою еще выгодою, что подданные твои Новгородской губернии, более других от войны тяготы понесшие, не будут обременены сим новым, налогом». «Какое же сие средство?» – вопрошает совершенно успокоившийся уже Государь. «Изволь-ка сесть, государь, я тебе скажу, где взять хлеб. – Монарх и все сенаторы сели; и князь продолжал: – Провиант твой будет сюда по крайней мере не прежде, как через два месяца; а до того времени есть у меня столько-то кулей муки; а мне на продовольствие дому моего надобно только половина, или не много по больше: следственно около половины есть у меня излишнего; у князя Меншикова за всеми его

расходами, как я доподлинно знаю, останется еще гораздо больше половины; у Адмирала N. тоже; у того и того столько-то»; и так поименовав всех поименно; и разочтя, что у всех излишнего провианта за двухмесячным употреблением своим останется гораздо более, нежели сколько оного потребно до прибытия ожидаемого провианта на продовольствие войска и бедных граждан, сказал: «Сии остатки возьмите у нас, яко не нужные нам, и таким образом никакой не будет нужды; а как прибудет ожидаемый хлеб, то и можешь ты всем нам взятый у нас возвратить новою мукою, мы же довольнее еще останемся, что вместо лежалой получим свежую; войско твое и все будут снабжены, а бедные крестьяне Новгородские не потерпят излишней сей тягости; да не думаешь ли ты, государь, продолжал князь, чтоб крестьянин мог в таком случае отделаться одним четвериком? Нет, ему мало будет на разделку сию и двух; воры-комиссары сыщут к тому средства, они под предлогом, что мука дурна, прогоркла, и проч. не станут ее принимать, и крестьянин принужден будет с поклонами просить, чтоб хоть вдвое да взяли, только бы его не мучили; а как я уже сказал, что губерния Новгородская от войны гораздо более пред другими чувствует отягощения, и многие из них с нуждою едва и себя с семейством своим прокармливают: то рассуди, — заключил Князь, — какая бы это была для них тягость!»

Монарх, выслушав все сие с великим, вниманием, обратясь к другим сенаторам, кои все молчали, сказал: «Что ж вы молчите и не противоречите? Правду ль он говорит или нет?» Тогда принуждены были все они признаться, что князь говорит дельно и справедливо; и изъявили готовность свою отдать все свои избытки хлеба. «Вижу я, заключил Государь, смотря на них, что можно вам упорство и противоречия его сносить». Наконец Великий Государь в чувствительных выражениях поблагодарил Князя, и признаваясь в неосмотрительности своей, что положился на представленное ему от Сената решение, и в напрасном своем на него гневе, просил в том у него прощения.

Такая признательность в самодержце и испрашивание у подданного прощения не составляет ли драгоценнейшее всех бриллиантов украшение короны его?^[189]

49. Тот же князь Долгоруков вторично оспаривает государев указ, и подобно же получает от его величества благодарение за оное.

В другое время Великий Государь, имея нужду в немалом количестве муки и другого хлеба для флота, прислал в Сенат указ, повелевая доставить к весне означенное в оном количестве хлеба из низовых мест, дабы непоставкою оного не остановить флота.

Прочтен в полном собрании указ сей; но Князь Долгоруков, по выслушании оного, качая головою, сказал: «Спустя лето да в лес по малину; но полно можно извинить государя, бесчисленными его заботами, что не обдумав написал указ сей; ну как можно, (продолжал он) исправиться к весне поставкою суда из такой дали хлеба, упустя время; а хотя б и положить, что с нуждою поставить можно, но в таком случае станет он вдвое, а сам же он имеет нужду в деньгах». Сказав сие, положил он тот указ под сукно.

Тотчас же было донесено о сем государю; и его величество немедленно прибыв сам в сенат, спросил с досадою: исполнено ли по последнему его указу? «Не исполнено, – отвечает на сие Князь, – ибо исполнить оного не можно». Монарх с гневом перебив его речь, сказал: «От тебя всегда противоречия я слышу, с чем же я флот мой выпроводить могу?» «Не гневайся Государь, но выслушай сперва». «Ну что такое? А вот что: время уже упущено, и вычисля, что из столь дальних мест поставить в Петербург хлеб к весне ни как не можно; а хотя б, – продолжал Князь, – и можно было справиться, но станет он ценою почти вдвое, так за чем же такая напрасная трата в деньгах, в коих ты еще и нужду имеешь? А ежели еще и при всем том не может он к тому времени поставиться, как-то и думать можно, то не станешь ли ты более еще тогда на нас гневаться? А можно и без того исправиться, и флоту твоему в свое время выйти в море». «Да как же?» – сказал Государь. «А вот как, – продолжал князь; – у меня скоро будет сюда хлеба больше, нежели сколько на употребление дому моего надобно; у Меншикова, я слышу: идет его и гораздо большее

количество, нежели сколько ему надобно; да чаю и у всей у нашей братии тож; так ты, Государь, и можешь у всех нас излишки те отобрать; а я наверное надеюсь, что сих излишек будет сколько тебе надобно; буде же бы того было и мало, то можно для твоей нужды и из настоящей пропорции нам по несколько ущербить, но до того, чаю, не дойдет; а между тем не торопясь, в свое время и без передачи в цене, хлеб сюда доставить; тогда ты Государь всем нам, как прежде было, взятое у нас количество отдашь, так и ты и мы все будем без убытку, а хлопот-та уже никаких и не будет. Вот для чего, – заключил Князь, – исполнить-та указу твоего было не можно.

Монарх, выслушав оное, поцеловал его в голову, и сказал: «Спасибо дядя! ты, право, умнее меня, и не напрасно называют тебя умником». На сие князь отвечал: «Нет, Государь, я не умнее, но у меня меньше дела, и потому есть время мне обдумать, а и тут иногда ошибаюсь; у тебя же их без числа, так и не дивно, что ты иного и не обдумаешь».

После сего Государь взяв свой указ, при всех оный разодрал.

Настолько-то Великий Государь любил правду, хотя она и была порой груба; и так-то не стыдился признаваться, ежели что докажут ему справедливо, хотя бы то было и в точную противность данного от него повеления!

50. Третично оспаривает князь Долгоруков указ его величества

Незадолго до заключения мира со Швецией монарх, присутствуя в Сенате, повелел для Петербургских и в окрестностях оного производимых работ, сделать по-прежнему наряд работников из губерний.

Но сей же Князь, с свойственною ему смелостью и чистосердечием (сказал на сие Монарху: «Пора бы уже тебе губернии-то от сего и освободить». «Так по-твоему, – пресек Монарх речь его, – надобно остановить работы?») Знаменитый муж вместо ответа сказал Государю: «Время уже обедать, а хлеб-соль не бранятся; пожалуйте ко мне, Государь, откушать, так я тебе скажу, что и наряду работников из губерний не надобно, и работы твои не остановятся».

«Хорошо, – сказал на сие государь, – поедем. И что-то я от тебя услышу?»

По приезде в дом княжий, после рюмки водки хозяин заговорил: «Теперь государь у тебя война, слава Богу приходит к окончанию и армии твоей по крайней мере половина без дела: то если определишь ты одних праздных солдат к работам сим, давая им сверх жалованья заработные деньги, почему и другим работникам платится; тогда и они, и губернии твои будут весьма довольны; а особливая выгода от того будет еще и та, что солдаты твои, стоя на квартирах не без дела, не избалуются.

Признательнейший монарх благодарил его за такое наставление, и указ свой уничтожил. ^[190]

51. Князь Меншиков жалуется государю на князя Долгорукова и следствие об этом

Великий Государь для приведения в наилучший порядок Комиссариатских дел, поручил оные в ведение сего же князя Долгорукова. В одно время, по недостатку синего сукна, отпустил он на один полк Меншикова на плащи солдатам, вместо синего, зеленое сукно. Меншиков, не зная причины, для чего сего цвета сукно отпущено, вообразил, что сделано то в угоду ему, дабы полк его отметить от других, поелику одни только гвардейские полки имели зеленые плащи; и был сим отличием весьма доволен. Но поскольку по прошествии определенного срока мундиру, отпущено было на плащи в тот же его полк по-прежнему синее сукно: то Меншиков, приняв сие за обиду себе, посылает к князю Долгорукову одного из тварей своих, которого он из низкого звания, за приверженность к себе и наущничество, производя из чина в чин, рекомендациями своими и просьбою к Государю, довёл напоследок до полковников. Он приказывает сему Полковнику спросить, для чего на полк его прислано сукно не такого колеру. Полковник сей, или не вслушавшись, или не разумея, что значит слово «колер», или позабыв оное, принявшему его говорит, что Его Светлость просит Ваше Сиятельство дать ему знать, для чего на полк его отпущено сукно не того калибра? – Что ты говоришь? – Не того калибра, – повторяет Полковник. «Глуп ты, брат, – сказал ему Князь, – да и тот, кто тебя и в полковники-то произвел, таков же»; и с тем его отпустил.

Полковник сей, возвратился с таким ответом, рассказал его светлости всё, каким словом отпотчивал Долгоруков его. Меншиков, приняв все это на свой счёт, положил непременно отомстить ему.

А как в сие время Великий Государь возложил на господ сенаторов, чтоб строение кораблей происходило под их присмотром; и дабы никакие отговорки не имели уже места, то чтобы каждой из них взял на себя особой корабль, и за оной отвечивал; в числе которых в угоду его величеству и князь Меншиков принял на себя построение одного корабля. Сей любимец Государев, имевший пред другими более способов, корабль свой построил прежде всех, при спуске которого

присутствуя сам монарх со всеми сенаторами, был весьма весел, и благодарил Меншикова за поспешное построение оногo. При сем-то случае положил он отмстить чувствительнейшим образом князю Долгорукову. Он представил помянутого полковника его величеству, как несносно обиженного Долгоруковым, и дерзость его, которой-де не только полковника сего, но и того, кто его в полковники произвел, называя того и другого дураками; при чем полковник сей, став перед монархом на колени, просил защитить себя от сего вельможи, и проч.

Между тем князь Долгоруков, не ведая о происходившем, спокойно сидит с некоторыми господами за особым столиком и попивает с ними; но адъютант его, бывший потом сенатором, Федор Васильевич Наумов, слышавший ту Меншикова и полковничью жалобу, предупредил о том князя, сказав ему на ухо те на него наветы; но тот, презирая всё это, сказал с холодностью: «Пусть их жалуются как хотят.»

Однако монарх весьма прогневался на Долгорукова; он подойдя нему, сказал с гневным видом: «Давно ли я у тебя в дураки попал? Но Катон наш равнодушно ответствен монарху, что вопрос сей его удивляет; ибо того и в мысль ему придти не может. Государь спрашивает его: «Говорил ли ты присланному к тебе от Меншикова полковнику такому-то, что он дурак, а таков же и тот, кто его в полковники произвел? – Говорил, – отвечает Князь. Но кто ж жалует в Полковники? – пресекает речь его Государь, ведь это я; следовательно и я у тебя дурак. – Нет, Государь, сего Ты на свой счет принять не должен: вы знаете, как я вас разумею; а сие сказано мною о Меншикове, который дурака того, из подлости и из изменничья сына производя, довел до подполковника, которого ты по его же убеждению уже пожаловал в полковники. Но ты бы, по правоте своей, конечно его бы не пожаловал в такой чин, ежели бы Александр похвалою службы его тебя к тому не убедил. Но спроси, где он служил и чем себя отличил, то окажется вся его заслуга в коварном только ласкательстве и в наушничестве его Александру. – Какого же изменника он сын? – спросил всё же монарх. – Казненного стрельца такого-то, – отвечивал Князь, – я о сем узнал достоверно и хотел было тебе о том сказать, но ты меня сам предупредил; при чем рассказал монарху, за что он назвал того полковника дураком. Поскольку же его величество во всем верил сему мужу, то и обратился весь гнев его уже

на Меншикова; однако же, не дав одного ему почувствовать, помолчав не много, сказал Долгорукову: «Хорошо дядя, я все сказанное тобою расследую»; и тогда же в удовлетворение обиды, причиненной ему, полковника того приказал арестовать и отвести в крепость.

Не трудно вообразить, сколь чувствителен был такой оборот Меншикову; он не смел уже тогда предстательствовать за любимца своего, а увидел себя принужденным ради спасения его искать помощи в том же Князе.

Итак на другой день Меншиков приехал к нему, и как бы не зная его разговоров с государем, говорил ему: «Ты не сделал несчастным ни одного человека, так можно ли было ожидать, чтобы ты погубил ни в чем пред тобою неповинного полковника?» «Не я его погубил, а ты сам, – ответствовал тот; – ты, конечно, не то ему приказывал сказать мне, что он соврал, за что и назвал я его дураком; и тебе бы должно о том снести прежде со мною, да и не жаловаться государю». Меншиков признался, что он виноват, и просил его с покорностью спасти полковника, которого он любил. «Хорошо, – сказал сей добродетельный муж, – но надобно для сего дожидаться спуска моего корабля; тогда я не упущу случая просить о нем Государя; а оный, – примолвил Князь, – скоро поспеет, ежели ты поможешь мне в работниках, которых у меня маловато, и достать я их не могу».

Меншиков, не распуская своих работников, того же еще дня всех их прислал на корабль Долгорукова, и чрез несколько дней он уже приготовлен был к спуску.

Монарх, в своем же присутствии спустив его на воду, имел на оном и обеденной стол, данный строителем, за которым присутствовали её величество, и вся знать, в числе которых и князь Меншиков.

Сколь был Монарх весел и доволен строителем и угостителем, сие он доказал уже после стола: он, взяв супругу свою за руку, подошел к князю Долгорукову и, сев подле его, говорил монархине: «Дядя наш больше нам друг, нежели подданный; никто столько нас не любит, как он; всегдашняя правда, говоренная им мне, и ревность его к отечеству сие доказывает ясно, и ты обязана его столь же много любить, как и я; проси, друг мой, у меня, сказал наконец государь князю, я все для тебя сделаю». «Хорошо, – сказал Князь, – посмотрю, сделаешь ли, о чем

тебя попрошу». «Сделаю, – повторил государь». – «Так простите же арестованного полковника: я больше ни о чем тебя не тружу».

Великий государь похвалил его великодушие, и тот же час простил его и освободить повелел. Князь, возблагодарив монарха, в ту же, минуту предупомянутого адъютанта своего послал к полковнику сему, объявить о сем указе Государевом; и велел притом сказать ему, что если Государь сам о чем будет спрашивать его, то б сказал ему всю правду, не осмелясь отнюдь что-либо утаить, и паче солгать; но до сего однако же не дошло: его величество уже не видал его; ибо в наказание Князю Меншикову определил его в одну дальнюю крепость комендантом, куда и должен был он на другой день по освобождении своем отправиться. [\[191\]](#)

52. Доверенность государева к князю Долгорукову

Великий Государь, однажды разговаривая с сим же князем о разных важных материях, между прочим, когда же дошла речь до полков гвардии, то его величество сказал: «Я благодарю Бога, что гвардию мою довел до таковой степени совершенства, что она может служить всей армии моей достойным к подражанию образцом». «Я знаю, – отвечивал на сие последнее князь, – что она добра; да есть ли из офицеров оной такие, на которых бы ты во всем полагаться мог, паче же касательно до некорыстолюбия, беспристрастия и верности». «Есть, – перебил речь его государь, – и много, а особливо два из них достойны всей моей доверенности». «Кто таковы сии два?» – спросил Князь. «Ты их знаешь», – отвечает Государь. «Да я и всех знаю; но о сих отличных догадаться не могу – Я к тебе их завтра пришлю; посмотри их. На другой день в 5 часов поутру явились к князю гг. Ушаков и Волков, доложив ему, что их к его сиятельству прислал государь, и что он им прикажет?

Князь вступил с ними в пространный разговор, содержание которого было должность верноподданническая, с каким усердием и ревностью обязаны все исполнять начальничи, а тем паче верховной власти повеления, и проч. и как разговор сей продлил Князь до того времени, в который надлежало им быть у должностей своих, то они откланиваясь, спрашивают, что его сиятельство приказать им изволит?» «Ничего», – отвечивал Князь. Что ж они могут сказать Монарху, пославшему их к нему? «Ничего, – опять сказал Князь, – я сам увижусь с ним, да что вы так торопитесь? – примолвил он, – вы можете еще побыть у меня и поговорить». – «Никак невозможно нам продлить времени, ибо настал тот час, в которой мы должны быть у должности». – «Ну так прощайте». – заключил князь.

Великий Государь того же дня увидевшись с ним, спросил его: каковы показались ему офицеры? «Я их знаю, – отвечивал Князь; – но не знал только того, что ты их от прочих так отличаешь. Ушаков подлинно хорош, – продолжает он; а другой хотя может быть столь же верен, но мне показался он плоховат. – Нет, нет дядя, – перебил

Государь, – не смотри на вид, он не хуже Ушакова исправить может всё, что ему ни поручи; одним словом, – заключил Государь, – я равно на них обоих положиться во всем могу; и ежели б я таких много у себя имел, то мог бы себя назвать совершенно счастливым». «Правда, ответственал Князь, не все с равными рождаются способностями; но добрых и способных не найдется много, когда не ослабевая примечать ты их будешь, и достойному воздавать достойное; и спасибо тебе, что ты о сем и заботишься.»^[192]

53. Князь Яков Федорович повелевает одному обвиненному сенатом подать государю на Сенат и на себя самого челобитную

История древняя и средняя показывают, что при всяких пирушках и празднествах приносились, так сказать, жертвы Бахусу; и сие древнее обыкновение не чуждо было и знатных домов и даже самих дворцов государей, как азиатских, так и европейских. Чаша Геркулесова обращалась в руках многих из них; Александру приписывают и самую преждевременную смерть его, выпитию сей чаши, для того только, что не хотел он уступить и в сей чести сему герою древности.^[193] Кир Младший, желая доказать, что он большими обладает дарованиями, нежели старший брат его Артаксеркс Мнемон, между прочим хвалился и тем, что он больше него вынести может крепких напитков. Наш великий князь Владимир отверг предлагаемую ему магометанскую веру, между прочим и для того, что она запрещала употребление крепких напитков, говоря: у нас всякие веселия в подпитии бывают. Не чужд сего был и Генрих IV, тоже впрочем достойный Государь: «Если я люблю попить, – говаривал он, – то для того, чтобы развеселить дух».

Во время, в какое жил и наш Герой, также не могли похвاليшься большим пред прежними временами воздержанием от излишнего употребления крепких напитков, особливо же о святках при славливаниях, известно, что при таких излишествах провинившиеся в чем-нибудь, вместо наказания, должныствовали выпивать пред другими больше. Князь-папа Зотов не редко таковые делал наказания; а одного из знатных отправил на тот свет.

Полковник Блеклой имел в Сенате тяжёлое дело с помянутым Зотовым, Сенатор князь Яков Фёдорович Долгоруков, почитая на стороне первого сираведливость, уверил его, что дело решится в пользу его; и г-н Блеклой крайне положился на слово и справедливость сего Катона нашего; но сверх ожидания, соперник его был оправдан, а он обвинен; а как определение оное между прочими подписано было и князем сим, то полковник придя к нему, стал жаловаться ему на него же самого; и сей беспристрастный судия повторяет ему, что он

действительно прав; но он должен был подписать, да и приказал ему непременно подать на сие решение Сената и на него самого апелляционную челобитную государю.

Полковник исполняет это; монарх спрашивает его, не принимая еще апелляции: что значит сия бумага? – Челобитная на Сенат, – отвечает г-н Блеклой. – Но подписал ли определение Долгоруков? – вопрошает государь и услышав, что подписал, принял челобитную, прочел, велел принести к себе дело; рассмотрел, и найдя действительно его правым, призывает к себе Долгорукова, и спрашивает у него о сем деле. Тот отвечает, что Блеклой прав, а Зотов виноват. «Да как же ты подписал обвиняющее его определение? спрашивает его государь. Сильная рука Зотова превозмогла, говорит Князь; но ныне наступили святки, а он брата моего, по злобе на него, уже опоил, либо если б я обвинил его, была бы, может быть, и мне от него та же участь; а как ты, государь, заключает Князь, переделаешь и нас обвинишь, так не на кого будет ему и сердиться».

Правосудный однако же государь не был доволен сим извинением князя; он оправдав Блеклова, наложил на всех сенаторов знатный штраф, а князя оштрафовал пред другими вдвое, «из-за того, заключает государь сие решение свое, что он всех их умнее».^[194]

54. Сего же князя совет касательно рекрутского набора монарх принимает с благодарностью

Великий Государь прислал в Сенат указ о новом наборе рекрутов; а так как набор сей случился прежде обыкновенного, то когда прочтен был сей указ в Сенате, то князь Долгоруков с негодованием сказал: «Долго ли быть сим разорительным народу и государству наборам?» – и по обыкновению своему в таких случаях, положил оный под сукно. Исправлявший тогда должность обер-прокурора, гвардии майор Иван Ильич Дмитриев-Мамонов – Большой, и все Сенаторы, говорят ему: как он осмеливается остановить исполнение указа самодержца своего? «Я знаю что делаю», – отвечает тот. Тотчас доносят обо всех словах и действиях его Монарху: и может быть с прибавлением ещё.

Великий Государь, хотя и был уверен в ревности сего Сенатора, но не мог не прогневаться на него за такую дерзость; он призывает его к себе, и выговаривает ему за то с досадою. «Государь! – отвечивал Князь; – ты отец подданных своих, так, неужели не чувствуете вы скорби и разорения их от так частых наборов рекрутских? Неужели не трогают вас слезы, рыдание и вопль отцов, детей и жен сих бедных людей при разлуке с ними? Неужели не чувствуете, сколько рук отнимается от земледелия? Ежели бы хорошенько подумали о сем, то бы конечно сыскали средство, по крайней мере на сей раз, обойтись и без сего набора.

Сколь ни должна была показаться такая речь Монарху огорчительною, но он не мог однако же не тронуться ею, и без досады сказал ему: «Какое же средство сыскать можно, обойтись без рекрутов, когда они к наполнению полков необходимо нужны?» «А вот какое, – отвечает Князь: – ты знаешь, Государь, сколько поныне находится рекрутов в бегах и кроются от страха наказания в лесах, из которых многие вдалились в воровство и разбои; попробуйте простить их всех за побеги, и уверьте их, что буде они добровольно от публикации указа явятся через полгода; или как изволишь назначить срок, то никакого как им, так и укрывающим их не будет наказания. Я надеюсь, – заключил Князь, – что их явится столько, сколько тебе ныне надобно».

Монарх, выслушав сие, сказал: «Добро дядя, попробую поступить ныне по твоему; и увидим будет ли так, как ты предполагаешь.

В самом деле милостивый сей указ оправдал надежду княжью; и столько их явилось, что не было уже надобности в публикации на этот раз о указа рекрутском наборе.^[195]

Рассуждая о таковых противоречиях и спорах с самодержцем своим сего князя и многих других подобных ему сынов отечества, невозможно не ощутить, что великий государь отнюдь не думал, чтоб заключения его были безошибочны, и чтоб не было других, более основательных.^[196] Нельзя не ощутить, чтоб вниманием толь великих истин и соглашениями своими на оные, не изъявил он желания приучить всех открывать в себе искренние чувствования сердец своих, и говорил с собою таким же тоном. Мы видели обращения его с подданными и подданных с ним, сколь были оные искренни и просты, так что, кажется, все занимавшие важнейшие места, щеголяли и как бы гордились друг пред другом тем, чтоб спорить с государем и поставить на своем. Не служит ли сие отличием его от всех бывших до него государей, Великими названными?

Об Адриане, императоре римском, пишет Авл Геллий, (Афинские ночи, гл. 3), что он ненавидел всех, кои были учнее, или умнее его, и многие лишены были от него за то и самой жизни; столь же было опасно и спорить с ним. Его времени философ Фаворин говаривал, что для него три вещи удивительны: 1) что, он будучи галлом, говорил по-гречески; 2) что, быв евнухом, обвиняем был в прелюбодеянии, и 3) что спорил с Адрианом, и не был лишен жизни. Но сколь же многих Адрианов представляет нам история!

55. Хитрость корыстолюбивых купцов голландских

Известно, сколь малы были при Герое нашем государственные доходы; и что потому нередко его величество чувствовал нужду в деньгах. Из голландских купцов, к которым монарх был весьма благосклонно расположен, одна компания, ведая сию нужду, предложила его величеству, что может она доставить ему нового дохода, без всякого отягощения народа, в год до миллиона и более рублей. Государь, благосклонно выслушав предложение сие, желал знать источник того, из коего они почерпнуть могут такую прибыль; тогда купцы эти подали его величеству приготовленный уже им проект на письме, содержание которого было следующее:

I. Отдать им на откуп на десять лет сбор внутренней пошлины; а они за оное обязуются платить, сверх той суммы, какая из трехгодичной сложности выйдет, по 30 копеек на рубль, не прибавляя ни на какие вещи ни цены, с каковой берется пошлина, и не увеличивая оной; следовательно ни малейшей тягости не прибавится ни продающим, ни покупающим те вещи.

II. А за это требуют они, на такое же число годов, дать им право покупать самим из первых рук внутри всей России всякие продукты, произрастения и изделия; а ими привозимые всякие же товары продавать гуртом и в розницу всякому произвольною ценою. Из сих двух пунктов выводили они, сверх столь знатной прибавочной ими к пошлинным сборам суммы, еще и следующие выгоды: 1) что сею торговлю их увеличится торговля внутренняя, а следовательно и портовая пошлина; 2) что земледельцам подастся способ к размножению продуктов своих; 3) Россияне из ближайшего такового обращения с иностранцами переймут от них новые познания, особенно же купечество Российское, из коего многие служа у них приказчиками, узнают искусство вести правильную торговлю.

Монарх, прочитав проект сей, хотя и проник в скрытую их хитрость, однако же с благосклонностью отвечал, что он о сем подумает, и даст им знать волю свою. И так в тот же еще день, прибыв сам в Сенат, предложил проект тот гг. сенаторам, желая знать на оный

их мнение, дав при том знать, что он имеет нужду в деньгах; А миллион рублей прибыли может нужду сию удовлетворить.

Господа сенаторы, по некоем рассуждении, признали оный полезным; но один из них, князь Яков Федорович Долгоруков, во все время рассуждения не говорил ни слова. Великий государь, заметив сие, сказал последнему: «А ты, дядя что же ничего не говоришь?» «Для того, – отвечает тот, – что я размышлял о коварстве предложивших этот проект, и уверен, что они дадут и по 50 копеек на рубль пошлиной, или больше, только б им прибрать в одни свои руки всю внутреннюю торговлю. Велите только призвать их в Сенат, и дайте мне волю поговорить с ними: то увидите, правду ль я говорю? Монарх охотно сие позволил; и как уже было поздно, то назначен к сему завтрашний день.

На сей день все господа сенаторы съехались ранее обыкновенного, и послали просить предложивших проект купцов в Сенат, по прибытии которых князь начал с ними говорить: что государь приемлет предложение их милостиво; но как сами они ведают, насколько его величество их жалует, любит и бережет как собственных своих детей, и для того надеется, что они конечно прибавят еще к 30 копейкам. Голландцы, желая будто бы показать, сколько они чувствуют милость его, прибавили первым словом еще по гривне; на увещание же князя и других сенаторов, по неким их оговоркам, что могут они остаться в убытке, согласились однако же наконец, поговоря между собою в другой комнате, прибавить и еще по гривне, то есть по полтине на рубль. Князь благодаря их за усердие, отпустил, обещаясь доложить того же еще дня обо всем Государю.

В самом деле князь из Сената поехал к его величеству; он представил ему, сколь охотно прибавку эту они учинили. «Но я уверяю вас, государь, – продолжал князь, – что они дадут и больше; но сколь сие разорительно будет твоим купцам и всему народу, то могут тебе яснее представить сами купцы твои; призовите их только их к себе, и поговорите с ними сами обо всем том.

Великий государь, поблагодарив князя, того же дня призвал лучших из них, в числе коих был и московской гость Евреинов^[197], муж старый, почтенный и знающий торговлю, которого монарх довольно и знал. Его величество предложил им сей голландский проект, и потребовал на него их мнения. Купцы прочитав поглядывали

друг на друга и молчали. Тогда Государь сказал помянутому Евреינוву, назвав его по имени: «Что ж ты молчишь? тебе особливо надобно говорить, как старику, и как больше других знающему свое дело». «Всемиловейший Государь! – отвечивал тот, я осмелюсь спросить у тебя: для армии твоей надобны ль тебе холст, шерсть и кожи? – Без сомнения! Хорошо: надобно ли тебе, Государь, еще, чтоб твои подданные от торговли богатели и оную в пользу государственную распространяли? – И то неотменно нужно, – отвечивал Государь. «А когда так, – сказал старик, – то я доношу тебе, если отдать всю внутреннюю русскую торговлю одним голландцам, то всё погибнет безвозвратно; они, яко люди весьма богатые, скупать будут все наши продукты и произрастения одни; и в 10 лет не только разорят купцов твоих, но и самых крестьян, унижая год от году цену оных; да и портовая торговля претерпит великой упадок: ибо что будут покупать другие иностранные купцы, когда у одних голландцев в руках все наши будут товары? А ты, Государь, ту прибыль, какую они тебе обещают, с лихвою назад им отдашь, покупая у них для армии твоей и холст и кожи и все нужное, а может быть и самой хлеб, такую ценою, какую они назначать. Что ж они бают, что могут научить нас порядочнее вести торговлю: то напротив они и то знание, какое мы уже имеем, у нас отнимут. Кто им велит научать нас тому, что навредить может собственной их пользе? Да и могут ли, – заключил Г. Евреинов, – успевать в таком случае какие-либо твои в рассуждении торговли и фабрик заведения, когда они все приберут в свои руки?»

Великий государь, со вниманием выслушав сие, сказал: «Спасибо, старик, что ты дело разумеешь». – И голландцам было отказано.

Из сего заключить должно, что нельзя, чтоб только остроумный Монарх не проник в коварство предлагавших, но он любя делать всё с совета и пользоваться искренностью подданных, не только предлагает Сенату своему оное на рассуждение, но и призывает купцов, и яко в деле, до части их относящемся, желает знать их мнение, как бы для проверки собственных своих заключений, и благодарит их за совет. [\[198\]](#)

56. Подобная же хитрость голландцев, также отвергнутая

Когда гг. голландцы ни в чем не преуспели в раз суждении показанного своего проекта, а увидев, что российские суконные фабрики начали заводиться и время от времени успевать; с другой же стороны, как и в предшествующем анекдоте мы уже видели, зная государеву нужду в деньгах, но желая в самом начале, так сказать, подорвать заводимые в России те фабрики, предложили его величеству план, по коему обязывались десять лет ставить на всю его армию сукно с уступкою против русских сукон с аршина по гривне.

Великий Государь хотя также проник в коварство сего плана, но желая узнать и на оное мнение Сената своего, отослал план сей в оный, повелевая чрез три дня представить себе на то мнение их.

Господа Сенаторы, не проникнув намерений коварных сих голландцев, принялись за исчисление только прибыли, сколько оной получит казна от таковой уступки в десять лет; и увидев, что знатная составитя из оной сумма, без дальнейших размышлений признали план сей за полезный. Один только из них князь Долгоруков, молчавший до того, объявил, что он с ними не согласен, и плана коварных голландцев не одобряет; а какие имеет на то резоны, обещал изъясниться на письме. Прибыв же из Сената в дом свой, посылает просить к себе знакомого ему Московского суконного фабриканта Симонова, бывшего тогда в Петербурге. Тот приходит; князь предлагает ему план голландцев, и требует от него на то мнения!

Сумма, говорит на это г-н Симонов, уступаемая голландцами, довольно велика, и что им по той цене поставить своих сукон невозможно. Но сею казенною прибылью до основания разорятся все, с таким трудом и иждивением заведенные Российския фабрики; и мы все, продолжает г-н Симонов, должны будем их бросить, а обученные делу суконному люди разойдутся; и как отвыкли они от крестьянских работ, то сделаются ежели не ворами, так по крайней мере ни к чему негодными тунеядцами; когда же таким образом фабрики исчезнут, и заводители оных разорятся, то вновь заводить их по прошествии десяти лет будет еще труднее; что ж тогда останется делать? не

принуждена ли уже будет казна у тех же самых голландцев доставать сукна, и такую ценою, какую они сами назначат? Из сего ваше сиятельство заключить можете, не во вред ли невозвратной мнимая сия, Голландцами обещаема прибыль, будет казне и всем нам? К тому же и то представишь надобно, что если казна ныне и лишнее платить будет своим фабрикантам за сукна, то вся трата сия в том только состоять будет, что из казны перейдет некая сумма в руки подданных, а не вывезена будет в иноплеменные государства.

Князь, выслушав сие и поблагодарив за то, отпустил его.

Между тем Сенат, не дождавшись от князя обещанного им изъяснения, чрез три дня донес его величеству как о своем мнении, так и о несогласии с ними Долгорукова, от коего не могли они истребовать причин тому.

Монарх призываем его к себе, и спрашивает: какие он имеет резоны несогласию своему с товарищами его?

Князь пересказывает его величеству весь свой разговор с Симоновым, и заключает: «Вот причины, почему я не согласен с ними».

Великий государь, чувствительно возблагодарив за усердие и поцеловав его в голову, сказал: «Я не сомневаюсь, чтоб вы не были таковы и впредь». И так помянутый проект голландцев, как и первый, был отвергнут. Г-н Симонов получил подобную же от признательного государя благодарность. [\[199\]](#)

57. Особенное расположение Петра Великого против легких плотских грехов

Из следующего анекдота яснее предыдущего явствует милосердие Петра Великого и, может быть, так же политическое мнение о плотских грехах и юношеских проступках. Как он однажды на частых своих и всегда скорых поездках в Москву с малым поездом остановился в воскресный день в Вышнем Волочке и рассматривал несколько часов от части тогда начатые, от части располагаемые водяные коммуникации, то, довольно устав, возвратился в местечко, чтоб там совершить умеренный свой обед.

Тогда собралась по обыкновению у ворот и в сенях большая часть жителей с их сыновьями, так же много жен с своими дочерьми в праздничных платьях, чтоб видеть монарха. Тогда царь обыкновенно то с тем, то с другим разговаривал, спрашивал о их упражнении и о обстоятельствах того места. Во время такового разговора усмотрел он чрез толпу своих зрителей из дали в сенях стоящую в чулане взрослую крестьянскую девку, которая была изрядного лица, что она на него смотрела и всегда пряталась за дверь лицом, когда усматривала, что царь на все обращал свои взоры.

Царь тем большее получил желание видеть ее. И так долженствовала она выйти из чулана, в котором она пряталась, но охотно при том желала видеть сего государя и войти к нему в избу. Она одною рукою покрыла лице, как будто бы стыдилась и плакала. Царь, не заключая об ней ничего худого, почел сие невинною застенчивостию и девичьего стыдливостию, взял ее за руку, начал говорить с нею ласково, чтоб она ничего не боялась и что она хорошая девушка и пора ей выйти за муж. На сие засмеялись прочия крестьянския жены, а некоторые из них весьма громко захохотали. Царь на то несколько разсердился и, приступив к ним, сказал: «Чему вы, дуры, смеетесь? Что сия девушка скромнее вас и от стыдливости плачет?» При сем крестьянки еще больше смеялись. Царь обратился к близ стоящему крестьянину с сими словами: «Скажи мне, чему сии дуры смеются над скромностию сей изрядной девушки? Разве они ревнуют, что я с нею говорю и она мне лучше прочих нравится?» –

«Нет, всемилостивейший государь! – отвечивал мужик. – Они не тому смеются, а тут есть другая причина», – «А какая?» – спросил царь. «Ваше величество называете ее девушкою, а она уже не такова». – «Да что же она, – продолжал царь, – разве она уже замужем?» – «Нет, – отвечивал мужик, – и не за мужем, она дочь моего соседа, прилежная, трудолюбивая и в прочем изрядная девушка, но только сжилась с немецким офицером, в службе вашего величества, которой тогда у нас стоял постоем и вскоре потом был отряжен в другое место. С ним прижила она сына, и по сей причине прочия девки нашего села с нею не обходятся и над нею смеются». «Великое дело! – сказал царь. – Ежели она более ничего худого не сделала, то для чего столь долго заирать её преступление и для того явно над нею ругаться? Я не хочу, чтоб сие было, – сказал он громко, чтоб все слышали, – и всем вам повелеваю, чтоб не исключать ее ни из какой беседы с другими женщинами и девками, а менее того, чтоб кто отважился делать ей малейший в том упрек». Он взял потом опять за руку сию девку, говорил ей, чтобы она не боялась и больше ни о чем не печалилась, а как, по его требованию, принесли ему ея сына, который был изрядный и здоровый двухлетний мальчик, то сказал сей государь: «Это очень хороший мальчик, который будет добрым у меня солдатом. Старайтесь, чтоб он вырос, я буду временно об нем спрашивать, и его должно мне показывать, когда я сюда ни приеду». Под конец поцеловал он мать, подарил ей целую горсть рублевиков и с тем отъехал. [\[200\]](#)

58. Происшествие, касающееся князя Долгорукова, по которому подпал было он под гнев монарший

Сей ревностнейший из слуг Петровых муж впал было однажды, хотя и неумышленно, в искушение, прогневавшее Государя о котором он однако же сожалел во всю свою жизнь.

Во время следствия, производившегося над князем Гагариным, который по богатству и знатности своей имел многих сильных защитников, и в числе их князя Меншикова, а через него и самую императрицу, когда сей виновный опасался паче других князя Долгорукова, яко судию неприступного ни к какому пристрастию, то приложены были всевозможные старания поколебать добродетель сего Катона.

Хотя же по строжайшему беспристрастию его никто не смел показаться к нему с подарками; замечено было однако, что он любил при покупке вещей, нужных ему, выторговывать в цене, и даже покупать и такие, какие хотя были ему и не надобны, но казались слишком дешевыми. С сей-то стороны покусились уловить его; что отчасти и удалось им: подкуплен был любимый его дворецкий, которой предложил князю, что Гагарин, имея крайнюю нужду в деньгах, между прочими вещами своими продает пребогатую Персидскую, или Китайскую, чего-де я доподлинно не знаю, палатку, за самый бесценнок; она-де стоит по крайней мере пяти тысяч рублей (хотя в самом деле стоила и гораздо более), а просят за нее полторы тысячи; не прикажете ли, продолжает коварный дворецкий поторговать её? Может-де быть, возможно будет выторговать немало и из сей цены?

Князь, ни мало не подозревая дворецкого, которого любил, сказал ему: можно ли ее видеть? Не знаю сказал коварный, но постараюсь о том. На другой день, будто бы он старанием своим, чрез посредство пяти рублей, им на то издержанных; достал ее для показа князю; ему она весьма понравилась; а особенно потому, что была дешёва; он поручил дворецкому сему её сторговать; тот через несколько будто бы дней, торгуя её, купил за тысячу рублей, и князь находкою сею так был

доволен; что из оного родилось в нем большое сожаление о судимом князе Гагарине, и замечено было, что он после сего не так уже строго судил о его делах.

Известно, что никакие ходатайства за этого преступника, никакие пронырства и хитрости, не могли у правосудного государя защитить его, а прямого средства к спасению своему несчастный сей князь Гагарин или не знал, или не хотел употребить, то есть, признаться во всех своих преступлениях; сие одно могло бы спасти его: ибо истинное раскаяние в прогрешениях всегда склоняло монарха на милость.^[201]

По совершении казни над сим несчастным^[202], недоброжелатели князя Долгорукова внушили Государю, что он с казненного взял взятки, и именно, пребогатую такую-по палатку, которая-де и ныне у него в доме находится.

Можно себе представишь, сколь должен был раздражиться на него Государь почитавший всегда в нем бескорыстие и беспристрастие за непоколебимые добродетели. Он прилизывает его к себе, и с гневом говорит ему: правда ли, что ты с Гагарина взял взятки? Князь отвечает, что неправда, и что какойнибудь бездельник обнес его у его величества. Монарх уличает его палаткою оною. «Она мне не подарена, и никто не смел мне бы предложит о том со стороны Гагарина, – отвечает он; – а куплена дворецким моим за тысячу рублей и деньги те я сам выдал». Знаю я, сказал на сие монарх, что ты выдал тысячу рублей, но сия тысяча осталась у твоего плутадворецкого, а ты за тысячу рублей имеешь такую палатку; которая стоит более 5000. да и повелел оную принести к себе; и поскольку она и в самом деле стоила несравненно больше заплаченных за нее денег, то Монарх сказал: «Можно ли за тысячу рублей купить ее? И ты ещё запираешься в бездельничестве своем?»

Пристыженный сим князь впервые поклялся пред монархом, что он отнюдь не почел сие за взятки, или за хитрость; и рассказав в точности все слова дворецкого своего, просил в умышленном сем преступлении своем прощения, и что он впредь никогда уже не впадёт в подобное искушение.

Дворецкий был о сем допрошен и признанием своим во всем оправдал князя. Он был наказан как бездельник и по просьбе князя, не хотевшего иметь уже у себя сего плута, сослан в ссылку. Монарх принял опального князя его в прежнюю свою милость, пригрозив

однако же ему, что если он впредь что подобное сему учинит, то бы не пенял уже на него; «ибо-де я, – заключил государь, – ни для кого не нарушу правосудия».

После сего князь сей был столь осторожен, что никогда у дворян и у находившихся в службе не покупал ни чего, не доложась государю; а те, кои имели в Сенате, или в Коллегиях и Канцеляриях какие дела, не осмеливались и подобного уже покушения над ним сделать.^[203]

Служба сего редких достоинств мужа началась при царе Алексее Михайловиче в 179 году^[204] (1673) стряпчим и в том же году пожалован стольником. При царе Федоре Алексеевиче был в Казанском разряде Воеводою, и велено ему было писаться Наместником Симбирским. При Петре Великом в 184, 190 и 191 годах, был Комнатным Стольником; в 197 был в Крымском походе; в 198 г. был в судном Московском приказе судьей; в 203 году был в Низовом и Азовском походах; в 205 г. присутствовал в Судном Приказе, и в том же году возложено на него было охранять границы со стороны Крыма, и он был пожалован Ближним Стольником и Воеводой *с вичем*^[205], а потом Боярином, и в Азовском походе Сходным Товарищем боярина и главного воеводы *Алексея Семеновича Шеина*; в 1700 году ему были поручены взятые у турок города. 18 февраля 1700 года он был пожалован начальником Приказов Иноземческого и Рейтарского и Генералом-Комиссаром; в сем чине под Нарвою взят был Карлом XII, за данным от него словом, в полон. Каким образом избавился он из плена сего, то показано выше. Скончался он 24 июня 1720 года, после 49-летней службы, имея от рождения около 70 лет. Погребен он был в присутствии государя в Петербурге; он был тогда тайным советником, сенатором и Ревизион-Коллегии президентом, он женат был на двух женах, из коих первая из роду Наумовых, Ульяна; вторая из роду князей Черкасских Ирина: от первой имел дочь княжну Анну, бывшую за флота поручиком Алексеем Петровичем Шереметевым, от второй дочь же, которая на пятом году жизни своей скончалась.

Сей великий муж имел пословицы:

Любить Царя, любить отечество,
Царю правда лучший слуга.
Служить, так не картавить.

Картавить так не служить.

Петр Великий, истинный ценитель достоинств, внимал его противоречиям, смешанным с грубостью, свойственною сему князю, и всегда обращал оные в пользу государственную. Имя сего добродетельного мужа и твердость его никогда не будут забвенны; но сколько он тем обращает к себе почтения, столько приумножает оно и Герою нашему, довернностью своею к нему доказавшему, сколько он ненавидел лесть.

КОНЕЦ III ЧАСТИ

Реестр свидетелей, от которых издатель слышал сии анекдоты, и которых имена в конце каждого анекдота означены

Свидетели, имена которых означены в конце каждого анекдота, по большей части неизвестны читателям сих анекдотов и того ради я за нужное почел приобщить здесь реестр оных с кратким описанием и показанием тех обстоятельств и случаев, при каких все они имели обращение с Петром Великим, или были свидетелями рассказанных ими приключений. Я не буду упоминать о них более ничего, как только то, по какому случаю был я с ними знаком и слышал от них анекдоты, хотя многие из сих особ заслуживали бы подробнейшего описания их жизни.

Мало уже осталось в живых таких особ, которые лично знали Петра Великого, и, может быть, нет уже никого, кто бы мог похвалиться тем, что, он имел обращение с сим великим монархом; но весьма много еще находится таких, которые также, как я, либо еще и более знакомы были с упоминаемыми здесь свидетелями, имевшими обращение с Петром Великим, от которых слышал я сии анекдоты.

А

Ашев (Фридрих), родом из Силезии. Во время Шведской войны был Секретарем при Генерале Вайде, который всегда находился при Государе. Потом был он Почт-директором в Петербург, а при Императрице Елизавете Петровне, во время войны с Прусским королем, пожалован статским советником и получил от Римского императорского двора баронский титул. За несколько лет перед смертью уволен он был от трудной своей почт-директорской должности. Умер в 1771 году, в Петербурге, имея более 80 лет от роду.

Б

Безстужев, граф Алексей Петрович, природный российский дворянин, посланный в юности в Берлинскую гимназию, где он с братом своим Михаилом Петровичем несколько лет учился французскому и немецкому языкам. Потом предпринял он путешествие чрез иностранные государства, и во время его пребывания в Ганновере тогдашний курфюрст, а после бывший король английский Георг I пожаловал его камер-юнкером и вскоре потом своим посланником при дворе Петра Великого. Сей монарх столько обрадовался, видя в первый раз одного из своих подданных в иностранной службе и в столь знаменитой должности, так что с отменною милостью его принял, а по окончании посольства взял его обратно в свою службу. Его царское величество отправил его российским послом в Копенгаген к королевскому датскому двору, откуда несколько раз был призываем к императору в Петербург и обратно отпускаем. Однажды в таком случае подарил его Петр Великий миниатюрным своим портретом, осыпанным бриллиантами, к которому он столь великое имел уважение, что до самой своей кончины всегда его на груди носил. Наконец пробыл он там до заключения мира со шведами, последовавшего в 1721 году, а потом отправлен послом в Гамбург, лежащий в нижней Саксонской округе. При владении императрицы Анны Иоанновны паки отпущен он был в Копенгаген российским императорским послом, но за два года до ее кончины призван обратно в Петербург и объявлен кабинетским министром; после того императрицею Елизавет Петровною пожалован виц-канцлером и года с два спустя, в 1744 году, великим канцлером (Российская) государства. В 1758 году был он сослан в свои деревни, но в 1762 году императрицею Екатериною II паки ко двору призван, где без всякаго отправления должности получал годовую пенсию 20 000 рублей и умер в 1768 году, имея от рождения 78 лет.

Брюин, родом из Голландии, был в голландской службе лейтенантом на военном корабле и вместе был избран в царскую службу, когда Петр Великий в 1711 году выпросил себе от Генеральных штатов некоторое число искусных морских офицеров для исправления своего флота и соделания хороших морских офицеров из собственного его народа. Он дослужился при царском флоте и Адмиралитете до капитан командорского чина и имел счастье в

доверенности сего монарха при ежедневном общении с его величеством; под царствованием императрицы Анны Иоанновны был произведен генерал-экипажмейстером при Адмиралитете и умер в оном чине при императрице Елизавете Петровне 1744 года.

В

Веселовский, российский императорский тайный советник в Коллегии иностранных дел при императрице Елизавете Петровне. Он еще при Петре Великом был секретарем помянутой Коллегии и при иностранных посольствах в Англию и Гаагу часто посылаем к Петру Великому с тайными известиями и от его величества с новыми приказаниями к его министру обратно отправляем, он умер в глубокой старости в Петербурге 1751 года.

Г

Гроот, Н. Н., немец, дед его был нидерландец, в службе царя Алексея Михайловича, а отец его, рожденный уже здесь в Москве, офицером при первом учреждении регулярного войска Петра Великого, с коим он почти был во всех походах и дошел до полковничьего достоинства. Под государствованием императрицы Анны Иоанновны был он уволен от службы с награждением бригадирским чином и пенсией и умер 1740 года в глубокой старости.

Геннин, генерал-поручик, голландский уроженец из Утрехта, оставшийся сиротою после отца своего и матери, был дядею своим представлен великому политику и амстердамскому бургомистру Ван Витсену, чтоб доставить ему место при Петре Великом, которой тогда находился в Амстердаме и с Ван Витсеном имел ежедневное и откровенное обхождение. Петр Великий, усмотревший в сем юноше природную способность и изрядное уже знание в химии и металлургии, взял его с собою, и искусством приобрел себе отменную царскую милость и долженствовал временно изустно рапортовать его величеству о работе, происходящей в литейном доме. Потом был он сделан офицером в Артиллерийском корпусе, где во время войны со шведами выслужился до артиллерийского полковника, а при последовавших правлениях произведен был генерал-поручиком и

кавалером ордена Св. Александра Невского. Он умер в Санкт-Петербурге, 1748.

К

Крамер, Анна Ивановна, дочь одного нарвского купца и судии в ратуше, с молодости своей по взятии россиянами отечественного её города была вывезена вглубь России. Она прибыла с родителями своими в Вологду при Двине, а несколько лет спустя в Казань к генералу Апраксину. От него была она послана в Петербург к генералу Балку в подарок, который спустя несколько времени отдал ее гофрейлине Гамильтон. После смерти сей (см. анекдот) приняла ее императрица Екатерина Алексеевна к себе первою камер-юнгферою, в котором звании приобрела она совершенную доверенность как от императора, так и от императрицы. Когда Петр Великий в 1716 году в провожании своей супруги отправился в Копенгаген и Голландию, то была она при её величестве и осталась с императрицею в Голландии, когда император предпринял путешествие в Париж. В последовавший год возвращения императорского двора в Петербург, когда несчастный царевич Алексей Петрович окончил дни свои под стражею в крепости, взял ее туда с собою император с генералом Вейде, где она долженствовала одеть тело умершего принца, которой потом на несколько дней публично был выставлен, После была она гофрейлиной и гофмейстериной принцессы Наталии и около Риги получила от императрицы в подарок деревню. По кончине помянутой принцессы, отъехала она в Нарву и, провождая там спокойную жизнь, умерла в 1770 году, имея от роду 76 лет.

Кормидон, Н. Н., иностранец, которого Петр Великий, при взятии герцогства Ингерманландии, застал искусным знатоком в медных и железных рудах, принял его в свою службу и с пользою употреблял при заложении разных заводов, а особенно императорского Летнего дворца в Петербурге. Он был еще под правлением императрицы Анны Иоанновны придворным интендантом над строением в придворной канцелярии и умер в 1740 году.

Кениг, голштинец, которой при Петре Великом приехал в Петербург и служил немецким секретарем у тогдашнего вице-канцлера барона Шафирова. Когда под государствованием императрицы Екатерины I герцог Голштинский с женою своею супругою, принцессою Анною Петровною, предпринял обратный путь в свое герцогство, то он вступил в его службу и сделался там советником коммерции. Когда императрица Елизавета Петровна взошла на отеческий престол и позвала к себе в Петербург племянника своего, голштинскаго наследника принца и малолетнего герцога, то вышел он из голштинской службы и отправился в Россию для снискания себе счастья. Пробыв без должности против желания своего целый год, получил он в 1744 год воеводское место в Якутске, по среди Сибири, отправлял сию должность несколько лет при богатом доходе с великою строгостью и умер там в 1751 году.

М

Мейер, Герман, знатный купец и банкир в Москве и Петербурге, которой, как прежде отец его и тесть Лют, был Петром Великим употребляем в вексельных делах, денежных пересылках, больших поставках и других торговых делах. Царь удостоивал его столь отменною милостью, что когда призывали его к нему в Сенат, приказывал ставить ему позади себя стул и ближе с ним разговаривать. Кредит его в государстве и вне оно, а особенно в Голландии и Англии столь был велик, что его всегда называли «богатым Мейером». Через частое его обхождение с царем, который во всех коммерческих делах с ним советовался, имел он счастье быть у монарха ходатаем за внутренних и иностранных. Он умер в 1749 году, оставив по себе сына, находящегося еще в живых, Мейера, искусного купца в Петербурге.

Миллер, Петр, старинный немецкой житель в Москве, отец коего при государствовании царя Алексей Михайловича и по милостивой его грамоте в Московской губернии за 90 верст от столицы содержал превосходный железный завод с выписанными из Брабанта мастеровыми и российскими работниками. Сия иностранная семья была в числе первых поселившихся в России для заведения нужных

фабрик. Железные их орудия состояли из нескольких плавильных печей и десяти водою действующих молотов: еще к осаде Азова и потом в продолжении двенадцатилетней Шведской войны поставляли они Петру Великому для его флота и войска в великом количестве железные пушки, мортиры, бомбы, ядра и пр. Часто разговаривал сей царь в Москве с сим нужным фабрикантом, а когда на пути своем находился поблизости его железных заводов, то редко их миновал. В одном из предшествующих анекдотов сказано, как сей великий монарх находился однажды несколько недель на сем заводе, употреблял тамошние целительные воды и к особенному своему удовольствию выучился ковать полосное железо и действительно несколько полос сковал. По сей причине имел помянутый фабрикант Петр Миллер, бывший царским крестником и названный по его имени, равным образом и брат его, Вернер Миллер, с своей юности по самую кончину Петра Великого довольно случаев быть часто с сим монархом. Он умер в глубокой старости в Москве 1745 года.

Р

Рейзер, природный померанец, по совершении учения своего в Гренфальдском университете отправился он в Швецию, где служил несколько лет секретарем при президенте королевской Горной коллегии и употребил в свою пользу имевшийся случай к познанию шведского горного строения. По кончине государя своего, когда уже давно возгорелась война между Петром Великим и шведами, оставил он Швецию, обратился в свое отечество, а оттуда в Петербург, где был представлен царю годным к тогдашнему заведению Берг-коллегии. Его величество сам с ним разговаривал, принял от него обстоятельное описание расположения шведского горного строения Берг-коллегии. Потом принял его царь в свою службу, поместив ассессором в новой Горной коллегии, в расположении коей прилагал больше всего Рейзер свое старание и часто о том имел случай говорить с его величеством. Потом был он посылаем в разные места Российского государства, где от части уже некоторые горные работы производились, а большею частью заложены быть имели. О сем долженствовал он рапортовать царю самолично, чрез что и имел случай часто быть у государя. Под царствованием императрицы Анны Иоанновны был Рейзер горным

советником и при императрице Елизавете Петровне вице-президентом Берг-коллегии. Он умер в глубокой старости в Москве 1755 года.

Рондо, великобританский резидент при Российском императорском дворе в последние годы Петра Великого, так же и в последовавшие царствования императрицы Екатерины I, Петра II и императрицы Анны Иоанновны, по самое начало правления императрицы Елизаветы Петровны. Петр Великий часто разговаривал с ним о коммерции, кораблестроении и о адмиралтейском расположении англичан. Он умер в Петербурге 1741 года. [\[206\]](#)

С

Сердюков, Михаил Иванов, родом монгол, был в молодых своих летах вывезен из Сибири некоторым российским купцом, которой, приведя его в православную российскую веру, принял к себе в услужение. Он доказал себя ему многие годы в своей умеренности, верности и прилежании так, что господин его дал ему некоторое число денег для отправления собственной небольшой торговли; посредством сего приобрел он себе довольно знатное имение и больше кредиту и пришел в состояние вступить в большую торговлю и казенные поставки, почему и записался он в Новгороде мещанином и купцом. Когда с точностью доставлял он многие поставки материалов к Ладожскому каналу и строению шлюзов в Вышнем Волочке и при том усмотрел, что Петр Великий весьма не был доволен приставленными к помянутой работе своими людьми, а особенно некоторым итальянцем, которой, сделав его величеству великие обещания, устоял весьма в малом, так же и худым успехом начатой работы, то предпринял он на себя, сообщаясь с несколькими новгородскими купцами, купное построение спроектированных каналов и шлюз, за что получил от царя позволение содержать на собственном иждивении пятнадцать кабаков со многими еще превосходными выгодами. Царь часто посещал его при предпринятой работе, разговаривал о том с ним, препровождал у него целые дни, а часто у него и ночевал и удостаивал его отменным своим покровительством и благоволением. Сей искусный и рачительный муж построился в Вышнем Волочке при главных шлюзах, которые всегда содержал в хорошем состоянии, а для

надзирания этих работ взял он так же своего сына Ивана Михайловича. Он жил там подобно лучшему дворянину и умер в глубокой старости 1748.

Т

Трубецкой, князь Иван Юрьевич, почтенный старый генерал, которой с молодости своей служил при Петре Великом в лейб-гвардии Преображенском полку; Петр Великий столь много имел к нему доверенности, что при последнем возмущении стрельцов, когда его сестра, принцесса София Алексеевна, яко виновница сего ужасного возмущения была заключена в Девичьем монастыре в Москве, вверил ему, яко гвардейскому капитану, стражу.

В самом начале шведской войны выступил он генерал-майором с Петром Великим в поход, при несчастной осаде города Нарвы попался в плен и послан был в Швецию, где много лет содержался. При замирении, последовавшем 1721 года, произвел его император генерал аншефом и взял в военной свой совет. При императрице Анне Иоанновне стал он фельдмаршалом и получил орден Св. Андрея Первозванного. Потом жил в спокойствии по 82 год жизни своей и умер в Петербурге 1751 года.

Ф

Фециус, голландец и искусный столяр, котораго принял Петр Великий в Амстердаме в свою службу и на российском корабле отослал в Петербург. Посеольку любимое упражнение императора было в частом посещении мастеров и их работ, а паче голландцев, коих язык он отменно любил и на оном только говорил, то и сей Фециус удостоился благосклонного его величества обхождения, а как мастерская его была при дворе, то ежедневно имел случай видеть и слышать императора. Он умер в глубокой старости в Петербурге 1745 года.

Ч

Черкасов, барон Иван Антонович, был с начала писцом в кабинете Петра Великого, которой употреблял его для внесения на бумагу изустных своих повелений. Поелику царь к нему привык, то

долженствовал он всегда быть при его величестве, почему он так же находился на втором царском путешествии в Голландию и Францию. По кончине Петра Великого остался он при императорском кабинете, под командою кабинетского секретаря и тайного советника Макарова. Во время царствования императрицы Анны Иоанновны сослали его в Казань и Астрахань, но уже по восшествии на родительский престол Елизаветы Петровны был он возвращен сею милосердною монархиней, которая не забыла ни одного верного слуги своего родителя, сделала его своим кабинетским секретарем, тайным советником, бароном и кавалером ордена Св. Александра Невского. В этом достоинстве умер он в Петербурге в 1760 году.

Ш

Шепелев, Дмитрий Андреевич, российской дворянин, которой почти с молодости служил в лейб-гвардии и был при Петре Великом. На втором путешествии монарха в Голландию и Францию 1716, 1717 годов, отправлял он должность походного маршала. Под правлением императрицы Анны Иоанновны стал он гофмаршалом и получил орден Св. Александра Невского, а императрица Елизавета Петровна пожаловала его потом обер-гофмаршалом и кавалером ордена Св. Андрея Первозванного. Он умер в Петербурге в 1755 году.

Шумахер, Даниил, родом из Колмогора в Елзасе, приехал в Петербург в 1710 году магистром философии из Страсбурга с одним родственником премного любимца Лефорта, тогда уже умершего. Там принял его к себе царский лейб-медик Арескин секретарем и библиотекарем, а когда сему вверено было смотрение над купленными Петром Великим Руинским и Збайским анатомическим и натуральным кабинетами, то представил он царю господина Шумахера надзирателем и библиотекарем, с которого времени он жил при новозаложенной библиотеке и натуральной Кунсткамере, женился на дочери обер-кухенмейстера и имел случай часто видеть и слышать царя. Он умер в глубокой старости в 1759 году.

Я

Ягужинский, граф Павел Иванович, был польского или литовского происхождения, родился в Москве в Немецкой слободе. Когда он едва достиг еще 18-летнего возраста, увидел его при случае царь и приметил в нем особенный дух бодрости и способности. Посем взял его монарх к себе и отдал его сперва в государственную канцелярию, а спустя несколько лет определил в лейб-гвардии, где он дослужился до офицера и при всяком случае приобретал себе милость и доверенность цареву. Его величество принял его сперва деньщиком и всегда при том употреблял в важных делах. Наконец поставил его царь в новоучрежденном Сенате генерал-прокурором. При всем том оставался он всегда офицером императорской гвардии и выслужился в воинском звании до генерал поручика. По смерти Петра Великого испытал он разные противности, от которых он однако всегда благополучно уклонялся. Под государствованием императрицы Анны Иоанновны был он отправлен в Берлин императорским российским послом к королевскому Прусскому двору, спустя несколько лет оттуда возвращен и объявлен кабинетским министром, в котором достоинстве он и умер в 1737 году и, по пристойности воинского звания, похоронен в Александро-Невском монастыре.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

notes

Примечания

Насколько я помню, в этой книге есть несколько Анекдотов, очень впечатляющих, которые демонстрируют истинный характер этого великого человека, все сходится в том, что все эти Анекдоты подлинные, по свидетельствам очевидцев, которые еще живы: и мне кажется, что они самодостаточны, чтобы рекомендовать к печати эту книгу, любопытные истории, которой будут поучительны для читателей, правители же смогут почерпнуть рецепты для своего правления.

Графини Марии Андреевны Румянцевой, внуки упоминаемого здесь боярина Артамона Матвеева.

3

Известно сие от Петра Миллера, железного заводчика, который был в тот самый день при царском дворе в Москве.

4

Известно сие от него Петра Миллера Вернерова сына.

5

От г. Шольца, штаб-лекаря при Измайловском полку.

Известно сие от Ивана Юрьевича Трубецкого, генерал фельдмаршала, которой был тогда капитаном лейбгвардии Преображенскаго полка и царем был отряжен к казни сих изменщиков.

От князя Ивана Юрьевича Трубецкого.

8

Известно это от английского резидента Рондо в Петербурге.

(*) Николай Витсен был не только Амстердамский бургомистр, но и один из знатнейших людей, великий политик и ученый Голландских и Вест-Фрисландских штатов. В молодости своей он находился при Голландском посольстве в Москве и представлен был царю Алексею Михайловичу. Это пребывание в России подало ему первый повод с великим иждивением, со многими трудами и посредством пространной переписки и обращения с купцами и с другими армянами, персами, турками, грузинами и проч. собирать в Амстердаме материалы для издания Географической карты Северо-Восточной Татарии, которую посвятил он и переслал молодому Царю Петру Алексеевичу еще прежде прибытия его в Голландию. Через несколько лет потом, в 1692 году выдал он в первый раз выдающееся свое сочинение, называемое «Северная и Восточная Татария», на голландском языке, Петр Великий в Голландии имел короткое знакомство с этим ученым и искусным в политике мужем и весьма пользовался ежедневным с ним общением. Витсен умер в 1717 году.

Известно это от голландца Гофи, любимого лекаря Петра Великого, которого его величество привез с собою из Голландии.

От Тайного Советника Веселовского.

От государственного канцлера графа Бестужева.

Известно это от Анны Ивановны Крамер, которая во время осады жила с родителями своими в Нарве; оттуда пленницею взята в Россию и по многих жизни переменх была в царском дворе придворною фрейлиною.

От городского синдика Валя и Бургомистра Эверса, данцигских депутатов, бывших в Петербурге при императрице Анне Иоанновне, при взятии Данцига российскими войсками в 1734 году.

От фельдмаршала графа Миниха.

От гофмаршала Дмитрия Андреевича Шепелева.

Людовику XV было тогда 7 лет. (*Прим. ред.*).

Имеется ввиду отмена Нантского эдикта в 1685 г.

Эти прекрасные обои, которые ценят в 6000 талеров, сохранены и поныне в целости. За несколько лет перед этим украшены ими были три стены в одном покое Императорского Зимнего Дворца в Петербурге.

Эти драгоценные книги Государь имел всегда в своем кабинете, а по смерти его отданы они в библиотеку Академии Наук.

От барона Черкасова, который при путешествии в Париж был при его величестве секретарем.

От барона Ивана Антоновича Черкасова.

Известно сие от князя Михаила Михайловича Щербатова, камергера и герольдмейстера Правительствующего сената.

От живописца Ксея.

От графа Павла Ивановича Ягужинского.

От Ревельского бургомистра Глейгильса.

Известно это от генерала-экипажмейстера Брюинса.

От Графа Ивана Григорьевича Чернышева; он же слышал это от старых членов Адмиралтейской Коллегии.

От графа Остермана.

Известно сие от бригадира Грота и от многих старых офицеров и других пожилых людей.

Известно сие от советника Шумахера, библиотекаря и главного надзирателя натуральной и художественной камеры.

От фельдмаршала Князя Трубецкого, также и от Адмиралтейского генерал-экипажмейстера Брюинса.

Известно сие от господина советника Шумахера, библиотекаря и главного надзирателя натуральной и художественной камеры.

От фельдмаршала графа Миниха.

От лейб-хирурга Яна Гофи.

Известно сие от адмиралтейского генерала-экипажмейстера Брюинса.

От генерала-экипажмейстера Брюйнса; также от Фельтена.

От графа Павла Ивановича Ягужинского, который рассказывал это за столом у Саксонского посланника, Графа Линара.

От камергера графа Девиера, сына упоминаемого здесь генерал-полицмейстера.

Известно сие от гофмаршала Дмитрия Андреевича Шепелева.

Вёршник – на Руси в старину конный наездник, всадник на службе у знатных и богатых людей, ездивший перед господским экипажем.

Известно сие от придворного интенданта Кормадона.

Оба эти превосходные портрета привезены были в Петербург, и в царствование императрицы Елизаветы Петровны часто видел я их у тогдашнего Канцлера Графа Воронцова.

Сей прекрасный портрет в 1773 году был привезен из Парижа в Петербург в собрании картин и куплен ее императорским величеством Екатериною II в числе других преизрядных картин.

Сии четыре картины подарены были от императрицы Екатерины I, Герцогу Голштинскому при вступлении его в супружество с царевною Анною Петровною. Он взял их с собою в Киль, оттуда сын его, великий князь Петр Феодорович – привез их с собою в Петербург и с отменным уважением хранил в своем кабинет.

От Барона Мардефельдта, племянника упомянутого Министра, который после сам был королевским прусским посланником при дворе императрицы Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны.

От капитана Крюйса, сына адмирала Крюйса.

От генерал-экипажмейстера Брюйнса.

Известно это от господина Кенига, бывшего тогдашним секретарем барона Шафирова, а потом от советника коммерции при дворе голштинского герцога.

От заводчика Петра Миллера.

От принца Людвиг Гессен-Гомбургского, бывшего после генерал-фельдцейхмейстером, тогда же находившегося вместе с государем в Персидском походе и в Казани.

От барона Мардефельдта, племянника упомянутого прусского посланника, который слышал это от него самого.

Известно сие от профессора Ломоносова, уроженца Колмогор, которому отец его, бывший тогда при сем случае, пересказывал.

В 1781 году, по повелению ее императорского величества Екатерины II построена на сем месте и на фундаменте упомянутого дома госпиталь для бедных больных и снабжен всем нужным для сего человеколюбивого учреждения.

От комиссара Бориса Федоровича Шаплыгина, которого я в старости его знал, как соседа мызы моей близ Калинкина.

От Г. Шлаттера, советника Монетной канцелярии.

От фельдмаршала графа Бутурлина, который был тогда при Государе денщиком».

Известно сие от министра кабинета графа Ягужинского.

От генерал-поручика Веймарна, который слышал оба сии анекдота в Варшаве от фамилии упомянутой г-жи Старостихи.

От библиотекаря Шумахера.

Только еще под государствованием блаженной памяти императрицы Анны Иоанновны и в силу её учреждений, были по особенному случаю препоручены церковные дела иностранных христианских вер Юстиц-коллегии лифляндских дел и поставлена над ними верховная Консистория: сему был поводом некоторый супружеский случай, когда одна часть недовольна была определением церковного совета и отнеслась апелляциею к Юстиц-коллегии, для подтверждения своего права.

Ади́фора (греч. ἀδιάφορος – «безразличное») – термин, обозначающий поступки человека, которые представляются как нравственно безразличные.

Известно сие от Германа Мейера, знаменитого московского купца.

От фельдмаршала князя Ивана Юрьевича Трубецкого.

От советника фон-Центровиуса.

Сие место в Сибири, при реке Иртыш, и поныне еще так называется по семи палатам, или комнатам, находившимся там между развалинами.

Тангúты (самоназвание ми, минья, тибетское название – миньяг, китайское – дансян или фань, тюрко-монгольское – тангут) – народ тибето-бирманской группы, говоривший на тангутском языке.

От Советника Шумахера, библиотекаря Академии Наук, который по повелению Петра Великого посылаем был в Париж к Аббату Биньону с упомянутым свитком.

От Нарвского купца Фридриха Крамера, который тогда между Нарвскими пленниками находился в Казани.

Петр Великий после Полтавского сражения писал из лагеря ввечеру в 9 часов письмо к Адмиралу Федору Матвеевичу Апраксину, в котором уведомлял его о великой победе, одержанной над Карлом XII. В сем письме (хранящемся у фамилии Апраксиных между многими другими собственноручными письмами его величества) особенно заслуживают внимания следующие слова, приписанные в конце: «Теперь с помощью Божиею положено основание строению Петербурга.» – Все сие письмо помещено между сими Анекдотами под N 113.

От генерал-экипажмейстера Брюйнса.

Снести, сир, снести (*франц.*).

От Господина де-Шварта, голландского резидента в Петербурге, заступившего сие место после упомянутого Господина де-Вилде, при котором он был тогда Секретарем Посольства.

Сей дом о двух этажах, из которых в одном жил государь, а в другом императрица с фамилиею, и поныне еще сохранен в честь великого его основателя. Императрица Елизавета Петровна приказала только пристроить к нему два флигеля с двумя большими залами и несколькими комнатами. Он служит памятником благородной простоты и умеренности великого Монарха, жившего в таком небольшом домике со своею супругою и двумя Царевнами.

От Архитектора Ферстера, который строил упомянутый замок и был там при сем случае.

Memoires de Branderbourg («Достопримечательности
Брандербкрга»)

От графа Бестужева, который тогда провожал его величество ко двору.

От генерала барона фон Лубраса.

От Лестока.

От архитектора Земцова.

От Камергера Древника, который сам был Императорским денщиком.

От Фельтена, первого кухмистра Петра Великого.

От купца и банкира Германа Мейера, который был за сим ужином.

От купца и банкира Германа Мейера

От Г. Вице-Президента барона фон-Вольфа.

От барона Ивана Антоновича Черкасова.

От барона Крама, который сам тогда был за столом у Государя, когда Его Величество сие рассказывал.

Известно сие от тайного советника Веселовского.

В сем году сад сей почти совсем опустошен был ужасною бурею и великим наводнением; высокие и густые деревья с корнем вырваны и одно на другое повержены; а упомянутые фигуры отчасти разбиты поверженными большими деревьями, отчасти же жестокостью бури и наводнением так повреждены, что после бури, когда деревья были подняты, подперты и утверждены по-прежнему, сих фигур совсем уже невозможно было поправить.

От тайного советника и главного директора над императорскими строениями и садами Александра Львовича Нарышкина.

Известно сие от генерал-экипажмейстера Брюинса.

От вице-адмирала Вильбоа.

Чухонцы, чухна. – Прежнее название эстонцев, а также карело-финского населения окрестностей Петербурга.

От фельдмаршала князя Ивана Юрьевича Трубецкого.

От вдовы помянутого пастора Рейхмута.

От фельдмаршала графа Миниха.

Гак – мера площади земли, которая использовалась в странах Прибалтики и происходит от нижненемецкого *Naaken* – «соха; пахать сохой». Самым распространённым был так называемый *крестьянский гак*, который составлял в Северной Эстонии в среднем 8–12 [га](#) посевной площади.

От фельдмаршала графа Миниха.

Под историческим названием «Ингерманландия» традиционно имеется в виду территория бассейна реки Невы, юго-восточного и восточного побережья Финского залива площадью около 15 000 кв км.

От библиотекаря Шумахера, зятя упомянутого Фелтена.

От советника Нартова.

Сей князь Долгоруков с молодых лет всегда находился при государе в военной службе и при разных случаях отличился великими заслугами. При неудачной первой осаде города Нарвы в 1700 году, будучи генерал-майором, взят он был шведами в полон; но нашел способ уйти и благополучно явиться к государю своему Петру Великому. – Сей же храбрый князь, впоследствии будучи первым сенатором, имел столько мужества и благоразумия, что прекратил чрезвычайную печаль Петра Великого о смерти наследника его, царевича Петра Петровича через то и избавил императрицу Екатерину I почти от отчаяния, а отечество от очевидной опасности.

От горного советника фон-Гейстера, который рассказывал о сем, как об известном тогда всему Петербургу происшествии.

Рапин Трокрас.

См. Английскую историю Рапина Трокраса, часть IV, стр 423.

См. Духовную В. Н. Татищева, сочиненную в 1733 и опубликованную в 1773 году.

Известно сие от генерал-экипажмейстера Брюинса.

От камергера Древника, зятя Фельтена.

Известно сие от Фуциуса, придворного при Петре Великом
столяра, видевшего ту казнь.

Известно сие от государственного канцлера графа Бестужева и от императорского кабинетного секретаря Ивана Антоновича Черкасова.

От обер-маршала графа Бриммера, которой тогда с герцогом находился в Москве.

От обер-гофмаршала графа Михаила Петровича Бестужева.

От графа Остермана.

Из уст ее величества Елизаветы Петровны.

От адмирала Ивана Лукьяновича Талызина.

Сия книга после при Академии Наук снова была переведена на русский язык и напечатана в 2 частях в 8 долю листа; но параграф о свойстве Российской нации в сем новом переводе совсем выпущен.

От графа Павла Ивановича Ягужинского.

Известно сие от генерал-поручика артиллерии господина Геннина.

От гг. почт-директора Ашева и штаб-лекаря Шульца, который тогда был лекарем при князе Меншикове и сам видел упомянутое в заключении сего анекдота происшествие.

От Г. Шульца, Штаб-лекаря Измайловского полка.

От барона фон-Мардефельта, племянника помянутого посланника.

От графа Павла Ивановича Ягужинского.

123

От Камергера Древника.

От Ивана Михайловича Сердюкова, сына упоминаемого в сем анекдоте.

От графа Ивана Григорьевича Чернышева, он же слышал от этом от своего родителя.

В рассуждении сего Академия Наук и первый свой полувековой юбилей праздновала публичным торжеством не в 1775, но в 1776 году в присутствии их императорских высочеств великого князя Павла Петровича и великой княгини Марии Феодоровны. К сему торжеству между прочими украшениями Академического здания сделана новая зала Академического собрания, расписанная водяными красками и представляющая великолепную галерею со столбами Коринфского ордера, между которыми изображены упражнения гениев в разных науках, которыми Академия занимается, означающая открытую Академию наук. На средней стене залы изображены четыре класса Академии с особыми своими признаками и все фигуры в естественную величину. Над ними же изображена Минерва с совершенным подобием лица её величества императрицы Екатерины II, спускающаяся на светлом облаке и держащая щит над помянутыми 4 фигурами.

От советника Шумахера.

Эрмитаж (Ermitage или Hermitage) – прославленное французское вино, получаемое из виноградников, разведенных на склонах Ронской долины, в коммуне Тэн (департамент Дрома). Виноградники доходят до 160 метров высоты над Роной и занимают площадь в 140 гектаров; почва под ними либо гранитная, либо аллювиальная, образованная из пудингов с примесью извести и проч. Наилучшими участками, доставляющими это превосходное вино красное и белое, считаются: Greffieux, Mèal, Bessard, Beaume, Rocoules, Murets, Diognières, Hermite, Pierrelle, Colombier и Varogne. Среднее производство вина всех виноградников Эрмитажа принимается в 2500 гектолитров, причем гектолитр красного вина, пускаемого в продажу спустя несколько лет (в бутылках – через 4 или 5 лет), оценивается в 200–400 франков. Для выделки *красных* вин идут следующие сорта винограда: Petite Syrah – лучшие вина, Grosse Syrah (Mondeuse) – обыкновенные вина, и многие др. Для *белых* вин идут: Roussanne, Marsanne, Clairette и др. Происхождение названия Эрмитаж относится к 1225 г., когда здесь был устроен Гаспаром де Штеримбергом скит (по-французски – ermitage).

Известно сие от барона Ивана Антоновича Черкасова.

Браба́нт (нидерл. Hertogdom Brabant, фр. Duché de Brabant) – исторический регион в Исторических Нидерландах. Герцогство включало в себя территорию трёх современных провинций Бельгии (Фламандский Брабант, Валлонский Брабант, Антверпен), современного Брюссельского столичного региона, а также нидерландской провинции Северный Брабант.

Известно сие от надворного советника и придворного лекаря Паульсона, которой умер 1780 года, имея от рождения больше 80 лет.

От Германа Каув-Бюргера, племянника славного Бюргера и лейб-медика императрицы Елизаветы Петровны.

У сей шляпы на поле находится дыра, которая, как сказывают, пробита пулею на одном сражении во время Шведской войны. В 1775 году ландграфиня Гессен-Дармштадская, удостоив своим посещением Академическую кунсткамеру, с удивлением несколько времени рассматривала помянутое изображение Петра Великого; а как я показывал ей сию шляпу, то её светлость, будучи весьма тронута, взяла ее у меня из рук, поцеловала и сказала с восхищением: «O le grand homme!» [«О, этот великий человек!» – франц.].

Шпонтон, эспонтон – это холодное древковое оружие, довольно схожий по внешнему виду с более распространенным протазаном. Перо наконечника эспонтонна плоское и широкое, имеющее горизонтальную поперечину с загибами вверх и вниз.

Сказывают, что сделанные в 1704 году в Париже искусным венецианцем Коронелли для Кардинала д'Этре два глобуса, находящиеся ныне в нижней зале Королевской библиотеки, не уступают величиною упоминаемому здесь Готторпскому глобусу, однако ж сей глобус имеет то преимущество, что на нем одном изображено все, что на тех обоих изображено, а именно: на выпуклой его поверхности снаружи представлен весь шар земной, а на вдавшейся поверхности внутри представлены все звезды так, как они видны на небе на Северной и Южной долготе.

Пулпет (нем.) – 1) школьная парта (устар.), 2) стол с наклонной крышкой.

Т.е. пала подобно древнегреческому заносчивому герою Фазтону.

Императрица Анна Иоанновна верила астрологическим предсказаниям, предположительно потому, что некогда курляндский математик и сочинитель календарей доктор Бухнер предсказал о восшествии ее на Российский престол в такое время, когда она ни малой надежды на то не имела. Её Величество часто присылала в Академию наук такие вопросы и задачи. Академия обыкновенно поручала отвечать на сии вопросы и решать задачи бывшему тогда профессором математики и экспериментальной физики Г. Крафту, который по сему случаю прилежно занимался Астрологией и по принятым в оной правилам делал иногда удивительные решения.

Во время продолжительной дурной погоды Императрица часто присылала в Академию спрашивать, когда погода переменится? Профессор Крафт всегда отвечал на сии вопросы по Астрологическим выкладкам; как-то он публично в Академии сказывал, и ответы его обыкновенно служили к утверждению Императрицы в доверии её к Академии.

Осенью в 1731 году по обыкновению напечатан был Петербургской календарь на следующий 1732 год. Сочинитель включил в него предсказание, что Нева в марте месяце вскрыется, и назначил число. Когда календарь вышел и сие предсказание в нем было примечено, все читатели удивились отважному предсказанию г. профессора. Приятели его шутили над тем в компаниях. Однако же он был тверд в своем уверении и при всех шутках только улыбался и отвечал: «что я написал, то написано, и лед... марта пройдет. Дня за два до назначенного числа шутили над ним, ибо не было еще и виду, чтобы предсказание могло исполниться. «Что мне в том нужды, – отвечал он: – послезавтра лед равно пойдет». Назначенный день наступил, лед пошел и весь Петербург удивился точному исполнению за полгода до напечатанного предсказания. Господин Крафт говорил с прежнею улыбкою: «Не сказывал ли я, что лед в этот день должен пойти? К чему бы годилось мое искусство, если бы мой прогноз не сбылся? Но за жестокосердие и неверие ваше, впредь ничего уже предсказывать не буду».

Billet de S. Mr. le Chambellan de Shouvaloff, á Mr. de Stehlin

Il y a déjà quelques tems, que vous m'avez promis de faire traduire les Anecdotes de Pierre le Grand, qui sont chez vous, de l'Allemand en Frangois Ainsis je me flatte de les recevoir bientôt Cependant Comme je voudrais envoyer tous les maneriaux nécessaires à Mr. de Voltaire au plutôt possible, ainsi j'ai l'honneur de vous réitérer mes prières la dessus: et si ces Anecdotes ne sont pas encore traduits, Je vous prie de m'envoyer les feuilles à proportion qu'elles seront prêtes. Je compte sur votre amitié, que vous me serez ce plaisir, et serez toujours assuré, que je suis avec la plus parfaite considération.

Monseigneur

Peterhof, Votre tres humble et

de 29 Mai 1759 tres obeissant Serviteur

I. Shouvaloff

Известно сие от вышеупомянутого Ивана Неплюева.

Странно однако же, что Г. Миллер, столь впрочем благоразумный изыскатель древностей и происшествий исторических, отрицает справедливость оной рукописи, равно как и того, чтобы герой наш не был в потешной роте своей барабанщиком, называя и то и другое баснею, от Страленберга выдуманною. Сие Г. Миллера мнение подтверждает и другой не меньше важный писатель Г. Болтин, в книге своей на Леклерка; но отдавая сим толико именитым мужам всю справедливость, не можно отнюдь согласиться с ними о сем мнении. Они не хотели, как видно, взять на себя труда рассмотреть, что рукопись оная и общее о сем же предание старее Страленберга, которой писал свою Историю в Сибири, куда он после плена своего под Полтавою был сослан; а рукопись Крёкшина писана им до 1709 года и взята из записок первых лет царствования монарха, и общего о том предания, о котором без сомнения наслышался от россиян и Г. Страленберг, среди которых он несколько лет прожил. Хотя же и то правда, что сей швед не из числа достойных во всем вероятно писатель; но сия самая недостоверность его более еще подтверждает справедливость рукописи оной. Он выдумывал только то одно, чем бы мог очернить славу великого государя, приписывая ему из мщениа, яко победителю соотчичей его, жестокость и другие пороки; но выдумывать ему такие происшествия, которые не только не обесславливают его, но делают еще ему и честь, Отнюдь не совместно с ненавистью к России сего писателя. Да и как может придти в голову пленному иностранцу такая странность, ежели б он не наслышался о ней от самих россиян.

Впрочем повествуемое рукописью Крёкшина подтверждали и многие почтенные старцы, а Г. Крёкшин о справедливости сего не однократно уверял клятвенно; какое же может быть большее сего удостоверение, когда современники великого государя согласно утверждали сие? Да и в причине, наведшей страх младому Государю, ничего нет странного и невероятного.

Девушка сия, по смерти Царевны, через несколько лет (1704) постриглась в том же монастыре, наречена Ефросиньею, и в глубокой старости скончалась перед сим не более как лет да пять. Она всегда сие рассказывала всем знакомым своим; некоторые из них и по ныне живы, которые сами сие слышанное от нее рассказывали другим; и я бы мог наименовать их, но нет на то их воли.

Клит Чёрный (380–328 до н. э.) – военачальник и личный друг Александра Великого, которого тот убил в запальчивости после словесной перепалки.

Адмиральша Марья Иоанновна Головина, невестка Ивана Михайловича Головина же, любимца государева слышала сие от сего свекра своего, бывшего сему очевидцем и между прочим рассказывала сие отцу своему духовному, почтенному протоиерею Архангельского Собора, Петру Алексеевичу, от которого сообщено сие и мне.

Заговор Циклера и Соковнина был раскрыт в августе 1689 года.

Происшествие сие передано сыном сего денщика, капитаном Иваном Васильевичем Дурновым, слышавшим это от отца своего, бывшего тому очевидцем, и сообщено от покойного действительного статского советника Михаила Ивановича Веревкина.

См. Дополнения к Деяниям Петра Великого. Том. XI. стр. 68 и 69.

Из особ, сообщивших сей анекдот, первый был почтенный старец Бухвостов, Императорской библиотеки Библиотекарь; а последние два: Комиссар Крекшин и действительный статский советник Михайло Иванович Веревкин, который уверял, что наслышался об оном в последнем происшествии от современников же Петра Великого, и от Адмирала Алексея Ивановича Нагаева.

О сем же самом упоминает и Г. Татищев в предисловии своем на I Том Истории Российской.

Амиант (греч. Amiantos) – минерал волокнистого сложения, то же, что горный лен, асбест.

От комиссара Крекшина: и Г. Болтина в I Томе на Леклерка уверяет, что слышался о сем от многих стариков.

От адмиральши Марьи Иоанновны Головиной, слышанной ею от свекра своего адмирала Ивана Михайловича Головина же, и от духовного ее отца протоиерея Архангельского Собора, Петра Алексеевича.

Особа сия есть адмирал Иван Михайлович Головин. Его невестка Марья Иоанновна Головина, сие слышанное от него рассказывала в том числе и отцу своему духовному, протоиерею Архангельского Собора, Петру Алексеевичу.

Сия речь Государева записана и у Иоан. Георгия Корбе, Секретаря Посольства Цесарскаго, бывшего в 1698 году в Москве, как видно из ученых Деяний, писанных на латинском языке (См. Acta Editorum Lipsiensia an. 1708); все прочее взято из предания, сообщенного Протоиереем Петром Алексеевичем.

Полпиво— это легкое, слабое пиво, в котором при приготовлении в затор наливается вдвое больше воды. Вот и получается напиток в два раза пожиже, а алкоголя там почти вовсе нет.

От той же Адмиральши слышанное ею от свекра же своего, она к сему прибавила, что сей Юрлов в Вологде постригся в монахи и наречен Львом; что способности и разум его, а может быть, и данные ему от Царицы червонцы, отличили его при доме архиерейском; что проходя разные духовные должности, достиг он наконец до сана архиерейского в Воронежскую епархию. И так, продолжала она, хотя и избавился он от наказания государева, но суд Божий наказал его: он поссорился с губернатором, и оба друг другу искали погибели. По вступлении на престол императрицы Анны Иоановны, губернатор тот, получив об этом из Сената указ, послал к архиерею, чтобы он был в соборе для молебствия о вступлении императрицы на престол, для приведения чиновников и граждан к присяге; но архиерей от того отрекся неполучением от своего правительства о том указа. Губернатор снова велел ему сказать, что он получил из Сената указ, которому должен он верить; однако ж к несчастью архиерей презрел то, сказав, что будет ожидать о том указа из Святейшего Синода.

Губернатор, отправив нарочного в Сенат курьера, описал самыми черными красками то от– речение его. Сие было причиною того, что архиепископ Лев был лишен архиерейства и священства, взят в Москву, где был высечен кнутом и сослан в ссылку. И хотя в царствование императрицы Елизаветы Петровны, в конце 1742 года, он был из ссылки возвращен и архиерейство ему было вновь дано, одноко же без епархии, и жил он в Знаменском монастыре по смерть свою.

Три сии Анекдота сообщены от Воронежских старожил.

Особа сия есть господин генерал-майор Бахметев, а издателю доставил сей Анекдот внук его, действительный статский советник Иван Иванович Бахметевъ же, многократно сие слышавший от того досшойного Петра Великого слуги, а своего деда.

От действительного тайного советника Ивана Ивановича Неплюева, и о сем же самом кратко упоминает и Г. Татищев в примечании своем на Судебник стр. 84; но жаль, что первый забыл, нотораго города был сей купец, и фамилию его; да и другой о сем не упоминает.

От Г. статского советника Ивана Алексеевича Ушакова, удостоверенного о сем происшествии от дяди своего родного, Ильи Федоровича Ушакова, служившего при Петре Великом, в Преображенском его полку солдатом и каптенармусом.

Ис. 117:22.

Сие же самое происшествие рассказывал и Г. Крекшин.

Иные относят сие открытие до коронации великой супруги его величества, но кажется, укрывание этого столь долгое время невозможно и не должно было, в рассуждении столь великих государственных нужд, какова была описанная здесь, и каковые встречались в продолжение Шведской войны.

Анекдот сей сообщен от его сиятельства, князя Александра Александровича Прозоровского.

От почтеннаго старца, Московскаго купца и фабриканта Ивана Михайловича Полуярославцева, слышавшего сие от голландскаго купца, его приятеля, Г. Гутфеля, комиссионера его величества.

От почтенного московского купца Ситникова, имевшего дружбу по торговле с помянутым английским купцом Томсеном и компаниею, а мне доставлен от сына его Семена Дмитриевича Ситникова.

Предание о сем сохраняется у Малороссийского духовенства, от которого слышал сие Протоиерей Архангельского Собора Петр Алексеевич.

От Г. Крекшина, уверявшего в истине сего происшествия.

От Г. Коллежского Советника Василия Братищева. Сей Анекдот сокращенно напечатан и в «Меркурии» С.-Петербургском. Часть IV, Стр. 174.

От Г. Крекшина. И сие же сокращерно помещено в «Меркурии» Санкт-Петербургском.

От действительного статского советника Михаила Ивановича Веревкина. Я сам имел удовольствие слышать об этом от знаменитой графини Марьи Андреевны; но поскольку не думал я тогда писать деяний героя нашего, то к сожалению моему и не за-писал того, а по прошествии немалого времени всего слышанного мною от ее сиятельства припомнить не мог; следственно утверждаюсь токмо на Г. Веревкина.

Сыном героя этого анекдота был граф Пётр Александрович Румянцев-Задунайский (1725–1796) – русский полководец и военный теоретик. Генерал-фельдмаршал. Кавалер орденов российских Св. ап. Андрея Первозванного (1762), Св. Георгия 1-го класса (1770), Св. Владимира 1-й степени (1782), Св. Александра Невского (1759), Св. Анны (1762) и прусского Чёрного орла (1776). Почётный член Императорской Академии наук и художеств (1776).

Анекдот сей пересказывал сам Г. Полозов, бывший уже в глубокой старости.

Сообщено от сына его Алексея Ивановича Полуярославцева, который сие от родителя своего часто слышал.

Каразея – реденькая и грубая шерстяная ткань, с косой ниткой, на подкладку под сукно.

Сии два Анекдота сообщены от Московского купца Михайлы Андреевича Мамонова, которой слышал это от самого Г. Серикова.

От ближнего сродника сего Алферова, Калужского же купца Ефима Алферова, слышавшего сие от самого отдатчика.

Иосиф Древодел, Обручник (Иосиф Плотник) – согласно Новому Завету (Мф. 1:18 и след.), обручённый муж Пресвятой Богородицы, святой покровитель плотников и корабелов.

От адмирала Алексея Ивановича Нагаева.

От сына сего Лапшина, Ивана.

От Крекшина.

В числе освободившихся с Князем показанным образом из плена, находятся и Олонецкий купец, по прозванию Чаблин; сего Чаблина, как ревностного участника в решимости князя. Великий Государь содержал до смерти его в великой милости. Родственники сего Чаблина доставили сеи Анекдот, подтвержденный и Адмиралом Алексеем Ивановичем Нагаевым.

Происшествие сие записано со слов новгородского дворянина Флора Исаковича Неплюева; а по том получено сие и на письме от Ректора Новгородской Семинарии, Архимандрита Транквиллина.

От адмирала Алексея Ивановича Нагаева.

Ратсгер – член городского самоуправления.

От [Матф. 25:36](#)

Василий Никитич Татищев, достойнейший всего сего свидетель.

Древняя история рассказывает, что Александр Македонский во время ссоры убил своего друга Клита, о чем позже горько сожалел.

Анекдот сей сообщен от г-на статского советника Ивана Алексеевича Ушакова, который он слышал от дяди своего Ильи Федоровича Ушакова же, служившего при сем Великом Государе в гвардии.

Два сии Анекдота сообщены г-ном адмиралом Алексеем Ивановичем Нагаевым, служившим при сем же великом государе; они же засвидетельствованы Аврамом Петровичем Ганнибалом.

От действительного статского советника Веревкина, слышанное им от родственников упомянутого Федора Васильевича Наумова.

От сенатора Григория Николаевича Теплова.

Александр Македонский по одержании одной из побед своих пригласил храбрейших своих офицеров к столу своему и предложил награждение тому из них, кто более выпьет. Промах выпил всех больше, и получил за сие золотой венец; но торжество его продолжалось недолго: он через три дня от сей победы своей умер и его смерть последуема была еще 40 человеками из тех кои оспаривали у него честь в сем локальном сражении.

От действительного тайного советника Ивана Ивановича
Неплюева.

От Флора Исаковича Неплюева.

Фридрих II, Король Пруссии, названный Великим, весьма отличался в этом случае от героя нашего. Описывающий характер графа Герцберга, министра его, вот как изъясняется о нём: «Министр сей, в предначертаниях видов, в составлении планов и в кабинетных делах был крайне ограничен ревностью короля, которой хотел один всему быть виновником и самоправителем. Многие хорошие планы, которые можно бы здесь привести, предложенные им королю, не были приняты от него; ибо известно, что Фридрих II неохотно смотрел, когда кто предускорял его мысли, и он тогда делал противное». От чего же сие происходило? От того по мнению моему, что тот любил больше мнимую славу, на самолюбии основанную, а наш Герой любил больше отечество нежели славу.

Матвей Андреевич.

От потомка названного купца, г-на Михаила Абрамовича
Евсина.

От суконного фабриканта г-на Серикова.

Известно сие от Михайлы Ивановича Сердюкова.

В особом Анекдоте увидим о сем обстоятельнее.

Бывший воевода в Нерчинске, глава Сибирского приказа, Московский комендант, генеральный президент и Сибирских провинций судья, бывший Сибирский губернатор, Матвей Гагарин был повешен 27 (16 по старому стилю) марта 1721 года в Санкт-Петербурге в присутствии Петра I и сенаторов. Ему инкриминировались сепаратизм, коррупция, вывод денег за границу. Лондонские счета Гагарина, утверждают, были много круче зарубежных счетов князя Меншикова, умудрившегося вывести за кордон 9 миллионов рублей – это два с половиной тогдашних годовых бюджета страны. *(прим. ред.)*.

От г-на Крѣкшина.

19 (29) декабря 1699 года Пётр I указал началом года считать 1 января. Этим указом летоисчисление «от сотворения мира» царь указал заменить на летоисчисление от рождества Христова. Таким образом 7208 год от сотворения мира стал 1700 годом от Рождества Христова. Соответственно, Крымский поход произошёл в 7197 году, который по европейскому летоисчислению был 1691 годом.

У основной массы россиян отчество имело следующий вид: Михайлов сын, Петров сын. Городские и уездные низшие чины по отчеству не назывались. Поэтому наименование князя Яков Федорович было само по себе почетным.

От его супруги, которая была весьма остроумная женщина и возвратилась по смерти его в Англию, вышли в свет 1776 года Английские и Французские письма (*Lettres d'une Dame ecrites a ses amis en Angleterre in 12*), писанные ею во время её пребывания в Петербурге и Москве к откровенным друзьям в Англию и заключающая в себе много анекдотов о императрице Анне Иоанновне, о герцоге Курляндском и Мекленбургской принцессе Анне.